

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН
ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Научное издание

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ

ВЫПУСК ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ

Ближний Восток и современность
(выпуск тридцать шестой)
М., 2008, 340 стр.

Ответственные редакторы: А.О. Филоник, М.Р. Арунова

Сборник посвящен широкому кругу проблем, связанных с ситуацией на Ближнем и Среднем Востоке. Предлагаемые статьи являются исследованием конкретных вопросов странового и общего порядка, имеющих актуальное научное и практическое значение и раскрывающих суть некоторых явлений и процессов локального и регионального масштабов.

Книга предназначена для специалистов-востоковедов, а также для всех тех, кто следит за динамикой событий в ближневосточном регионе.

Мнение авторов статей может не совпадать с точкой зрения Института.

ISBN 978-5-89282-370-8
ISBN 978-5-89394-197-5

ISBN 978-5-89282-370-8
ISBN 978 5-89394-197-5

Москва
2008

© Институт Востоковедения РАН
© Институт Ближнего Востока

СОДЕРЖАНИЕ

М.Р.Арунова К ВОПРОСУ УЧАСТИЯ ТАДЖИКИСТАНА В ВОССТАНОВЛЕНИИ АФГАНИСТАНА.....	5
И.М.Батыршин ВАЛЮТНАЯ ПОЛИТИКА СТРАН ССАГПЗ В УСЛОВИЯХ СНИЖАЮЩЕГОСЯ КУРСА ДОЛЛАРА.....	13
О.И.Жигалина «КУРДСКАЯ УГРОЗА» ИРАНУ И ПУТИ ЕЕ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ.....	25
Г.М.Зиганшина К ИТОГАМ ПРЕЗИДЕНТСКИХ И ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ В ТУРЦИИ В 2007 г.	36
В.В.Куделев ВОССТАНИЕ ТУАРЕГОВ В МАЛИ И НИГЕРЕ: ВОЗМОЖНЫЕ ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ.....	62
В.Ю.Кукушкин МОЖНО ЛИ «ЗАСТАВИТЬ» БЛИЖНИЙ ВОСТОК СНАБЖАТЬ НЕФТЬЮ РАХ AMERICANA?	71
А.И.Куприн ИНФОРМАЦИОННЫЕ И ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В АЛЖИРСКОМ ОБЩЕСТВЕ.....	83
А.Г.Майко ЕГИПЕТ И ИЗРАИЛЬ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....	96
И.В.Масюкова ИЗРАИЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО: РЕЛИГИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИММИГРАНТОВ... ..	112
В.И.Месамед КАЗАХСТАНО-ИРАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ИТОГИ И ПРОБЛЕМЫ.....	121
М.В.Минц О ПОЛОЖЕНИИ КОПТОВ В СОВРЕМЕННОМ ЕГИПТЕ.....	137
Д.А.Нечитайло ИСЛАМ ВО ФРАНЦИИ.....	154
Д.С.Пархомчук РОССИЙСКО-ИЗРАИЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СФЕРЕ ДОБЫЧИ И ОБРАБОТКИ АЛМАЗОВ.....	179
А.Б.Подцероб ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ СТРАН МАГРИБА.....	203
В.В.Сергеев ВЗГЛЯДЫ ЗАПАДНОЙ КОАЛИЦИИ НА СИТУАЦИЮ С ПРОИЗВОДСТВОМ АФГАНСКОГО ОПИУМА В 2007 г.	240
И.Н.Серенко ПАКИСТАНСКАЯ МОЛОДЕЖЬ КАК РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕЖДУНАРОДНОГО ИСЛАМИЗМА.....	249
П.А.Синовец ЯДЕРНЫЙ АРСЕНАЛ ПАКИСТАНА И СТАБИЛЬНОСТЬ СИСТЕМЫ ЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ В ЮЖНОЙ АЗИИ.....	256
К.А.Ткаченко РАЗВИТИЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ФРГ С АРАБСКИМИ СТРАНАМИ.....	273
О.Е.Трофимова ЭКОНОМИКА ЙЕМЕНА: РЕЗУЛЬТАТЫ ВЫПОЛНЕНИЯ ПЛАНОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ.....	282
Н.Ушакова ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ИТАЛИИ В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА.....	296
А.О.Филоник ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ИМПЕРАТИВЫ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЕГИПТА.....	309

М.Р.Арунова

К ВОПРОСУ УЧАСТИЯ ТАДЖИКИСТАНА В ВОССТАНОВЛЕНИИ АФГАНИСТАНА

Решение проблем возрождения Афганистана и собственное участие в этом процессе руководство Республики Таджикистан (РТ) считает одним из основных направлений своей внешней политики. При этом мотивом особого отношения РТ к ИРА являются не только и не столько общие исторические, языковые и культурные корни, как это принято было считать ранее, а национальные жизненные интересы Таджикистана, желание иметь безопасное и благоприятное геополитическое окружение.

В основу стратегической линии «Таджикистан – Афганистан» положено адекватное восприятие афганского социума, понимание сложности конфигурации сил и различных политических и религиозных течений в соседней стране, динамики развития обстановки, а также многообразие структурных компонентов афганского общества. Исходя из этого, таджикское руководство стремится осуществлять комплексный подход к урегулированию внутренних конфликтов в ИРА, что позволит ему налаживать двусторонние добрососедские отношения. Как видится, по мнению таджикской стороны, мировое сообщество в настоящее время не имеет такого подхода к решению афганских проблем и поэтому не может добиться каких-либо позитивных результатов в этом направлении.

С начала антитеррористической операции в октябре 2001 г. Таджикистан взял на себя обеспечение доставки международной гуманитарной помощи населению Афганистана, упростил таможенные и пограничные процедуры, а также предоставил свое воздушное и наземное пространство для осуществления силами международной коалиции спасательных и гуманитарных операций.

Одним из наиболее важных и эффективных шагов на пути постконфликтного восстановления Афганистана руководство Таджикистана, как видится, считает реализацию конкретных экономических проектов в этой стране. За последние годы правительство республики проработало вопросы координации программ помощи

и провоза товаров в Афганистан через территорию Таджикистана. В рамках ЭКО был создан Специальный фонд по Афганистану для осуществления координации с Таджикистаном. В 2002 г. министерство экономики и торговли совместно с другими заинтересованными министерствами и ведомствами РТ занималось реализацией гуманитарной помощи, предоставленной правительством Японии в сумме 2 млн. японских йен для помощи афганским беженцам, которые находились на границе с Таджикистаном. С этого периода и поныне большое количество гуманитарных грузов перевозится через территорию Таджикистана в Афганистан. С этой целью построены три моста через реку Пяндж (Дарваз, Тем, Ишкашим), ныне строятся еще два моста (Нижний Пяндж и Кокул).

В стране созданы межведомственные комиссии по поставкам товаров в Афганистан и по организации приграничной торговли. На границе с Афганистаном работают три пункта приграничной торговли: в кишлаках Рузвай Дарвазского района, Тем (вблизи Хорога), Ишкашим, в ближайшее время намечено открыть пункт в кишлаке Лангар. Эти пункты имеют важное значение для северных провинций Афганистана (Бадахшан, Тахар, Кундуз и др.), в которых отсутствует автомобильное сообщение. В настоящее время представители КНР заявили о намерении осуществить поставки товаров в Афганистан через названные пункты и мосты.

Принятые меры привели к расширению торговли между странами. Так, если в 1998 г. товарооборот между Таджикистаном и Афганистаном составлял 1,0 млн. долл. США, а в 2002 г. (после свержения режима движения «Талибан») возрос до 6,4 млн. долл., то в 2006 г. объем достиг почти 20 млн. долл.

Однако нельзя не подчеркнуть, что на нынешнем этапе РТ не в состоянии выступать в качестве донора по восстановлению Афганистана, так как сама испытывает значительные трудности, в том числе и в экономике. Тем не менее в Таджикистане полагают, что республика располагает реальными возможностями по оказанию помощи южному соседу по следующим основным направлениям:

1. Поставка продукции

Предприятия Таджикистана намерены поставлять в Афганистан продукцию отечественного производства (изделия из алюминия, генераторы, кабель и провода, кирпич, цемент и др.), а также необходимые товары из третьих стран. Минэкономразвития

и торговли РТ подготовило и предложило афганской стороне проект межправительственного Соглашения по сотрудничеству в области торговли. После определения афганской стороной своих потребностей в товарах, производимых в Таджикистане, и привлечения средств стран-доноров в рамках программы послевоенного восстановления Афганистана имеется реальная возможность расширить поставки товаров, а также наладить новые производства по выпуску товаров для Афганистана.

2. Энергетика

Еще в марте 2002 г. между министерством энергетики Таджикистана и министерством водного хозяйства и энергетики Афганистана был подписан Протокол о восстановлении линий электропередач и строительстве новых объектов. На ранней стадии реализации этого проекта энергетическая компания «Барки Точик» в виде исключения завершила работы по восстановлению линий электропередач на сумму 300 тыс. долл. Была достигнута договоренность, что после решения вопроса о финансировании проекта таджикская сторона продолжит работу по строительству двух ЛЭП – 220 кВт и 500 кВт от границы Таджикистана до г. Кабул и границы Пакистана, а также ЛЭП 110 кВт до Имомсохиба и далее до Файзабада.

В то же время министерство энергетики РТ провело переговоры о возобновлении поставок природного газа из Афганистана в размере 2 млрд. куб. метров и прокладке трубопровода протяженностью 110–120 км с природного месторождения газа Шибирган (ИРА) до Колхозобада. Для реализации данного проекта требуются капиталовложения не менее 15–17 млн. долл. Впоследствии Таджикистан получит возможность погашения инвестиций (кредита) доноров за счет экспорта электроэнергии в Афганистан. Как считают в Душанбе, освоенные газовые месторождения ИРА составляют 22 млрд. куб. метров. Поставки газа из Афганистана в Таджикистан могут быть обеспечены в рамках недавно подписанного между главами государств Афганистана, Туркменистана и Пакистана Соглашения о строительстве трубопровода по транспортировке природного газа из Туркмении в Пакистан. Проект оценивается в 2 млрд. долл. с пропускной способностью в 30 млрд. куб. метров. Общая протяженность трубопровода 1500 км и в будущем не исключается его продолжение до Индии. Специалисты РТ высказывают заинтересованность в участии при реализации данного проекта.

Взамен Таджикистан намерен предоставлять Афганистану свои гидроэнергоресурсы. В рамках межправительственного соглашения по продаже электроэнергии в Афганистан было поставлено: в 2003 г. – 10420 тыс. кВт. час., в 2004 г. – 27744 тыс. кВт. час., в 2005 г. – 39212 тыс. кВт. час., а в 2006 г. – около 50 млн. кВт. час. И это при том, что сам Таджикистан ежегодно испытывает все больший дефицит электроэнергии на внутреннем рынке. В феврале 2006 г. было подписано соглашение о сотрудничестве между Минэнерго РТ и Минэнерго и водных ресурсов ИРА. Цель данного соглашения – создать условия для строительства новых ЛЭП между двумя странами, реализации контрактов купли-продажи электроэнергии, в том числе продажи в конце 2008 г. через Афганистан в Пакистан и другие страны региона 300 МВт таджикской электроэнергии и наращивания этого количества в 2009 г. до 1000–1200 МВт. Для реализации поставленных целей осуществляется строительство ГЭС Сангтуда-1 и Сангтуда-2, решается вопрос с Рогунской ГЭС, намечается возведение Даштиджумской гидроэлектростанции. В настоящее время в Таджикистане строятся линии электропередач «Юг – Север» и «Хатлон – Лолазор», которые позволят в будущем обеспечить экспорт электроэнергии в Кабул и далее – Пешавар (Пакистан). В октябре 2006 г. в ходе международной конференции по региональному энергетическому рынку гидроресурсов было подписано таджикско-афганское соглашение о строительстве ЛЭП 220 кВт от подстанции ОАКХ «Барки Точик», расположенной рядом с ГЭС Сангтуда-1, до подстанции «ДАБМ» в афганском Кундузе.

Таджикские энергетики полагают, что после ввода в строй новых гидроэлектростанций основной поток импорта электроэнергии будет направляться или в Афганистан, или транзитом через эту страну в другие государства Южной Азии.

1–3 августа 2007 г. Душанбе посетил министр энергетики и водных ресурсов Афганистана А.М. Исмаилхан. В ходе переговоров таджикская сторона подтвердила готовность (несмотря на имеющийся дефицит в самой стране) продолжить экспорт электроэнергии в Афганистан в объеме 200 МВт, а после ввода в эксплуатацию первой очереди Сангтудинской ГЭС-1 увеличить объемы поставок до 300 МВт. Заключен контракт на поставки таджикской электроэнергии в афганскую провинцию Бадахшан и развитие там смежных распределительных сетей, причем этот проект финансируется фондом Ага Хана.

Подписано также соглашение по строительству ЛЭП 220 кВт от каскада Сангтудинских ГЭС до Шерхана (провинция Кундуз).

Работы на этом участке, видимо, будут завершены в ближайшее время, следующий – через Пули-Хумри до Кабула – планируется сдать в ноябре 2008 г. Стоимость проекта составит 109 млн. долл., основной инвестор – Азиатский банк развития.

Был рассмотрен и перспективный план строительства ЛЭП 765 КВ Рогун – Хорог – Вахан – Пешавар (в дальнейшем к ней планируется подключение Даштиджумской ГЭС) и ЛЭП 500 КВ Рогун – Сангтуда – Кундуз – Мазари-Шариф – Герат – Мешхед. Именно эти ЛЭП, по замыслам Душанбе, должны будут обеспечить основной поток электроэнергии от строящихся Сангтудинских ГЭС-1 и ГЭС-2 и планируемых к возведению Рогунской и Даштиджумской ГЭС к афганским, пакистанским, а также иранским потребителям. Финансирование перечисленных проектов планируют осуществлять Всемирный банк, Азиатский банк развития, Исламский банк развития, правительства Таджикистана и Афганистана, а также ряд других организаций и стран из числа доноров Афганистана.

3. Совместное водопользование

В Таджикистане полагают, что вопросы обеспечения питьевой и поливной водой для Афганистана являются проблемой номер один. При этом отмечается, что РТ и ИРА имеют несомненные возможности для сотрудничества в области рационального использования приграничных водных ресурсов. Это взаимодействие в будущем может открыть большие возможности для орошения неиспользованных земель как в Таджикистане, так и в Афганистане. В этом плане стратегически важным является строительство ГЭС на границе Таджикистана и Афганистана. Водоохранилища, воздвигаемые на приграничных реках, могут обеспечить орошение земель, особенно на севере Афганистана, которые заброшены на протяжении длительного периода времени.

4. Развитие транспортных коридоров

С учетом протяженности совместной границы (1026 км) можно рассматривать Таджикистан как один из основных транзитных путей в Афганистан. Для этого необходимо начать строительство новых автодорог к построенным мостам в Бадахшане, развивать сеть дорог и инфраструктуры. Таджикские подрядчики заинтере-

сованы участвовать в строительстве этих сооружений. Между двумя странами имеется договоренность относительно организации совместных предприятий по строительству дорог в приграничной зоне, ремонту автомашин «КАМАЗ», перевозки гуманитарных грузов и др.

26 августа 2007 г. состоялась церемония открытия моста через р. Пяндж между населенными пунктами Нижний Пяндж (Таджикистан) и Шерхан-Бандар (Афганистан), в которой принимали участие президенты Таджикистана и Афганистана, а также министр торговли США К. Гутиеррес и помощник Госсекретаря США по вопросам Центральной и Южной Азии А. Баучер. Мост длиной 672 метра, шириной 11 метров с пропускной способностью до 1 тысячи машин в сутки построен при финансовой помощи США (около 37 млн. долл.). Действовавшая же до сих пор паромная переправа обслуживала не более 50 автомобилей в день.

С этим объектом, который по аналогии с подобным между Термезом и Хайратоном назвали «Мостом Дружбы», афганцы связывают большие надежды на активизацию торговли с государствами Центральной Азии.

Помимо сугубо торгово-экономических факторов эксперты усматривают в этом событии серьезные геополитические аспекты.

Для Вашингтона этот проект является важным шагом на пути реализации идеи «Большой Центральной Азии». Прокладывание нового транспортного коридора «Север-Юг» полностью соответствует планам США по перенацеливанию транспортных и энергетических потоков, традиционно идущих в Афганистан, Пакистан и Индию из стран Центральной Азии.

Сотрудничество в области авиатранспорта таджикское руководство, также считает одним из основных вкладов Таджикистана в восстановление Афганистана. С февраля 2003 года выполняются авиарейсы по маршруту Душанбе-Кабул.

5. Сельское хозяйство

Принимая во внимание схожие условия и климат для развития сельского хозяйства, Таджикистан имеет широкие возможности для сотрудничества с Афганистаном в следующих областях: распространение опыта по выращиванию хлопка, обеспечение качественными посевными материалами, предоставление сель-

скохозяйственной техники, а также содействие восстановлению садоводства и пчеловодства.

Кроме того, отмечается, что Таджикистан располагает широкими возможностями для подготовки специалистов среднего звена и высшей квалификации по многим специальностям для Афганистана. Такое сотрудничество имеет давнюю историю и практически не прекращалось до сегодняшнего дня. Многие афганские студенты проходят в Таджикистане обучение в вузах медицинского, политехнического и аграрного профилей.

В целом анализ заявлений и высказываний представителей руководства Таджикистана о внешнеполитическом курсе в отношении соседнего Афганистана, а также реальных шагов в деле сегодняшнего восстановления этой страны дает основания сделать вывод о декларативности большинства из них. Таджикистан, экономика которого напрямую зависит от иностранных инвестиций, сам переживает тяжелейший энергетический кризис, а из заявленных проектов по строительству новых ГЭС в настоящее время реализуется только один – Сангтуда-1. В этой ситуации обещание значительных объемов электроэнергии Афганистану, потребности которого в этой сфере обеспечиваются только на шесть процентов, как минимум, преждевременно, а реальные успехи Таджикистана в деле восстановления афганской экономики можно будет оценить лишь после того, как развитие экономики РТ, в том числе и в области энергетики, достигнет необходимого уровня.

Рассматривая вопросы таджикско-афганских отношений, нельзя не коснуться проблем наркотрафика из Афганистана в Таджикистан и далее в Россию и страны Запада. Нельзя не отметить, что в 2007 г., по данным ООН (Управление по незаконным оборотам наркотиков и преступности), площади наркопосевов в Афганистане увеличились по сравнению с 2006 г. на 17% и достигли 193 тыс. га, а производство опиатов составило 8200 тонн (1170 тонн в героиновом эквиваленте). После отзыва российских пограничников (по просьбе таджикской стороны) с территории Таджикистана у границ с Афганистаном существенно сократилась эффективность деятельности погранслужбы Таджикистана. Это, кстати, отметил и представитель Еврокомиссии в Казахстане, Киргизии и Таджикистане, побывавший в августе 2007 г. в Душанбе. Приведем конкретные примеры. Так, в 2006 г. таджикским пограничникам удалось изъять на границе с Афганистаном лишь 220 кг героина, а за первое полугодие 2007 г. всего 70 кг. Что же

касается 2004 г., когда границу охраняли российские пограничники, то ими были конфискованы 2 тонны героина.

Как свидетельствует практика, достаточно успешной, на наш взгляд, является предложенная Россией модель нейтрализации афганской наркоугрозы. Наша страна является инициатором разработки международной комплексной программы, включающей в себя все стадии производства и незаконного оборота наркотиков – от посевов опийного мака до сбыта готовой продукции. Эта инициатива нашла свое закрепление в концепции антинаркотических и финансовых поясов безопасности по всему периметру афганских границ, включая границу с Таджикистаном. Ряд мер (в первую очередь операция "Канал", осуществляемая ОДКБ) позволил усложнить наркодельцам условия наркотрафика на северных рубежах Афганистана и снизить площади наркопосевов в северных афганских провинциях, в том числе и вблизи границ с Таджикистаном. Как представляется, и таджикской стороне также было бы целесообразно увеличить активность в деле пресечения наркотрафика из Афганистана.

И.М.Батыршин

ВАЛЮТНАЯ ПОЛИТИКА СТРАН ССАГПЗ В УСЛОВИЯХ СНИЖАЮЩЕГОСЯ КУРСА ДОЛЛАРА

Страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ – Бахрейн, Катар, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты, Оман и Саудовская Аравия) в последнее время все более остро сталкиваются с проблемой снижения курса доллара на мировых валютных рынках. Так, за январь-октябрь 2007 г. доллар США снизился почти на 8,5% по отношению к евро (1,2999 – в среднем за январь 2007 г. и 1,4183 – в среднем за октябрь 2007 г.)¹, достигнув исторического минимума в 1,43 долл. за евро. Тенденция снижения курса доллара наблюдается уже более пяти последних лет, и большинство макроэкономических показателей США свидетельствуют о том, что доллар будет продолжать дешеветь и в дальнейшем.

В этой связи необходимо отметить, что с 2003 г. странами-членами ССАГПЗ установлены фиксированные курсы своих валют по отношению к доллару. В ОАЭ курс был зафиксирован в 1980 г., в Катаре и Бахрейне – в 1981 г., в Омане – в 1986 г., в Саудовской Аравии – в 1987 г. Последней страной Совета сотрудничества, закрепившей курс своей национальной валюты по отношению к доллару, в 2003 г. стал Кувейт.

Таблица

Курсы валют стран ССАГПЗ по отношению к американскому доллару, 2003–2007 гг.

ОАЭ	Бахрейн	Саудовская Аравия	Оман	Катар	Кувейт
3,6725	0,3760	3,7450	0,3845	3,6400	0,310–0,289*

* Кувейт зафиксировал курс в рамках коридора +/-3,5%.

Источник: AMF Statistical Review 2003.

Закрепление курсов арабских валют по отношению к доллару имело целью способствовать созданию валютного союза в рамках ССАГПЗ, которое планировалось к 2010 г. Вы-

бор американского доллара в качестве базы для привязки арабских валют был обусловлен главным образом тем, что цены на нефть, доходы от которой составляют львиную долю экспортных поступлений государств аравийской шестерки, устанавливаются в долларах. Кроме того, исторически сложилось, что большая часть зарубежных активов этих стран, превышающих, по некоторым оценкам, 1,5 трлн. долл.², также деноминирована в американской валюте.

Однако перманентное снижение курса доллара, а также действия Федеральной резервной системы США (ФРС) привели к тому, что странам Совета сотрудничества становится все сложнее поддерживать жесткую привязку своих валют к доллару. Так, подобная политика подразумевает, что странам аравийской шестерки для сохранения стабильности финансовой системы необходимо координировать действия своих центральных банков с мерами, предпринимаемыми ФРС. Снижение ставки рефинансирования ФРС США создает дополнительное давление на валюты стран ССАГПЗ при условии сохранения ими данных ставок неизменными. К примеру, в сентябре 2007 г. США снизили учетную ставку на 50 базисных пунктов до 4,75%, Саудовская Аравия же не последовала за ними, сохранив данный показатель на уровне 5,5%. Такая ситуация создает спред саудовского риала по отношению к американскому доллару в 75 базисных пунктов по сравнению с 36 базисными пунктами в среднем за последние 15 лет.³ Данное обстоятельство, безусловно, усиливает спекулятивное давление на саудовский риал, в результате чего его спот-курс по отношению к доллару достиг своего максимума с 1986 г., на уровне 3,7405 саудовских риала за доллар. Дальнейшее укрепление саудовской валюты до уровня 3,74 и выше уже потребует валютных интервенций со стороны Центрального банка Королевства.

Вообще в текущих условиях монетарная политика ФРС США создает существенные трудности в сфере валютного регулирования стран ССАГПЗ. Так, Оман и Бахрейн наряду с Саудовской Аравией заявили о том, что не будут снижать учетную ставку в соответствии с мерами, принятыми США. Остальные же страны аравийской шестерки последовали мерам ФРС во избежание роста спекулятивного давления на их валюты. Например, дирхам ОАЭ достиг пятилетнего максимума на уровне 3,6682 дирхама за доллар после снижения ставки рефинансирования американским правительством и стабилизи-

ровался на уровне 3,6700 только после аналогичных мер центрального банка ОАЭ (двукратное снижение ставки по государственным депозитным сертификатам на 25 базисных пунктов).⁴ Кувейт также снизил ставку рефинансирования на 50 базисных пунктов с 5,25% до 4,75% вслед за ФРС США.

Таким образом, страны Совета сотрудничества оказались в определенной степени заложниками политики фиксированных курсов по отношению к доллару. С одной стороны, отказ от приведения своей монетарной политики в соответствие с американской ведет к усилению спекулятивного давления на их валюты за счет разницы в ставках рефинансирования. С другой стороны, снижение учетной ставки вслед за ФРС США ведет к усилению инфляционных процессов за счет снижения банковских процентных ставок и увеличения денежной массы в обращении. Именно высокие темпы инфляции являются одной из наиболее острых проблем для аравийских монархий в настоящее время. В этой связи необходимо отметить, что снижение курса доллара по отношению к другим мировым валютам приводит к эффекту «импортированной инфляции», когда импорт товаров и услуг из других стран мира, помимо США, дорожает из-за снижения курсов аравийских валют, также теряющих в стоимости вслед за долларом. К примеру, ЕС является крупнейшим торговым партнером ССАГПЗ, а за 2006 г. валюты стран Совета сотрудничества подешевели на 22% по отношению к евро. Считается также, что за первые 9 месяцев 2007 г. стоимость импорта из стран ЕС для государств ССАГПЗ выросла на 15–20%. Можно отметить, что импорт Саудовской Аравии в 2003 г. лишь на 30% принадлежал США и странам ССАГПЗ и, соответственно, не подвергался эффекту «импортированной» инфляции. 32% импортных поставок Королевства шли из ЕС, 11% – из Японии и 26% – из прочих стран мира, валюты которых постоянно укреплялись по отношению к доллару. Более того, 44% от общего объема импорта Саудовской Аравии составляли товары промежуточной степени обработки, а еще 17% импорта – капитальные товары. Рост цен на эти сегменты импорта приводит к увеличению производственных затрат, что оказывает дополнительное повышательное давление на потребительские цены готовой продукции. Безусловно, в аналогичных условиях страны ССАГПЗ находились и раньше, с момента фиксирования своих курсов по отношению к доллару, однако до настоящего времени комплексное воздействие этих двух факторов не выходило за пределы допустимого и ожидаемого.

Так, в сентябре 2007 г. ставка рефинансирования была снижена ФРС США впервые с 2003 г. для преодоления кредитного кризиса и стимулирования экономического развития. Эти шаги совпали с рекордными для стран аравийской шестерки темпами инфляции за несколько лет, что было вызвано существенным увеличением ликвидных средств в экономике этих государств за счет роста притока нефтяных средств (среднемесячные цены на справочную «корзину ОПЕК» в июне-сентябре 2007 г. колебались в пределах 67–78 долл. за баррель)⁵ и возросшими объемами государственных расходов. Инфляция в Саудовской Аравии за 2006 г. достигла рекордного за последние 7 лет показателя, а в ОАЭ – за последние 19 лет. В среднем по странам ССАГПЗ этот индикатор за аналогичный период составил 6% по сравнению с менее чем 2% в 2003 г. За январь-сентябрь 2007 г. инфляция в ОАЭ составила 9,3%, в Катаре – 11,3%, Омане – 6%, Саудовской Аравии – 4%. Средний показатель инфляции за 1980–2006 гг., измеренный по паритетах покупательной способности, был 1,9%, а арифметическая средняя за этот же период достигла 2,4%.⁶ Значительную роль сыграл и эффект «импортированной инфляции», который особенно актуален для аравийских монархий в виду неразвитости их производственной базы и, соответственно, большой зависимости от импорта товаров и услуг, за счет которого обесценивается большая часть внутреннего потребления.

В такой ситуации для поддержания внутреннего и внешнего баланса Саудовской Аравии и Оману, заявивших о своих намерениях не снижать учетную ставку вслед за ФРС США, придется осуществлять валютные интервенции с целью поддержания курса их национальных валют к доллару в рамках установленных фиксированных значений. Страны ССАГПЗ обладают существенными золотовалютными резервами, позволяющими им более или менее безболезненно осуществлять валютные интервенции, однако подобная политика может применяться только в достаточно короткие промежутки времени и не применима в долгосрочном плане. Таким образом, при сохранении текущего соотношения факторов внешнего (обменные курсы) и внутреннего (инфляция) характера страны ССАГПЗ, скорее всего, будут выбирать из следующих вариантов: 1) приведение своей монетарной политики в соответствие с мерами, предпринимаемыми ФРС США; 2) ревальвация национальных валют по отношению к доллару с сохранением в дальнейшем

политики фиксированных курсов; 3) отказ от привязки национальных валют к доллару и последующая либерализация валютных режимов либо привязка к другой валюте или корзине валют. Каждый из приведенных вариантов имеет положительные и отрицательные черты.

Первый вариант наиболее вероятен в силу консерватизма правящих элит аравийских монархий. Негативным эффектом в этом случае является сохранение высоких темпов инфляции и отсутствие жестких рычагов в монетарной политике. Представляется, что страны ССАГПЗ способны поддерживать «статус-кво» еще на протяжении довольно длительного промежутка времени, однако такая политика несет в себе довольно значительные риски, связанные с возможным усилением инфляционных процессов. Так, ожидается, что ФРС и дальше продолжит снижать ставку рефинансирования для поддержания внутренней экономики, испытывающей кризис кредитования, и постепенно ослаблять доллар для выравнивания отрицательного сальдо по текущим счетам. Подобные меры американского правительства, безусловно, приведут к усилению инфляционных процессов в государствах Совета сотрудничества, что может стать довольно серьезной проблемой для этих стран. В то же время высокопоставленные чиновники Центральные банки аравийской шестерки заявляют, что резкий рост инфляции в этих странах обусловлен главным образом такими внутренними факторами, как масштабные государственные расходы на развитие инфраструктуры, возросшие цены на недвижимость и высокие темпы импорта рабочей силы, а «импортированная» инфляция не превышает 35% от общего уровня инфляции. В пример можно привести активно развивающийся за счет добычи природного газа Катар, в котором инфляция в 2004 г. составила 9,5%, в то время как снижение курса доллара еще не представляло настолько серьезную проблему для аравийских монархий.⁷ Рост арендной платы в Саудовской Аравии за январь-август 2007 г. составил 12,1%, тогда как цены на продуктовые товары выросли всего на 6,6%, в ОАЭ за 2005 г. аренда жилья подорожала более чем на 50%. Нельзя недооценивать еще один фактор, не позволяющий странам ССАГПЗ эффективно бороться с инфляционными процессами, который выражается в ограниченных возможностях Центральные банки стран аравийской шестерки по абсорбции избыточной ликвидности при помощи жестких монетарных мер из-за следования политике фиксированных курсов.

Одним из способов преодоления «импортированной инфляции» является ревальвация национальных валют стран аравийской шестерки. Так, в настоящее время, по оценкам экспертов, валюты Бахрейна и ОАЭ недооценены на 10–15%, Омана и Саудовской Аравии – 25–30%, Кувейта и Катара находятся в рамках «справедливой» цены. Ревальвация подразумевает пересмотр обменных курсов по отношению к доллару с целью выравнивания курсов по отношению к другим мировым валютам (главным образом евро и иене) с последующим сохранением жесткой привязки к доллару. Завышение курсов аравийских валют обусловлено тем, что экономика этих стран и США, монетарной политике которых они вынуждены следовать, находится в разных циклах экономического развития. Так, национальное хозяйство стран ССАГПЗ испытывает подъем за счет роста поступлений от экспорта нефти, тогда как экономика США находится в стадии рецессии, и политика ФРС направлена на поддержание экономики и стимулирование роста в этой сфере. В результате укрепление курсов аравийских валют, обусловленное экономическими факторами, в совокупности с ослаблением доллара ведет к диспропорциям в балансе по текущим счетам государств Совета сотрудничества. Растущий приток капиталов в эти страны в последние годы благодаря активным мерам по либерализации экономического регулирования также повышает спрос на национальные валюты аравийской шестерки и в условиях фиксированных курсов создает необходимость проведения валютных интервенций Центральными банками этих стран и еще более подгоняет инфляцию. Следует также отметить, что ревальвация курсов национальных валют не окажет негативного воздействия на экспорт аравийской шестерки из-за специфики главных экспортных наименований – нефти и нефтепродуктов.

Ревальвация по отношению к доллару приведет к снижению доходов населения, деноминированных в национальных валютах, снизит уровни государственного и частного потребления, притормозит инвестиционный процесс и тем самым будет способствовать снижению инфляции. Побочными эффектами такой меры могут стать замедление темпов экономического роста, что вряд ли существенно скажется на экономике аравийских монархий, сильно разогретой быстро растущими нефтяными доходами, а также возможным снижением притока зарубежных капиталов, что вызывает наибольшие опасения

правлящих элит аравийских стран. В то же время устойчивое снижение курса национальных валют также оказывает негативное воздействие на инвестиционный процесс в долгосрочной перспективе. Так, стоимость капитальных и сырьевых товаров, а также товаров промежуточной степени обработки, большая часть которых импортируется странами ССАГПЗ из-за неразвитости их ресурсной и производственной базы, будет расти за счет эффекта «импортированной» инфляции и, соответственно, производственные издержки также будут увеличиваться, в результате чего инвестиционная привлекательность этих стран будет падать. Ревальвация также может привести к потере темпов развития нефтегазового сектора в государствах аравийской шестерки из-за удорожания местных товаров по сравнению с импортными и, соответственно, снижения их конкурентоспособности. Это особенно актуально для ОАЭ и Бахрейна, которые делают ставку на диверсификацию экономики и уже достигли определенных успехов в этом направлении. К примеру, в 2007 г. до 35% от общего экспорта ОАЭ составляли товары, не связанные с добычей и переработкой нефти. Тем не менее представляется, что потеря конкурентоспособности окажется незначительной, так как развитие нефтегазового сектора активно поддерживается правительствами этих стран и стимулируется за счет мультипликации растущих нефтяных доходов.

Некоторые эксперты отмечают, что ревальвация невыгодна экономическому и политическому лидеру Совета сотрудничества – Саудовской Аравии, так как Королевство, практически не имея внешних заимствований, несет бремя большого внутреннего долга. В этой ситуации рост курса саудовского риала, в котором производятся расчеты по внутренним займам, по отношению к доллару, в котором государство получает основную часть доходов, может означать увеличение кредитной нагрузки на государственную казну и негативно скажется на экономическом развитии страны. Однако такие доводы представляются необоснованными, так как, во-первых, Королевство каждый год получает рекордные доходы от экспорта нефти и несколько лет подряд имеет бюджет со значительным профицитом, и, во-вторых, внутренний долг с 2003 г., когда он достигал угрожающего уровня в 92%, снизился до 30% ВВП.

Государства ССАГПЗ мотивируют свое нежелание проводить ревальвацию национальных валют тем обстоятельством, что фиксированные курсы по отношению к доллару на протя-

жении почти 20 последних лет способствовали укреплению инвестиционного климата и поддержанию стабильности во внешнеторговой сфере. Ревальвация же может привести к снижению притока зарубежного капитала за счет удорожания внутренних активов и возникновения валютных рисков для американских инвесторов, а также перераспределению внешнеторговых потоков. Тем не менее представляется, что в дальнейшем недооцененность аравийских валют будет увеличиваться за счет растущего притока капитала, вызванного экономическими реформами в этих странах, устойчивого и довольно значительного профицита бюджета и счетов по внешнеторговым операциям, обусловленного стабильно высокими ценами на нефть. Все это при условии сохранения неизменных курсов национальных валют к доллару будет усиливать дисбаланс в валютной сфере и вынуждать центральные банки этих стран принимать меры по восстановлению «справедливой» стоимости своих валют.

Ревальвация с сохранением привязки к доллару является единичной мерой по стабилизации обменных курсов, и в случае продолжения тенденции к удешевлению доллара возникает вероятность неоднократного ее применения, что только усилит негативность такого решения.

Минимизировать отрицательное воздействие неоднократной ревальвации страны аравийской шестерки могут, изменив «базу», на основе которой будут фиксироваться курсы. Такой «базой» может стать как другая валюта, так и корзина валют. В качестве альтернативы доллару чаще всего рассматривается евро, который представляет крупнейшего торгового партнера ССАГПЗ. Но привязка к евро вряд ли является оптимальным решением, так как просто изменяет «базу», на основе которой будут определяться курсы аравийских валют, но не предоставляет центральным банкам этих стран каких-то дополнительных возможностей по проведению более активной монетарной политики. В этом случае более приемлемым выглядит закрепление курсов по отношению к корзине валют, так как этот шаг предоставит большую гибкость в вопросах реагирования на изменения курсов мировых валют.

Именно по пути отвязки курса национальной валюты от доллара пошел Кувейт, первым из стран ССАГПЗ заявивший в мае 2007 г., что он возвращается к политике установления курса на основе корзины валют (которую он проводил до 2003 г.).

Состав данной корзины не разглашается, однако известно, что доллар имеет в ней наибольший вес. В результате с момента отказа от долларовой привязки курс кувейтского динара по отношению к американской валюте вырос на 3,32% к сентябрю 2007 г., а уже к июню 2007 г. правительству удалось снизить уровень потребительской инфляции с рекордного уровня за последние 12 лет. Кувейт также был первым и пока единственным членом Совета сотрудничества, прибегнувшим к ревальвации в мае 2006 г., объявив о повышении курса динара к доллару на 1%.

Тем не менее действия Кувейта вызвали недовольство других стран-членов ССАГПЗ, так как стали причиной повышения давления на их валюты в связи с ожиданиями аналогичных мер от центральных банков этих государств. Саудовская Аравия, ОАЭ, Бахрейн поспешили заявить о том, что они не собираются отказываться от политики фиксированных курсов по отношению к доллару, однако многие эксперты уверены, что рано или поздно этим государствам придется последовать примеру Кувейта. Первыми на эти меры могут пойти ОАЭ и Катар, инфляционные процессы в которых наиболее сильны. Вероятность того, что это могло произойти в 2007 г., оценивалось экспертами «И-Эф-Джи – Гермес» в 15%, и в 40% – в 2008 г.

Стоит отметить, что Кувейт изменил «базу» привязки своей валюты без согласования с другими странами-членами ССАГПЗ. Так, по соглашению государств Совета сотрудничества они обязывались поддерживать фиксированные курсы своих валют по отношению к доллару и координировать политику в этой сфере с целью создания к 2010 г. валютного союза. основополагающим критерием для достижения этой цели было наличие именно общей «базы», на основе которой рассчитывались курсы валют. Выход же Кувейта из этого соглашения создал значительные препятствия в процессе достижения необходимых показателей конвергенции между странами ССАГПЗ, необходимых для введения единой валюты. Так, вряд ли Кувейт вернется к долларовой привязке, следовательно, аравийской шестерке придется искать новую «базу», на основе которой будут объединены их национальные валюты. В результате, по мнению директора Центрального банка ОАЭ, валютный союз в рамках ССАГПЗ маловероятен даже к 2015 г. Для объективности надо отметить, что и при сохранении Кувейтом долларовой привязки валютный союз

сталкивался со значительными трудностями, вызванными падением курса доллара. В пример можно привести высокие темпы инфляции, максимальный показатель которой был установлен странами ССАГПЗ на уровне 3%, существенные различия в монетарной политике, вызванные неоднородной реакцией центральных банков аравийских монархий на действия ФРС США, и другие.

В ответ на действия Кувейта МВФ поспешил предостеречь аравийские монархии от отмены политики фиксированных курсов по отношению к доллару, мотивировав это возможными финансовыми потерями от снижения нефтяных поступлений и увеличения импорта. Кроме того, могут существенно возрасти (по отношению к государственным доходам, получаемым в долларах) переводы денег на родину иностранными рабочими, составляющими значительную часть численности рабочей силы аравийских монархий. Даже в текущих условиях утечка капитала является серьезной проблемой для стран ССАГПЗ, а ее негативное воздействие может усилиться с ростом курсов аравийских валют к доллару. Реакция МВФ понятна, так как в настоящее время аравийские монархии осуществляют мощную поддержку доллару своей валютной политикой, и отмена долларовой привязки их валют может привести к масштабным глобальным экономическим последствиям. Вывод существенных объемов долларовых активов из золотовалютных резервов (ЗВР) этих стран может еще сильнее подорвать позиции доллара на международных биржах и привести к его дальнейшему ускоренному падению.

Страны ССАГПЗ уже стали частично переводить свои золотовалютные резервы из долларов в евро и золото. В 2005 г. совокупный объем ЗВР аравийских монархий составлял 250 млрд. долл. и более 70% их были представлены долларом.⁸ Однако постоянно снижающийся курс доллара вынуждает эти страны диверсифицировать свои валютные запасы для поддержания внешнеэкономической стабильности. О своем стремлении к увеличению доли евро в ЗВР уже высказывались центральные банки ОАЭ, Катара, Бахрейна, Кувейта и Омана. Только Саудовская Аравия, золотовалютные резервы которой достигали 150,3 млрд. долл. в 2005 г. и 220 млрд. долл. в 2006 г., заявляет об отсутствии планов по уменьшению доли долларовых активов в ЗВР. ОАЭ, к примеру, имеющие ЗВР на 23,5 млрд. долл., 98% которых до недавнего времени были деноминированы в доллары, заявили

в 2006 г. о постепенном переводе 10% долларовых активов в евро (2,3 млрд. долл.). Катар в 2007 г. увеличил запасы золота в 5 раз до уровня 66 млн. долл.

Стоит отметить, что опасения МВФ небеспопеченны, так как уменьшение доли долларовых активов в золотовалютных резервах различных стран мира уже привело к значительному снижению курса американской валюты. Так, страны ОПЕК с 2001 по 2004 гг. снизили долю долларовых средств в ЗВР с 75% до 61,5%.

Отход аравийских монархий от политики фиксированных курсов к доллару может также стать еще одним доводом при обсуждении вопроса о переводе расчетов по нефти из долларов в евро и другие свободно конвертируемые валюты. Так, в настоящее время нефтяные доходы, составляющие 70–90% всех экспортных поступлений стран ССАГПЗ, деноминированы в доллары. Соответственно, снижение курса доллара приводит к уменьшению реальных доходов этих государств. К примеру, в 2002 г. средняя цена корзины ОПЕК выросла на 5,4% в долларовом выражении, тогда как американская валюта за этот год обесценилась на 5% по отношению к евро. В 2003 г. аналогичные показатели составили 15,5% и 16,3% соответственно, то есть цена на нефть, выраженная в евро, даже снизилась.⁹ Частичный перевод ценообразования на нефть в евро может стабилизировать реальные доходы стран ССАГПЗ. Так, катарская государственная нефтяная компания «Катар Петролеум» в 2007 г. начала принимать платежи за нефть в евро и фунтах стерлингов. В то же время Саудовская Аравия постоянно подтверждает свое негативное отношение к идее перевода платежей за нефть из доллара в евро.

Таким образом, отмена фиксированных курсов по отношению к доллару представляется наименее вероятным сценарием из-за роли доллара в качестве основной валюты расчетов по сделкам с нефтью. Помимо очевидного снижения нефтяных доходов при деноминации их в национальные валюты стран аравийской шестерки, отход от привязки к доллару приведет к возникновению валютного риска для аравийских инвесторов, большая часть сбережений которых исторически также находится в долларовых активах.

Представляется, что страны ССАГПЗ, будучи политическим союзником США и находясь в тесной экономической зависимости от доллара, будут стараться всеми силами

поддерживать американскую валюту. Большие объемы золотовалютных резервов, высокие темпы роста народного хозяйства и позитивный прогноз экономического развития позволяют предположить, что аравийские монархии смогут еще довольно долгое время поддерживать статус-кво. Среди мер, которые позволят государствам Совета сотрудничества поддерживать экономическую стабильность при условии сохранения долларовой привязки национальных валют, можно отметить координацию государственных расходов для снижения местного потребления, ускорение жилищного строительства для обуздания темпов роста арендных платежей, а также улучшение регионального распределения строительных материалов, которые являются основным подстрекателем товарной инфляции в этих странах. Большинство таких мер предполагает снижение расходов и, соответственно, снизит темпы экономического роста.

Таким образом, текущая ситуация при условии дальнейшего удешевления доллара не может сохраняться в долгосрочном периоде из-за потребности корректировки курсов валют этих стран, снижения темпов инфляционных процессов и поддержания экономического роста. В то же время, по оценкам специалистов МВФ, США для снижения отношения отрицательного сальдо торгового баланса к ВВП на 1% необходима девальвация доллара на 10–20%. Сейчас же отношение дефицита по текущим счетам к ВВП в США достигает 6%, что позволяет с большой долей уверенности прогнозировать и дальнейшее устойчивое снижение доллара. В результате этого страны ССАГПЗ рано или поздно встанут перед необходимостью реформ валютной политики и минимизации вытекающих из этого негативных последствий.

¹ <http://www.x-rates.com/d/EUR/USD/hist2007.html>

² Agency for Middle East Business Information (AMEINFO), 13.05.2001.

³ Reuters, 22.09.2007.

⁴ Reuters, 25.09.2007.

⁵ <http://www.opec.org/home/basket.aspx>

⁶ Standard Chartered Bank, 25.09.2007.

⁷ Middle East and North Africa Financial News, 27.03.2005.

⁸ Khaleej Times, 05.04.2006.

⁹ Arab News, 05.04.2004.

О.И.Жигалина

«КУРДСКАЯ УГРОЗА» ИРАНУ И ПУТИ ЕЕ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ

Иран рассматривает курдское автономистское движение как деструктивный политический фактор. То, что в Тегеране называют «курдская угроза», связывается с подготовкой к более широкой войне между региональными державами и странами Запада за приоритетное положение в Западной Азии. В связи с этим иранское руководство борется с курдской оппозицией по крайней мере в трех направлениях – на собственной территории, по периметру границ с Ираком и Турцией и на дальних подступах – в Иракском Курдистане, который считает оплотом американских и израильских позиций в регионе.

По мнению некоторых зарубежных аналитиков, по крайней мере три курдские группировки вряд ли могут быть причислены к вассалам двух курдских руководителей – М.Барзани и Дж. Талабани. Это – Партия свободной жизни Курдистана (Пейджак), Демократическая партия Иранского Курдистана (ДПИК) и Комала, действующие на иранской территории¹.

Пейджак не имеет большой поддержки в районах компактного проживания курдов в Иране – провинциях Курдистан и Керманшахан. Тем не менее на западных границах Ирана время от времени происходят перекрестные столкновения иранских и турецких военных с функционерами Партии свободной жизни Курдистана (Пейджак). Ее лидер Рахман Хадж Ахмади заявил, что цель этой организации состоит в подрыве основы нынешнего иранского государства, т.е. ликвидации института «веляят-е факих», и установлении светской демократической республики. Он рассчитывает создать в Иране конфедерацию, в которой национальные меньшинства получили бы равные права. Однако, по его мнению, процесс достижения свободно структурируемой конфедерации по примеру Бельгии и Швейцарии потребует 50-летнего срока ведения переговоров².

Находясь в Соединенных Штатах, Рахман Хадж Ахмади обратился к Белому дому за политической и военной поддержкой с целью начала кампании по свержению исламского режима Ирана и «создания нового демократического федеративного правительства». Однако его обращения были оставлены без ответа³. При этом Ахмади не разъяснил, является ли деятельность его организации частью генерального плана формирования нового государства Курдистан в регионе. Он объявил, что на данном этапе для Партии свободной жизни Курдистана важно установление демократии в Иране и образование демократического федеративного правительства на смену исламскому режиму. Лидер партии выразил уверенность, что с установлением демократии в Иране она распространится по всему региону, и тогда откроется возможность формирования Великого Курдистана.

Пейджак сотрудничает с другими группировками иранской оппозиции. По словам Ахмади, его люди проводят политические и военные консультации с представителями других оппозиционных групп, которые в дальнейшем развернут работу под собственными лозунгами и знаменами в целях создания в Иране конфедерации, в которой все этносы получают равные права⁴.

Демократическая партия Иранского Курдистана (ДПИК) является старейшей политической организацией иранских курдов, существующей уже 62 года. Она разделяет взгляды той части иранской оппозиции, которая выступает за свержение исламской республики, но не поддерживает путь вооруженного восстания для достижения этой цели. Эта партия является самодостаточной социал-демократической организацией, ратующей за широкую автономию Иранского Курдистана.

Комала придерживается марксистской идеологии и борется за установление демократии после падения существующего режима. Она ведет партизанскую борьбу с властями ИРИ.

Деятельность курдских автономистских организаций в Иракском Курдистане, хотя и не противоречит американским региональным интересам, не подкреплена никакими гарантиями. Эти организации на практике вряд ли готовы создать новую эффективную систему государственного устройства. Представляется также проблематичным, что их лидеры смогут выполнить свои программные установки по претворению в жизнь демократических норм. Как показывает практика, когда курдам

в Иранском Курдистане предоставили возможность занять руководящие посты в исполнительных местных органах власти, они не захотели делить свои полномочия с профессионалами некурдского происхождения из числа сторонников иранского режима. Из-за неспособности найти компромисс они не сумели решать остро стоявшие повседневные хозяйственные вопросы. Началось столкновение курдов с представителями центральной власти. Курды не смогли обеспечить стабильность и безопасность в своем регионе. Поэтому в деятельности подобных местных группировок скрыта опасность того, что Ирану грозит потеря единого экономического пространства и превращение в конгломерат независимых от центра и друг от друга разрозненных территориальных образований. Это, очевидно, беспокоит иранское руководство, что на руку Соединенным Штатам, не оставляющим планов осуществления программы Расширенного Ближнего Востока (РБВ) на территории ИРИ. Американцы активно используют националистические устремления курдов в собственных интересах. Так, США препятствуют консолидации оппозиционных курдских группировок в западных провинциях ИРИ с преимущественно курдским населением. В 2007 г. Корпус стражей иранской революции (КСИР) вел кровавую войну с противниками режима в четырех западных провинциях. Но эта война с собственными курдами велась властями негласно. Они квалифицировали свои действия как борьбу с «богоотступниками». Однако тайное стало явным в феврале 2007 г., когда «богоотступники» уничтожили иранский вертолет близ Хоя в провинции Западный Азербайджан. За этим последовали обстрелы иранскими вооруженными силами курдских повстанческих позиций в районе Салмаса, расположенного недалеко от ирано-турецкой границы. Тогда было убито 17 «богоотступников» во главе с их командиром, подданным Германии тюркско-курдского происхождения⁵.

По своей идеологии и методам борьбы партия Пейджак весьма близка к Рабочей партии Курдистана (РПК) турецких курдов, что дает основание некоторым аналитикам относить Партию свободной жизни Курдистана к дочерним РПК организациям. Однако представители Пейджак отрицают подобные утверждения. Вместе с тем функционеры РПК нередко активизируются на ирано-турецкой границе, хотя многие годы Тегеран оказывал РПК покровительство и поддержку против Турции как члена НАТО. Теперь ситуация изменилась. Иранские вой-

ска совместно с турецкими время от времени проводят действия против боевиков РПК. При этом обстреливаются курдские деревни, расположенные в пограничной зоне, от чего страдает мирное население⁶.

Совместные действия турецких и иранских сил безопасности против РПК отчасти можно объяснить тем, что действия РПК в Турции и Иране направлены на подрыв устоев правящих режимов. Действия этой организации в пограничной зоне Ирана и Турции и Пейджак – внутри страны как бы являются звеньями одной цепи. Они направлены на то, чтобы усилить антагонистический настрой курдского населения Ирана против исламского режима.

Высшие иранские чиновники стали обвинять Соединенные Штаты в использовании курдских сепаратистов для организации беспорядков на западных границах Ирана. После гибели 7 функционеров сил иранской безопасности в беспокойной провинции Керманшах секретарь Высшего совета национальной безопасности Ирана того времени Али Лариджани заявил, что Америка пытается с помощью бандитов и разного рода мелких группировок организовать акции против иранских объектов нефтедобычи. Хотя Лариджани и не вдавался в подробности совершения упомянутых акций, его заявление последовало после того, как Иран обвинили в обстреле курдских деревень на соседних территориях Ирака. Иранское руководство отрицало свою причастность к подобным действиям⁷.

Иранские власти, включая президента М.Ахмадинежада, убеждены в поддержке Соединенными Штатами этнических оппозиционных движений в ИРИ, представляющей часть кампании по свержению иранского режима⁸. В то же время Ирак, в том числе и Иракский Курдистан, являются ареалом острого политического ирано-американского противоборства. Так, М.Ахмадинежад заявил, что скоро американское влияние в Ираке изживет себя, и Иран готов заполнить там политический вакуум в случае его возникновения. Он подчеркнул, что скоро это будет «огромный сильный регион». Иран, по его словам, готовится заполнить брешь с помощью соседей и региональных друзей из арабского мира и с помощью иракской нации⁹. Хотя иранский президент и не детализировал содержание сказанного, но ясно одно, речь, видимо, идет о подготовке к усилению борьбы региональных держав за вывод оккупационных войск из Ирака.

Иран поддерживает часть иракских шиитов и некоторых шиитских политических лидеров. Так, иракский премьер-министр Н.аль-Малики, представитель шиитской фракции иракского парламента, недавно подверг жесткой критике американский политический курс, терпящий фиаско в деле примирения шиитов и курдов. Поддержав аль-Малики, Ахмадинежад обвинил Соединенные Штаты во вмешательстве во внутренние дела Ирака и заявил, что все попытки сместить аль-Малики со своего поста непременно потерпят провал.

Американские политические деятели по-разному отреагировали на эти высказывания М.Ахмадинежада. Так, Хиллари Роджэкс Клинтон, ключевая фигура Демократической партии США, заявила о несостоятельности возглавляемого аль-Малики правительства, неспособного якобы обеспечить национальное единство Ирака. Американский президент Дж. Буш и посол США в Багдаде, хотя и дали резкую оценку политике Багдада, заявили в то же время, что вопрос об уходе в отставку иракского правительства должен решать народ Ирака.

Аль-Малики солидарен с М.Ахмадинежадом в оценке значения присутствия американских войск в Ираке. Они выразили общее мнение, что «оккупация является основой всех проблем в Ираке». При этом иранский президент подчеркнул, что «оккупанты не смогут решить региональных проблем». Ахмадинежад выразил сомнение в том, что США развяжут вооруженные действия против Ирана, поскольку «Вашингтон, – сказал он, – не готов к осуществлению подобных действий»¹⁰.

Напряженность ирано-иракских отношений создается из-за военно-политической активности шиитов Ирака, которые якобы используют иранское оружие и тренируются под руководством иранских инструкторов. Это отрицается иранским руководством¹¹. Вашингтон обвинил Иран также в осуществлении обстрелов американских войск на территории Ирака. В то же время американцы опасаются, что Тегеран может использовать якобы создаваемое им атомное оружие. Белый дом отказывается верить, что иранская ядерная программа носит исключительно мирный характер. «Нам не нужна бомба. На самом деле мы против бомб...Мы думаем, что с политической точки зрения это бессмысленно», – сказал М.Ахмадинежад¹².

По данным зарубежных СМИ, высшее иранское руководство выразило недовольство активизацией курдских повстанцев на границе с Ираком. В связи с этим произошла замена

руководства КСИР. Предполагалось также построить сильные фортификационные сооружения вдоль ирано-иракской границы на случай американского вторжения в Иран. Курдские районы Ирана, где курды насчитывают 4,5 млн. человек, находятся под пристальным вниманием Тегерана.

КСИР создал в связи с этим специальный командный центр в Хамза Базе, вблизи иракской границы. В него входит один полный дивизион и авиационное подразделение специальных войск для усмирения повстанцев. Руководители КСИР заявляли, что мятежники якобы базируются в Иракском Курдистане. Однако все инциденты между курдами и КСИР в начале сентября 2007 г. возникали на территории Ирана, населенной преимущественно курдами¹³.

Напряженность ирано-американских отношений отражается и на отношениях ИРИ с иракскими курдами. Хотя Иран и не поборник идеи создания в Иракском Курдистане независимого государства, иранские предпринимательские круги поддерживали на основе взаимного партнерства торгово-экономические отношения с Курдским автономным районом (КАР). Однако в феврале 2007 г. в Эрбиле, столице Иракского Курдистана, американцами были захвачены иранские военнослужащие, что послужило началом ухудшения отношений между Ираном и КАР. Представители американских общественно-политических кругов трактовали эту акцию как протест против иранских попыток оказания помощи лицам в Ираке, осуществлявшим карательные действия против американских солдат.

Иран рассматривает этот регион как зону, откуда стране исходит «курдская угроза», поскольку его территория может быть использована врагами ИРИ (США или Израилем) для нанесения ударов по ее стратегическим объектам. Этим объясняется то, что с середины августа 2007 г. Иран, который ранее вел перекрестный обстрел ирано-иракской границы, стал обстреливать и Иракский Курдистан. Причина в том, что объединенные ирано-турецкие силы вели вооруженные действия против курдских сепаратистов, скрывавшихся в иракских горах в северо-восточной части Курдистана.

28 августа 2007 г. министр иностранных дел Ирака Х.Зибари передал иранскому послу меморандум, в котором содержалось требование прекратить обстрел Ираном зоны ирано-иракской границы, поскольку эти действия служат дестабилизации отношений между Ираном и Ираком. Однако, не-

смотря на увещевания Багдада, Иран продолжал обстрелы провинции Эрбиль на севере Ирака. Следствием этих действий явилось то, что сотни курдов стали беженцами, поскольку их деревни были разрушены. Около 1 тыс. курдов в Сулеймании провели акции протеста против обстрела территории Иракского Курдистана, призывая курдское руководство принять экстренные меры.

Свои действия Тегеран аргументирует тем, что с иракской стороны свои акции против Ирана осуществляет экстремистская организация Пейджак. На это Зибари заявил, что Ирак не позволяет никаким оппозиционным организациям осуществлять свои действия с иракской стороны против соседей Ирака. И этот вопрос он обсуждал с представителями Ирана¹⁴.

Еще в июне 2007 г. КСИР начал обстреливать курдские деревни Ирака. Неизвестное число курдов иракских и иранских, которые были вынуждены искать убежище в Ираке, погибли. Несмотря на протесты иракского правительства, от лица которого выступил премьер-министр Ирака аль-Малики на личной встрече с главой иранского Верховного Революционного совета аятоллой Хаменеи, КСИР все равно продолжал атаковать иракские деревни. Это заставило тысячи курдских крестьян, иракских и иранских, ставших людьми без определенного места жительства, направиться в города, расположенные в центре Ирака. Некоторые крестьяне и иракские официальные лица высказывают мнение, что зона иракско-иранской границы превращается в очаг серьезного регионального противостояния, осложняемого враждебными отношениями между Ираном и Соединенными Штатами. Некоторые из них обвиняют премьер-министра ал-Малики, поддерживающего тесные связи с Ираном, в том, что ему не удалось защитить курдов. В то же время иранская стратегия по отношению к Иракскому Курдистану способствует возникновению большого числа курдских беженцев. В результате обстрелов мирные жители получают тяжелые раны, теряют скот и имущество.

На встрече дипломатов Ирана и Ирака министр иностранных дел Ирака Х.Зибари потребовал от Ирана прекращения огня, поскольку подобные действия представляют опасность для мирного населения¹⁵.

Это также значительно ухудшило взаимоотношения Ирана с Иракским Курдистаном. Поскольку иракские курды стали сотрудничать с Соединенными Штатами в 2003 г. с целью свер-

жения режима С.Хусейна, то Тегеран стал рассматривать их как самый большой «американский оплот» дестабилизации Ирана. Озабоченность иранского президента вызывает и сотрудничество иракских курдов с Израилем. М.Ахмадинежад, как известно, придерживается жесткой антиизраильской позиции, называя Израиль «агрессором», что он связывает со сложностями в ближневосточном конфликте.

По мнению Ахмадинежада, ИРИ может помочь исправлению ситуации в Ираке при условии вывода коалиционных войск из страны¹⁶.

В знак протеста против ареста в январе 2007 г. американцами в Эрбиле, столице Иракского Курдистана, пятерых иранских граждан Иран закрыл пять переходов на границе с Ираком, что нанесло большой ущерб экономике КАР, так как задержка грузов ежедневно стоила КАР 1 млн. долларов.

Иранцев обвинили в том, что, будучи членами КСИР, они якобы перевозили оружие в Ирак¹⁷. При этом американский генерал Р.Одиерно рекомендовал не отпускать их, поскольку они будто бы оказывали помощь повстанческим силам в Ираке. Иран отверг эти обвинения, утверждая, что арестованы иранские дипломаты, которые работали в Эрбиле, и потребовал их освобождения. В то же время иранские официальные круги призвали Ирак отпустить Махмуда Фархади, захваченного осенью 2007 г. в Сулеймании американцами. Последние считают, что Фархади перевозил оружие для вооружения криминальных элементов в Ираке. Иран же категорически отрицает это, поскольку Фархади, будучи предпринимателем, занимался якобы в Курдском автономном районе бизнесом.

Иракский президент Дж.Талабани квалифицирует арест Фархади как противозаконный и требует отпустить его¹⁸.

Несмотря на позицию устрашения Иракского Курдистана, занятую Тегераном, иракское руководство не исключает мирного урегулирования взаимоотношений. Так, в начале октября 2007 г. делегация иракских курдов, представляющих Демократическую партию Курдистана (ДПК), возглавляемую М.Барзани, и Патриотического Союза Курдистана (ПСК), руководимого Дж.Талабани, направилась в Тегеран для переговоров. Она выражала надежду, что ей удастся достичь взаимопонимания с Тегераном.

После двухдневных переговоров между иранцами и представителями КАР стороны согласились признать Фархади биз-

несменом. Ирак обязался предпринять определенные шаги, необходимые для обеспечения контроля границы и недопущения просачивания повстанцев на иранскую территорию. Несмотря на достигнутые договоренности, позже переговоры должны были возобновиться. При этом Иран обвинил США в том, что они закрывают глаза на деятельность местных повстанцев. Вашингтон со своей стороны также обвинил Тегеран, что тот устраивает беспорядки в Ираке с 2003 г., со времени оккупации Ирака коалиционными силами¹⁹.

Следовательно, «курдская угроза» Ирану состоит в том, что курдские автономисты действуют на ближних и дальних подступах страны (внутри ИРИ силами Пейджак, на западных границах – РПК и из Иракского Курдистана) с целью подрыва устоев стоящего у власти режима и установления демократического строя. Это вполне соответствует интересам США в регионе, которые поощряют подобные действия. При этом курды уверены, что действуют исключительно в собственных интересах, особо не задумываясь над тем, к каким последствиям может привести расширение американской оккупации в Иране. Можно также предположить, что стратегия курдов рассчитана на реализацию и более глобальной задачи – образования курдского государства, так называемого Великого Курдистана путем создания конгломерата курдских государств на территории курдских ареалов Ирана, Турции и Ирака и последующего их объединения.

Следует отметить, что турецкие курды действуют по аналогичной схеме (организация «Свободные соколы» занимается подрывом устоев режима внутри страны, РПК – на границах, а автономизация Иракского Курдистана расшатывает ситуацию в Турецком Курдистане). Иран (а также Турция) отвечают на создаваемую курдами при пособничестве США угрозу распада их стран силовыми методами. При этом руководство ИРИ полагает, что стабильность в регионе может быть достигнута путем вывода коалиционных войск из Ирака и оказания помощи иракцам со стороны Ирана (а также Турции) в обустройстве нового государства. В то же время остается неясным вопрос о судьбе курдского народа этнического Курдистана.

Тегеран не исключает мирного политического решения кризиса, возникшего между Анкарой и Багдадом из-за активизации РПК на турецко-иракской границе²⁰. В конце октября 2007 г. министры иностранных дел Ирана и Сирии предложили свою помощь в урегулировании этого конфликта. Они полагают, что мир-

ные средства далеко не исчерпаны. Констатируется, что деятельность РПК затрагивает интересы не только Турции, но и Сирии, Ирана и Ирака. По этому поводу министр иностранных дел Ирана Моттаки уже встречался с президентом Сирии Б.Асадом. Сирия имеет своих курдов, которые также ожидают решения курдского вопроса. Президент Сирии отрицал то, что он во время своего недавнего визита в Анкару поддержал Турцию в ее решении покончить с РПК путем вторжения в Северный Ирак.

Следовательно, осознание иранским руководством опасности разжигания большой войны в регионе склоняет его к попытке разрешения внутрорегиональных конфликтов, в том числе и решения курдского вопроса, мирными политическими средствами.

¹ Kurdish Revolt Makes Iran Uneasy. – <http://kurdistanobserver.servehttp.com/Sep-2007/12-9-07-iran-uneasy-kurdish-revolt-makes-iran-uneasy.html>

² Kurds Say Uprising is Possible In Iranian-Occupied Kurdistan – <http://kurdistanobserver.servehttp.com/Aug-2007/9-8-07-pjak-ask-us-help.html>

³ Kurdish Leader Seeks U.S. Help To Topple Regime – <http://kurdistanobserver.servehttp.com/Aug-2007/9-8-07-iran-kurds-ask-us-for-help.html>

⁴ Kurds Say Uprising is Possible In Iranian-Occupied Kurdistan – <http://kurdistanobserver.servehttp.com/Aug-2007/9-8-07-pjak-ask-us-help.html>

⁵ Kurdish Revolt...

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Kurdish Leader Seeks...

⁹ Iranian President Ahmadinejad: Iran Is Ready to Fill Any Vacuum in Iraq – <http://kurdistanobserver.servehttp.com/Aug-2007/29-8-07-irn-ready-to-fill-us-role-ira...>

¹⁰ Там же.

¹¹ Iran Continues Shelling Southern Kurdistan Despite Protest – <http://kurdistanobserve.http.com/Aug-2007/30-8-07-iran-continues-shelling-sku...>

¹² Iranian President: Iran Can Help Secure Iraq; Israil is cruel And Illegal – <http://kurdistanobserver.servehttp.com/Sep-2007/13-9-07-iran-says-israel-illegal.html>

¹³ Kurdish Revolt Makes Iran Uneasy...

¹⁴ Iran Continues Shelling...

¹⁵ Shelling Near Iranian Border Is Forcing Iraqi Kurds to Flee –
<http://kurdistanobserver.servehttp.com/Sep-2007/13-9-07-iran-continues-shelling-skur...>

¹⁶ Iranian President...

¹⁷ Kurdish Delegation Heads to Iran to Discuss Border Closures –
<http://kurdistanobserver.servehttp.com/Oct-2007/4-10-07-kurds-visit-iran.html>

¹⁸ Five Iranians Detained in Arbil Should Not Be Released: US General –
<http://kurdistanobserver.serve.http.com/Oct-2007/5-10-07-us-general-says-dont-realse-...>

¹⁹ Kurdish Delegation...

²⁰ Iran cool as Turkey warns over PKK. –

<http://www.institutkurde.org/en/iran-cool-as-turkey-warns-over-pkk.htm>

Г.М.Зиганшина

**К ИТОГАМ ПРЕЗИДЕНТСКИХ
И ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ
В ТУРЦИИ В 2007 г.**

Выборы одиннадцатого по счету президента Турецкой Республики представляются весьма важными и актуальными по целому ряду причин. Прежде всего они подтвердили значительную роль происламских партий и организаций на политической арене, в частности, пришедшей к власти в результате парламентских выборов 2002 г. Партии справедливости и развития (ПСР). Возрастающее влияние политического ислама, в свою очередь, не могло не вызвать активизации оппозиционных сил – турецкой армии и старой светской элиты, выступивших в защиту традиционных светских ценностей. Очередной виток противостояния исламистов и лаицистов в 2007 г. обусловил целый ряд событий, которые могут оказать существенное влияние на дальнейшее развитие турецкого государства и общества, а также воздействовать на политические процессы в других исламских государствах региона. Так, закономерным результатом этой борьбы стали досрочные парламентские выборы, утверждение на референдуме нового порядка избрания президента, подготовка к пересмотру ключевых статей турецкой конституции, а также начало военной операции турецкой армии против баз Рабочей партии Курдистана (РПК) в Северном Ираке.

Основные события, связанные с президентскими и парламентскими выборами в Турции, разворачивались вокруг фигуры Абдуллаха Гюля, чья кандидатура была выдвинута руководством ПСР на пост президента. А.Гюль родился в 1950 г. в г. Кайсери (Центральная Анатолия). Окончил экономический факультет Стамбульского университета. С юношеских лет его судьба была тесно связана с турецким исламистским движением, к которому принадлежал также и его отец, член клерикальной Партии национального спасения (ПНС). В студенческие

годы А.Гюль состоял в молодежном крыле религиозного общества «Великий Восток» – Национальном Союзе турецких учащихся, где познакомился с нынешним премьер-министром Р.Т.Эрдоганом. Во время двухлетней стажировки в Великобритании (1976–78 гг., магистратура в Лондоне и Эксетере) стал одним из учредителей общества взаимопомощи турецких студентов при Союзе мусульманских учащихся.

В период военного переворота 1980 г. А.Гюля задерживала полиция по обвинению в пособничестве исламистским кругам. В 1983 г. по протекции своего учителя Н.Ялчинташа, видного идеолога исламистского движения, возглавлявшего научно-исследовательское отделение в Исламском банке реконструкции и развития (ИБРР) в Джидде (Саудовская Аравия), он был принят на работу в этот банк в качестве эксперта и проработал там 8 лет. В 1991 г. по возвращении на родину устроился на преподавательскую работу в Мраморноморский университет, где получил ученое звание доцента.

В 90-е годы А.Гюля регулярно избирали депутатом от существовавших тогда происламских партий. Заняв второе место в партийной иерархии одной из них, «Фазилет», в 2000 г. А.Гюль выдвинул свою кандидатуру на пост председателя, но проиграл ее лидеру Р.Кутану (голоса распределились почти поровну). В 2001 г. Гюль вместе с бывшим стамбульским мэром Р.Т.Эрдоганом принял участие в формировании «обновленческого» крыла «Фазилет», из которой позднее образовалась ПСР. Эрдоган и Гюль приложили немало сил для создания образа умеренно исламистской партии, претендующей на консолидацию всех слоев населения. После победы партии на парламентских выборах в ноябре 2002 г. А.Гюль прошел в меджлис в качестве депутата, вновь от родного города. Пока в отношении Эрдогана действовал запрет на депутатскую деятельность, он возглавлял правительство (ноябрь 2002 – март 2003 гг.). После принятия соответствующих поправок к основному закону, позволивших Эрдогану вернуться в парламент и как лидеру победившей на выборах партии стать премьер-министром, А.Гюль занимал посты вице-преьера и министра иностранных дел и в этом качестве отдавал приоритет отношениям Турции с Евросоюзом.

А.Гюль женат, имеет троих детей. Как жены и дочери многих первых лиц ПСР, его жена Хайрюнниса (араб. «благо женщин») и дочь Кюбра («великая») – «закрытые», т.е. носят му-

сульманские платки – упрощенную форму арабского хиджаба. Между тем в Турции ношение платков в госучреждениях, учебных заведениях и официальных представительствах строго запрещается законом как несовместимое со светским образом жизни. С одной стороны, эта довольно непростая ситуация привела к включению ревностных мусульманок в политическую борьбу на стороне происламских партий за отмену запрета на ношение платка. С другой стороны, исламское движение использует данный запрет как политический козырь, наиболее очевидное доказательство ущемления прав религиозного большинства.

Позиция светских сил в лице армии, Высшего комитета по образованию и судебных органов в этом вопросе одинаково жесткая как в отношении простых граждан, так и власть имущих. Светская оппозиция блокирует различные законодательные инициативы ПСР, направленные на легализацию платков; студентки, покрывающие головы, подвергаются дисциплинарным взысканиям вплоть до исключения из учебных заведений, митинги в защиту ношения платков разгоняются самым решительным образом. Так, митинг «закрытых» активисток в Измире, организованный правозащитной организацией «Мазлюмдер» 13 апреля 2007 г., был разогнан полицией с применением дубинок и слезоточивого газа.¹

Что касается семьи А.Гюля, то из-за ношения платка его супруге удалось окончить школу лишь в 1997 г., спустя семнадцать лет после предполагаемого выпуска, и то лишь благодаря тому, что ее муж занимал высокий государственный пост. В том же году она поступала в Анкарский университет на отделение арабского языка и литературы, но в зачислении ей отказали, сославшись на ношение ею платка, в связи с чем в 1999 г. Хайрюнниса подала жалобу на ущемление своих прав в Европейский суд по правам человека. А не так давно Высший комитет по образованию подал в суд на ректорат университета Билькент (г. Анкара) за присутствие дочери Гюля Кюбры на выпускной церемонии в платке. Гюль назвал это решение «образцом местной нетерпимости, отравившим лучшее событие в жизни молодой девушки».² Он неоднократно заявлял, что 70% турчанок ходят в платках, и покрывать голову или нет – личное дело каждого, в том числе личное дело его жены. А Конституция, как известно, запрещает вмешательство в частную жизнь граждан. Однако Гюль также обещал «надлежащим образом»

соблюсти запрет на ношение платков в президентской резиденции Чанкая.³

Помимо платка жены, другой волнующей светских избирателей Турции темой является прошлое А.Гюля, а именно: принадлежность к происламскому движению, обвиняемому светской частью общества в покушении на лаицизм, в стремлении привнести в существующий государственный порядок шариатские нормы. По этому поводу А.Гюль неоднократно заявлял, что религия – универсальная ценность, очень личная, несовместимая с государственными делами. Роль которой, впрочем, не следует приуменьшать, принимая за образец членов консервативных европейских партий, которые регулярно ходят в церковь.

Непоколебимой ценностью для сторонников лаицизма в Турции является также национализм, которому исламисты традиционно противопоставляют религиозную солидарность. Свое отношение к национализму Гюль выразил, назвав себя «гражданином Турции, выросшей из османской традиции, где все народы были равны».⁴ Гюль неоднократно повторял, что богатство нации заключается в ее многообразии.

Неудивительно, что кандидатура Гюля на пост президента была утверждена не сразу, пройдя через множество перипетий: беспрецедентное давление со стороны светской общественности в ходе президентской кампании, срыв оппозицией первых попыток избрать президента в меджлисе, поиск ПСР альтернативных путей избрания «своего» кандидата, включая всенародные президентские выборы, наконец, досрочные парламентские выборы и избрание А.Гюля в меджлисе нового созыва.

Формально в соответствии с турецкой Конституцией президентом может стать любой турецкий гражданин старше 40 лет, имеющий высшее образование и являющийся депутатом меджлиса. Кандидат извне также может быть избран, если 1/5 часть парламента подпишет петицию в его пользу. При этом весьма важно, чтобы президент был политически нейтрален, т.е. сложил свои депутатские полномочия и вышел из партии, в которой он состоит. Что касается процедуры выборов, то она проводится за тридцать дней до окончания срока полномочий действующего президента и максимум в течение десяти дней после его ухода, в присутствии не менее 2/3 членов парламента. Процедура длится не более тридцати дней, из них десять дней выделено на выдвижение кандидатов, двадцать – на сам про-

цесс избрания. Для избрания в 1-м и 2-м турах необходимо 2/3 голосов, для 3-го тура достаточно простого большинства. Если же большинство не набрано, то кандидаты, получившие максимум голосов, соревнуются в 4-м туре. Если и в этом случае выборы не состоялись, меджлис распускается, и проводятся новые выборы.⁵

На практике некоторые турецкие президенты пришли к власти не путем демократических выборов, а в результате переворотов или под прямым давлением на парламент армейской верхушки. Так, Джемаль Гюрсель (1961–1966), один из лидеров военного переворота 1960 г., как и другие члены Комитета национального единства, образованного военными для управления страной, получил, согласно конституции 1961 г., звание пожизненного сенатора, а затем парламентом был избран президентом. Точно так же после наделения сенаторскими полномочиями были избраны в меджлисе президентами глава Генерального штаба Джемаль Сунай (1966–1973) и отставной адмирал Фахри Корутюрк (1973–1980). Наконец, Кенан Эврен (1982–1989), лидер военного вмешательства 1980 г. и глава Совета национальной безопасности (СНБ), представил на народное голосование новую конституцию, первая временная статья которой провозглашала его главой государства.

Что касается президентов из числа «штатских», то все они были избраны парламентским большинством; это глава Демократической партии Джемаль Баяр (1950–1957), переизбирался трижды; глава Партии отечества Тургут Озал (1989–1993), глава Партии верного пути Сулейман Демирель (1993–2000) и председатель Конституционного суда, тяготевший к Народно-республиканской партии, Ахмед Неджет Сезер (2000–2007). Причем все, кроме Дж.Баяра, победили при простом перевесе голосов лишь в третьем туре.

В отличие от предшественников, путь к президентскому креслу А.Гюля был наиболее долг – эпопея с его избранием продлилась четыре с половиной месяца. Как и полагается, за месяц до истечения срока полномочий предыдущего президента А.Н.Сезера руководство ПСР наделило Р.Т.Эрдогана правом выдвижения новой кандидатуры. Эрдоган медлил с объявлением имени А.Гюля, сохраняя свое решение в тайне вплоть до самого голосования. В прессе в качестве наиболее вероятного кандидата назывался сам Р.Т.Эрдоган, а также А.Гюль, государственный министр Б.Аталай,⁶ нынешний гене-

ральный секретарь Организации Исламская конференция Э.Ихсаноглу. Кроме того, рассматривались другие представители ПСР: депутат от Анкары Э.Ярбай, спикер ВНСТ Б.Арынч и глава Высшего финансового совета Турции, депутат ПСР от г. Коджаэли Веджди Генюль, чья кандидатура была наиболее приемлемой с точки зрения военных. «Хюрриет» писала, что с помощью посредника из военной среды В.Генюль намеревался «прощупать пульс» военных, узнать мнение по поводу своей кандидатуры.⁷

Все эти лидерские устремления внутри ПСР свидетельствуют о том, насколько велик был риск утратить сплоченность партии, во многом построенной вокруг личной харизмы Эрдогана, в случае выдвижения им собственной кандидатуры и ухода с поста ее председателя. Именно поэтому премьер-министр воздержался от этого шага, остановив выбор на своем «втором номере». Премьер-министр долго колебался с определением преемника А.Н.Сезеру, поскольку столкнулся с активным сопротивлением светских граждан.

Незадолго до объявления решения Эрдогана президент А.Н.Сезер произнес в военном училище речь, в которой говорилось, что никогда еще турецкий режим не находился под такой угрозой, как теперь, и что внешние силы пытаются превратить Турцию в умеренную исламскую республику. Он упомянул о необходимости для президента быть верным конституционным принципам, которые в настоящее время открыты для атак со стороны внешних и внутренних врагов – сепаратистов, реакционеров, террористов. Их нападениям подвергаются также турецкие вооруженные силы. Президент отметил, что любой ислам – умеренный или радикальный – стремится к шариату. Между тем Турция восемьдесят с лишним лет назад сделала выбор в пользу лаицизма. Несколько дней спустя на открытии музея Ататюрка в Чанкая президент вновь напомнил об опасности режиму.

Интересно, насколько неоднозначно его слова были восприняты обществом. Опрос общенациональной газеты «Хюрриет» показал, что с утверждением А.Н.Сезера согласны 51,7% опрошенных. Другая половина респондентов убеждена, что угроза режиму отсутствует, причем каждый пятый выбрал ответ «не согласен, поскольку это политическое манипулирование», и столько же человек присоединились к варианту, что если ситуация действительно настолько серьезна, то почему

президент и Совет национальной безопасности до сих пор о ней молчали.⁸

В мае-апреле 2007 г. в разных областях Турции – Анкаре, Стамбуле, Измире, Мармарисе, Чанаккале, Денизли, Манисе, Айдыне, Ыспарте, Самсуне и других прошли митинги в поддержку светского характера Турецкой Республики. Кроме простых граждан, в число организаторов митингов вошли представители свыше 500 организаций – оппозиционные партии и их лидеры (Народно-республиканская партия, Демократическая левая партия, Рабочая партия Турции, Народная левая партия), различные неправительственные организации и профсоюзы (Общество ататюркистской мысли, Общество в поддержку современного образа жизни, Национальный союз гражданского общества, левое объединение профсоюзов ДИСК и др.), ректоры университетов, отставные военные, эстрадные исполнители. Поражает масштаб митингов: шествие в Анкаре, начавшееся с выступления на площади Тандоган и продолжившееся у мавзолея Ататюрка, насчитывало 370 тыс. человек. На митинг в Стамбуле, прошедший 29 апреля на площади Чаглаян, собралось, по разным оценкам, уже 1,5–2 млн. участников, причем более 40% из них женщины, что позволило обозревателю «Хюрриет» Э.Озкоку назвать стамбульский митинг «делом рук женщин».⁹ Другой рекорд стамбульского митинга заключался в том, что в городе в те дни было продано свыше 6 миллионов турецких флагов. Митинг в Измире, прошедший 13 мая в день матери и потому начавшийся с возложения цветов к могиле матери Ататюрка Зюбейде-ханым, насчитывал 200 тыс. участников.¹⁰

О целях проведения и требованиях этих акций можно судить по хлестким лозунгам, большинство из которых было направлено против Р.Т.Эрдогана, кандидатуры А.Гюля и в защиту светскости («Турция – светская, и останется светской», «Нет молле в Чанкая», «Народ очнулся, имам¹¹ упал в обморок», «Имам из Касымпаши,¹² почему продал родину?»). В части лозунгов находчиво обыгрывалась эмблема Партии справедливости и развития – электрическая лампа («Не жги свет впустую – погаси лампочку», «Эдисон – и тот сожалеет», «Не уходите в отпуск, не погасив свет»). Мнения демонстрантов по поводу роли армии в происходящих событиях разделились: одни требовали оставить армию в покое и указывали на то, что военные должны обладать большими правами, чем простые чинов-

ники на службе («Самые великие солдаты – наши», «Армия и народ – рука об руку», «Мы – солдаты нашей армии»), другие несли лозунги, где говорилось, что не армия, а народ должен решить судьбу страны демократическим путем («Народ – за дело, армию – в казармы», «Нет перевороту и шариату»). Измирцы сделали акцент на прозвище «неверный», которым во время одной из предвыборных кампаний наградили их Р.Т.Эрдоган («Мы – неверные измирцы, хозяева Эгейского моря, форпоста светскости», «Солнце сегодня восходит на Западе», «Я – неверный. Если любовь к родине и ататюркизм означают неверие, то я – измирец и горжусь этим», «Пусть те, кто живет на американские доллары и арабские реалы, проиграют нам, неверным», «Будьте такими же мусульманами, как неверные измирцы»).

Пресса широко и восторженно освещала демонстрации, видя в них проявление национальных чувств, верности республиканским принципам и любви к Ататюрку. Один из журналистов, Э.Чельашан сравнил их мощь с «пробудившимся ото сна, опомнившимся великаном».¹³ Другой, Ш.Кючюкшахин назвал их митингами тех 66% турецкого общества, которые не голосовали за ПСР на выборах 2002 г., отметив, что партия извлекла выгоду из демократической процедуры выборов, но, придя к власти, повела себя недемократично, игнорируя оппозицию и избирателей, голосовавших против них, доказав тем самым, что народное волеизъявление хорошо лишь тогда, когда работает в интересах ПСР.¹⁴ Авторы задавались вопросом: правильно ли эрдогановцы поймут призывы митингующих, прислушаются ли к их требованиям? Кандидатуру А.Гюля СМИ также восприняли с опаской. Наиболее распространенной реакцией стала тревога по поводу того, что светские ценности окажутся под угрозой, в исполнительную власть «просочатся тюрбаны», особенно часто упоминался тот факт, что жена Гюля подала в суд на собственное государство.

Реакция лидеров ПСР на митинги была довольно прохладной и скептической. Эрдоган в своих выступлениях отмечал, что не все участники митингов были настроены против ПСР, к тому же при желании правительство могло бы организовать альтернативные им шествия, однако это было бы безответственно. В другой раз он заявил, что его партия уважает свободу собраний, но не будет устраивать ответные митинги, т.к. не хочет поляризовывать общество. По поводу основного лозунга

демонстрантов – «Турция – светская и останется светской», Эрдоган отметил, что и его партия также строго придерживается лаицизма, поэтому причина конфликта для него неясна.

Особый интерес общественности вызывала позиция военных. 12 апреля глава Генерального штаба Яшар Бююканыт озвучил пожелания армии в отношении кандидата в президенты: «Он должен быть не на словах, а на деле верен конституционным принципам». После того, как претендентом от ПСР был назван А.Гюль, армейская верхушка забила тревогу: на сайте Генштаба было опубликовано заявление об опасности режиму, сходное по содержанию с речью А.Н.Сезера в военном училище.

Наибольшие разногласия среди наблюдателей относительно дальнейших намерений военных вызвал финальный пассаж заявления: «Турецкие вооруженные силы (ТВС) с озабоченностью следят за ситуацией, не нужно забывать, что, будучи гарантом лаицизма, турецкая армия не может оставаться в стороне, и открыто и решительно выразит свое отношение к проблеме. ТВС сохраняют за собой право, данное им законом, защищать республиканские принципы и последовательно и решительно настроены в этом отношении».¹⁵

Меморандум посеял среди многих граждан беспокойство и боязнь нового военного вмешательства, так что в последующие дни оно упоминалось в СМИ не иначе, как «виртуальный ультиматум» (тур. «e-muhtıra»). В прессе отмечалось, что ситуация чрезвычайно напоминает обстановку 1972 г., когда в результате схожего меморандума правительство С.Демиреля было вынуждено уйти в отставку. Некоторые же полагали, что даже если силы реакции в стране действительно угрожающе велики, тем не менее заявление военных антидемократично и несовместимо с атмосферой народного волеизъявления, царящего на митингах, и не армии, а парламенту решать, как быть с кандидатурой Гюля.

Западные представители также предостерегали военных от нарушения гражданских свобод. Глава Комиссии по расширению ЕС Оли Ренн заявил, что президентские выборы должны проходить демократическим путем, без каких-либо посторонних вмешательств. Необходимо уважать всенародно избранное правительство, и данная ситуация является «тестом», проверкой для военных.¹⁶ Различные европейские депутаты и общественные деятели, включая бывшего министра иностранных дел Германии Й.Фишера, подписали открытое письмо

с осуждением позиции армейской верхушки. В письме говорилось, что угроза лаицизму преувеличена военными, а турецкая законодательная система никогда не была так близка к европейским стандартам, как при кабинете ПСР.¹⁷ Заместитель государственного секретаря США Дэн Фрид также подчеркнул, что турецкий президент должен быть избран политическим путем.¹⁸

Отдельные чиновники отважились требовать отставки главы Генштаба (например, депутат ПСР М.Х.Кутлу, за что получил предупреждение от руководства своей партии). Р.Т.Эрдоган также позвонил Я.Бююканыту, чтобы подтвердить приверженность правительства светскости, а также сообщил, что вопросы, связанные с нарушением этого принципа в школах, расследуются. После встречи Эрдогана с Бююканытом заявление Генштаба «по техническим причинам» перекочевало в архив сайта. Вероятно, Генштаб полагал, что избрание А.Гюля через парламент будет заблокировано. Поскольку в заключительной части его обращения говорилось, что тот, кто не согласен с известным патриотическим лозунгом Ататюрка: «Какое счастье тому, кто называет себя турком», – является врагом республики, «Хюрриет» предположила, что ультиматум Генштаба, возможно, был адресован лично А.Гюлю, заметившему однажды, что эта формулировка, свято чтимая кемалистами, неуместна в горах провинции Диярбакыр, где, как известно, живут в основном курды.¹⁹

В такой атмосфере прошло голосование по кандидатуре А.Гюля в апреле и мае. Поскольку избрание президента действующим составом парламента очевидно вело к его победе, оппозиция с самого начала призывала бойкотировать президентские выборы, чтобы приблизить проведение парламентских, которые могли поменять соотношение сил в ее пользу. Результаты первого тура выборов были оспорены оппозицией, несмотря на то, что за Гюля проголосовало 357 человек из 361 присутствующих. Оппозиционеры «вспомнили», что формальным условием для избрания президента является участие в процедуре голосования не менее 367 депутатов. Сразу после оглашения результатов первого тура члены НРП обратились в Конституционный Суд с заранее подготовленным текстом, в котором обвинили спикера парламента в нарушении устава меджлиса и потребовали аннулировать результаты первого тура. Несмотря на немалые усилия, потраченные А.Гюлем на то, чтобы собрать кворум и убедить лидеров оппозиции и незави-

симых депутатов принять участие в голосовании, большинство из них (Э.Мумджу, М.Агар, М.Караялчин, Э.Ширин, Я.Н.Озтюрк) присоединилось к бойкоту.

Конституционный суд удовлетворил обращение НРП, признав результаты первого тура выборов недействительными и создав тем самым прецедент к блокированию последующих голосований. Когда первый тур президентских выборов состоялся повторно, Гюль вновь не набрал нужного кворума; видя, что выборы президента в меджлисе зашли в тупик, он снял свою кандидатуру. Не дожидаясь проведения следующего тура, председатель Центризбиркома М.Айдын назначил проведение досрочных парламентских выборов на 22 июля. Впрочем, их можно назвать досрочными лишь условно, поскольку по графику 30 июня меджлис так или иначе должен был уйти на каникулы, а парламентские выборы были намечены на ноябрь 2007 г.

Решение Конституционного суда было встречено противниками исламизма с ликованием, как и известие о досрочных парламентских выборах. Сторонники же ПСР восприняли постановление суда довольно болезненно. СМИ растиражировали заявление Эрдогана, в котором он назвал его «пулей, выпущенной в демократию»,²⁰ и обвинил оппозицию в том, что она, так и не приобщившись к демократии, «наживается на имени Ататюрка», навязывает свою волю большинству, игнорируя национальные интересы. Он верно спрогнозировал, что «проблема 367» усложнит процедуру выборов президента в парламенте и в будущем.

Резолюция Конституционного суда заставила сторонников А.Гюля задуматься об иных способах его утверждения на президентском посту, в частности, о всенародных президентских выборах. Фракция ПСР подготовила соответствующий пакет законодательных поправок к конституции, который к тому же наделял президента возможностью занимать свой пост два срока подряд по пять лет (в действующем законодательстве – один срок в семь лет без права переизбрания) и отменял обязательность разрыва кандидата со своей политической партией. Кроме того, существенно упрощался порядок принятия решений в парламенте – вместо 367 депутатов предлагалось ввести положение о легитимности заседаний меджлиса при наличии 1/3 депутатов на протяжении двух туров. Законодательный период парламента решено было сократить с пяти до

четырёх лет. Отдельный пункт пакета гласил, что положение о вступлении любых конституционных изменений в силу в течение года не распространяется на данные поправки.

Обсуждение поправок прошло в напряженной обстановке парламентских баталий, в том числе рукопашных. Предвидя противодействие закону со стороны светского президента и, следовательно, вынесение его на всенародное голосование (референдум), ПСР приняла решение о сокращении срока, предшествующего этому голосованию, со 120 дней, предусмотренных законом, до 45 для турецких граждан, проживающих в стране, и до 30 – для живущих за границей. Очевидно, что таким образом правительство намеревалось убить сразу двух зайцев – провести парламентские выборы и референдум одновременно.

Как и ожидалось, наиболее последовательным противником пакета поправок выступил сам глава государства А.Н. Сезер. Он не раз публично осуждал идею всенародного избрания президента. Так, на встрече с преподавателями университета Гази в президентской резиденции Чанкая он заявил, что поправки к конституции принимаются в спешке, между тем как данный вопрос требует пристального внимания.²¹

Президент дважды воспользовался правом «вето» в отношении упомянутого пакета поправок, а также сокращения срока референдума. При повторном рассмотрении поправок Сезер не только отказался ратифицировать «пакет», но и обратился в Конституционный суд для его полного аннулирования, тем самым автоматически вынеся его судьбу на референдум.

Видные государственные чиновники опасались, что эти изменения могут привести к правительственному кризису, усилению роли президента и нарушению баланса в отношениях между ним и премьер-министром. Например, председатель Высшего комитета по образованию Э.Тезич считал, что последствием всенародных президентских выборов может стать автократический режим, несовместимый с парламентским строем. Депутаты ПСР напомнили оппонентам, что нынешний президент поддерживает курс НРП и проводит соответствующую политику, поэтому никак не может считаться нейтральным.²²

Остаток времени до парламентских выборов прошел под знаком растущих разногласий между президентом и правительством. Например, в конце мая А.Н.Сезер отклонил пред-

ложенную премьер-министром кандидатуру посла в Варшаве Э.Тезджана на пост секретаря СНБ, поскольку тот был родственником исламиста Ахмеда Сонгара, главы общества «Айдынлар Оджагы» – фонда, известного своей религиозной ориентацией. Пресса отмечала, что во время очередных военных учений в Эфесе А.Н.Сезер и Р.Т.Эрдоган практически не общались между собой.

Другим последовательным противником законодательных инициатив ПСР стала Народно-республиканская партия, снова обратившаяся в Конституционный суд, на этот раз с требованием отвергнуть законопроект о конституционных поправках, т.к. в ходе голосования по ним якобы были допущены ошибки.

Однако суд при незначительном перевесе голосов отклонил обращения депутатов НРП и А.Н.Сезера. Тем не менее референдум по закону о всенародном избрании президента было решено осуществить в обычном порядке, через 120 дней, т.е. 21 октября 2007 г. Теперь, когда попытка провести своего кандидата путем всенародного голосования была отсрочена, все внимание правящей партии и ее противников сосредоточилось на предстоящих парламентских выборах. Перспектива повторного прихода к власти ПСР привела к перегруппировке сил справа и слева, к слиянию отдельных партий.

Еще в середине апреля о желании действовать сообща заявили лидер Партии отечества (ПО) Э.Мумджу и лидер Партии верного пути (ПВП) М.Агар. После объявления Гюля кандидатом в президенты решено было объединиться в блок под названием Демократической партии, видимо, по аналогии с ДП А.Мендереса, находившейся у власти в 50-е годы. Помимо традиционных обещаний соблюдать верховенство демократии и закона и основные гражданские права и свободы, правые постарались извлечь пользу из противостояния ПСР и НРП и позиционировать себя как «золотую середину», которая «обеспечит покой и казармам, и мечетям».²³ При этом М.Агар и Э.Мумджу брались за воссоздание разобщенного после переворота 1980 г. правого центра, претендуя на формирование принципиально нового образования с оригинальным мировоззрением, а не просто коалиции двух партий.

Эйфория по поводу союза и радужные прогнозы типа «расчищен путь Турции, зашедшей в тупик с 1980 года» удержались чуть более месяца. В начале июня пришлось констатировать, что «исторический шанс» упущен и партию, которая бы

примирила поляризованное общество, создать не удалось, посыпались отставки.

В отличие от правых, объединение левоцентристов – Демократической левой партии (ДЛП) и НРП все же состоялось. Основной сложностью при сплочении был вопрос о форме объединения под крышей НРП: либо путем поглощения ДЛП, либо путем создания блока двух партий, сохранивших организационную структуру. До середины мая стороны никак не могли прийти к компромиссу, поэтому газеты наблюдали раздельное участие лидеров левых сил на республиканских митингах.

Основные направления их программного блока характеризовались протекционистскими мерами в экономике: говорилось о поддержке безработных и пенсионеров, субсидировании промышленности и сельского хозяйства, причем отраслевым, а не региональным, отказе от сотрудничества с МВФ, превратившим страну в рынок сбыта для американских и европейских товаров. Во внешней политике декларировалось проведение жесткой, самостоятельной линии в отношении ЕС и США. Лидер НРП Д.Байкал не раз отмечал, что демократизация Турции идет своим путем, а не по желанию «большого брата» – Евросоюза, переговоры с которым не дают желаемых результатов. Ряд положений программы проникнут довольно агрессивным национализмом: это борьба против возможного образования «марионетки США» – иракского Курдистана, жесткая политика в отношении турецких курдов, защита туркмен в Северном Ираке и запрет на продажу земли иностранцам.

Депутаты от НРП также обещали остановить огульную, по их мнению, приватизацию госпредприятий, а также беспорядочную застройку городов, отменить госпошлины на топливо. Правительство обвиняли в принятии закона о продаже пустошей – невозделываемых, непригодных для земледелия земель.

Одной из наиболее злободневных тем, по которой ПСР подвергалась жесткой критике, была проблема курдского вооруженного сопротивления на юго-востоке, резко усилившегося в месяцы предвыборной кампании. Семьи солдат, погибших в столкновениях, обвиняли в происходящем правительство. Ситуация развивалась настолько остро, что на повестку дня встал вопрос о проведении антитеррористической операции в Северном Ираке, сторонниками которой выступили Генштаб Турции и оппозиция. ПСР же осторожно отодвигала перспективу операции, заявляя, что это лишь ухудшит положение Турции

на международной арене, и что Турции следовало бы прежде защитить собственные границы.²⁴

В этой полемике просматривается, с одной стороны, стремление ПСР не навредить репутации своей страны на международной арене, чтобы сохранить положительную динамику в развитии отношений с Европейским Союзом, а с другой, заинтересованность в курдском избирателе, чьи голоса звучат в ПСР весьма громко и отчетливо. Генштабу же, в свою очередь, была необходима «маленькая победоносная война», которая поможет укрепить пошатнувшийся авторитет армии и снизить популярность ПСР, пусть даже ценой ухудшения отношений с ЕС и США. На этом примере как нельзя лучше прослеживается, насколько условно на сегодняшний день деление турецких политических сил на прозападные, к которым принято относить армию и светские партии, и происламские как антизападные.

Самого Р.Т.Эрдогана оппозиционеры называли самым большим террористом и главной помехой в борьбе с терроризмом в стране. По словам Д.Байкала, закон об амнистии курдским боевикам, принятый правительством ПСР,²⁵ привел к эскалации террора и возвращению боевиков в горы. Он также указал, что премьер-министр позволяет курдским лидерам предъявлять территориальные претензии к Турции и готов подать в суд на собственный народ за антиправительственные выступления.²⁶

В конце июня Генштаб поддержал т.н. «бесшумные» (без произнесения речей и лозунгов) шествия на улицах страны в знак протеста против террористических акций на юго-востоке. Любопытно, что в демонстрациях приняли участие оппозиционные партии, в то время как ПСР предпочла остаться в стороне.

Курдский сепаратизм стал отправной точкой не только в предвыборной кампании НРП, но и, разумеется, Партии националистического движения (ПНД). Спор между ПНД и ПСР разгорелся из-за того, почему глава террористической группы РПК А.Оджалан до сих пор жив. Националисты утверждали, что их партия была единственной, голосовавшей против отмены смертной казни. Кроме того, они осуждали приватизационную политику ПСР, изобличая Эрдогана в «распродаже Родины», в том, что богатства, созданные трудом турецкого народа, он раздает армянам и шейхам Дубаи.²⁷

Что касается самих «виновников» дискуссий вокруг курдского вопроса – сторонников курдской автономии, чьи интере-

сы выражает Партия демократического общества (ПДО), то они приняли решение участвовать в выборах независимыми кандидатами, рассчитывая обеспечить себе несколько десятков мест в парламенте. Однако турецкий Центризбирком не допустил к участию в выборах наиболее одиозных кандидатов от ПДО, имеющих судимость, таких как Л.Зана, Х.Диджле, О.Доган, С.Садак. В ответ «отставники» пригрозили подать жалобу в Европейский суд, резонно заметив, что лучше участвовать в политической жизни в меджлисе, нежели вести партизанскую войну.

Особенно активно предвыборная агитация ПСР велась в основном в районах Центральной (Токат, Сивас, Йозгат, Чорум) и Юго-Восточной Анатолии (Урфа, Мардин, Батман, Агры, Газиантеп, Адьяман, Ван). Для того чтобы обеспечить явку местного населения на агитационные мероприятия, в некоторых провинциях, например, в Эрзуруме, муниципальные власти ввели в эти дни бесплатный проезд в транспорте.

Центральной темой агитации ПСР были обвинения оппозиции в срыве президентских выборов. Во время выступлений в регионах, на встречах с представителями деловых кругов Эрдоган называл решение Конституционного суда об отмене первого тура «подчинением большинства меньшинству», возмущался тем, что в отличие от прошлых претендентов, А.Гюля не удалось избрать в обычном порядке, иронизируя, что оппозиция вознамерилась опровергнуть утверждение о том, что «дважды два – четыре». Депутатов, бойкотировавших выборы, он обвинял в неисполнении своих прямых обязанностей.

Другим излюбленным мотивом предвыборных выступлений Эрдогана были популистские заверения в народном характере ПСР и призывы к всенародным выборам президента. Премьер-министр постоянно характеризовал ПСР как партию, «сотканную народом, чей рулевой и компас – народ». Депутат Э.Багыш, комментируя исключение НРП из рядов Социалистического интернационала за антикурдские выступления, предрекал вступление в него ПСР – Партии социальной справедливости, «трущоб и бульваров, боковых улочек и проспектов». ²⁸ Одновременно подчеркивалось, что НРП представляет «псевдонародную» оппозицию, ибо несмотря на то, что в названии присутствует слово «народная», она боится народной воли. Также оппозиционерам «досталось» от «эрдогановцев» за трудновыполнимые обещания – снизить налоги на топливо

(Эрдоган восклицал: «Разве у нас в стране есть нефтяные скважины?!»), отменить единый общеуниверситетский экзамен.

Партия Р.Т.Эрдогана использовала также универсальный предвыборный ход – перечисление достижений правительства как в масштабе всей страны, так и в каждой провинции. Приводились такие показатели улучшения экономического положения страны, как увеличение резерва ЦБ с 26 до 66 млрд., снижение долга Турции в Международном валютном фонде с 23,5 до 9 млрд. долл., а также рост уровня ВВП до 400 млрд. долл. Эрдоган отмечал, что за годы, когда ПСР находилась у власти, по всей стране было отреставрировано множество памятников, в том числе нетюрского происхождения, подчеркивая тем самым, что его партия не делает различий между отдельными этническими группами страны. ²⁹ В своих выступлениях премьер-министр обещал рост ВВП к 2013 г. до 800 млрд. долл., утверждал, что инфляция в стране находится под контролем и исчисляется однозначной цифрой, на 24% возрос экспорт, снизился внешнеторговый дефицит. Он заверил, что в политическом отношении страна продолжит идти по пути демократизации и достигнет высоких стандартов ЕС. ³⁰

Сторонники ПСР не обошли вниманием и курдского избирателя. Эрдоган активно посещал курдско-алевитские культурные общества и центры. В числе примеров конкретной помощи населению юго-востока называлось строительство водохранилищ, больниц, университетов, оснащение деревень сельскохозяйственной техникой по льготным ценам, общее улучшение инфраструктуры.

Эрдоган и его сторонники были решительно и бескомпромиссно нацелены на победу – в речи в Ыспарте премьер-министр заявил, что если его партия не получит право на формирование правительства, то он готов уйти из политики. ³¹

Тема выборов широко освещалась не только в турецкой, но и в западной прессе, причем обращало на себя внимание то, что многие издания использовали такую терминологию, как «исламисты ПСР», «исламский взгляд», «умеренный ислам», «демократический ислам». Западные обозреватели представляли выборы как противоборство между светской системой, в которой религия заключена в рамки частной жизни, и пока еще малопонятной исламской моделью. В целом отношение западной прессы к ПСР было скорее благожелательным: партия называлась образцом успешной совместимости ислама и демо-

кратии, выражением эволюции исламизма. Турция, по мнению журнала «Экономист», находится в надежных руках демократических сил, чьи лидеры ориентируются на сотрудничество с ЕС, тогда как оппозиционеры-националисты, выступающие за операцию в Северном Ираке и против вступления в ЕС, отстают от времени.³²

Результаты парламентских выборов повергли противников ПСР в шок – партия власти набрала более 46% голосов, что почти на 13% больше, чем на прошлых выборах. Избиратели ПСР ликовали перед зданием партийного центра в Анкаре, скандируя переименованный лозунг республиканских митингов: «Чанкая наша, и останется нашей!». Правда, в силу особенностей турецкой избирательной системы ПСР потеряла 20 мандатов, но общее количество мест в парламенте все равно превысило число всех депутатов противников, вместе взятых, дав ПСР 341 голос.

Вокруг избирательного штаба НРП царил тишина, все приготовления к торжеству после выборов оказались напрасными: и установленный перед зданием экран, на котором высвечивались итоги подсчета результатов, и разбитые неподалеку палатки, торговавшие любимыми в народе мясными угощениями – денером и кёфте. НРП в коалиции с ДЛП набрала 20,84% голосов и провела в парламент 112 депутатов, не сумев существенно увеличить электоральную поддержку.

Самой большой неожиданностью стало прохождение в меджлис третьей партии – Партии националистического движения (14,26% и 70 депутатов), что, очевидно, связано с фактором этнической напряженности и насилия, возросшими за время кампании. В этих условиях именно национализм ПНД стал нишей для избирателя, не пожелавшего ограничиться выбором между ПСР и НРП. В то же время смена названия не помогла ПВП М.Агара занять нишу правого центра; его партия набрала лишь 5,6%, что недостаточно для прохождения в парламент, после чего лидер партии и его ближайший помощник подали в отставку.

Другим сюрпризом на контрасте с успехом националистов стал небывалый взлет популярности независимых депутатов, большинство из которых – курды по происхождению (в меджлис прошли 20 человек). Кроме них вне партий и движений в парламент сумели попасть бывший лидер Партии отечества М.Йылмаз, бывший лидер Партии великого единства М.Язид-

жиоглу, и – впервые за всю республиканскую историю – экс-председатель марксистской Партии свободы и солидарности Уфук Урас. Примечательно, что на 89% возросло представительство женщин в парламенте – 42 против 23 человек.

Итоги голосования по регионам выявили рост популярности ПСР на востоке и юго-востоке страны (Агры, Элязыг, Малатья, Эрзурум, Бингель, Адыяман, Мардин, Сирут, Урфа), она осталась на прежнем уровне или незначительно упала в Центральной Анатолии (Адана, Афьон, Амасья, Анкара, Конья, Денизи, Кайсери) и Черноморском побережье (Орду, Самсун, Ризе, Синоп, Трабзон). География распределения голосов, отданных за НРП, либо сохранилась на прежнем уровне, либо несколько сместилась на западное побережье. У ПНД же произошел прорыв в Центральной Анатолии (Анкара), на юге (Адана, Мерсин), а также в Стамбуле, Бурсе, Измире.

Итоги парламентских выборов обнаруживают, что каждый второй в Турции доволен ПСР и предпочитает сложившуюся стабильность, невзирая на безработицу, коррупцию, терроризм, поражения во внешней политике, непропорциональное распределение доходов. Они также в очередной раз выявили парадоксальную на первый взгляд закономерность – в Турции за правоцентристов, к которым относит себя и ПСР, голосуют неимущие слои, соблюдающие традиции, тогда как европеизированные состоятельные граждане голосуют, наоборот, за левоцентристов, исключительно из-за их светской ориентации. Кроме того, результаты выборов позволяют заключить, что умеренные исламисты воспринимаются в обществе как сторонники сближения с Европой, носители реформаторских тенденций либерального характера, тогда как НРП, позиционирующая себя в качестве выразителя левоцентристских убеждений, оказывается защитницей старого, пытается опираться на поддержку армии.

Другие причины победы ПСР во многом связаны с ошибками оппозиции, которая не сумела представить избирателю самостоятельной программы, сделав ставку на противоборство с ПСР. НРП не создала собственного индивидуального образа, не очертила должным образом свои цели. Между тем успех ПСР – в постоянной связи с избирателем, отслеживании общественного мнения с помощью опросов и анкет, а также формулировании цельной идеологии. Директор рекламного агентства ПСР С.Озчелеби считает, что негативная мотивация кампании

таит в себе опасность – противник постоянно оказывается на виду. Ему вторит директор пиар-агентства «Эколь Реклам» Б.Гюрай; по его мнению, НРП избрала неконструктивную политику ответной реакции на действия и лозунги ПСР; в определенных дозах это продуктивно, если у партии-оппонента есть собственная четкая идеология.³³

Еще один фактор успеха ПСР – отсутствие правой альтернативы из-за краха союза правых партий, обращения ДП к прошлому, ко времени А.Мендереса, использование ностальгических рекламных лозунгов, малознакомых и неинтересных молодому избирателю. С другой стороны, агрессивная позиция ПНД хотя и импонирует определенной части своего электората, более умеренных избирателей отпугнула (в частности, символ агитации националистов – веревка, предназначенная для казни Оджалана, тоже прибавила голосов ПСР).

Многие наблюдатели полагают, что на результаты выборов повлиял и «виртуальный ультиматум», опубликованный генералами в конце апреля. Бывший посол США в Турции М.Пэррис считает, что после публикации письма на сайте ТВС 27 апреля авторитет турецких военных упал. «Хотя я и уважаю военных, и у меня много друзей среди них, вынужден признать: военные проиграли».³⁴

В первые недели после выборов состав парламента несколько видоизменился, после того как наспех сколоченная коалиция левоцентристов «затрещала по швам», а курдские депутаты, напротив, заявили об объединении. После всех пертурбаций расстановка сил в парламенте выглядела следующим образом: 340 кресел у Партии справедливости и развития, 99 – у Народно-республиканской партии, 70 у Партии националистического движения, 13 у Демократической левой партии, 20 у Партии демократического общества и 6 независимых депутатов. Тогда бывший министр юстиции Дж.Чичек в интервью CNN-Тюрк заявил, что Абдуллах Гюль – наиболее подходящий кандидат на пост президента, и благодаря тому, что большинство в меджлисе составляют сторонники ПСР, возникла благоприятная обстановка для его избрания.³⁵

Когда 13 августа А.Гюль был официально назван кандидатом на пост президента от ПСР во второй раз, депутаты продемонстрировали большую готовность к компромиссу. Члены ПНД заявили, что не будут бойкотировать предстоящие выборы и обеспечат необходимое по протоколу число присутствующих,

поскольку видят свою миссию в контроле над деятельностью ПСР. Несмотря на то, что исход выборов был более или менее ясен, они выставили своего претендента на президентский пост – бывшего помощника харизматического лидера партии А.Тюркеша, Сабахаттина Чакмакоглу. Независимый депутат от Стамбула У.Урас также обязался участвовать в предстоящих выборах и призвал не использовать процедуру выборов как орудие мести, поскольку парламент обновился более чем наполовину.³⁶ Подтвердила свое участие в выборах и ДЛП, также выдвинувшая своего кандидата в президенты, депутата от г.Коджаэли Т.Ичли, что было скорее символическим жестом, т.к. единственные, кто мог бы его поддержать – депутаты НРП, – по-прежнему опорствовали, бойкотируя выборы.

Вновь активное противодействие А.Гюлю оказали представители турецких вооруженных сил. Бывший глава комитета по борьбе с Рабочей партией Курдистана Э.Башер в интервью итальянской газете «Ла Република» не исключил вероятность переворота, если при выдвижении кандидата на пост президента ситуация выйдет из-под контроля. Однако, уточнил он, если кандидатом ПСР будет компромиссная фигура, то армии останется только уважать выбор народа, проголосовавшего за религиозных консерваторов. Башер выразил надежду, что этой фигурой станет не Гюль, чьи прошлые высказывания обнаруживают в нем противника республиканского режима, а им будет претендент, представляющий все движения.³⁷ На официальное празднование дня победы над греками глава Генштаба пригласил А.Гюля без супруги, т.к. она могла прийти в мусульманском платке. А в письменном поздравлении граждан с днем победы в несколько сокращенном виде вновь прозвучали тезисы «виртуального меморандума».

Несмотря на сохраняющееся сопротивление оппозиционных сил, А.Гюль с третьего раза все же одержал победу, набрав 339 голосов. Голоса в трех турах распределялись пропорционально количеству мест, занимаемых партиями в парламенте, т.е. каждая партия голосовала за своего кандидата. Независимые предпочли опускать в урну пустые бюллетени.

Вполне оправданным выглядит мнение, что избрание А.Гюля стало возможным в результате определенных уступок армии со стороны правительства, а именно – согласия на проведение антитеррористической операции в Северном Ираке. Об этом свидетельствует голосование по операции в парла-

менте, прошедшее под беспрецедентным давлением – все депутаты проголосовали «за», кроме курдов, причем голосование проводилось открыто. Хотя сейчас становится очевидным, что это была «пиррова победа» армии, поскольку правительству удалось оттянуть ввод войск на территорию Северного Ирака до поздней осени, когда активные военные действия существенно затруднены.

После избрания А.Гюля президентом наиболее важным остается вопрос, сможет ли ПСР, получив в руки все рычаги власти, остаться верной данным обещаниям? Удастся ли ей на самом деле выступить защитницей интересов всех граждан, включая и идейных оппонентов, и не поддаться соблазну перекрыть политический строй по своим представлениям, без учета других мнений?

Депутаты ПСР много раз говорили о том, что их движение не связано жестко с какой-либо идеологией, и им неважно, покрывают женщины головы или нет. По их словам, ПСР не делит избирателей на «наших» и «не наших», выступает против элитарного понимания демократии и во всем прислушивается к гражданскому обществу. Комментируя слова бывшего спикера меджлиса Б.Арынча о необходимости избрания «религиозного» кандидата, Эрдоган заметил: «Не знаю, что имел в виду Арынч. Мы не ведем религиозную пропаганду. Я сам стараюсь быть религиозным человеком, но защищать атеистов – также моя обязанность».³⁸

Тем не менее опасения лаицистов, возможно, не столь уж необоснованны, поскольку их противники то и дело дают серьезные поводы для беспокойства. Так, на регистрации депутатов ПСР в Батмане отмечено раздельное нахождение в помещении мужчин и женщин. Довольно активно растет число средних школ с религиозным уклоном – лицеев имамов-хатибов. Летом 2007 г. на «празднике плова», организованном обществом выпускников данных школ г.Антальи, бывший председатель Общества лучших выпускников и членов имамов-хатибов И.Солмаз заявил: «В других школах есть проституция, наркомания, а в школах имамов-хатибов – нет. Эти школы отражают истинное лицо нашей нации, и наш народ хочет, чтобы все школы подтянулись до уровня школ имамов-хатибов. Отдавайте же детей в эти школы, там учатся настоящие герои!». Преподаватели обычных школ осудили его высказывания, которые, по их мнению, оскорбляют 15 миллионов остальных

учащихся и их семьи, а также призвали министерство образования прокомментировать данное выступление.

За последнее время численность отелей, где мужчины и женщины отдыхают раздельно, а женщины ходят в тюрбанах, возросла до 27. Они расположены в Кушадасы, Стамбуле, Аланье, Эскишехире, Кахраманмараше, Афьоне и Чешме, содержатся на деньги крупных компаний, таких, как «Комбассан», «Камер», «Йымпаш», «Атлас». В середине июня владелец одной из таких гостиниц под названием «Бера» в Алании пожаловался журналисту на соседство отеля «Оазис», где иностранные туристки загорают «топлесс».³⁹

Общеизвестно, что вышеперечисленные компании, принадлежащие к среднему и мелкому капиталу периферийной Анатолии, обеспечивают экономическую базу успеха исламистов, тогда как старая олигархия Стамбула, Анкары, Измира по-прежнему поддерживает НРП и военных. Не будем забывать, что и сами военные обладают значительным экономическим потенциалом. Избрание же Гюля ставит под вопрос силу влияния прежней экономической элиты – семейств Коч, Сабанджи и других на действующий кабинет.

Но наиболее чувствительными для сторонников светских устоев являются попытки ревизии кемалистской идеологии, о необходимости которой время от времени говорят депутаты правящей партии. Еще накануне выборов член ПСР З.Ускюль выступил с предложением исключить из Конституции положения кемализма, чем навлек на себя гнев различных светских организаций (таких, например, как Общество ататюркистской мысли). Интересно, что государственный министр М.А.Шахин, комментируя выступление Ускюля, ограничился тем, что назвал его преждевременным.

В настоящее время работа над альтернативным вариантом турецкой Конституции идет полным ходом. Проект содержит множество кардинальных новшеств. По замыслу составителей, Высший военный совет и Верховная прокуратура, до сих пор обладавшие судебным иммунитетом, должны быть его лишены. По мнению ряда обозревателей, это сигнал к тому, что кадровые чистки в армейской среде на предмет причастности к исламу, до сих пор проводимые без какого-либо судебного решения, теперь могут быть обжалованы.

В проекте уточняется также понятие «гражданства»; напомним, что в нынешнем варианте ст.66 турецкой конституции

гласит, что «каждый, кто связан с Турецкой Республикой узами гражданства, является турком». В новой редакции добавляется, что турок – каждый гражданин Турецкой Республики, «невзирая на этнические и религиозные различия». Статус турецкого языка как государственного дополнен другим определением – «официальный»; тем самым допускается возможность широкого использования иных существующих в Турции языков, исключая лишь сферу служебного делопроизводства.

Новый проект конституции существенно расширяет понятия свободы совести и религии. Отдельная статья гласит, что «никого не должно принуждать к участию в религиозных обрядах и церемониях, к декларации своих религиозных взглядов и веры; никого не должно осуждать за религиозную веру и убеждения. Как существует право на свободу совести и вероисповедания, так и существует право на смену вероисповедания».⁴⁰ Из статей о свободе мысли, вероисповедания, совести, образования изъято положение об ограничении данных прав в случае, если они противоречат «основным республиканским принципам и нерушимому единству нации». Наконец, планируется каким-то образом разрешить проблему ношения «тюрбанов» в общественных местах.

Возможность серьезной переработки текста конституции становится еще более реальной в свете результатов референдума по вопросу о всеобщих президентских выборах, состоявшегося в октябре 2007 г. Тот факт, что большой процент населения поддержал предложение правительства, говорит об устойчивости позиций умеренного исламизма в стране, невзирая на существенное обострение отношений с США, связанное с принятием американским Конгрессом резолюции о признании армянского геноцида, а также паузу в переговорах с Евросоюзом из-за иракской операции. К тому же для ЕС согласие с фактом геноцида является принципиальным условием для продолжения переговоров с Турцией.

На новый проект возлагаются большие надежды: в принципе, он должен помочь активизировать переговоры Турции с ЕС, поскольку косвенно признает существование в Турции иных этноконфессиональных групп, помимо турок-суннитов, а также в очередной раз урезает права армейской верхушки, что соответствует основным требованиям европейцев. С другой стороны, очевидно, что таким образом получит, наконец, законодательное оправдание новое, альтернативное кемалистско-

му понимание лаицизма как гарантии свободы вероисповедания, защиты религиозной культуры, независимости религиозной сферы от диктата государства. А это создает противоречие между изначальным стремлением ПСР к демократизации законодательства, провозглашаемым ею намерением ни в коем случае не приносить в жертву ни один из республиканских принципов, и фактической трансформацией государственной идеологии в интересах большинства.

¹ Hürriyet, 13.04.2007.

² Ibid, 23.06.2007.

³ Ibid, 25.04.2007.

⁴ Ibid, 24.04.2007.

⁵ 1982 Türkiye Cumhuriyeti Anayasası metni, md. 101–102.

<http://www.tbmm.gov.tr/Anayasa.htm>

⁶ Б.Аталай известен тем, что в 1997 г. был по требованию военных отстранен Высшим комитетом по образованию от должности ректора университета г.Кырыккале, якобы как сторонник радикального исламизма; в нынешнем кабинете занял пост министра внутренних дел.

⁷ Hürriyet, 11.05.2007.

⁸ Ibid, 20.04.2007.

⁹ Ibid, 30.04.2007.

¹⁰ Ibid, 13.05.2007.

¹¹ Премьер-министр Р.Т.Эрдоган окончил школу с религиозным уклоном – лицей имамов-хатибов.

¹² Касымпаша – стамбульский район, где прошло детство Р.Т.Эрдогана.

¹³ Hürriyet, 30.04.2007.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ <http://www.tsk.mil.tr>, 27.04.2007 tarihli basın açıklaması.

¹⁶ Сайт NTV-NBC, <http://www.ntvmsnbc.com/news/406625.asp>

¹⁷ La Liberation, 19.05.2007,

<http://www.liberation.fr/rebonds/254734.FR.php>

¹⁸ Hürriyet, 28.04.2007.

¹⁹ Ibid, 1.05.2007.

²⁰ Ibid, 02.05.2007.

²¹ Ibid, 10.05.2007.

²² Ibid, 11.05.2007.

²³ Ibid, 4.05.2007.

²⁴ Ibid, 07.06.2007.

²⁵ Закон ратифицирован парламентом 29 июля 2003 г. и вошел в историю под названием «Возвращение домой»; он гарантировал амнистию или смягчение наказания курдским боевикам, добровольно сдавшимся в плен либо доказавшим, что они не принимали непосредственного участия в террористических операциях.

²⁶ Hürriyet, 12.06.2007. Ранее Эрдоган отверг обвинения в адрес правительства, звучавшие во время похорон убитых солдат, пригрозив тем, кто незаслуженно оскорбляет госслужащих, судебным разбирательством.

²⁷ Ibid, 07.07.2007. Нефтехимический концерн «Петким» в результате тендера был продан бизнесменам арабского и армянского происхождения.

²⁸ Ibid, 28.06.2007.

²⁹ Ibid, 18.05.2007.

³⁰ Ibid, 4.07.2007.

³¹ Ibid, 17.07.2007.

³² Ibid, 27.07.2007.

³³ Ibid, 28.07.2007.

³⁴ Ibid, 26.07.2007.

³⁵ Ibid.

³⁶ Ibid, 28.07.2007.

³⁷ Ibid, 24.06.2007.

³⁸ Ibid, 14.05.2007.

³⁹ Ibid, 18.06.2007.

⁴⁰ Ibid, 22.08.2007.

В.В.Куделев

ВОССТАНИЕ ТУАРЕГОВ В МАЛИ И НИГЕРЕ: ВОЗМОЖНЫЕ ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Февраль 2007 г. стал точкой отсчета второго восстания туарегов в ряде стран Сахеля, главным образом в Нигере и Мали. Как известно, первое имело место в начале 90-х годов прошлого столетия и завершилось подписанием мирного соглашения в 1995 г. Прежде всего вспомним, кто такие туареги.

Некоторые исследователи полагают, что туареги – одна из ветвей амазигов или берберов, считающихся автохтонным населением Северной Африки. Имазигены (множественное число от амазиг) являют собой один из самых древних народов, проживающих в Северной Африке, по некоторым данным, уже 10 тысяч лет, и имеющих богатейшую историю. Понятие земля "тамазга" относится к территориям, на которых исторически жили берберы – от Канарских островов на западе, вдоль южного берега Средиземного моря до египетского оазиса Сива – на востоке, и до реки Нигер – на юге (1, с. 3).

После завоевания Северной Африки арабами началась ассимиляция берберов, насаждение среди них ислама и арабского языка, фальсификация берберской истории. Этот процесс был достаточно длительным. Устоять против арабского проникновения удалось, пожалуй, только туарегам. Во многом это случилось потому, что они укрылись в удаленных районах современного Сахеля, оказавшихся недоступными для завоевателей. Именно туареги смогли сохранить имеющую отчетливо выраженные геометрические формы графику языка тафинаг, существующую уже 4 тыс. лет. В период новейшей истории проблема признания берберской самобытности в странах региона быстро актуализировалась и привела к созданию в 80-е годы XX столетия движений протестного характера. 10 лет спустя туареги Нигера и Мали были вынуждены с оружием в руках бороться за свое выживание. И вот – новый конфликт.

Он затронул пока две страны – Нигер и Мали – и сразу же получил название "уранового" (5), поскольку в этом регионе находятся значительные запасы урановой руды.

Формальным зачинщиком конфликта выступило Движение нигерийцев за справедливость (ДНС), объявившее своей целью достижение социально-экономического равенства туарегов с остальными группами населения, в частности, равноправного распределения доходов от эксплуатации природных богатств Нигера, предоставления туарегам возможности продвигаться по служебной лестнице в национальной армии и заниматься политической деятельностью.

ДНС, которое возглавляет Агали аг Аламбо, привлекло к себе внимание мирового сообщества после того, как его боевики совершили серию атак на объекты центрального правительства и иностранных компаний, работающих в северной части страны. Вторым лицом в ДНС является Мохаммед Ашариф. Бывший капитан армии Нигера дезертировал и примкнул к повстанцам в мае 2007 г. Официальным представителем ДНС является Мохтар Роман.

ДНС мотивировало свои действия тем, что правительство Нигера якобы не выполнило обязательств, взятых при заключении в Уагадугу мирного соглашения в 1995 г. в части, касающейся более справедливого распределения доходов от добычи полезных ископаемых и, в частности, урана (2).

Как заявил еще в мае с.г. М.Роман, "здесь (в регионе проживания туарегов) нет работы, нет школ, нет даже питьевой воды". "Это – геноцид, а правительство коррумпировано, оно забирает деньги у людей и оставляет их жить в нищете", – отметил он (7). Вот почему, по словам М.Романа, "ДНС – это не только движение туарегов". Он же отверг официальные обвинения Ниамея в адрес повстанцев, которые якобы занимаются наркотрафиком и торговлей оружием. "В этом регионе действительно есть контрабандисты, однако они взаимодействуют с правительством и президентом. Сахара превратилась в транзитный путь для них, а у нас нет ни малейшего намерения заниматься этим", – утверждал он (7).

Как отмечают наблюдатели, действия А. Аламбо во многом стали попыткой повторения опыта действующей в Мали группы Демократический альянс за изменения (ДАИ), которая после серии боестолкновений в период с мая по июль 2006 г. подписала в Алжире мирное соглашение с Бамако.

В период между 18 и 22 июня боевики ДНС совершили две вызвавших громкий резонанс вылазки. Они атаковали второй по значению аэропорт страны в Агадесе и военный пост в Тазерзайте. В ходе последней атаки они убили 15 солдат, еще 72 военнослужащих правительственных войск попали в плен. Позднее 39 из них были освобождены при посредничестве Международного Комитета Красного Креста (МККК) и Ливии. 17 сентября при содействии Ливии туареги освободили еще 14 солдат. Это было сделано в ответ на личную просьбу лидера ливийской революции Муамара Каддафи к лидерам ДНС, что продемонстрировало наличие по меньшей мере некоего канала связи между Триполи и ДНС. Этот переговорный процесс не помешал туарегам атаковать 7 сентября военную базу в Агхарусе, захватив при этом в плен еще шестерых военнослужащих.

Первоначально численность формирований ДНС оценивалась в 500–600 человек. Однако уже к августу за счет туарегов-дезертиров из национальной армии она увеличилась до 2 тыс. человек. В частности, на сторону ДНС перешли многие бойцы роты быстрого реагирования правительственной армии. Это подразделение было подготовлено американскими инструкторами на деньги США специально для борьбы с террористами

Особую активность ДНС проявляет в регионе Агадеза, где находятся урановые шахты, которые дают Нигеру 16% ВВП. По объему добычи урана эта страна занимает третье место в мире. Со своей стороны власти Нигера утверждают, что активизация ДНС была якобы инициирована французской группой "Арева", ведущей добычу урана в этой стране. Если это так, тогда зачем было боевикам ДНС в июне минировать дорогу, связывающую Арлит, где ведется добыча, с портами Бенина, через которые вывозится уран? Иное мнение высказали некоторые СМИ Нигера, согласно которому ДНС якобы пользуется поддержкой Триполи. Эта точка зрения представляется достаточно правдоподобной, поскольку в ведущемся в настоящее время торге между Францией и Ливией относительно строительства АЭС в Джамахирии Триполи нуждается в определенном рычаге давления на Париж. Что касается Франции, то все ее генерирующие мощности многочисленных АЭС, а также атомные военные программы зависят от поставок урана из Нигера, поэтому любой перебой в таких поставках чреват для нее серьезными последствиями.

Со своей стороны ДНС обвинило центральные власти в минировании дороги, указав, что для этого использовались мины китайского производства.

Впрочем, приходится признать, что есть аргументы в поддержку и первой версии. Стоит напомнить, что после 36 лет монопольного "пользования" недрами Нигера у "Аревы" появился мощный конкурент после того, как нигерийское правительство подписало соглашение с китайской государственной компанией SinoU, которая будет вести добычу урана в районе Тегиды. 6 июля боевики ДНС захватили чиновника из руководства SinoU, однако затем отпустили его. Эта акция повлекла за собой приостановку строительства рудника в Тегиде. Уже в июле "Арева" и правительство Нигера вошли в прямой конфликт, обвинив друг друга в поддержке туарегов. 1 августа Ниамей аннулировал все контракты с "Аревой", однако благодаря усилиям французских дипломатов это решение было отменено в обмен на увеличение французской помощи Нигеру. В связи с ростом цен на уран на мировом рынке Нигером стали все больше интересоваться и американские компании.

Следует сказать еще об одном сугубо экономическом последствии действий ДНС: 30 августа крупнейший авиаперевозчик, занимавшийся доставкой туристов из стран Европы в Агадес, заявил о приостановке рейсов до конца сезона 2007 г. За несколько дней до этого президент Нигера Мамаду Танджа ввел чрезвычайное положение в регионе Агадеса и предоставил спецслужбам исключительные права с тем, чтобы развязать им руки в борьбе с восстанием туарегов (4). Подобная мера предпринята всего в третий раз за всю историю независимого Нигера. Одновременно Танджа направил две высокопоставленные делегации в Ливию и Судан. По имеющимся данным, в Триполи делегация попыталась убедить Каддафи заняться урегулированием конфликта в качестве официального посредника Сообщества государств сахаро-сахельской группы. В Хартуме представители Танджи попросили помочь техникой и оружием (4).

За выступлениями туарегов Нигера последовали атаки их малийских соплеменников. 17 мая они атаковали армейский пост в районе Тинзаутина на стыке границ Мали, Алжира и Нигера. В ходе первой вспышки боевых действий, продлившись до июля, туарегам удалось захватить в заложники до 30 военных и гражданских лиц. Затем, несмотря на соглашение о пре-

кращении огня, туареги развязали минную войну. Так, 30 августа по меньшей мере 10 человек из числа гражданского населения погибли на севере страны в результате подрыва на mine грузовика.

В тот же день произошло еще одно знаковое событие. 30 августа полковник Хасан аг Фагага, в свое время поставивший свою подпись под соглашением 2006 года, дезертировал из малийской армии и примкнул к отрядам Ибрагима аг Баханги, который ранее тоже служил офицером в национальной армии. Уже 2 сентября его примеру последовали с оружием и автотехникой 165 туарегов, дезертировавших из малийской армии.

14 сентября вооруженные туареги из группировки Ибрагима аг Баханги атаковали малийский населенный пункт Тинзаутин на границе с Алжиром в 2 тыс. км к северо-востоку от Бамако, сорвав тем самым хрупкое перемирие, заключенное двумя неделями ранее. В обмен на освобождение захваченных ранее заложников Баханга потребовал вывести из региона Тинзаутина малийские войска.

За два дня до нападения на Тинзаутин туареги обстреляли американский военно-транспортный самолет, который выполнял рейс, связанный с тыловым обеспечением малийских войск. Последние при содействии США пытаются не допустить проникновения в северные районы страны формирований "Аль-Каиды в странах исламского Магриба" (АКМ). Американцы находились в Мали в рамках проведения многонациональных учений "Флинтлок-2007", организованных по курируемой США программе "Транссахарское партнерство по борьбе против терроризма".

После того, как туареги заминировали автодорогу, связывающую Тинзаутин с югом страны, малийские военные в этом населенном пункте оказались по меньшей мере на 4 дня в полной изоляции. Атаку на Тинзаутин местные наблюдатели связали со стремлением туарегов оседлать проходящие в этом районе торговые пути, соединяющие страны Магриба и Сахеля. Как и в случае Нигера, свои услуги посредника между туарегами и Бамако предложил М.Каддафи.

Первоначально движения туарегов Мали и Нигера действовали порознь. Однако 27 августа ветеран предыдущего восстания и свекр Баханги Хама аг Сидрахмед объявил о создании организации Альянс-туареги-Нигер-Мали (АТНМ). Он же занял пост официального представителя этой организации. Уже

в сентябре в интервью алжирской газете "Аль-Ватан" он пояснил, что выступление туарегов в Мали обусловлено срывом центральным правительством ряда "приоритетных обязательств", взятых им на себя при подписании соглашения 2006 г. (2). "То, что происходит в настоящее время на севере Мали и в Нигере, – всего лишь результат неуважения соглашений со стороны властей, если не сказать – их попрания", – отметил он. Сидрахмед полагает, что в связи с этим туареги Мали и Нигера имеют полное право "отказаться от соблюдения мирных соглашений, которые не принесли им мира".

В этом же интервью он признал, что многие участники предыдущих выступлений туарегов в Мали и Нигере не поддержали возвращение к вооруженной борьбе, что фактически разделило туарегов на "бывших повстанцев" и "новых повстанцев". К первой группе он отнес некоторых руководителей прежнего выступления, которые, получив "отступное" от властей, "забыли о тысячах тех, кого они вели за собой". В этой связи он образно назвал Демократический альянс за изменения "пустой раковиной". Определяя основные цели АТНМ, он назвал "борьбу за признание политической, культурной и социальной специфичности туарегов Мали и Нигера". Отныне, полагает Сидрахмед, решение проблем туарегов необходимо искать на международном, а не локальном уровне. Конечной целью туарегов Мали и Нигера он назвал достижение "полной автономии, в которой будут учитываться все специфичные особенности туарегов".

В столицах стран региона не без оснований опасаются, что совместные действия туарегов разных стран еще больше усугубят здесь ситуацию, и без того сложную из-за действий АКМ. Однако в Ниамее и Бамако по-разному подходят к решению проблемы туарегов (8). Если в первой столице отрицают это движение, списывая все вооруженные столкновения на неких "бандитов", во второй, похоже, больше склонны к переговорному процессу.

Подобное отношение к восстанию со стороны властей двух стран не замедлило сказаться. 19 сентября Ибрагим аг Баханга объявил, что его формирования объявляют перемирие. Одновременно он обязался освободить "в скором времени" всех заложников и ликвидировать выставленные туарегами минные поля (3). Приказ "не шевелиться" получили и подразделения правительственных войск. Достижению перемирия содейство-

вали старейшины региона Кидаль на севере Мали, Алжир и бывший компаньон аг Баханги по предыдущему восстанию Айяд аг Гали. Теперь остается дождаться, насколько прочным и долговременным будет это перемирие.

В соседнем же Нигере президент Танджа направил в район Агадеса 4 тыс. солдат с задачей подавить выступление "бандитов". Ранее власти Нигера предупредили работающих в стране журналистов о нежелательности освещения событий, связанных с деятельностью туарегов. 5 октября Танджа заявил о готовности сесть за стол переговоров, однако тут же обусловил начало диалога невыполнимым требованием – разоружением повстанцев (6).

В начале сентября 2007 г. в Ливии побывал с визитом президент Мали Амаду Тумани Туре (в просторечье – АТТ). По итогам встречи с Каддафи было решено созвать в Триполи встречу глав стран Сахеля, на территориях которых проживают туареги (Алжир, Буркина-Фасо, Ливия, Мали, Нигер) с тем, чтобы обсудить "вопросы безопасности". Однако дата встречи пока не определена. Почему АТТ поехал именно в Триполи, чтобы утихомирить туарегов? Ответ на этот вопрос станет ясным в ближайшем будущем.

Уже в третьей декаде сентября АТТ обратился к Алжиру с просьбой о посредничестве. Причем это было сделано всего лишь день спустя после того, как аг Баханга объявил перемирие. Подобный демарш руководителя Мали, генерала, выпускника Рязанского училища ВДВ (все перечисленные детали вряд ли характеризуют его как "голубя"), также ставит ряд вопросов, на которые пока нет ответов. Первый из них – насколько верит АТТ в прочность перемирия, которое по состоянию на начало декабря 2007 г. оставалось в силе? Такое опасение существует, поскольку в Нигере ДНС со своей стороны также объявило перемирие, однако сразу же назвало его временные рамки – только на период рамадана, но затем продлило его.

Соглашаясь с формальным правом туарегов на признание их самобытности в качестве одной из побудительных причин их действий, все-таки трудно с учетом вышеизложенного отделаться от впечатления, что их очередное выступление было инспирировано некими внешними силами.

В самом деле, как отмечают наблюдатели, у бойцов ДНС достаточно тяжелого оружия, спутниковых телефонов и навигационных приемников глобальной системы позиционирования

Джи-Пи-Эс. Понятно, что без поддержки извне вряд ли они могли обзавестись подобной техникой. И не случайно многие увидели в событиях в Мали и Нигере отражение соперничества Алжира и Ливии в борьбе за степень своего влияния в регионе (4).

Алжирская газета "Экспресс" прямо написала, что "маневры ливийского руководителя в сахаро-сахельском регионе могут привести к новой напряженности" (4). Но это писала заинтересованная алжирская газета. Поэтому только когда станет ясно, кто реально стоит за туарегами, можно будет делать выводы о других причинах перехода застарелого конфликта в "горячую" фазу. А пока делать окончательные выводы о всей совокупности причин выступления туарегов представляется преждевременным.

10 ноября зона деятельности туарегов расширилась на юг Алжира. В тот день неизвестные обстреляли алжирский военно-транспортный самолет, находившийся на аэродроме города Джанет (1800 км к юго-востоку от Алжира). Ответственность за это нападение взяло впервые проявившее себя Движение за автономию Сахары (ДАС). Как писала в этой связи алжирская газета "Аль-Ватан", "многочисленные детали вынуждают полагать, что в данном случае речь идет о псевдодвижении, движении политическом, финансируемом Францией или Ливией – двумя странами, которые борются за право контроля над туарегами Сахеля" (2, 21.11.2007).

Здесь же стоит напомнить, что у Ливии и Нигера исторически сложные отношения из-за территориального спора. Поэтому многие в Ниамее открыто обвиняют Каддафи в оказании поддержки туарегам (5).

В любом случае возникновение нового очага напряженности, наложившейся на достаточно сложную ситуацию, вызванную активизацией деятельности "Аль-Каиды" в странах Сахеля, лишь усугубляет проблемы региональной безопасности. Дело в том, что если в предыдущие годы туареги в странах региона содействовали правительственным войскам в их борьбе против проникновения формирований "Аль-Каиды" (так это, например, было в 2004 г. в ходе рейда формирования алжирской Салафистской группы проповеди и джихада во главе с Омари Сайфи (Абдерраззак Пара) по странам региона), то в современных условиях АКМ становится их вынужденным, но естественным союзником. До какого уровня поднимется в своем развитии этот союз в случае его гласного или негласного

оформления – ответ на этот вопрос также будет получен в ближайшем будущем.

1. *Сергеев М.С.* Берберы Северной Африки. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2003.
2. Al-Watan, Alger.
3. Agence France Presse, Paris.
4. L'Expression, Alger.
5. The Economist, London.
6. Le Monde, Paris.
7. www.irinnews.org
8. Le Pays, Ouagadougou.

В.Ю.Кукушкин

**МОЖНО ЛИ «ЗАСТАВИТЬ» БЛИЖНИЙ ВОСТОК
СНАБЖАТЬ НЕФТЬЮ PAX AMERICANA?¹**

Четырех с половиной лет оккупации Ирака (после войны в марте 2003 г.) оказалось более чем достаточно, чтобы подтвердить пессимистические прогнозы многих экспертов и аналитиков разных специальностей – экономистов, политологов... – накануне этих событий. Террористические, прочие кошмары «освобожденной от тирании, демократизированной» арабской страны доказали невозможность обеспечить энергетическую безопасность (наряду с безопасностью во многих других, если не во всех, областях) современного мира, опираясь по преимуществу на силу оружия, пусть даже на весь потенциал самой мощной военной и экономической державы – США – с ее союзниками.

Более того, возросшая напряженность на Ближнем Востоке остается важным конъюнктурным стимулом высоких цен на энергоносители, начиная с нефти, продолжая природным газом и другими видами топлива, что создает дополнительные проблемы для государств, импортирующих эти ресурсы, включая сами Соединенные Штаты. Наконец, «добровольное бремя» их функций всемирного арбитра и полицейского потребовало таких расходов, которые (наряду с другими факторами) вносят все более существенный вклад в бюджетный дефицит и уже начали заметно расшатывать американскую финансовую систему. Согласно публикации одного из крупнейших американских информационных агентств – Associated Press, которое, в свою очередь, опирается на оценки исследователей Гарвардского университета² и экспертов конгресса США, к ноябрю 2007 г. суммарные правительственные расходы в Ираке (на военные действия, оккупацию и по другим статьям) превысили 464 млрд. долл., продолжая увеличиваться еще минимум на 10 млрд. ежемесячно. Ранее, в самом начале 2007 г., предстоящие затраты только лишь на оплату медицинского обслуживания и пособий по нетрудоспособности американским ветеранам боевых действий в Ира-

ке и Афганистане оценивались в пределах 350–700 млрд. долл.³ Неудивительно, что, в конце концов, это подрывает авторитет доллара как главной расчетной, резервной денежной единицы и в целом основы международных валютно-кредитных отношений. Позиции валюты США ослабевают в пользу ее конкурентов, прежде всего евро. Например, летом 2007 г. доли доллара и евро в международных расчетах почти сравнялись: на каждую из валют приходилось 43% и 39% операций соответственно.

Вероятно, хотя бы некоторые из упомянутых отрицательных последствий, по крайней мере, частично принимались в расчеты при принятии решений об американском вооруженном вмешательстве на Ближнем и Среднем Востоке. Однако, скорее всего, их надеялись с лихвой компенсировать быстрым восстановлением, а затем и дальнейшим развитием нефтеэкспортного потенциала Ирака под преобладающим, если не безраздельным, государственно-политическим и частно-корпоративным контролем прежде всего США, а также (несравненно меньшим) Великобританией. Ставки в этих расчетах были очень высоки, а соответственно велика была цена вождеденного выигрыша, который до рубежа 2007–2008 гг. оборачивался проигрышем.

К началу 2007 г. авторитетная западная периодика, публикующая нефтяную статистику (американские “Oil & Gas Journal”, “World Oil” и британский “BP Statistical Review of World Energy”), с разницей незначительных нюансов оценивала доказанные запасы иракской нефти в пределах 15,5–16,1 млрд. т, ставя их на третье место в мире вслед за саудовскими (36,3–37,0) и иранскими (18,9–19,2 млрд. т) соответственно⁴. Преобладающую часть этого натурально-ресурсного потенциала Ирак пока не сумел включить в хозяйственный оборот.

За весь оккупационный период была лишь частично восстановлена предвоенная производительность иракской нефтедобывающей промышленности, напомним, работавшей в «блокадном» режиме более дюжины лет: с 1991 до начала 2003 г. В среднегодовом исчислении Ирак добывал нефть (с учетом газового конденсата) на уровнях 98,1 млн. т в 2006 г. и 100,1 млн. т (по предварительным данным) за первую половину 2007 г. Конечно, это несколько выше военного 2003 г. (66,1 млн. т), но заметно уступает конечному периоду пребывания у власти режима Саддама Хусейна: например, в 1999–2000 гг. было добыто 128,3–128,8 млн. т жидкого топлива. Для сравнения можно упомянуть, что соседний Иран в 2006 г. добыл более чем

вдвое нефти и газоконденсатных жидкостей – 209,8 млн. т⁵ или почти 214% относительно иракского уровня, хотя также испытывал существенные технологические трудности в области эксплуатации и модернизации своих нефтепромыслов (в т.ч. из-за американских экономических санкций) и располагал доказанными нефтяными запасами, которые лишь на 14,3–19,3% превышали иракские согласно позднейшим оценкам.

Логично оценить вероятные результаты более полного использования нефтяного ресурсного потенциала Ирака, опираясь на реальные современные показатели его восточного соседа, также довольно далекие от максимальных возможностей. Тогда напрашивается вывод: США не смогли обеспечить политико-экономические условия для производства и поставок дополнительной продукции количеством, по меньшей мере, около 100 млн. т жидкого топлива ежегодно на мировой рынок. Важно, что эти вероятные поставки оказались бы под американским контролем, если не формально юридическим, то почти наверняка фактическим.

Упомянутая цифра приближается к масштабам временно свободных нефтепромысловых производственных мощностей, которыми располагают все участники ОПЕК. Во втором квартале 2007 г. эти мощности измерялись 121 млн. т, в четвертом ожидалось их сокращение ниже 94 млн. т в год, а до конца 2008 г. прогнозировались колебания в пределах 107–136 млн. т вокруг среднего уровня 125 млн. т в год, по оценкам министерства энергетики США⁶. Согласно экспертам этого американского энергетического ведомства, резервные нефтедобывающие мощности в странах-участницах организации в первой половине 2007 г. расширились почти на 85,5 млн. т по сравнению с 35,5 млн. т в год в августе-декабре 2004 г., когда производственные резервы находились на самом низком уровне со времени оккупации Ирака.

На долю всего одной страны – Саудовской Аравии приходилась абсолютно преобладающая часть отмеченного прироста: соответственно на 70 млн. т с 25 до 95 млн. т в год. Последняя цифра превышала 78,5% суммарных производственных резервов ОПЕК во втором квартале 2007 г. Еще почти 8,3% (10 млн. т в год) располагал Кувейт и 4,1% (5 млн. т в год) – Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) или, точнее, один крупнейший эмират Абу-Даби. Остальные участники организации экспортеров нефти (из девяти стран к ним принадлежали

лишь Алжир, Катар, Иран, Ливия и Венесуэла) вместе обладали менее чем 9,1% резервных промысловых мощностей (около 11 млн. т в год)⁷. Концентрация главных производственных резервов, относительная свобода распоряжения ими в национально-государственных интересах и связанная с этим роль «балансирующего» поставщика жидкого топлива уже несколько десятилетий обеспечивает Саудовской Аравии фактическое ценовое лидерство в рамках ОПЕК и, следовательно, широкие возможности влиять на конъюнктуру мирового нефтяного рынка. В периоды повышения рыночного спроса их эффективность особенно велика. Они становятся максимальными в случае координации производственной и экспортной стратегии с тремя другими экспортерами жидкого топлива и одновременно саудовскими партнерами по ОПЕК и Совету сотрудничества государств Арабского (Персидского) залива – Кувейтом, ОАЭ и Катаром.

На современном, уже довольно продолжительном этапе подорожания энергосырьевых товаров в международной торговле с начала XXI в. упомянутые нефтяные монархии Аравии, а также немногочисленная группа других, относительно малонаселенных и богатых углеводородными ресурсами стран вновь озадачены комплексом стратегических проблем (социально-экономических и политических, внутренних и внешних), которые жизненно важны не только для них, но и для всей мировой экономики. По своей сути и актуальности эти проблемы весьма аналогичны тем, что уже вставали после первой «революции цен» на нефть 1973–1974 гг. и, к сожалению, во многом до сих пор не смогли найти рациональных решений. В очерченной проблематике на первый план выступают задачи, связанные с регулированием объемов, а также с оптимальным применением растущих (пока главным образом номинально) валютных доходов от энергосырьевого экспорта. Чаще всего применительно к упомянутой группе государств эти задачи формулируются понятиями «поглощающих» или «впитывающих»⁸ способностей их национальных экономик, которые рассматриваются как самостоятельно, так и во взаимодействии с мировым сообществом⁹.

Если попытаться очертить круг данных задач предельно кратко, с неизбежным грубым упрощением, то они сведутся к трем альтернативам в сфере натурально-ресурсной и финансово-экономической политики, как правило, взаимоисключающим: 1) законсервировать существенную часть доказанных

(и, тем более, вероятных и прогнозных) запасов углеводородного сырья для последующей разработки в некой перспективе; 2) активизировать освоение (траты) экспортных доходов (стимулируя инвестиции в реальные активы, «человеческий» капитал, структурное реформирование, научно-технический прогресс и прочие способы рациональной «конверсии» ископаемых ресурсов в развитие национальной экономики); 3) увеличивать накопление зарубежных активов (валютно-финансовых резервов, портфельных, прямых инвестиций) и вывоз сбережений за границу в других формах.

Примеры ограниченных «поглощающих» способностей национальной экономики в экстремальных формах, пожалуй, наиболее отчетливо демонстрирует недавняя социально-экономическая история и современность Кувейта. Среди крупных поставщиков нефти на мировые рынки это государство стало первым, у кого еще в 1960-е годы начали регулярно накапливаться «свободные» валютные сбережения, позволившие стать экспортером капитала, а также донором финансовой помощи другим арабским и иным развивающимся странам. Дальнейшая судьба аравийского эмирата складывалась далеко не всегда безоблачно, особенно если вспомнить и оккупацию Ираком в 1990 г., и освобождение от нее, повлекшие жертвы, разрушения и одну из крупнейших экологических катастроф в истории нефтегазовой промышленности. Однако и тяжкие последствия этих печальных событий, и чрезвычайно дорогостоящие затраты, понесенные в процессе их ликвидации, остались позади. Спустя десять лет государственные бюджеты Кувейта вновь исполнялись со значительными профицитами, которые достигали в 2000/01 и 2004/05 (оценка) финансовых годах соответственно 50,9% и 40,9% суммарных бюджетных доходов. Актив платежного баланса по текущим операциям в 2000 и 2004 годах измерялся 14671 млн. и 17323 млн. долл., составив соответственно 80,7% и 62,4% по отношению к стоимости экспорта кувейтской нефти наряду с продуктами ее переработки за те же годы¹⁰. Норма государственных сбережений, т.е. в данном случае доля «избыточных» накоплений, не израсходованных внутри страны, а вложенных в зарубежные активы, достигала 28% валового внутреннего продукта (ВВП) эмирата в 2004/05 г.

По этим финансовым и макроэкономическим параметрам другие нефтяные монархии Аравии – партнеры по Совету сотрудничества государств Персидского залива – в разной мере

уступали Кувейту, но не отличались от него радикально. Например, нормы государственных сбережений Катара и ОАЭ в 2004 г. приближались к 23–24% их ВВП, Омана – к 20%. Только в экономиках Бахрейна и отчасти Саудовской Аравии к тому времени «поглощающие» способности наблюдались относительно больше, а нормы государственных сбережений, напротив, «скромнее» – около 7–8% и 12–13% ВВП обеих стран¹¹. В то же время показатели внешних расчетов зачастую сближали страны анализируемой группы. Так, актив платежного баланса Саудовской Аравии по текущим операциям в 2004 г. оценивался 51,6 млрд. долл. или 46,4% относительно стоимости ее «нефтяного» экспорта¹².

Эксперты Международного валютного фонда (МВФ) в 2006 г. прогнозировали дальнейшее абсолютное увеличение «избыточных» финансовых накоплений Кувейта на 2007–2010 гг. при малозаметной тенденции к понижению их доли относительно ВВП эмирата. Однако этот страновой прогноз МВФ, в свою очередь, базировался на декабрьских оценках 2005 г. применительно к удорожанию нефти в мировой торговле, которые позже неоднократно пересматривались в сторону повышения, отражая более быстрый фактический рост цен¹³. Соответственно ожидания роста кувейтских государственных сбережений могли оказаться заниженными. Аналогичные тенденции обнаруживались в других государствах – участниках Совета сотрудничества по ряду приведенных показателей. Например, положительное сальдо платежного баланса по текущим операциям в 2005–2006 гг. приближалось к 56–58% от «нефтеэкспортных» доходов Саудовской Аравии, а ее государственные сбережения – к 17,2% от ВВП в 2006 г. Правда, иностранные активы это королевство накапливало гораздо медленнее, нежели Кувейт. Вначале значительную часть прироста валютных поступлений Саудовская Аравия направляла по аналогии с Российской Федерацией на погашение государственного долга, образовавшегося до 2000-х годов¹⁴.

Инфляционные риски от собственного перенакопления валютной ликвидности наряду с обесцениванием долларовых авуаров ввиду осложнения уже упомянутых диспропорций американской экономики явно склоняют государства, наиболее богатые (в расчете на душу коренного населения) углеводородными ресурсами, в сторону консервации значительной части их запасов. Или, во всяком случае, удерживают от форсиро-

ванного экспорта жидкого топлива только лишь ради стабилизации конъюнктуры на мировых энергосырьевых рынках, если руководствоваться формальной логикой из любого стандартного учебника макроэкономической теории. Единственным контраргументом могли бы послужить цели сохранения своих сегментов на этих рынках от конкуренции поставщиков альтернативных энергоносителей, а также энергосберегающих образцов техники и технологий. Однако в свете позднейших прогнозов роста мирового спроса на нефть и газ, особенно со стороны Китая, Индии, других новых индустриальных стран, подобный контраргумент представляется все слабее.

Казалось бы, во многом вопреки приведенной логике среди участников ОПЕК и одновременно Совета сотрудничества именно четыре аравийских государства реализуют наиболее последовательные и обширные программы наращивания нефтепромысловых и нефтеперерабатывающих экспортных мощностей, как на своей территории, так и за рубежом. Это прежде всего Саудовская Аравия и Кувейт, а также ОАЭ и Катар. Первые две из четырех стран, как отмечено выше, уже обладают крупнейшими производственными и экспортными резервами, соответственно являясь главными «балансирующими» поставщиками самой дефицитной энергосырьевой продукции на мировой рынок.

Саудовская государственная нефтегазовая компания Saudi ARAMCO многократно подтверждала приверженность своим инвестиционным планам общей стоимостью свыше 80 млрд. долл. Благодаря им к 2009 г. нефтедобывающие мощности королевства намечено довести до 625 млн. т ежегодно, т.е. расширить не менее чем на 100 млн. т по сравнению с уровнем середины 2007 г. – наличными мощностями, позволяющими добывать 525 млн. т нефти ежегодно. Эти инвестиционные планы ARAMCO включают также ассигнования на развитие газовой и нефтеперерабатывающей индустрии, подразумевая ввод в строй новых объектов как на саудовской территории, так и за рубежом¹⁵.

Хотя в 2002–2005 гг. Кувейт уже увеличил добычу нефти на 47,5%, на первом этапе своей программы (2005–2008 гг.), аналогичной саудовской, благодаря государственным инвестициям около 10 млрд. долл. намечено довести производительность нефтепромыслов минимум до 150 млн. т в год, т.е. добавить 19 млн. т к 131 млн. т наличных годовых нефтедобываю-

щих мощностей середины 2007 г. На втором, перспективном этапе кувейтской программы (2009–2020 гг.) предусматривается дальнейшее увеличение этих мощностей до 200 млн. т в год за счет дополнительных государственных ассигнований около 12 млрд. долл. и совместных программ с иностранным капиталом объемом 8 млрд. долл. Кроме того, в 2005–2011 гг. еще 10 млрд. долл. Кувейт наметил инвестировать в расширение мощностей нефтеперерабатывающих предприятий с 45 до 70 млн. т в год, а также 1,5 млрд. долл. – в развитие нефтехимии, наконец, крупные средства – в газовую индустрию, чтобы сократить сжигание попутного нефтяного газа в факелах с 6% до 1% его производства¹⁶.

Причем важно подчеркнуть, что американская оккупация Ирака не только не способствует принятию и последовательному осуществлению упомянутых планов его соседей, но скорее явно препятствует, вызывая обоснованную тревогу правящих кругов, а также политической элиты в целом и Саудовской Аравии, и Кувейта за суверенитет над главными национальными природными богатствами. Тревога проявляется в том, что обе страны принципиально оставляют нефтедобывающую промышленность в государственной собственности, исключая ее из программ либеральных рыночных реформ и приватизации, достаточно активных в большинстве других отраслей и сфер хозяйственной деятельности. Например, в Кувейте вплоть до 2007 г. продолжал действовать конституционный запрет на иностранное владение нефтяными запасами недр, а также на зарубежные инвестиции в их разработку, т.е. непосредственно в добычу «черного золота»¹⁷.

Более скромные планы отраслевого развития (по намеренным абсолютным показателям роста нефтедобычи), но все же весьма обширные, осуществляют в 2006–2010 гг. ОАЭ и Катар: соответственно на 50 млн. т (с 125 до 175) и на 34 млн. т (с 40 до 74) годовой производительности¹⁸.

Если оценить перспективы реализации этих планов положительно, хотя бы в целом, то вполне можно обосновать, по крайней мере, три вывода.

1) Значительная, если не преобладающая часть «балансирующих» нефтедобывающих мощностей мира в обозримой перспективе по-прежнему будет сосредоточена на Ближнем Востоке, главным образом в районе Персидского залива, закрепляя за регионом роль центра ценообразования на энерго-

сырьевых рынках. Перечисленные нефтяные монархии Аравии сохраняют за собой и способности, и определенную заинтересованность в исполнении этой роли. Способности опираются прежде всего на самую низкую в мире приростную фондоемкость новых нефтепромысловых и экспортных мощностей. Соответственно временный вывод их из эксплуатации, даже консервация на довольно продолжительные сроки не вызывает сама по себе крупных финансовых потерь ни от замедленной амортизации этих инвестиций, ни от их «морального» износа. Заинтересованность в роли «балансирующих» поставщиков жидкого топлива может быть многообразной. Здесь уже затрагивались ее аспекты, связанные с необходимостью избегать «перегрева» национальных экономик в результате массивного притока валютной ликвидности, симптомов «голландской» болезни (“Dutch disease”) и других рисков экспансионистской макроэкономической политики. Иначе говоря, поскольку ввод в строй новых нефтепромыслов продиктован не столько национальными экономическими интересами непосредственно, сколько целями приобрести дополнительные инструменты воздействия на нефтяные цены в сторону их стабилизации, постольку и активность пользования этими инструментами, скорее всего, постараются ограничить этапами пиковых взлетов спроса на жидкое топливо. В периоды более «спокойной» конъюнктуры логично ожидать сокращения производства, экспорта и наращивания временно свободных резервов. Другие наиболее вероятные стимулы к исполнению роли «балансирующих» поставщиков связаны с упрочением их позиций на международной арене, которые главным образом зависят именно от вклада в энергетическую безопасность современного мира.

2) Все больше ключевых аспектов экономической стратегии многих нефтеэкспортирующих государств – энергосырьевой, валютно-финансовый и другие – начинают формироваться не столько благодаря, сколько вопреки политике США на Ближнем Востоке периода войны в Ираке и его оккупации. Ни самостоятельно, ни с привлечением лишь узкого круга ближайших союзников американской администрации явно не удастся гарантировать даже национальную энергетическую безопасность и экономическую стабильность, не говоря уже о решении этих проблем в мировых масштабах. Глобальная проблематика вновь все настоятельнее требует коллективных, взаимно согласованных решений с максимальным учетом интересов возможно большего

числа государств, а также их объединений, с активным привлечением действующих международных институтов, а иногда и формированием новых. Таков, например, один из главных выводов специальной экспертной группы МВФ – организатора процесса периодических Международных консультаций по проблемам глобальной нестабильности с участием представителей Китая, стран Европейской валютной зоны, Японии, Саудовской Аравии и США. Впервые опубликованные летом 2007 г. итоги этих консультаций, в частности, отмечают большой позитивный вклад Саудовской Аравии, которая в данном случае выступает представителем упомянутой ранее влиятельной группы государств-экспортеров нефти, в стабилизацию мировой энергетики и финансов. В то же время эксперты единодушно поддержали необходимость ответных мер международного сообщества в интересах этих государств и других участников дискуссий, в частности, Китая. Например, со стороны США к таким мерам относятся гарантии от любых форм протекционизма, включая максимальную открытость американского рынка капитала для зарубежных инвесторов¹⁹. Предположительно, приобретение диверсифицированных реальных активов в США отчасти способствовало бы решению проблем избыточной валютной ликвидности экспортерами нефти, тем более, что иногда их национальные валюты, включая саудовский риал, сохранили привязку к доллару.

3) Приведенную выше аргументацию можно было бы странно развивать, но она уже представляется достаточной для твердого отрицательного ответа на вопрос, вынесенный в заглавие данной работы. Любые силовые, а тем более, военные методы оказываются все менее эффективными для решения комплексных международных проблем, особенно во взрывоопасном регионе Большого Ближнего Востока. В общем плане к этим выводам уже неоднократно приходили эксперты и исследователи, включая американских²⁰. Автор надеется, что и в более частном случае ему удалось убедить читателей в невозможности заставить ближневосточные государства на чуждых им условиях снабжать нефтью *Rax Americana*.

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект конкурса «Образ России в современном мире» 2006 г.: Россия, проект Большого Среднего Востока и проблема ближневосточного урегулирования. 06-03-02044а. ИАФ РАН.

² Например, Linda Bilmes of Harvard University's Kennedy School of Government.

³ Key Figures about Iraq. By The Associated Press 11.01.07 – <http://www.forbes.com/feeds/ap/2007/11/01/ap4289730.html>

⁴ Energy Information Administration. World Proved Reserves of Oil and Natural Gas, Most Recent Estimates. – <http://www.eia.doe.gov/emeu/international/ Most Recent Estimates of Proved Oil and Natural Gas Reserves.html>;

BP Statistical Review of World Energy June 2007, с. 6.

⁵ “International Petroleum Monthly (IPM)”. Energy Information Administration. Wash., August 2007. Posted: September 20, 2007 – http://www.eia.doe.gov/ipm_y07m08.zip; BP Statistical Review of World Energy, June 2007, с. 9.

⁶ Short-Term Energy Outlook. EIA. Wash., 2007 Release, October 9, с. 2–3; Suppl. Table 3c – <http://www.eia.doe.gov/emeu/steo/pub/oct07.pdf>

⁷ Рассчитано по: Short-Term Energy Outlook. Official Energy Statistics from the U.S. Government. EIA. Wash., 2007, September. Table 3c. OPEC Petroleum Production – <http://www.eia.doe.gov/emeu/steo/pub/fsheets>; *ibid.*, 2007 Release, October 9, Suppl., Table 3c – <http://www.eia.doe.gov/emeu/steo/pub/oct07.pdf>

⁸ «Абсорбционная» вместимость в буквальном переводе с английского «absorptive capacity».

⁹ Ранее автор статьи посвятил несколько исследований самой этой проблематике и ее отражению в теоретических дискуссиях, например, работу: Ресурсопользование и рентообразование в нефтяном хозяйстве арабских стран: проблемы и оценки. // Проблемы современной советской арабистики: Труды IV Всесоюзной конференции арабистов. Вып. 1: Современные политические и социально-экономические проблемы арабских стран. Ереван, Изд-во АН Армянской ССР, 1985.

¹⁰ Рассчитано по: Kuwait: Statistical Appendix. Wash. (D.C.), April 2006, IMF Country Report No. 06/133, с.19, 32.

¹¹ Kuwait: 2006 Article IV Consultation-Staff Report; Staff Statement; Public Information Notice on the Executive Board Discussion; and Statement by the Executive Director for Kuwait. Wash. (D.C.), April 2006. IMF Country Report No. 06/132, с. 6, 8.

¹² Рассчитано по: Saudi Arabia: Financial System Stability Assessment, including Reports on the... Monetary and Financial Policy Transparency,

Banking Supervision, and Payment Systems. Wash. (D.C.), June 2006. IMF Country Report No. 06/199, с.9.

¹³ Kuwait: 2006 Article IV Consultation..., с.10.

¹⁴ Рассчитано по: Staff Report on the Multilateral Consultation on Global Imbalances with China, the Euro Area, Japan, Saudi Arabia, and the United States. IMF, Wash. (D.C.), 2007, June 29, с. 29; Saudi Arabia pursues domestic growth and oil market stability. – “IMF Survey”, Wash. (D.C.), 2006, October 30, Vol. 35, No. 20, с. 313.

¹⁵ Рассчитано по: Staff Report on the Multilateral Consultation on Global Imbalances with China, the Euro Area, Japan, Saudi Arabia, and the United States. IMF, Wash. (D.C.), 2007, June 29, с. 21.

¹⁶ Рассчитано по: Kuwait: 2006 Article IV Consultation-Staff Report... April 2006. IMF Country Report No. 06/132, с. 11–12.

¹⁷ 2007 Index of Economic Freedom, с. 242 –

<http://www.heritage.org/research/features/index/downloads/Index2007.pdf>; <http://www.eia.doe.gov/emeu/cabs/Kuwait/Full.html> November 2006

¹⁸ Рассчитано по: Kuwait: 2006 Article IV Consultation-Staff Report... April 2006. IMF Country Report No. 06/132, с. 11–12; Short-Term Energy Outlook. Official Energy Statistics from the U.S. Government. EIA. Wash., 2007, September. Table 3c. OPEC Petroleum Production – <http://www.eia.doe.gov/emeu/steo/pub/fsheets>

¹⁹ Staff Report on the Multilateral Consultation on Global Imbalances with China, the Euro Area, Japan, Saudi Arabia, and the United States. IMF, Wash. (D.C.), 2007, June 29, с. 9–10, 21–22.

²⁰ Например, в одной из статей 2006 г. под заглавием «Новый Ближний Восток» американский историк и политолог Ричард Н. Хаасс, президент Совета по международным отношениям, отмечал: «...Ошибкой будет чрезмерное упование на военную силу. Соединенные Штаты уже заплатили дорогую цену в Ираке... за осознание того факта, что военная сила не является панацеей... может привести к еще большей радикализации арабского и исламского миров, расцвету терроризма и антиамериканской деятельности. Военная операция против Ирана взвинтит цены на нефть, что только увеличит опасность наступления глобального экономического кризиса и депрессии.» См.: *Richard N. Haass. The New Middle East // Foreign Affairs. N.Y., 2006, November-December.*

А.И.Куприн

ИНФОРМАЦИОННЫЕ И ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В АЛЖИРСКОМ ОБЩЕСТВЕ

С момента завоевания независимости телекоммуникационный сектор (ТС) в течение нескольких десятков лет принадлежал государству. Несмотря на усилия в 70-х годах по модернизации ТС сеть характеризовалась устаревшей технологией, плохим качеством услуг, несбалансированностью тарифов – очень высокие цены за переговоры на дальние расстояния и чрезмерно низкие за местные переговоры. В 80-х годах из-за нарастания экономических трудностей происходило сокращение инвестиций в ТС. До 1980 г. они составляли 0,3–0,6% ВВП, а позже доля инвестиций упала с 0,4% до 0,2% ВВП. Качество услуг ухудшалось. Время ожидания подключения к стационарной телефонной сети достигло в начале 90-х годов семи лет¹. Если в 1974–1982 гг. Алжир израсходовал на развитие ТС 0,58% ВВП, Марокко – 0,36%, Тунис – 0,45%, то в 1983–1985 гг. доля расходов ВВП в Алжире оказалась ниже по сравнению с другими двумя странами Магриба: Алжир – 0,34%, Марокко – 0,5%, Тунис – 0,44%. Гражданская война в 90-х годах усилила экономические трудности, что отразилось и на ТС. Доля расходов на ТС от ВВП в 1988–1994 гг. еще более сократилась по сравнению с соседними странами: Алжир – 0,34%, Марокко – 1%, Тунис – 0,7%². Кроме того, к концу 90-х годов многие развивающиеся страны либерализовали телекоммуникационные рынки, чтобы улучшить и расширить услуги в ТС. В Алжире же ТС продолжал принадлежать государству. После избрания в 1999 г. президентом страны А. Бутефлики было решено провести реформу ТС, привлечь средства частного сектора к развитию телекоммуникаций. Правительство намеревалось использовать реформу ТС как катализатор реформ в других отраслях экономики, увеличить государственные доходы посредством продажи лицензий.

В мае 2000 г. правительство приняло программу либерализации в ТС на 2001–2005 гг. Первым шагом была подготовка

и принятие закона, направленного на устранение государственной монополии и допуск частного капитала в ТС. 5 августа 2000 г. был принят закон, по которому были разделены почтовые и телекоммуникационные услуги и созданы две государственные компании Algérie poste и Algérie télécom. Регулирующим органом стало формально независимое Управление по регулированию почты и телекоммуникаций ARPT (Autorité de régulation de poste et de telecommunications – ARPT). Однако фактически его независимость оказалась урезанной. Например, все члены совета директоров должны были назначаться президентом республики и им же могли быть уволены. Хотя подготовка законодательства и принятие большинства решений о лицензировании – компетенция ARPT, правительство могло не соглашаться с его рекомендациями. Относительная независимость ARPT проявлялась в области финансов и принятия решений по другим вопросам.

Телеплотность в стационарной телефонии в 1986 г. была почти такой же, как в Тунисе, и выше, чем в Марокко (см. таблицу 1). Однако в 1992 г. Алжир, по-прежнему опережая Марокко, уже больше отставал от Туниса, чем в 1986 г. Во второй половине 90-х годов Марокко по телеплотности сравнялось с Алжиром. С 1996 г. и еще более с 1999 г. Тунис значительно опережал обе соседние страны. Основная причина замедления роста телеплотности в Алжире заключалась в сложной политической и экономической ситуации в стране в эти годы и отсутствии реформ в ТС. После 2000 г. Алжир сделал рывок и значительно опережал Марокко, в свою очередь существенно отставая от Туниса (см. таблицу 1).

Первая лицензия в области сотовой мобильной телефонии была предоставлена алжирской государственной компании Algérie Télécom (арабское название: Иттисалат аль-Джазаир, или Тиликум аль-Джазаир). Поскольку в 2001 г. число заявок на подключение к сотовой мобильной связи составило 500 тыс., а удовлетворить можно было лишь 100 тыс., правительство в том же году предоставило вторую лицензию базирующейся в Египте международной компании Orascom Telecom, которая осуществляет свою деятельность в Алжире как Orascom Telecom Algeria (ОТА)³. Эта компания в 2003 г. контролировала 70% предоставления услуг в области сотовой мобильной связи⁴. В конце 2003 г. третьим иностранным оператором в Алжире стала компания Wataniya Telecom, входящая в крупнейшую

частную кувейтскую компанию KIPCO Holding Group⁵. Либерализация сектора сотовой мобильной связи быстро принесла свои результаты. Если в 2000 г. уровень проникновения сотового мобильного телефона (число абонентов в процентах от населения страны) достигал в Алжире, Марокко и Тунисе соответственно 0,3; 8,2 и 1,3, то в 2005 г. соответственно 41,5; 39,4; 56,3⁶. В феврале 2007 г. министр почты и информационных и телекоммуникационных технологий Буджамаа Хейшур подтвердил намерение правительства провести приватизацию Algérie Télécom. Он подчеркнул, что ТС занимает второе по значению место в экономике после углеводородов⁷. Марокко и Тунис уже осуществили приватизацию государственных компаний в ТС.

Таблица 1
Телеплотность (число телефонных линий на 100 человек) в странах Магриба в 1980–2000-х годах

Страна	Год					
	1986	1992	1996	1999	2000	2006
Алжир	3,00	3,50	4,32	5,20	5,80	8,50
Марокко	1,00	2,00	4,60	5,26	5,00	4,10
Тунис	2,80	4,00	6,43	8,99	10,00	12,40

Источники: International Telecommunication Union (ITU)

1986, 1992 и 1994 гг.:

<http://www.worldbank.org/mdf/mdf3/papers/education/Djeflat.pdf>

1996 и 1999 гг.:

http://www.uneca.org/aisi/nisi/country_profiles/morocco/morocind.htm

http://www.uneca.org/aisi/nici/country_profiles/algeria/algerind.htm

http://www.uneca.org/aisi/nici/country_profiles/tunisia/tunisind.htm

2000 и 2006 гг.:

<http://www.alertnet.org/db/cp/algeria.htm?v=facts>

<http://www.alertnet.org/db/cp/morocco.htm?v=facts>

<http://www.alertnet.org/db/cp/tunisia.htm?v=facts>

Реформа в ТС Алжира оказалась успешной. На это указывает заметный прогресс в области фиксированной и особенно сотовой мобильной связи после 2000 г., как было показано выше. В докладе, опубликованном Всемирным банком в июне 2004 г., этот успех объясняется наличием политической воли, стремлением обеспечить общество передовыми телекоммуни-

кационными технологиями, рациональной политикой правительства⁸. Реформа до 2004 г. была проведена без потери рабочих мест. Из 43 тыс. служащих министерства почты и телекоммуникаций, созданного в 2000 г., 19 тыс. были переведены в Algérie Télécom, 22 тыс. – в Algérie Poste, 30 чел. – в ARPT и около 2 тыс. остались работать в министерстве. ОТА создала 1 300 рабочих мест и косвенно способствовала созданию еще 5 тыс. рабочих мест. В целом доходы в ТС, полученные благодаря деятельности частных операторов, имевших лицензии, составили в 2003 г. 1,5% ВВП по сравнению с 1,06% в 2002 г.⁹

В традиционном рейтинге развития информационных и телекоммуникационных технологий (ИТТ) в странах мира, составляемом ежегодно Всемирным экономическим форумом и известной школой бизнеса INSEAD (Фонтэнбло, Франция) и публикуемом с 2002 г., Алжир продвинулся в 2006 г. на 80-е место с 87-го в 2005 г. (см. таблицу 2). Для сравнения приведены рейтинги Марокко, Туниса, России, Сингапура и США.

Однако лишь в 2008 г. станет известно, действительно ли наметилась тенденция к повышению рейтинга Алжира, поскольку, как видно из таблицы, за исключением Сингапура, в рейтинге стран наблюдались значительные колебания.

Прогресс в области ИТТ в Алжире после 2000 г. способствовал созданию в 2005 г. Алжирской ассоциации информационных технологий (Algerian Information Technology Association – AITA), идея учреждения которой возникла еще в 2001 г. Ее президентом был избран Мунсиф Карабагли, генеральный директор Orsima, а генеральным секретарем – Мухаммад Саиди, генеральный директор Big Informatique. Возглавляемые ими компании осуществляют деятельность в области информационных технологий. Принимая во внимание процесс глобализации, 15 членом-учредителей ассоциации дали ей название на английском языке. Согласно уставу этой ассоциации, она «может принять все «юридические лица, появившиеся на законных основаниях в виде коммерческих организаций, чья основная деятельность связана с информационными и телекоммуникационными технологиями»¹⁰.

* При составлении рейтинга учитываются развитость рынка информационных и телекоммуникационных технологий, степень их доступности и развития, влияния и проникновения в различные сферы общества, государственная политика в отношении этих технологий.

Таблица 2

**Рейтинг,
согласно «индексу сетевой готовности»
(место, занимаемое среди стран мира) –
Networked Readiness Index (NTI) Rankings**

Страна	Год				
	2002	2003	2004	2005	2006
Алжир	–	87	80	87	80
Марокко	52	64	54	77	76
Тунис	34	40	31	36	35
Россия	69	63	62	72	70
Сингапур	3	2	1	2	3
США	2	1	5	1	7

Источники: Международный экономический форум и международная школа бизнеса INSEAD.

2002 г.:

http://www.weforum.org/pdf/Global_Competitiveness_Reports/Reports/GITR_2002_2003/Networked_Readiness_Nations.pdf;

2003 г.:

http://www.weforum.org/pdf/Gcr/GITR_2003_2004/Framework_Chapter.pdf;

2004 г.:

http://www.weforum.org/pdf/Global_Competitiveness_Reports/Reports/GITR_2004_2005/Networked_Readiness_Index_Rankings.pdf;

2005 г.:

http://www.weforum.org/pdf/Global_Competitiveness_Reports/Reports/gitr_2006/rankings.pdf;

2006 г.: <http://www.weforum.org/pdf/gitr/rankings2007.pdf>

Интернет

Впервые подключение Алжира к Интернету было осуществлено Центром исследований и научной и технической информации (Centre d'études et recherche d'information scientifique et technique – CERIST) в июле 1993 г. через сеть Европейского Союза. В январе 1994 г. CERIST осуществил подключение к Интернету через арендованную линию Института национального совета по научным исследованиям (г. Пиза, Италия)¹¹. До 1998 г. CERIST был единственным провайдером интернетов-

ских услуг^{*}. 5 августа 1998 г. в соответствии с декретом 98/257 было разрешено работать частным провайдерам¹². Если к 2000 г. действовали 18 частных провайдеров¹³, то в 2006 г. в Алжире у Algérie Télécom насчитывалось 26 партнеров-провайдеров, включая CERIST, который по-прежнему действовал в научно-образовательном сегменте Интернета¹⁴.

Несмотря на либерализацию в области ТС, Интернет развивается в Алжире медленнее, чем в Марокко и Тунисе. Если проникновение Интернета (в процентах от численности населения страны) в 2000 г. составило в Алжире, Марокко и Тунисе соответственно 0,5, 0,7 и 2,7%, то в 2006 г. соответственно 7,4, 19,9 и 12,7%¹⁵. Как отметила газета «Аль-Ватан» 18 января 2005 г., Алжир значительно отстает в «производстве информации через Интернет», имея менее 5 тыс. вебсайтов, некоторые из которых к тому же размещены вне алжирской сети Интернета. Зато Тунис, как подчеркнул Мухаммад Саиди в ходе «круглого стола», организованного 17 января 2005 г., располагал более чем 16 тыс. доменных имен, то есть, по крайней мере, таким же количеством вебсайтов¹⁶. Некоторые крупные государственные учреждения, администрации вилайев и даже министерства не имеют вебсайтов, а те, которые существуют, содержат мало информации и плохо обновляются. Хорошо обновляются лишь вебсайты прессы. Как отмечают опытные алжирские специалисты, такая ситуация сложилась из-за недос-

* Существует определенное различие между традиционным термином «оператор связи» и новым термином «провайдер (поставщик)» услуг, хотя и оператор, и провайдер оказывают услуги своим клиентам. Употребляя слово «оператор (связи)», обычно подчеркивают, что компания владеет собственной транспортной инфраструктурой, поддерживает ее функционирование и на этой основе предоставляет услуги. Традиционный оператор оказывает прежде всего низкоуровневые транспортные услуги – простую передачу трафика между географическими пунктами без его дополнительной обработки. Когда говорят «провайдер», акцент делается на том, что предприятие оказывает новые высокоуровневые услуги, например доступ в Интернет, размещение в своей сети информационных ресурсов (вебсайты, базы данных), но не обязательно владеет собственной развитой транспортной инфраструктурой. Автор заимствовал определение двух терминов из вебсайта www.excode.ru/art6499p1.html

татка инвестиций и некомпетентности административных кадров, занимающихся вопросами телекоммуникаций¹⁷. По мнению Мухаммада Базара, президента компании АВМ, лишь настоящая информационная революция в Алжире позволила бы ликвидировать это отставание. Он обратил внимание на недостаточное количество компьютеров, импортируемых в страну – 200 тыс. ежегодно¹⁸. Кроме того, цены на компьютеры и подключение к Интернету остаются высокими. Чтобы решить проблему цен на компьютеры, министр почты, информационных и телекоммуникационных технологий Бурджамаа Хейшур, как сообщила газета «Аль-Хабар», информировал, что 19 июля 2005 г. правительство решило начать с сентября 2005 г. осуществление программы продажи 6 млн. компьютеров для алжирских семей, что потребует инвестирования 5 млрд. долл. Для покупки компьютеров семьям должны были предоставляться банковские кредиты на выгодных условиях. Алжирцы, имеющие банковский счет, могли бы платить 1 350 алжирских динаров ежемесячно в течение трех лет для приобретения одного компьютера¹⁹ (курс алжирского динара по отношению к доллару США в 2005 г. оставался стабильным и находился на уровне в среднем 74,5 динара за 1 доллар²⁰). Одно из основных препятствий развитию Интернета – это фактическая монополия государственной телекоммуникационной компании Algérie Télécom. Несмотря на большое число Интернет-провайдеров, все они могут работать, только подключившись к всемирной сети через эту компанию. Когда цены на телефонные услуги возросли в 2003 и 2004 гг., это вызвало повышение цен за пользование Интернетом. Повышение цен не привело к увеличению скорости Интернета.

Интернет в Алжире в отличие от Туниса относительно свободен от правительственного контроля – блокируются лишь некоторые вебсайты политического характера²¹. Согласно исследованию, проведенному в 2006 г. и в начале 2007 г. OpenNet Initiative, группой из более чем 50 человек, и опубликованному на его основе докладу 18 мая 2007 г. о доступе к Интернету в 41 стране, не обнаружено никакой фильтрации контента в России, Египте, Израиле, на Западном берегу, в секторе Газа и в Алжире²².

Однако в законодательстве Алжира предусмотрены определенные ограничения в области Интернета. В одном из декретов 1998 г. ответственность за материалы и вебсайты воз-

ложена на провайдеров. В том же декрете говорится, что должны быть приняты меры для постоянной цензуры контента с целью предотвращения доступа к материалам, «несовместимым с моралью или общественным мнением»²³. Правда, до сих пор правозащитные организации не зафиксировали фактов действия этого декрета. Вместе с тем при определенных обстоятельствах этот декрет может вступить в силу. Парламентские поправки к уголовному кодексу в мае 2001 г. (ст.144b), которые вызвали протесты журналистов, предусматривают наказание в виде тюремного заключения от двух месяцев до года и штрафа в размере от 750 до 3 750 евро в случае оскорбления президента или клеветы на него в письменной форме, рисунках, заявлениях на аудио- и видеопленке и в электронном виде или с использованием компьютера. Они могут применяться также в случае любых оскорблений в адрес парламента, вооруженных сил и любого государственного органа. В случае частых нарушений наказание может ужесточиться²⁴. Однако в отношении Интернета поправки к уголовному кодексу до сих пор также не применялись. Ситуация может измениться, если численность пользователей Интернета значительно увеличится, усилятся оппозиционные и правозащитные движения и критика правящего режима на вебсайтах Интернета.

Вместе с тем нужно отметить, что немало алжирцев выступает за запрещение сайтов или закрытие доступа к ним, если контент противоречит исламским ценностям, традиционной морали, отрицательно сказывается на воспитании молодежи. 23 января 2007 г. газета «L'Expression» сообщила, что Брахим Мансур, председатель одной из комиссий (под названием Ceta) министерства почты и информационных и телекоммуникационных технологий, поставил на обсуждение вопрос о принятии решения запретить «сайты, распространяющие «политически некорректные материалы» в Алжире». «Мы пока закрываем глаза на отвратительный характер многих сайтов, совершенно несовместимых с ценностями алжирского общества... В будущем решение о запрещении доступа коснется всех сайтов, о которых идет речь», – заявил он по случаю симпозиума в январе 2007 г., на котором обсуждалась проблема киберпреступности. Б. Мансур ответил уклончиво на вопрос о существовании сайтов, которых могли бы коснуться запретительные меры. Он лишь сказал, что речь идет о сайтах, наносящих ущерб нравственности²⁵.

Большинство алжирских газет имеет вебсайты. В целом содержание бумажных и электронных изданий идентично, но благодаря Интернету с их содержанием может ознакомиться алжирская диаспора. Некоторые периодические издания существуют только в электронном виде: «Algeria Interface» и «Djazair Online».

Газета «Algeria Interface» была создана по инициативе как алжирцев, так и отставного шведского дипломата Рольфа Гоффина (Rolf Gauffin), известного специалиста по арабским странам. В середине 90-х годов Р. Гоффин работал в Алжире в качестве журналиста. Он видел, что, с одной стороны, независимую прессу в Алжире преследуют власти, с другой, журналисты стали излюбленной мишенью исламистских экстремистов. Ключевую роль в создании газеты сыграла встреча Нур ал-Дина Хиласи, бывшего редактора газеты «La Nation», закрывшейся 30 марта 1993 г., и Р. Гоффина. В 1996 г. Шведскому агентству развития (ШАР) был представлен проект создания независимой алжирской газеты, которая освещала бы различные проблемы страны. Однако от этого проекта отказались, и было решено издавать электронную газету. Число алжирцев, имевших доступ к Интернету, было ограниченным, но шведы рассчитывали на то, что алжирцы найдут средства для размножения материалов газеты. С содержанием газеты, издаваемой на английском и французском языках, могла бы ознакомиться мировая общественность. Небольшой коллектив газеты опирается на финансовую помощь ШАР и Международного центра Улофа Пальме и базируется в Париже. «Algeria Interface» начала издаваться с начала ноября 1999 г. Издатели газеты заявили, что она намерена «объективно освещать события, оставаясь верной основным принципам свободы слова и печати, защиты прав человека и демократических ценностей»²⁶.

Интернет стал прибежищем не только для независимых журналистов и прессы, но и для писателей и карикатуристов, чьи работы доходят до алжирцев только благодаря всемирной сети. Известный карикатурист Слим сказал, что «Интернет спас алжирских политических карикатуристов», поскольку в Алжире им угрожает опасность. Двое из них были убиты, а сам он подвергся изгнанию. По мнению Слима, «Интернет стал великой революцией, позволившей обходить цензуру и быстро пересылать работы в журналы, с которыми я сотрудничаю». Писатель из Орана Хамид Скиф, вынужденный бежать в Гер-

манию, в 1995 г. опубликовал в Интернете свой сборник рассказов «Тыква». Он подчеркнул, что Интернет – это единственное средство, которое позволяет обратиться к франкоязычным читателям из Алжира и других стран²⁷.

Виртуальное пространство стало местом встреч как алжирцев в Алжире и в диаспоре, так и репатриированных алжирцев французского происхождения, испытывавших ностальгию по алжирской родине.

Интернет-кафе

Значительная часть алжирцев получает доступ к Интернету через Интернет-кафе, или кибер-кафе. Благодаря либерализации в ТС число интернет-кафе возросло с 500 в 1999 г. до 6 тыс. в 2005 г.²⁸ Большую группу посетителей составляют женщины. Молодежь проявляет основной интерес сайтам чата (разговора в режиме реального времени), музыкальным, игровым и научно-образовательным сайтам, электронной почте. В 2002 г. 80% пользователей Интернета занимались чатом (от 60 до 80 динаров в час, или от 80 сантимов до 1 евро по официальному курсу)²⁹.

Большую группу посетителей составляют девушки. Двадцатитрехлетняя девушка по имени Асма, лицензиат психологии, в 2002 г. управляла Интернет-кафе. Асма поделилась своими впечатлениями о привлекательности чата: «Я была подключена к Интернету все дни напролет в течение трех месяцев. Когда я прекратила чат, у меня возникли проблемы. Он стал для меня наркотиком». Интернет-кафе посещают и девушки из очень религиозных семей, возможно, даже поддерживающих исламизм. Примером может служить двадцатипятилетняя двоюродная сестра Асмы Насима, специалист по информатике и вычислительной технике, из народного квартала Кубы, известного как вотчина Исламского фронта спасения. Насима своей традиционной мусульманской одеждой отличается от Асмы, которая ходила с непокрытой головой и с сережками в ушах. Она была одета с головы до ног, волосы убраны под хиджаб, но вокруг глаз были видны следы косметики. Насима посещала музыкальные вебсайты или вебсайт www.femina.com, предназначенный для женщин. Молодые люди, часто обязанные возвращаться домой до семи часов вечера, используют

Интернет-кафе как предлог, чтобы подольше оставаться вне дома. В пригороде Алжира в библиотеке коммуны Мухаммадия Махди (22 года) превозносит новую свободу: «Если я хочу поговорить с девушкой, то я не могу прямо обратиться к ней, потому что психология алжирки отличается определенной сложностью. А в Интернете каждый может сказать «я попробовал наркотик» или «я влюблен». Хаким (26 лет) предпочел процитировать одного политического деятеля: «Это общество, в котором научились молчать, но не говорить»³⁰.

* * *

Развитие ТС в Алжире в 80–90-х годах происходило медленно, как вследствие экономических трудностей в 80-х годах, так и тяжелой внутривнутриполитической ситуации в 90-х годах, еще более обострившей их. Кроме того, до конца 90-х годов государство обладало абсолютной монополией в ТС. После 1998 г. (либерализация в области Интернета) и особенно с 2000 г. (структурная реформа, либерализация в области сотовой мобильной связи, относительная нормализация внутривнутриполитической ситуации, стремительный рост цен на углеводороды) наметился значительный прогресс в области стационарной и особенно сотовой мобильной связи. Этот успех был зафиксирован в одном из докладов Всемирного банка в 2004 г.

По сравнению с телефонной связью менее был заметен прогресс в сфере Интернета как в отношении численности пользователей, так и использования возможностей Интернета. Один из факторов сдерживания развития Интернета в Алжире — это сохранение фактической монополии государственной компании Algérie Télécom: все частные провайдеры вынуждены подключаться к Интернету через эту компанию. Что касается ее приватизации, то речь идет пока лишь о намерениях, а не начале ее фактического осуществления правительством. Согласно исследованиям и мониторингу правозащитных организаций, в алжирской сети Интернета практически отсутствует цензура (фильтрация контента и блокирование вебсайтов), хотя законодательные акты предусматривают цензуру и в определенных случаях наказание за диффамацию и клевету. Вместе с тем в Алжире раздаются голоса за ограничение негативного влияния Интернета на нравственность и исламские ценности. Другие алжирцы рассматривают подобные ограничения как покушение на свободу и предлог для политических репрессий.

Интернет позволяет журналистам и писателям публиковать свои статьи и произведения, которые не были бы напечатаны в традиционных СМИ и в издательствах. С ними могут ознакомиться алжирцы за рубежом и мировая общественность. При этом часто используются вебсайты, которые находятся вне алжирской сети Интернета (например, вебсайт Algeria Interface) и не могут быть запрещены алжирскими властями, если бы те захотели это сделать.

¹ www-wds.worldbank.org/external/default/WDSContentServer/IW3P/IB/2004/07/07/000090341_20040707135312/Rendered/PDF/wps3339.pdf

² *Kavanaugh Andrea L.* The Social Control of Technology in North Africa: Information in the Global Economy. Westport (Connecticut), London, 1998, с. 48–49.

³ <http://bunich.ru/encyclopedia/content.php?gid=34&id=5>

⁴ www-wds.worldbank.org/external/default/WDSContentServer/IW3P/IB/2004/07/07/000090341_20040707135312/Rendered/PDF/wps3339.pdf

⁵ <http://bunich.ru/encyclopedia/content.php?gid=34&id=5>

⁶ www.alertnet.org/db/cp/algeria.htm?v=facts

www.alertnet.org/db/cp/morocco.htm?v=facts

www.alertnet.org/db/cp/tunisia.htm?v=facts

⁷ <http://www.algerie-dz.com/article8489.html>

⁸ www-wds.worldbank.org/external/default/WDSContentServer/IW3P/IB/2004/07/07/000090341_20040707135312/Rendered/PDF/wps3339.pdf

⁹ www-wds.worldbank.org/external/default/WDSContentServer/IW3P/IB/2004/07/07/000090341_20040707135312/Rendered/PDF/wps3339.pdf

¹⁰ www.aita-dz.org/index.php?categorie=accueil&index_detail

¹¹ *Kavanaugh Andrea L.* The Social Control of Technology in North Africa: Information in the Global Economy. Westport (Connecticut), London, 1998, с. 84.

¹² <http://opennet.net.research/profiles/algeria>

¹³ Internews, Algeria //

www.internews.org/arab_media_research/algeria.pdf

¹⁴ Algérie Télécom, “Les partenaires” //

<http://www.algerietelecom.dz/?p=partenaire>

¹⁵ ITU 2006 // www.alertnet.org/db/cp/algeria.htm?v=facts

ITU 2006 // www.alertnet.org/db/cp/morocco.htm?v=facts

ITU 2006 // www.alertnet.org/db/cp/tunisia.htm?v=facts

¹⁶ www/webarabic.com/waforum/index.php?showtopic=10588&st=08#entry125513

- ¹⁷ www.geocities.com/algerie_presse/algerie_presse_internet.html
¹⁸ [www/webarabic.com/waforum/index.php?showtopic=10588&st=08#entry125513](http://www.webarabic.com/waforum/index.php?showtopic=10588&st=08#entry125513)
¹⁹ www.albawaba.com/en/coutries/Algeria/186562
²⁰ <http://algeria.rustrade.org/economics/review/info>
²¹ Аль-Мубадира аль-арабийя ли-интирнат хурр. Аль-Джазаир // www.openarab.net/reports/net2006/algeria.shtml
²² www.redorbit.com/news/technology/939372/report_shows_internet_censorship_growing_around_the_world/index.html?source=r_technology
²³ Algeria, Internet Under Surveillance, Reporters without Borders // www.rsf.org/article.php3?id_article=10730
²⁴ Аль-Мубадира аль-арабийя ли-интирнат хурр. Аль-Джазаир // www.openarab.net/reports/net2006/algeria.shtml
²⁵ www.geocities.com/algerie_presse/algerie_presse_internet.html
²⁶ www.unesco.org/courier/2000_02/uk/dossier/txt15.htm
²⁷ www.rfi.fr/fichiers/mfi/CultureSociete/779.asp
²⁸ www.menareport.com/en/business/189349
²⁹ Cyber-café en Algérie // <http://zeemzoom.joueb.com/news/cyber-cafes-en-algerie>
³⁰ Cyber-café en Algérie // <http://zeemzoom.joueb.com/news/cyber-cafes-en-algerie>

А.Г.Майко

ЕГИПЕТ И ИЗРАИЛЬ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Для стран Ближнего Востока проблемы безопасности, затрагивающей наиболее приоритетные национальные интересы, оправданно занимают важное место в системе региональных отношений в свете стратегической значимости региона, его большого конфликтного потенциала (ввиду особой роли и места ислама в современном мире вследствие его политизации и возрастания самоидентификации мусульман, проблемы размещения в регионе крупнейших опорных баз международного терроризма, нерешенности арабо-израильского конфликта, кризисной ситуации в Ираке, обострения иранской ядерной проблемы). Особое значение проблемы безопасности приобретают для стран – лидеров, Египта и Израиля. Египет – одно из самых крупных арабских государств, располагающее значительными территориальными, социальными и экономическими ресурсами, занимает сегодня важное геополитическое и военно-стратегическое положение на Ближнем Востоке. Израиль, несмотря на политическую изоляцию в арабском мире, небольшую территорию и немногочисленность населения, демонстрирует такие показатели своего развития, по которым ему значительно уступают его региональные соседи – это и высокая военная мощь, и впечатляющая динамика экономического роста, и состояние научно-технического потенциала.

И Египет, и Израиль вынуждены уделять вопросам безопасности и региональной стабильности большое внимание, выстраивая свою внешнюю и внутривнутриполитическую деятельность в соответствии с общей ситуацией в регионе, колебания которой требуют от них оперативной корректировки вектора своей политики.

При этом обе страны придерживаются различных подходов к обеспечению своей национальной безопасности. Для Египта вопросы национальной безопасности определяются

прежде всего соотношением сил в регионе, в соответствии с чем военное преимущество одной страны рассматривается им как угроза для безопасности другой; устранение этой угрозы и восстановление баланса сил является ключом к обеспечению национальной безопасности. Для Израиля же поддержание военного потенциала на преимущественно качественном уровне служит гарантией прочности национальной безопасности и главным сдерживающим фактором перед лицом возможных региональных угроз.

Вопросы безопасности и контроля над вооружением являются одним из важнейших и острейших аспектов египетско-израильских отношений и в то же время играют роль едва ли не центрального звена в многостороннем процессе мирного урегулирования на Ближнем Востоке. Динамика обсуждения проблем безопасности в регионе обнаруживает значительную зависимость многостороннего уровня переговоров от развития двустороннего диалога между Египтом и Израилем.

Дискуссия по вопросам безопасности и контроля над вооружением в региональном масштабе была инициирована в ходе третьего этапа работы Мадридской мирной конференции 1991 г., когда в рамках многостороннего направления урегулирования ближневосточного конфликта была образована специальная международная Комиссия по вопросам региональной безопасности и контроля над вооружением (The Arms Control and Regional Security Working Group). Членами Комиссии стали представители 43 государств, 15 из которых – страны региона, в том числе Египет и Израиль. За непродолжительное время работы Комиссии удалось достичь определенных результатов – стороны пришли к взаимопониманию в дискуссии о мерах по укреплению доверия и безопасности (Confidence and Security Building Measures), которые были призваны стать первой фазой на пути создания единой системы региональной безопасности. В этом русле были подписаны соглашения о координации действий поисковых и спасательных работ, разрешении инцидентов в море, заблаговременном предупреждении о проведении военных учений, по обмену военной информацией; в Иордании, Катаре и Тунисе были созданы центры по безопасности и предотвращению конфликтов, объединенные в единую региональную коммуникационную сеть. Однако вопреки ожиданиям, вследствие стагнации мирного процесса на двустороннем направлении ближневосточного урегулирования

дальнейшего продвижения диалога по вопросам безопасности и контроля над вооружением не произошло.

Основные разногласия находятся в плоскости определения приоритетов в позициях сторон. Израиль ключевым предметом переговоров называет создание единой региональной системы безопасности, что, как он считает, станет возможным только после окончательного разрешения арабо-израильского конфликта. А арабские страны, фокусируя свое внимание на проблеме контроля над вооружением (особую роль здесь играет Египет, о чем будет сказано ниже), призывают к «перманентному диалогу о безопасности на Ближнем Востоке, развивающемуся параллельно с мирным процессом»¹. Кроме того, диалог между Израилем и его арабскими соседями значительно осложняется отсутствием взаимного доверия и устойчивостью в общественном сознании образа «врага».

Важнейшим моментом арабо-израильских переговоров по проблемам безопасности явилась инициатива египетского президента Мухаммада Хосни Мубарака о превращении Ближнего Востока в зону, свободную от оружия массового поражения (ОМП), прежде всего ядерного оружия (ЯО)². Разработанный Египтом проект получил единогласную поддержку как внутри региона в лице ЛАГ, так и за его пределами в лице Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ).

Назвав превращение Ближнего Востока в зону, свободную от ЯО, стратегической задачей своей внешней политики, Египет, стремясь консолидировать другие арабские страны, вновь заявил о себе как о региональном лидере. Последовательная деятельность АРЕ в этом направлении свидетельствует о попытке страны поставить свой двусторонний диалог с Израилем в центр всего переговорного процесса по вопросам безопасности и контроля над вооружением. И если на первых порах стремления АРЕ выступать от лица всего арабского мира получали поддержку арабских стран, которые в то время еще не имели какой-либо определенной позиции в этом вопросе, то спустя некоторое время большая часть из них (страны Персидского залива) стала проводить собственную независимую политику по отношению к Израилю. Об этом свидетельствует их активная деятельность в рамках проведения мероприятий по укреплению доверия и безопасности между сторонами, в результате которой вследствие взаимного интереса сторон был достигнут значительный прогресс. Следует отметить, что та

часть переговорного процесса, которая непосредственно касалась таких мероприятий, не встретила большой заинтересованности Египта, поскольку способствовала развитию прямого многостороннего диалога арабских государств с Израилем и, следовательно, отодвигала АРЕ с занимаемых ею лидирующих позиций в этом вопросе. В соответствии со своими интересами Египет настаивает на ведении конструктивного диалога по собственным военным вопросам, касающимся контроля над конкретными видами вооружения, прежде всего ЯО. Благодаря усилиям Египта ядерный вопрос стал центром египетско-израильских переговоров в сфере безопасности.

Проблема ядерной монополии Израиля на Ближнем Востоке вызывает значительную обеспокоенность всех без исключения региональных государств. Очевидное ядерное преимущество Израиля служит «политическим» препятствием на пути нормализации отношений с арабскими соседями и продвижения к окончательному мирному урегулированию арабо-израильского конфликта.

Израильская ядерная программа носит тайный, скрытый характер, что обусловлено учетом не только мирового, но и израильского общественного мнения, крайне негативно настроенного по отношению к возможности ядерного распространения в регионе. Официальных данных, подтверждающих наличие ЯО у Израиля, нет, однако есть целый ряд серьезных оснований полагать, что Израиль уже не одно десятилетие является ядерной державой. По неподтвержденным данным, сегодня Израиль, благодаря своим собственным достижениям в области ядерной науки, техники и технологий является крупной ядерной державой с запасом в 100–200 ядерных устройств с сопутствующими компонентами и способностью производить атомные, нейтронные и водородные бомбы³.

Еще при первом премьер-министре и министре обороны Давиде Бен-Гурионе было налажено сотрудничество израильских специалистов с французскими и норвежскими учеными в области ядерных исследований. В конце 1956 г. между Израилем и Францией благодаря усилиям будущего генерального директора оборонного ведомства и нынешнего президента страны Шимона Переса было подписано окончательное соглашение о сотрудничестве в разработке ядерных технологий в Израиле. В период 1957–1964 гг. в Негеве недалеко от города Димона с французской помощью был построен ядерный центр,

составляющий сегодня основу научно-производственной базы израильской атомной промышленности. В 1978 г. израильскими учеными в кооперации с правительством ЮАР были проведены ядерные испытания – взрыв ядерной бомбы был зафиксирован американским спутником близ побережья ЮАР⁴.

В 1986 г. в интервью лондонской «Sunday Times» израильский ядерщик Мордехай Вануну рассказал миру о ядерных секретах своей страны. Израильское руководство не опровергает информацию о наличии в стране ядерного потенциала, ограничиваясь заявлениями, что «Израиль не станет первой страной, применившей ЯО на Ближнем Востоке»⁵. Из общей концепции двусмысленности государственной позиции в ядерной сфере, поддерживаемой военным истеблишментом, выделяется высказывание заместителя генерального директора израильской Комиссии по атомной энергии (Israeli Atomic Energy Commission) Ариэля Левита, который, выступая 21 января 2007 г. на ежегодной конференции в г. Герцлии по проблемам национальной безопасности и стратегического баланса на Ближнем Востоке, причислил Израиль к Индии и Пакистану – странам, «непризнанным ядерным державам»⁶. Следует отметить, что это единственное в своем роде заявление израильского официального должностного лица, открыто признающего значительный ядерный потенциал своей страны, как, впрочем, следует упомянуть и тот факт, что по завершении конференции в интервью журналистам А.Левит отказался от своих слов⁷.

Израиль не желает присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), прикрываясь «ядерным щитом» от возможных угроз со стороны арабских государств и Ирана. На Конференции ООН по рассмотрению и продлению срока действия ДНЯО в 1995 г. была принята резолюция, в которой указывалось, что установление безъядерной зоны на Ближнем Востоке является важной мерой по нераспространению и уничтожению ЯО⁸. Фактически, это означало, что Израиль должен добровольно отказаться от своих ядерных арсеналов и присоединиться к ДНЯО. Требования подобного рода в стенах ООН раздаются регулярно, однако Израиль их игнорирует.

Вследствие неприсоединения Израиля к ДНЯО международный режим нераспространения подвергается серьезной критике со стороны ближневосточных государств. На упомянутой выше Конференции Египет, как и ряд других арабских

стран, отказался поддержать бессрочное продление ДНЯО, мотивировав свое решение отказом Израиля подписать пакт о создании на Ближнем Востоке зоны, свободной от ЯО, или сделать другие уступки своим арабским соседям в этом вопросе⁹. К тому же неформальная поддержка США, а под их давлением и мирового сообщества ядерных амбиций Израиля свидетельствует о проводимой Западом политике двойных стандартов, что принуждает Египет и другие арабские государства, которые являются членами ДНЯО, рассматривать развитие собственных ядерных программ как свое неотъемлемое право национальных государств. Таким образом, ЯО Израиля, наличие которого не вызывает ни малейшего сомнения у арабских стран, фактически подстегивает их в стремлении обзавестись собственным ЯО.

В Египте первые работы в области атомных технологий начались в конце 50-х – начале 60-х годов, когда при участии американских и советских специалистов в Иншасе, пригороде Каира, был создан ядерный исследовательский центр. В последующие пять десятилетий египетская ядерная программа прошла неоднозначный путь развития. Во второй половине 60-х годов Египет предпринял ряд неудачных попыток приобрести ЯО у СССР и Китая. В 1968 г. АРЕ подписала ДНЯО, однако парламент страны отказался его ратифицировать, возможной причиной этого послужила поступившая информация о военной направленности ядерной программы Израиля. Тогда Египет, в надежде получить доступ к чувствительным ядерным технологиям, активизировал научные контакты с Индией, заключив с ней в 1970 г. соглашение о ядерном сотрудничестве, предполагавшее совместные исследования в производстве тяжелой воды, ядерного топлива и геологоразведочных работ. Однако четыре года спустя, получив предложение о двустороннем ядерном сотрудничестве от США, Египет охладел к совместным проектам с Индией, которая к тому времени предъявила АРЕ требования предоставить ей дополнительные гарантии, обеспечивающие невозможность использования ядерного топлива для создания ЯО. Кроме того, США пообещали Египту содействовать в строительстве 8 атомных электростанций (АЭС). В 1975 г. было подписано соответствующее Соглашение о гарантиях между США, Египтом и МАГАТЭ. Однако в конце 70-х годов США в одностороннем порядке пересмотрели эти договоренности и выдвинули новые условия – ограничения на перера-

ботку и использование ядерного топлива, которые не были приняты Египтом, поскольку расценивались как вмешательство в национальные энергетические программы. В 1981 г., чтобы получить возможность развивать собственную программу мирной ядерной энергетики, египетский парламент ратифицировал Соглашение о вступлении Египта в ДНЯО. Однако после Чернобыльской катастрофы в 1986 г. президент М.Х. Мубарак объявил о замораживании египетской ядерной программы. Тем не менее работы по развитию ядерных технологий, включая обогащение урана для последующего использования в качестве топлива для АЭС, продолжались. Лишь десять лет спустя в 2006 г. было официально объявлено о возобновлении ядерной программы Египта в мирных целях.

В настоящее время в Египте функционируют два исследовательских атомных центра, действующих под гарантиями МАГАТЭ. В стадии реализации находится национальный проект преобразования атомной энергетики, который включает в себя возведение к 2020 г. 10 АЭС. Свою заинтересованность в участии в египетском крупномасштабном проекте уже высказали США, Россия и Китай¹⁰. Кроме того, финансовую помощь в строительстве АЭС предложил и Всемирный Банк¹¹.

Действуют и двусторонние соглашения Египта с США, Германией, Россией, Индией, Китаем и Аргентиной в области использования атомной энергии в мирных целях, а также соглашения с Великобританией и Индией, предусматривающие помощь в подготовке национальных кадров для научных исследований и работы на атомных предприятиях страны.

Сегодня Египет возглавляет список арабских и африканских стран по уровню развития своих ядерных технологий. Однако следует отметить, что возможности египетской ядерной промышленности во многом ограничены несовершенством научно-технической базы и отсутствием необходимой инфраструктуры.

Возросший интерес Египта к атомной проблематике объясняется не только и не столько заботой об обеспечении национальной безопасности перед лицом военной ядерной угрозы со стороны Израиля и ядерных амбиций Ирана, сколько необходимостью решения социально-экономических проблем в стране и стремлением к реализации своих политических амбиций на ближневосточной арене. Растущая египетская экономика остро нуждается в необходимости диверсификации источников получения энергии. Потребность в электроэнергии

в Египте увеличивается ежегодно на 5–7%. А использование ядерных технологий в промышленности призвано стать новым рычагом экономического подъема страны. Далее, ядерное преимущество для Египта – это прежде всего преимущество политическое и региональное. Кроме того, первым среди арабских государств официально объявив о возобновлении своей мирной ядерной программы, Египет преследовал цель укрепить свои позиции в арабском мире, несколько ослабевшие после ливано-израильского кризиса 2006 г. (Следом за АРЕ о реализации собственной национальной ядерной программы официально объявила Иордания).

Вместе с тем активная деятельность АРЕ в области атомных исследований, направленная на осуществление мирной ядерной программы, вполне может стать прикрытием для секретных ядерных разработок. Египет до сих пор не подписал с МАГАТЭ Соглашения о всеобъемлющих гарантиях, которое позволяет проводить внезапные инспекции национальных ядерных объектов.

Эксперты МАГАТЭ, после проведения на территории Египта соответствующего расследования, сделали вывод о весьма вероятном осуществлении в АРЕ научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок, целью которых могло быть получение знаний, необходимых при реализации программы создания ЯО. Тогда же в СМИ была опубликована информация о якобы имевшем место секретном сотрудничестве Египта с Ливией в этом вопросе. Официально Каир отверг все обвинения, однако инспекторы МАГАТЭ обнаружили множество нарушений, в том числе, нашли запасы плутония на одном из египетских ядерных объектов. Беспокойство МАГАТЭ вызывает и тот факт, что «отец» пакистанской атомной бомбы, ученый-ядерщик доктор Абдул Кадер Хан, уличенный в предоставлении военных технологий Ирану, Ливии и Северной Корее, поддерживал тесные контакты и с Египтом, который в свою очередь имеет давние связи в КНР – они совместно реализовывали программы строительства баллистических ракет.

Подчеркивая мирную направленность своей ядерной программы, Египет еще в 1998 г. заявил, что приобретет или создаст ядерное оружие, если в нем возникнет политическая и военная необходимость¹². Тем не менее Израиль не расценивает ядерные амбиции Каира в качестве военной угрозы для своей безопасности¹³.

Что касается других видов ОМП – биологического и химического, – лишь незначительное число открытых источников содержит ограниченную информацию о наличии в Египте и Израиле программ по их созданию. Диалог двух стран в этой сфере также инициирован не был.

По оценкам большинства экспертов, несмотря на сильную техническую базу в прикладной микробиологии, в настоящее время Египет не обладает необходимой инфраструктурой для разработки и создания биологического оружия. Со своей стороны, Израиль высказывал предположения о проведении в Египте исследований с целью получения опасных для жизни бактерий для применения в военных целях. Правительство Египта решительно отвергает все подобные обвинения¹⁴. В 1972 г. Египет подписал Конвенцию о разработке, производстве и накоплении бактериологического и токсичного оружия и его использовании (КБТО).

Имея опыт применения химического оружия в прошлом (во время гражданской войны в Йемене 1963–67 гг.), Египет обладает мощным потенциалом оборонительных программ по химическому оружию, а также производит индивидуальное защитное снаряжение и дегазационное оборудование для внутренних нужд и на экспорт. Государство располагает достаточно развитой инфраструктурой, позволяющей начать производство химического оружия и ракетных систем его доставки в случае принятия правительством соответствующего решения. Начиная с 80-х годов, США оказывают содействие АРЕ в области создания оборонительных программ по химическому оружию. Египет остается одним из немногих государств, отказывающихся подписать Конвенцию о разработке, производстве и накоплении химического оружия и его использовании (КХО). Причиной отказа Каир называет нежелание Израиля присоединиться к ДНЯО.

Израиль ни разу не выступал с официальным заявлением о своей государственной позиции в отношении проблем распространения бактериологического и химического оружия. Израиль не является членом КБТО. В 1993 г. он подписал, но не ратифицировал КХО. На сегодняшний день отсутствуют какие-либо открытые источники и сведения, подтверждающие наличие в стране запасов и производства биологического и химического оружия.

Постоянное расширение и совершенствование НИОКР, в том числе и для военных нужд страны (в 2006 г. Израиль занимал первое место в мире по объему инвестиций в исследо-

вания и технологические разработки), свидетельствует о том, что укрепление оборонно-промышленного комплекса рассматривается Израилем в качестве жизненно важного фундамента обеспечения национальной безопасности. Расходы на военные нужды, по данным на 2007 г., составляют 9% от ВВП страны (включая ежегодную военную помощь США в размере 3 млрд. \$) и постоянно растут¹⁵.

Египет не уступает Израилю в пристальном внимании к совершенствованию своего военного потенциала, стремясь достичь паритета с ним в оснащении вооруженных сил самыми современными боевыми средствами. Несмотря на то, что военный бюджет АРЕ значительно уступает израильским военным расходам (около 3% от ВВП в дополнение к 1,3 млрд. \$ США ежегодной военной помощи¹⁶), в период с 2001 по 2004 г. Египет оставался единственной страной на Ближнем Востоке, увеличившей закупки вооружений¹⁷. Этот факт не может не вызывать серьезной обеспокоенности у Израиля. Сегодня египетские вооруженные силы представляют собой одну из самых современных, динамически развивающихся и технически оснащенных армий среди арабских и африканских государств.

Однако можно констатировать, что прямой связи между наращиванием Египтом и Израилем военного потенциала и угрозой его использования не просматривается. Пополнение военных arsenалов носит соревновательный и конкурентный характер и скорее призвано содействовать поднятию политического престижа страны в регионе, нежели будет использоваться в реальных военных действиях. По мере достижения политической зрелости государства все реже прибегают к разрешению конфликтов военным способом, который неминуемо приведет к ухудшению ситуации в регионе и нарушит и без того хрупкие социально-экономические связи. Поэтому инициаторами применения военной силы становятся преимущественно радикальные и экстремистские организации, заинтересованные в дестабилизации системы региональных отношений. Очевидно, что именно они представляют сегодня наиболее опасную угрозу национальной безопасности.

В этом контексте особое внимание привлекает ситуация на границе между Египтом и Израилем, которая проходит, в частности, по территории сектора Газы.

Согласно заключенному в 1979 г. мирному египетско-израильскому соглашению, на территории Синайского полу-

острова создавалось несколько демилитаризованных зон, без которых, как пишет в своей книге «Новый Ближний Восток» Ш.Перес, «соглашение в Кэмп-Дэвиде и мирный договор между Египтом и Израилем никогда не стали бы реальностью... Израиль не мог допустить присутствия египетской армии в Синайской пустыне, как это было накануне шестидневной войны; для Египта же было неприемлемо нахождение там израильской армии, как это случилось после войны»¹⁸. Согласно мирному договору, АРЕ получила право держать на Синайском полуострове ограниченный контингент вооруженных сил – 22 тыс. военнослужащих – на расстоянии не ближе 50 км восточнее Суэцкого канала.

В мае 1994 г. в Каире между Израилем и ООП было подписано соглашение Газа – Иерихон (Gaza – Jericho Agreement), которое наравне с прочими договоренностями, касающимися постепенной передачи полномочий от Израиля палестинским властям, касалось вопросов безопасности. На протяжении всей границы сектора Газы и Египта создавалась специальная зона безопасности – так называемый Филадельфийский коридор, – контролируемая израильскими вооруженными силами.

В сентябре 2005 г. бывший министр обороны Израиля Шауль Мофаз и глава египетской разведывательной службы Омар Сулейман заключили соглашение, по которому после вывода израильских войск с территории Газы и Филадельфийского коридора в рамках политики одностороннего размежевания контроль над южной частью сектора Газы, граничащей с Синайским полуостровом, перешел к Египту. В Филадельфийском коридоре были размещены специальные отряды египетской полиции в составе 750 человек, призванные предотвращать террористические угрозы и пресекать любые нарушения порядка, в том числе ввоз контрабандного товара на палестинские территории и незаконное пересечение границы. Следует отметить, что в ходе переговоров египетская сторона предпринимала попытки представить соглашение как первую фазу развертывания контингента из нескольких тысяч своих военных на линии всей египетско-израильской границы, что фактически означало бы пересмотр египетско-израильского мирного договора. Однако такое развитие событий вызвало серьезную обеспокоенность Израиля, крайне заинтересованного в поддержании устоявшегося статуса-кво на Синайском полуострове. Израиль настоял на том, чтобы это соглашение получило

прямую ссылку на мирный договор от 1979 г. Статья 4 документа называет его целью «осуществление дополнительных мер безопасности... для расширения договоренностей, содержащихся в Приложении о безопасности к мирному договору»¹⁹. Таким образом, соглашение лишь повышает способность АРЕ бороться с контрабандой на границе с сектором Газы, при этом территория Синай продолжает оставаться демилитаризованной зоной.

В широком смысле подписанное соглашение символизирует заинтересованность Египта и Израиля в предотвращении милитаризации радикальных палестинских группировок в Газе после вывода из сектора израильских войск. Между тем мотивы, которыми руководствовалась каждая из сторон, различны.

Для Израиля сохранение своего военного присутствия в Филадельфийском коридоре означало бы создание еще одного очага противоречий с палестинцами после одностороннего ухода с территории сектора Газы. Кроме того, Израиль стремился снять с себя ответственность за развитие событий в Газе перед израильским и мировым сообществом. И Египет как раз явился наилучшей заменой израильского военного присутствия в Филадельфийском коридоре, приняв на себя всестороннюю ответственность за ситуацию на египетско-палестинской границе.

Со своей стороны АРЕ, подписав соглашение с Израилем о переходе под свой контроль египетско-палестинской границы, еще раз подтвердила необходимость своего участия в урегулировании палестино-израильского конфликта. Не последнюю роль в позиции Египта сыграли и обеспокоенность страны тем, что вакуум, образованный уходом Израиля из Газы и ослаблением нового палестинского руководства, заполнится исламистскими силами, способными дестабилизировать ситуацию как в регионе в целом, так и внутри самого Египта, для которого исламский фактор на протяжении нескольких десятилетий по-прежнему остается актуальной и весьма реальной угрозой национальной безопасности. Два года спустя опасения Египта подтвердились, когда в середине июня 2007 г. радикальное палестинское движение ХАМАС в ходе военного переворота взяло под свой контроль Газу. По существу, ХАМАС, контролирующий Газу, не представляет военной угрозы Египту. Однако его успех может послужить примером другим радикально настроенным исламистским группировкам, действующим, в том числе, и в Египте.

Приход ХАМАС к власти в Газе значительно осложнил ситуацию на египетско-палестинской границе. В первую очередь это связано с увеличением потока контрабанды оружия, взрывчатых и наркотических веществ через Синай на палестинские территории и в Израиль. Контрабанда – основной источник дохода местного палестинского населения – осуществляется главным образом через многочисленные подземные туннели, которыми буквально испещрена вся территория Филадельфийского коридора. Логично предположить наличие целой контрабандной сети, охватывающей весь Синай и дельту Нила, которая поддерживается и финансируется палестинскими кланами, заинтересованными в обострении отношений с Израилем. Таким образом, в основе контрабанды лежат не только экономические стимулы, она имеет и идеологическое измерение, поскольку связана с радикальными группами, которые, преследуя собственные интересы, ведут подрывную деятельность против руководства ПНА и, косвенно, Египта.

До и особенно после перехода под контроль АРЕ территории Филадельфийского коридора Каир регулярно подвергается обвинениям со стороны Израиля в недостаточности мер для предотвращения незаконного проникновения оружия и взрывчатых веществ через египетско-палестинскую границу и, попросту, в нежелании египетских властей перекрыть каналы, по которым осуществляется контрабанда. И как показывает израильская статистика, обвинения эти небеспочвенны. Как свидетельствуют данные израильских спецслужб, после победы движения ХАМАС в июньском перевороте 2007 г. в секторе Газы в палестинский анклав было ввезено 73 тонны взрывчатых веществ. Египетскими же стражами порядка за три последних рейда, проведенных на территории Синай, обнаружено лишь более 3 тонн взрывчатки²⁰. За последнее время в Газу поступило также значительное количество вооружения – 1650 противотанковых ракет и порядка 6 тыс. бомб²¹. Особую озабоченность Израиля вызывают факты сотрудничества между египетскими властями и ХАМАСом: в начале октября 2007 г. через КПП на египетско-палестинской границе в сектор Газы были пропущены 85 боевиков в обмен на члена террористической группировки «Аль-Каида», имеющего египетское гражданство, задержанного ХАМАСом; еще несколько десятков боевиков ожидают разрешения Египта на возвращение в Газу.

Действительно, занимаемую Египтом позицию относительно ситуации на своей границе с сектором Газы можно охарак-

теризовать как толерантную. Однако снисходительное отношение египетского руководства к контрабанде и незаконному пересечению египетско-палестинской границы продиктовано воздействием внутреннего фактора, поскольку частично снимает давление, оказываемое на него антиизраильским общественным мнением, превалирующим в широких слоях египетского общества, где еще достаточно широкой поддержкой пользуются различные исламистски настроенные организации. С одной стороны, этот внутренний фактор является главным ориентиром в определении общего направления египетско-палестинской политики, а с другой стороны, он наряду с прочими условиями сдерживает развитие нормализации египетско-израильских отношений.

Некоторые израильские участники переговорного процесса по проблемам безопасности и контроля над вооружением отмечают, что несмотря на то, что между Египтом и Израилем еще в 1979 г. было подписано мирное соглашение, это не привело к реальному развитию стратегического диалога между странами. Первым шагом к нему можно считать диалог по вопросам безопасности. Этот диалог ведется на нескольких уровнях – собственно египетско-израильском и в контексте многостороннего процесса ближневосточного мирного урегулирования, – между которыми в интересах Египта была создана связь, ставящая в зависимость развитие второго уровня от первого. Основу этой связи составили стремления Египта по превращению Ближнего Востока в зону, свободную от оружия массового поражения, прежде всего ЯО. Для Египта вопрос о ядерном распространении в регионе стал одним из главных средств упрочения своего могущества и оказания влияния на другие арабские страны. Отстаивая арабские интересы, АРЕ проводит жесткую линию в отношении Израиля в вопросах безопасности и контроля над вооружением. Стремясь получить собственные политические выгоды, поставив вопрос о ядерном распространении на Ближнем Востоке во главу угла всего переговорного процесса о безопасности, Египет называет отказ Израиля от присоединения к ДНЯО главной преградой на пути создания системы единой региональной безопасности и нормализации арабо-израильских отношений.

Израиль в своей внешней политике в области безопасности успешно использует существующий баланс межгосударственных интересов на Ближнем Востоке. Так, несмотря на многочисленные призывы египетской стороны, Израиль отказыва-

ется от участия в переговорах о ядерном распространении на Ближнем Востоке и своем вступлении в ДНЯО и в то же время активно участвует в проведении мероприятий по укреплению доверия и безопасности сторон наравне с рядом арабских государств (Иордания, страны Персидского залива).

В контексте разрешения проблем национальной и региональной безопасности Египет и Израиль выступают странами-«конкурентами». Нарастание Египтом своего военного потенциала для достижения паритета с Израилем в вооружениях, стремление Израиля сохранить ядерную монополию в регионе, огромное внимание, которое страны уделяют развитию НИОКР и их использованию в военной сфере, – лишь часть поля соперничества, характеризующего сегодня египетско-израильские отношения в области безопасности. А с окончательным урегулированием ближневосточного конфликта это соперничество может приобрести и более глобальные масштабы.

Развитие современных мировых процессов показывает, что для эффективного решения проблемы обеспечения национальной безопасности недостаточно собственно внутригосударственных мероприятий и усилий, но и крайне необходимо взаимодействие на региональном уровне. На сегодняшний день Египет и Израиль далеки от установления взаимного доверия и согласия по ключевым вопросам безопасности и контроля над вооружением, без которых невозможно реальное плодотворное межгосударственное сотрудничество. Как представляется, в перспективе лишь повсеместное кардинальное положительное изменение ситуации на Ближнем Востоке наряду с глубокой трансформацией традиционных систем национальной и региональной безопасности способно подтолкнуть стороны к дальнейшему конструктивному развитию диалога по вопросам безопасности и контроля над вооружением.

¹ Arms Control Today, 04.02.2005.

² Cairo Al-Ahram, 15.01.2005.

³ Симаковский С.И. Оборонно-промышленный комплекс Израиля // Армия и власть на Ближнем Востоке. М.: Институт изучения Ближнего Востока, 2002, с. 293.

⁴ Примаков Е.М. Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). М.: ИИК «Российская газета», 2006, с. 344.

⁵ The Jerusalem Post, 13.03.2007.

⁶ Там же, 22.01.2007.

⁷ Там же.

⁸ United Nations, www.un.org

⁹ Центр политических исследований, www.pircenter.org

¹⁰ BBC, 19.04.2007.

¹¹ IPR Strategic Business Information Database, 15.03.2007.

¹² Угрозы режиму нераспространения ядерного оружия на Ближнем и Среднем Востоке / Под ред. А.Арбатова и В.Наумкина. Московский Центр Карнеги, Carnegie Endowment International Peace. М., 2005.

¹³ The Jerusalem Post, 25.09.2006.

¹⁴ Center for Nonproliferation Studies, Monterey Institute of International Studies: http://www.nti.org/i_russian/i_e4_egypt.html.

¹⁵ Stockholm International Peace Research Institute SIPRI, www.sipri.org

¹⁶ Stockholm International Peace Research Institute SIPRI, www.sipri.org

¹⁷ Stockholm International Peace Research Institute SIPRI, www.sipri.org

¹⁸ *Перес Ш.* Новый Ближний Восток, Электронная библиотека Гумер, www.gumer.info

¹⁹ Israel Ministry of Foreign Affairs, www.mfa.gov.il

²⁰ MIGnews, 03.09.2007.

²¹ www.mignews.ru, 23.10.2007.

И.В.Масюкова

ИЗРАИЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО: РЕЛИГИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИММИГРАНТОВ

В последние годы израильское общество испытывает трудности и в нем нарастает напряжение в связи с осложнением палестино-израильских отношений, непосредственно влияющих на безопасность и обстановку не только внутри страны, но и во всем ближневосточном регионе. Вместе с тем в самой стране по-прежнему усиливается социальная поляризация, происходят политические, национальные, этнические и религиозные кризисы и конфликты. Постоянное противостояние между светскими и ультрарелигиозными кругами ведет к обострению внутривнутриполитической обстановки: все больше израильтян выступают в поддержку демократизации страны, за расширение гражданских прав и свобод, против религиозного диктата и влияния ортодоксов на весь уклад жизни рядовых израильтян. Многие актуальные проблемы русскоязычных иммигрантов общество вынуждено решать в контексте противоречивых отношений между религией и государством, что постоянно приводит к конфронтации светских и религиозных кругов, требованиям защиты демократии и прав человека.

Религиозный фактор в развитии израильского общества

На протяжении многих веков религиозные еврейские традиции и в первую очередь Галаха (нормативная часть иудаизма, регламентирующая религиозную, семейную и гражданскую жизнь евреев) играют важную роль в жизни еврейских общин, позволяя унифицировать еврейский образ жизни для противодействия адаптации евреев в диаспоре.

Противоречивые и сложные взаимоотношения между религией и государством в Израиле крайне сложны и уходят

«корнями» в прошлое. Еще до создания Государства Израиль Теодор Герцль, предвидя характер этих отношений, предостерегал: «... Не дай Бог, чтобы наш национальный дом превратился в религиозное гетто, вотчину толкователей Галахи. Они не помогут сплотить еврейский народ, напротив – еще больше разобьют»². Накануне создания Государства Израиль, учитывая разногласия и противоречия между сионистским движением и лидерами религиозных кругов, в июне 1947 г. была достигнута договоренность между сторонами, когда Д. Бен-Гурион, И. Гринбаум и раввин Й.Л. Маймон (Фишман) направили письмо федерации партии Агудат Исраэль (АИ) от имени правления Еврейского Агентства (ЕА)³. В письме содержалась идея о так называемом соглашении о статус-кво, которое официально было подтверждено 30 октября 1950 г. в докладе Д. Бен-Гуриона, представлявшего правительство второго созыва, созданного после первого религиозного кризиса в стране⁴.

Соглашение статус-кво между религиозными и нерелигиозными кругами заключается в том, что под юрисдикцией раввинских судов находятся проблемы определения личного статуса граждан, их семейно-брачные отношения; введен запрет на работу в субботу и дни религиозных праздников в госучреждениях и общественных заведениях, на транспорте и т.д.; признается и субсидируется особая сеть религиозных школ, религиозных учреждений и служб⁵. В результате, по мнению многих исследователей, возникла ситуация: Израиль, не являясь теократическим государством, не может в полной мере считаться также и светским, так как некоторые религиозные нормы, действующие в стране, противоречат принципам демократии и правам человека, принятым в либерально-демократических странах⁶.

На протяжении всей истории существования Государства Израиль израильское общество на всех уровнях вовлечено в неослабевающую борьбу между светским и религиозным лагерем. В итоге происходит дробление страны по этническому, религиозному и традиционно-культурному признакам на враждующие между собой группы, и в этом контексте религия является одновременно объединяющим и разъединяющим фактором, вызывающим социально-политические конфликты и глубокий раскол израильского общества⁷.

Характерной особенностью внутривнутриполитического развития страны являются противоречия не только между светскими и

религиозными группировками, но также конфронтация внутри религиозного лагеря – между различными течениями иудаизма. Так, например, в 2002 г. Центр еврейского плюрализма подал в Высший суд справедливости (БАГАЦ) иск от имени четырнадцати еврейских организаций и религиозных общин, выступающих за равноправие всех течений в иудаизме. Истцы обвинили бывшего председателя финансовой комиссии Кнессета Я. Лицмана (фракция Яадут ха-Тора) в том, что финансирование «культурной деятельности» ультраортодоксальных организаций увеличилось с 600 тыс. шекелей до 70 миллионов⁸. Анализируя создавшуюся ситуацию, депутат Кнессета Й. Парицкий (Шинуй) подчеркнул, что практически вся эта грандиозная сумма будет использована на религиозную пропаганду среди светского населения страны, и, по его мнению, «...правительство собственными руками помогает плодить тех, кто в результате «возвращения к религии» присоединится к армии бездельников, отказывающихся работать, служить в армии и платить налоги, ... кто сядет на шею ... среднему классу общества, который и без того уже несет непосильную для него ношу»⁹.

Яростные дебаты развернулись в Кнессете в 2004 г. при обсуждении проекта госбюджета, когда лидер партии НДИ А. Либерман пытался сплотить парламентариев для решения вопроса о выделении средств на смягчение острых социальных проблем русскоязычных иммигрантов: обеспечения жильем, создания новых рабочих мест, решения вопросов образования и т.д. Вместе с тем религиозный лагерь предполагал получить максимум от правительства: около 300 млн. шекелей планировалось предоставить партии Яадут ха-Тора и 130 млн. шекелей – партии МАФДАЛ¹⁰.

По данным экономических исследований, рост неработающих ортодоксов, посвящающих все время учебе, ведет к экономическому кризису, росту бедности в стране, увеличению нагрузки на муниципальные и национальные бюджеты: Например, в 1997 г. падение уровня занятости в Израиле примерно на одну треть было связано с быстрым ростом числа учеников иешив, которых в 1990 г. насчитывалось – 35 980, а в 1997 г. увеличилось вдвое – 72 тыс. чел., что составило 1,2% населения страны¹¹. По прогнозам экономистов, эта тенденция будет постоянно расти, и к 2010 г. у 10% израильских детей отцы будут учиться в иешивах и, соответственно, не будут участвовать в процессе производства¹². Светский Израиль также справед-

ливо упрекает представителей ультраортодоксов в том, что они пользуются освобождением от уплаты налогов в государственную казну, от военной службы и имеют различные льготы.

Влияние религиозного фактора на израильское общество неразрывно связано с процессом демократизации страны. По результатам опросов общественного мнения на протяжении разных лет, ситуация складывается весьма противоречивая. В 1997 г. на вопрос: «Что приоритетно – Галаха (свод религиозных законов) или государственные законы?» – 56,3% опрошенных ответили, что первенство за государственными законами; 22% считают, что «в некоторых ситуациях приоритетно одно, а в некоторых – другое»; 14,6% – «Галаха приоритетна всегда»; 7,1% не могли сформулировать конкретный ответ¹³.

Исследование, проведенное Институтом демократии в 1999 г., продемонстрировало крайне противоречивые результаты и непонимание смысла и сути понятия «демократия». Например, 100% респондентов-ультраортодоксов ответили, что хотят видеть Израиль галахическим государством, при этом 96% респондентов той же группы (!) хотели бы также, чтобы Израиль был одновременно и демократическим государством. Противоречивые высказывания о демократии наблюдались в ответах не только ортодоксов, но и в другой группе респондентов. Здесь 100% граждан Израиля хотели, чтобы их страна была демократической, 38% – чтобы она одновременно была и галахическим государством. Две трети израильтян поддерживали идею отделения религии от государства, и одновременно 46% респондентов в пользу Галахи готовы (в отдельных случаях) поступиться демократией или даже навсегда отказаться от такого политического устройства¹⁴.

В последующие годы в израильском обществе стремление ортодоксов навязать религиозный образ жизни усилило противоположную тенденцию, и, по данным социологического опроса, проведенного Институтом изучения общественного мнения «Дахаф» («Едиот ахронот», сентябрь 2001), большинство израильтян предпочло бы жить в демократическом еврейском государстве. Результаты опроса 744 человек (репрезентативная выборка еврейского населения без представителей арабского сектора) выявили, что 71% респондентов высказался за открытие по субботам торговых и увеселительных заведений; 63% – за работу общественного транспорта в выходные дни; 62% – за введение светских браков и проведение свадебных

церемоний раввинами всех направлений; 63% – за предоставление одинакового статуса различным течениям в иудаизме; 93% – за прохождение военной службы учащимися религиозных учебных заведений. Вместе с тем больше половины опрошенных (57%) применительно к своей семье придерживаются традиционных взглядов и для своих детей предпочли бы ортодоксальный обряд бракосочетания¹⁵. По результатам социологических опросов разных лет большинство израильтян доверяют государственным и общественным институтам и структурам. Если в 1999 г. степень доверия выражалась следующим образом: (в%) Верховный суд – 85, суды – 82, государственный прокурор – 80, полиция – 73, премьер-министр – 38, правительство – 44, Кнессет – 55, СМИ – 57, политические партии – 37; то в мае 2006 г. самым высоким доверием у израильтян пользовался ЦАХАЛ (израильская армия) – 79% и далее в порядке убывания – Верховный суд, пресса, Кнессет¹⁶.

Проблемы демократизации страны становятся все более актуальными в связи с миллионной иммиграцией, прибывшей из бывшего СССР/СНГ и значительно изменившей «облик» израильского общества.

Религия и иммигранты

Одной из характерных особенностей русскоязычной иммиграции на рубеже XX и XXI веков стал постоянный рост числа неевреев, достигший в настоящее время, по данным министерства внутренних дел, примерно 350 тыс. чел., и, по мнению израильского исследователя Л.Ременник, израильское общество оказалось неготовым к приему такого числа «некошерных» граждан, что ведет к возникновению различных этноконфессиональных проблем: от предоставления гостевых виз русскоязычным родственникам – до создания светских нееврейских кладбищ в стране¹⁷.

Религия в современном Израиле диктует необходимость решения дополнительных проблем как условие успешной интеграции иммигрантов. Перед негалахическими евреями встают проблемы национальной и религиозной идентичности: прохождение гиюра (перехода в иудаизм); оформление семейно-брачных отношений; подтверждение еврейства у детей в смешанных браках и многие другие¹⁸.

Несмотря на многочисленные заверения руководства страны, в частности министра абсорбции (как предыдущего Ц. Ливни, так и нового руководителя – З. Бойма), о том, что «... интеграция репатриантов – самое ответственное испытание, которое выпало на долю израильского общества»¹⁹, новые граждане из смешанных семей, которые выполняют свой долг по защите государства, платят налоги, погибают от рук террористов и т.д., лишены элементарных прав в оформлении семейно-брачных отношений.

В последние годы наиболее острой проблемой в израильском обществе в связи с необходимостью заключения браков русскоязычных репатриантов из смешанных семей стала проблема создания института гражданского брака в стране. Все дела брачно-семейного характера по закону 1953 г. были отданы в исключительное ведение раввинских судов, и официально в Израиле браки евреев с неевреями запрещены. В результате постоянно растет число браков израильтян, заключенных за рубежом. Создаваемая ситуация вызывает все большее напряжение в израильском обществе: выдвигаются требования о компенсации со стороны государства расходов граждан, зарегистрировавших брак за границей; а также все категоричней раздаются требования о создании института гражданских браков.

На протяжении последних лет упорная борьба за введение гражданского брака не увенчалась успехом, тем самым государство лишает новых законных граждан элементарных человеческих и гражданских прав. В марте 2004 г. на заседании кнессета законопроект был отклонен: 29 голосов – «за», 58 – «против»²⁰. Аналогичная ситуация повторилась в июле 2006 г., когда проект закона, легализующего светскую альтернативу религиозному бракосочетанию, был отклонен 63 голосами против 17²¹. Законопроект о введении института гражданского брака был разработан в 2004 г. специальной комиссией под руководством Р. Бар-Она (Ликуд) по инициативе председателя партии Шинуй, бывшего министра юстиции Й.Лапида. В работе комиссии приняли участие видные специалисты в области семейного права, раввины, а также представители всех фракций, стремившихся к поиску компромисса, способного, с одной стороны, удовлетворить запросы сотен тысяч израильтян, вынужденных оформлять брак за границей, а с другой, – не выступить в противоречие с еврейской религи-

озной традицией²². В ходе подготовки законопроекта Главный сефардский раввин Израиля Шломо Моше Амар выступил категорически против каких-либо изменений в процедуре галахического бракосочетания. По мнению авторов нового законопроекта, гражданский брак будет существовать параллельно с религиозным, и к нему могут прибегнуть все без исключения граждане страны при единственном условии: наличие у одного из супругов официального статуса в Израиле (гражданина или постоянного жителя). Пары, узаконившие брак по гражданскому или религиозному ритуалу, будут пользоваться абсолютно равными правами²³.

Вместе с тем параллельно развитию демократических подходов к решению проблем русскоязычных иммигрантов в последние годы увеличение доли неевреев вызывает негативную реакцию среди ультрарелигиозных кругов, которые все настойчивее требуют ограничения иммиграции из стран СНГ и изменения Закона о возвращении. Требование реформирования Закона свидетельствует о глубинных тенденциях и процессах, происходящих в израильском обществе и мучительном поиске демократического или галахического пути развития.

В последние годы одной из актуальных проблем для неевреев из смешанных семей становится прохождение гиюра (переход в иудаизм) и приобщение к иудаизму и еврейству. Эта проблема встала на «повестку дня» в армии, где примерно четвертая часть личного состава боевых частей ЦАХАЛ укомплектована новыми репатриантами. По данным министерства обороны на 2002 г., в ЦАХАЛе проходили службу 6500 солдат и офицеров, не являвшихся евреями по Галахе, и сотрудники военного ведомства высказались за организацию проведения перехода в иудаизм с помощью армейского раввината, что наряду с военной службой облегчило бы интеграцию репатриантов в израильское общество²⁴. Многочисленные трудности при подтверждении еврейства связаны с целым комплексом проблем: подозрительностью и некомпетентностью некоторых работников раввината, сложностью и продолжительностью подготовительного периода, но главное – с неготовностью израильского общества в целом адекватно подойти к решению этой проблемы, которая впервые в истории Кнессета рассматривалась на заседании парламентской комиссии по иммиграции и абсорбции в июне 2005 г. Председатель комиссии К. Авиталь обратилась к руководству равви-

ната с обращением предпринять шаги, направленные на изменение сложившейся ситуации²⁵.

Русскоязычные евреи, проживающие в дальнем зарубежье в 27 странах мира, сталкиваются со многими дискриминационными проблемами, и эта ситуация была в центре внимания в ноябре 2007 г. на заседании Всемирного Конгресса русскоязычного еврейства (ВКРЕ), где прозвучала поддержка установлению безвизового режима между Россией и Израилем, что необходимо для дальнейшего развития отношений на всех уровнях между нашими странами и укрепления взаимного сотрудничества.

¹ См.: Фишбейн М. Религиозные традиции иудаизма // Религиозные традиции мира. Пер. с англ. М.: Крон-пресс, 1996, с. 503; Краткая еврейская энциклопедия. М., 1982. Т. 2, с. 7.

² Шавельский Г. Государство, народ, политика и религия // Зеркало (Израиль). 1995, № 125, с. 3.

³ См.: Александрова А. Религия и демократия в Израиле // Восток-ведный сб-к. Выпуск 5. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2003, с. 122–123.

⁴ Воробьев В. Государство Израиль: правовые основы возникновения и статус личности. М., 2001, с. 113.

⁵ Сафронова Е.С. Государственно-церковные отношения в Израиле // Мировой опыт государственно-церковных отношений. Под ред. Трофимчука Н.А. М., 1998, с. 257.

⁶ Воробьев В. Указ.соч., с. 162, с. 137.

⁷ Там же, с. 138, с. 109.

⁸ Религия и государственные деньги // Вести (Израиль), 28.08.2002.

⁹ Там же.

¹⁰ Кляйн Б. Госбюджет: религиозным – все, «русским» – ничего? // Вести, 02.12.2004, с. 2.

¹¹ Махлис А. Ученье – свет – но ученых тьма // Иностранец, № 17 (274), 09.05.1999, с. 27.

¹² Там же.

¹³ Ямим Ш. Во что верят израильтяне // Иностранец, № 31 (162) 29.01.1997, с. 19.

¹⁴ Плоцкер С. Мы хотим демократии, но не очень знаем, что это такое // Иностранец, № 32 (289), 18.08.1999, с. 19.

¹⁵ Израильтяне против харедизации страны // Вести, 26.09.2001.

¹⁶ Плоцкер С. Ук. соч., с. 19; Кардинальное решение проблемы? // Новости недели (Израиль), 11.05–17.05.2006, с. 4.

¹⁷ Remennick L. Russian Jews on Three Continents. Identity, Integration and Conflict. New Brunswick. 2007, с. 61.

¹⁸ Масюкова И. Светский и религиозный Израиль: проблемы русскоязычных репатриантов // Материалы XII ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. Ч. 2, Академическая серия. Выпуск 18. М., 2005, с. 442–450.

¹⁹ Новости недели, 11.05–17.05.2006.

²⁰ Штейн М. Закон о гражданских браках не прошел // Вести, 11–12.03.2004.

²¹ Frenkel S.C. Cracks in coalition beginning to form//The Jerusalem Post, 6 July 2006, с. 4; Розенблит М. Закон о гражданских браках снова не прошел // Вести, 06–07.07.2006, с. 2.

²² Ланид Й. Быть женатым в своей стране // Вести, 29.07.2004.

²³ Там же.

²⁴ Масюкова И.В. Проблемы русскоязычных иммигрантов и израильское общество на рубеже веков // Государство Израиль: политика, экономика, общество. М.: ИВ РАН, 2006, с. 152.

²⁵ Помочь репатриантам // Новости недели, 14.07.2005, с. 6.

В.И.Месамед

КАЗАХСТАНО-ИРАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ИТОГИ И ПРОБЛЕМЫ

Иран является одним из важнейших внешнеполитических партнеров Республики Казахстан. В Тегеране положительно оценивают экономические достижения этого постсоветского государства, одного из крупных экспортеров нефти, намеревающегося в следующем десятилетии «войти в пятерку мировых лидеров»¹. Поручкой этому наличие громадных месторождений газа – его разведанные запасы оцениваются в 3 трлн. куб. м, а прогнозные ресурсы с учетом шельфа Каспия выражаются в 5,9 трлн. куб. м². Для Ирана как страны, лежащей на путях транспортировки газа и могущей предоставить Казахстану транзитные услуги на европейском и ближневосточном направлениях, это несомненно важно. Казахстан значим и как один из региональных центров нефтедобычи. За 1995–2005 гг. добыча нефти и газового конденсата возросла с 20,6 млн. т до 61,9 млн. т. По итогам визита делегации Торгово-промышленной палаты Ирана в Казахстан в декабре 2007 г. было констатировано, что эта страна «...представляет собой благоприятный рынок для иранских товаров и услуг»³.

При реализации планов всестороннего сотрудничества с Казахстаном Иран опирается на такие интегрирующие факторы, как возможность экономического сотрудничества на выгодных для Казахстана условиях, включая режим благоприятствования, конфессиональную близость по линии ислама, культурную интеграцию, выгодное геополитическое положение в макрорегионе. Однако не все эти факторы достаточно аттрактивны.

Иранская модель экономического развития вряд ли может в достаточной мере заинтересовать Казахстан, учитывая даже то, что Иран в последние годы последовательно осуществляет переход к модели рыночной экономики, проводя в жизнь накопленный в этой сфере мировой опыт. Для Казахстана давно перестала быть притягательной и принципиально схожая

с иранской турецкая модель экономического развития, к которой во всех странах Центральной Азии проявлялось определенное внимание. В целом нынешняя ориентация Казахстана все более разворачивает его лицом к Западу, опыт которого он предпочитает использовать напрямую, а не по иранской или турецкой версии, адаптированной к местным условиям.

Призрачна для Казахстана и иранская идея интеграции на культурной основе. Отсутствие языковой общности с тюркоязычным титульным этносом этой страны существенно снижает шансы на духовное взаимодействие. Идея распространения и продвижения традиционной иранской культуры не выглядит столь уж привлекательной в казахской среде, и на ней трудно выстроить стратегию культурного взаимодействия. Истекшие годы показали, что действительного взаимодействия в сфере культуры не получилось, проходящие время от времени в Казахстане иранские выставки культурной тематики остаются для жителей Казахстана чистой экзотикой, не выстраивая мостов культуры. В Казахстане не изжит настороженный настрой к культурным контактам с Ираном, несмотря на то, что там давно отказались от идеи экспорта исламской революции, и достаточно инертно реализуют программы внедрения исламских ценностей. С приходом к власти неоконсерваторов и участвовавшими антизападными выступлениями президента М.Ахмадинежада, а также растущей изоляцией Ирана на фоне введения против него санкций со стороны Совбеза ООН можно прогнозировать застой или спад сотрудничества в культурной сфере.

В казахстано-иранском диалоге вряд ли уместно использовать и категорию конфессионального единства в качестве интегрирующего фактора. Известно, что казахи представляют суннитскую ветвь ислама, а в Иране господствует шиизм. Кроме того, налаживание религиозных «мостов» между иранским шиизмом и исповедуемым казахами суннизмом ханафитской религиозной школы затруднено тем, что принявшие ислам казахи в течение веков органично совмещают соблюдение религиозных культов на основе Корана с верностью традиционным доисламским обрядам, доставшимся им в наследство от своих предков – тюркских кочевников. В Иране понимают особенность местного, казахстанского толкования ислама как почвы для привнесения в него внешних веяний, вытекающую из-за хрупкой устойчивости исламских традиций в жизни титульного этноса страны. Кроме того, вследствие высокого уровня про-

цессов модернизации ислам давно вытеснен на периферию общественной жизни. Именно поэтому в Казахстане в отличие от таких стран Центральной Азии, как Таджикистан или Узбекистан, процессы исламского возрождения, выражающиеся в появлении исламских учебных заведений, повышении религиозности населения, издании специальной исламской литературы, увеличении числа мечетей, росте паломничества к святым местам ислама, проходят гораздо слабее.

Для Казахстана непривлекательна и иранская модель теократического правления, вызывающая у посткоммунистических руководителей страны опасность угрозы исламского фундаментализма, а следовательно, – нестабильности. В Казахстане реально осознают, что в случае чрезмерного сближения с Ираном это может вызвать нежелательную реакцию Запада, в первую очередь США, конфронтирующими с Ираном и считающими эту страну террористическим государством. Именно это побуждает казахстанское руководство взвешенно регулировать уровень взаимодействия с Ираном, пытаясь при этом использовать позитивные моменты сотрудничества на благо своей страны.

Вместе с тем в комплексе международных отношений Казахстана Иран занимает весьма заметное место, органично локализуясь в восточном векторе казахстанской внешнеполитической системы. В последние годы отношения с Ираном вошли в стадию сложившейся реальности, демонстрируя качественный и количественный рост. Если в составленном в начале 90-х годов программном документе казахстанского МИДа они были скромно определены как «контакты», то в редакции концепции внешней политики страны, выпущенной в 2001 г., Астана рассматривает отношения с Ираном как приоритетные – но лишь после России, Китая, США, Европы и Турции. Казахские аналитики при этом полагают, что их молодому государству следует активнее использовать иранский фактор при реализации своего внешнеполитического курса⁴. В официальных заявлениях казахстанских руководителей неоднократно подчеркивалось, что отношениям с ИРИ придается особое значение и они расцениваются как дружеские. Стратегия казахстано-иранских отношений опирается на следующий посыл: в противовес иранской стратегии возрождения исламской цивилизации в центральноазиатском регионе в Казахстане базовым элементом своей стратегии считают такую геополитическую

реалию Ирана, как его возможность быть эффективным связующим звеном при выходе на мировые торговые пути и рынки. Это логично стыкуется с заявлением бывшего главы иранского МИДа, нынешнего внешнеполитического советника религиозного лидера ИРИ д-ра Али-Акбара Велаяти, который отдавал несомненный приоритет именно вопросам геополитики⁵, понимая, что «исламская» карта отнюдь не притягательна для новых независимых государств центральноазиатского региона.

Что касается Ирана, то для него расширение контактов с Казахстаном как государством центральноазиатского региона означает продолжение прерванных в годы Советской власти многовековых традиций исторических и культурных взаимосвязей. В Иране склонны рассматривать отношения с Казахстаном как приоритетные в отношениях с государствами этого региона. Этому способствует как накопленный за более чем пятнадцать лет опыт сотрудничества в самых различных сферах, так и позитивное взаимодействие в области внешней политики. Страны имеют одинаковые или сближающиеся подходы по ряду региональных проблем. В годы нахождения у власти в Афганистане фундаменталистского движения «Талибан» обе стороны поддерживали режим постоянных консультаций, выявивший полное совпадение позиций⁶. Во время введения США санкций против Ирана в 1995 г. в Тегеране одобрительно восприняли их осуждение Казахстаном, заявление Астаны о том, что Казахстан и впредь не намерен проявлять солидарность с подобными действиями американской администрации⁷. Это, однако, не говорит о полном единстве взглядов двух стран по всем международным проблемам.

К настоящему времени правовую базу двусторонних отношений составляют более ста договоров и соглашений в торгово-экономической, промышленной, научно-технической, транспортной, транзитной и таможенной сферах, где реализуется весьма динамичное взаимодействие. В частности, реализуются такие документы, как Декларация о взаимоотношениях между Республикой Казахстан и Исламской Республикой Иран, Соглашения о поощрении взаимных инвестиций, об избегании двойного налогообложения, предотвращении уклонения от налогообложения в отношении налогов на доход и капитал, о культурном сотрудничестве, Меморандум о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, программы культурного,

научного и образовательного обмена и др. За эти годы значительно вырос товарооборот между странами, составивший в 2005 г., по данным иранского посла в Казахстане Рамина Мехманпараста, почти 900 млн. долл.⁸ По другим сведениям, приведенным на встрече губернатора иранской провинции Хорасанэ Разави с Генеральным консулом Казахстана в Мешхеде Азизом Аксафовым, объем в 2005 г. составлял около 400 млн. долл.⁹ Четырьмя годами раньше, в 2001 г. товарооборот исчислялся 220 млн. долл., причем 210 млн. долл. приходилось на казахстанский экспорт в Иран, в основном продукцию сталелитейной промышленности и зерно, и лишь 10 миллионов долларов – на импорт из Ирана¹⁰. В 2006 г., как заявил казахский сопредседатель межправительственной комиссии по торгово-экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству, министр транспорта и коммуникаций Казахстана Серик Ахметов, взаимный товарооборот двух стран составил 1,8 млрд. долл., а в 2007 г. данный показатель планировалось довести до 2 млрд. долл.¹¹

Двусторонние торгово-экономические отношения демонстрируют ныне высокий уровень доверительности. Так, выйдя в 2005 г. на уровень самодостаточности в производстве пшеницы и не нуждаясь более в ее импорте из Казахстана, но в силу отработанности маршрута ее транспортировки, Иран изъявил готовность обеспечить транзит казахстанской экспортной пшеницы в арабские страны региона Персидского залива. Еще один акт доброй воли – предложение Ирана возобновить импорт крупных партий казахстанской пшеницы для последующей ее переработки в муку с намечаемой продажей в третьи страны или использования для товарообмена с Казахстаном на условиях SWAP. В стадии разработки находится проект строительства совместного зернового элеватора в иранском порту Амирабад, одобренный в декабре 2006 г. во время пребывания в Астане главы МИД Ирана М. Моттаки. Из интервью иранского посла в Казахстане Рамина Мехманпараста интернет-сайту iran.ru 18 декабря 2007 г. вытекает, что дополнительно предполагается построить еще один элеватор.

Казахстан является еще и потенциально уникальным партнером Ирана в атомной сфере. Почти сразу после обретения страной независимости Казахстан ликвидировал ядерный арсенал, доставшийся ему с советских времен. Это явилось первым мировым прецедентом подобного рода. В силу конфликтности иранской атомной программы США уже не раз

призывали и Иран отказаться от ядерных амбиций и последовать примеру Казахстана. Летом 2006 г. с очередным предложением по этому поводу выступил вице-президент США Ричард Чейни после завершения переговоров с Н.Назарбаевым. Вслед за этим Казахстан предложил Ирану конкретное сотрудничество в сфере мирного использования атомной энергии. Астана заинтересована в обмене научно-исследовательской, технической и технологической информацией с Ираном. Основу для сотрудничества по обмену технологиями в сфере мирной атомной энергетики дают планы Казахстана построить в ближайшие годы от 3 до 10 ядерных реакторов. Очевидно, Ирану важно и то, что Казахстан является третьим в мире после Австралии и Канады производителем урана. Если в 2006 г. его было произведено 5279 тонн, то в 2007 г. планируется 6937 тонн, а к 2010 г. страна выйдет на рубеж 18 тысяч тонн, или примерно 30% мировой добычи этого металла¹². Из этого обстоятельства вытекает предложение Казахстана стать участником совместного предприятия по обогащению урана для иранской ядерной программы. США поддерживают такое предложение, реализация которого может продемонстрировать открытость ядерной программы Ирана и снимет напряженность вокруг иранского досье в Совбезе ООН и МАГАТЭ.

Однако базовой и самой взаимовыгодной сферой сотрудничества считается нефтяная. Именно этой сфере обязана экономика Казахстана своим успешным ростом, хотя руководство страны не раз декларировало, что приоритетное использование сырьевого богатства страны недальновидно, а потому – нежелательно. Вместе с тем до сих велика интегрированность казахстанского нефтяного комплекса в нефтекомплекс России. Это чревато опасностью проявления непредвиденных катаклизмов, способных серьезно повлиять на экономическое развитие Казахстана. С другой стороны, такая зависимость создает для Москвы практически неисчерпаемые возможности политического давления на соседнюю страну. Нужно учитывать и такое не менее важное обстоятельство, что через российскую территорию проходят пути нефтепроводов, которые доставляют казахстанскую нефть в страны СНГ. Поэтому для транспортировки своей же нефти Казахстану необходимо получать у России требуемые экспортные квоты. Для того, чтобы избежать этого, Казахстан вынужден рассматривать альтернативные, в обход российской территории, пути транспортировки

своей нефти. Вполне реальным и эффективным вариантом в такой ситуации является иранский транзит, то есть транспортировка нефти через казахстанский каспийский порт Актау в нефтеналивные порты Северного Ирана. Иран заинтересован также в импорте казахстанской нефти для обеспечения потребностей своих активно развивающихся прикаспийских регионов. Их удаленность от расположенных в основном на юге страны районов добычи углеводородного сырья диктует Ирану экономическую целесообразность его импорта из Казахстана, что гораздо дешевле транспортировки через протяженную иранскую территорию. Сотрудничество в этой сфере началось в 1992 г., когда был подписан первый протокол, в соответствии с которым Казахстан брал на себя обязательство ежегодно продавать по 2 млн. тонн нефти.

Через четыре года в результате встречи президентов Ирана и Казахстана – А.А. Хашеми-Рафсанджани и Н. Назарбаева было достигнуто соглашение о поставках казахстанской нефти по схеме замещения (SWAP). Суть его в том, что Казахстан доставляет свою нефть в порт Нека на каспийском побережье северной провинции Мазандеран. Далее казахстанская нефть следует на переработку на Тебризском или Тегеранском нефтеперерабатывающих заводах. Взамен этого Иран отгружает из портов Персидского залива для экспорта на мировые рынки адекватное количество нефти. На первом этапе Ирану планировалось ежегодно поставлять по этой схеме примерно 2 млн. тонн нефти, а в дальнейшем было решено довести поставки до 6 млн. тонн. Договоренность по перспективному для обеих сторон проекту была достигнута во время визита президента Казахстана в Тегеран в мае 1996 г. Таким же выгодным оказалось для Ирана подписанное 5 декабря 1996 г. Соглашение о строительстве нефтепровода с участием Казахстана, России, Омана и 8 международных компаний.

До середины 90-х годов нефтяное сотрудничество с Ираном помогало Казахстану решать вопросы транспортировки нефти из-за введенных Турцией ограничений на прохождение больших танкеров через проливы Босфор и Дарданеллы. Снять такого рода проблемы удалось после коренной модернизации самого перспективного и экономически выгодного казахстанского каспийского порта Актау, она была проведена при широком участии ряда иранских фирм. В 2006 г. через нефтяной терминал этого порта было экспортировано 9,9 млн. тонн

нефти. Сотрудничество с Ираном, однако, не позволяет радикально решить вопрос транспортировки казахстанской нефти. Даже в случае разработки и внедрения новых проектов, предложенных Ираном, радикальное решение видится Астане в реализации проекта Каспийского трубопроводного консорциума.

Однако в целом нефтегазовая отрасль остается одним из приоритетных направлений казахстано-иранского сотрудничества. Это было подтверждено во время работы в Астане 13–14 декабря 2006 г. на восьмом заседании двусторонней казахстано-иранской межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству. На нем было принято решение о реализации очень важных совместных проектов, в том числе о строительстве на севере Ирана нефтеперерабатывающего завода и строительстве предприятия по производству нефтехимической продукции в г. Атырау на казахстанском побережье Каспия. Первый из этих проектов имеет приоритетное значение для иранской нефтяной отрасли, потому что за годы, прошедшие после установления в Иране режима исламской республики, в стране не было построено ни одного предприятия по переработке нефти. Сотрудничество с Казахстаном позволит частично решить эту проблему, повысит эффективность реализации проекта нефтезамещения, даст возможность увеличить объемы транспортировки казахстанской нефти через иранскую территорию.

Поставки в Иран казахстанской нефти дали определенные стимулы реконструкции иранских нефтеперерабатывающих заводов в Тегеране, Тебризе, Араке и Исфагане в целях соответствия стандартам перерабатываемой нефти, добываемой в Казахстане. Это потребовало и модификации терминала в Рее. Кроме того, реализация проекта нефтезамещения вызвала необходимость прокладки нефтепроводов из порта Нека в Тегеран и из Сари в Нимруд. По мнению иранской печати, сотрудничество с Казахстаном способствует развитию иранского нефтепромышленного комплекса, составляющего основу национальной экономики¹³.

При кажущихся успехах казахстано-иранского сотрудничества оно расценивается Ираном как недостаточно динамичное. В Иране не раз заявляли о том, что взаимодействие двух стран лишь в небольшой степени использует имеющийся в его распоряжении потенциал. Так, в 2004 г. в Казахстане работало менее 10 иранских компаний, что гораздо меньше числа ком-

паний из Саудовской Аравии и ОАЭ. Несмотря на наращивание стабильного товарооборота, показатели экономического сотрудничества Тегерана с Астаной низки по сравнению с такими торговыми партнерами Казахстана, как Россия или Турция. Реформистская газета «Салам» еще в 1997 г. отмечала стремление руководителей Казахстана к своего рода дозированной продвижению диалога с Ираном, они стараются «...не подняться выше заранее установленной планки»¹⁴, действуя с оглядкой на Запад. Впрочем, ссылки на то, что прозападная ориентация сковывает развитие казахстано-иранских отношений, не всегда правомерны. Так, в 2004 г., став, с одной стороны, более искушенным в мировой геополитике, а с другой, – завязав более тесные отношения с антиподом Ирана – США, Казахстан, тем не менее, продолжал отстаивать идею прокладки нефтепровода Иран-Казахстан, который не устраивал Вашингтон. По всей видимости, Казахстан не посчитался с возражениями США по той причине, что проект разрабатывался совместно с французской компанией Total и пользуется поддержкой правительства этой страны.

В Иране считают, что в ближайшие годы вопрос строительства этого нефтепровода будет успешно решен. С экономической точки зрения он наиболее эффективен. В числе преимуществ – дешевизна проекта, возможность использования существующих инфраструктур на территории Ирана, потенциальная возможность поставок нефти через систему трубопроводов как в западном, так и в восточном направлении, а также значительные потребности Ирана в закупках казахстанской нефти. Меняющаяся политическая конъюнктура, заявил, выступая на семинаре в рамках Евразийского экономического саммита в Казахстане зам. министра иностранных дел Ирана Мохаммад Хоссейн Адели, позволит обойти неприятие Вашингтоном этого проекта¹⁵. Это подтвердил и президент Казахстана Н. Назарбаев, считающий, что идею транспортировки казахстанской нефти через Иран в Персидский залив поддерживают и иностранные инвесторы, работающие в Казахстане, в том числе и американские. Запасы нефти Тенгизского месторождения позволят загрузить этот нефтепровод. Одновременно глава Казахстана дал понять, что для его страны важны разные маршруты нефтепроводов. Именно поэтому Астана поддержала в политическом плане нефтепровод Баку-Джейхан.

Иранскую сторону не удовлетворяет недостаточный, на ее взгляд, уровень участия Казахстана в совместных проектах ЭКО. Именно ИРИ принадлежала идея пригласить страны Центральной Азии к участию в этой организации буквально через несколько месяцев после распада СССР, вот почему иранские лидеры хотели бы более активного участия Казахстана в проектах этой организации, в частности, в транспортной сфере. Речь идет в первую очередь о широких возможностях, открывшихся в связи с пуском в эксплуатацию железной дороги Мешхед-Серахс-Теджен, создавшей возможность стыковки железнодорожной сети центральноазиатских стран с магистралями ближневосточного региона. Этот проект, имевший для Ирана большую привлекательность, замысливался в расчете на то, что создаст кратчайший путь для выхода государств Центральной Азии на западные и восточные рынки. В первые годы после пуска этой магистрали в 1996 г. Казахстан использовал ее главным образом для экспорта в Иран производимых в Казахстане азотных удобрений и поставок газойля. Однако для Ирана ценность магистрали заключалась в удобстве доступа к предприятиям казахстанского уранового комплекса, представляющим интерес в свете реализации иранской программы ядерной энергетики.

Для самого Казахстана важна диверсифицированность своих транспортных путей. Именно поэтому в Астане не хотели бы ограничиться сотрудничеством в создании транспортной инфраструктуры лишь в рамках ЭКО. В апреле 2004 г. Казахстан пригласил Иран к сотрудничеству в реализации проекта создания трансазиатской железной дороги. Ее задача – соединить железнодорожную сеть Ирана с сетью железных дорог Китая. Совместный проект рассматривается обеими сторонами как качественно новая ступень в казахстано-иранском экономическом взаимодействии. В случае успешной реализации этого проекта стоимостью 4 млрд. долл., в 2010 г. возможно открытие сквозного железнодорожного проезда из Китая в Европу через Турцию. По этому проекту уже проведены казахстано-иранские переговоры, и министры транспорта Ирана и Казахстана Ахмад Хоррам и Кажмурат Нагманов подписали соответствующий протокол.

Обе страны намерены серьезно сотрудничать и в рамках создания международного транспортного коридора, получившего название «Север-Юг». Кроме Ирана, Казахстана и Рос-

сии, о своем намерении присоединиться к этому проекту заявили некоторые страны-члены СНГ, государства Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии. Эту магистраль правомерно рассматривать как важный евразийский геополитический проект. Он дает возможность наиболее рационально реализовать грузоперевозки из стран Азиатско-Тихоокеанского региона и Юго-Восточной Азии в Европу. Иран в данном контексте предстает как наиболее реальный транзитный коридор, сулящий Казахстану немалые плюсы. Участие в реализации транспортного коридора «Север – Юг» дает ему дополнительные возможности в сфере международной торговли и транзита товаров, позволяет интенсифицировать развитие наиболее перспективных для страны западных регионов.

В Казахстане в рамках нового транспортного коридора первостепенное значение приобретает каспийский порт Актау, который уже сегодня соответствует новейшим требованиям современного портового хозяйства. Успешно формирующаяся транспортная инфраструктура имеет несомненное значение для реализации экономического сотрудничества между Казахстаном и Ираном. В рамках транспортного коридора «Север – Юг» реализуются и интеграционные проекты. Так, в стадии проработки находится проект железнодорожной сети по восточному побережью Каспия. Она соединит между собой все пять стран Каспийского бассейна – Иран, Казахстан, Азербайджан, Россию и Туркменистан. В результате казахстанские товаропроизводители получают кратчайший путь к перспективным иранским рынкам. В частности, это касается зернового экспорта Казахстана, реализация которого через порт Актау на Иран позволяет сэкономить примерно 15% транспортных издержек.

Казахстано-иранское сотрудничество в транспортной сфере все больше реализуется как часть многосторонних интеграционных проектов. Один из примеров этого – железнодорожная магистраль Казахстан-Туркменистан-Иран. Торжественная церемония начала ее строительства состоялась 1 декабря. В мероприятии приняли участие президент Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедов, руководители ведомств Казахстана и Ирана. Пройдя по территории трех стран, магистраль станет самым удобным, экономически выгодным, а значит, востребованным транзитным маршрутом для десятков других стран. С завершением ее строительства государства Центральной Азии получат выход по сокращенному маршруту к южным мо-

рям. С другой стороны, аналогичная возможность, только в северном направлении, представится странам ближневосточного региона. Ориентировочная стоимость строительства новой железнодорожной магистрали оценивается в 620 млн. долл. В том числе, доля Казахстана – 150 млн. долл., а Ирана – 56 млн. долл. Ее значение и в том, что она позволит оптимизировать маршрут перевозки нефтепродуктов из Каспийского бассейна в страны Ближнего и Среднего Востока, сократит расстояние транспортировки более чем на 600 км, а время в пути – примерно на двое суток по сравнению с существующим маршрутом.

Не все, однако, в казахстано-иранском сотрудничестве является столь оптимистичным, как может показаться на первый взгляд. Диалог двух стран серьезно осложняется американским фактором, то есть присутствием на центральноазиатской геополитической арене такого важного игрока, как США. Вполне логично, что на реализацию планов сотрудничества Казахстана и Ирана серьезно влияют взаимоотношения каждой из этих стран с США. Это обстоятельство вытекает из тех факторов, которые определяют интересы США в регионе Центральной Азии. М. Братерский справедливо считает в качестве главных такие, как геополитическое положение региона, недостаточная политическая и экономическая стабильность центральноазиатских стран, проблемы с правами человека, экспорт их нефтегазовых ресурсов на мировые рынки¹⁶. Важным представляется и состояние ирано-американских отношений, которые с приходом к власти неоконсерваторов приобретают все более конфронтационный характер. Несомненно, Иран не хотел бы укрепления позиций США на центральноазиатском направлении. Однако реальность такова, что в настоящее время Казахстан является самой партнерской США страной региона Центральной Азии. В регионе для него сложилась максимально благоприятная внешнеполитическая конъюнктура.

С 2005 г. здесь заметно отторжение нескольких центральноазиатских стран от Запада и НАТО. Узбекистан еще летом 2005 г., когда Вашингтон после андижанских событий обвинил его в вопиющих нарушениях прав человека, максимально дистанцировался от США, порвал отношения с рядом международных институтов. Киргизию после событий весны 2005 г., получивших название «тюльпановой революции», беспокоят проблемы вокруг размещенной здесь авиабазы Ганси в столичном аэропорту Манас, негативно влияющие на двусторонние отно-

шения. На этом фоне Казахстан превращается в приоритетно-го партнера Запада.

Это единственная страна центральноазиатского региона, с которой США так интенсивно сотрудничают в военной сфере. В настоящее время реализуется пятилетняя программа сотрудничества между вооруженными силами двух стран. США участвуют в вооружении казахстанской армии, готовят военные кадры, причем в самых элитных американских военно-учебных заведениях. Вооруженные силы Казахстана модернизируются по американским и натовским стандартам. Совместное военное сотрудничество имеет своим приоритетом безопасность западных регионов страны, где расположены основные зоны нефте- и газодобычи Казахстана и где больше всего соприкасаются интересы Казахстана, Ирана и США. Защита нефтяной инфраструктуры Казахстана при американской военной помощи представляет не что иное, как опосредованный вызов Ирану.

США вполне удовлетворены тем, что казахстанский президент использует как инструмент экономических реформ вполне современные, цивилизованные и перспективные технологии, решает довольно радикально вопросы приватизации, создав открытый миру и достаточно прозрачный рынок. США небезосновательно считают, что в силу нынешней геополитической обстановки в Центральной Азии им здесь нужен именно такой партнер, который последовательно занимает доминирующие позиции в регионе по всем параметрам. США устраивает и то, что Казахстан сохраняет сильные позиции в ОБСЕ, намерен стать постоянным членом Парламентской ассамблеи Совета Европы. Последним достижением Казахстана в этом направлении стало намеченное предоставление ему в 2010 г. поста председателя ОБСЕ, утвержденное в начале декабря 2007 г. в Мадриде на заседании Совета министров иностранных дел (СМИД) ОБСЕ. Это оказалось возможным при несомненной помощи США и других стран Запада и может положительно повлиять на отношения Казахстана с США.

Вместе с тем США дают понять Астане, что они вынуждены проявлять сдержанность в контактах с казахстанским руководством. В частности, в США недовольны отходом Н. Назарбаева от заявленных им демократических ценностей, переходом к «мягкой диктатуре», громкими коррупционными скандалами, связанными с разработкой нефтяных месторождений Казахстана, по которым казахстанский президент может и сам

проходить фигурантом. В США не одобряют и методы взаимоотношений Н. Назарбаева с оппозицией, выражающиеся в репрессиях по отношению к целому ряду видных оппозиционеров, имевших место в 2006 г., в оттеснении оппозиции от парламентской деятельности в результате выборов 2007 г.

На этом фоне казахстанское руководство, заинтересованное в стабильных отношениях с США, пытается не возбуждать отрицательных эмоций у Вашингтона по поводу как бы излишней динамики в отношениях с Ираном. Этим вызывается сдерживание Казахстаном реализации крупных совместных проектов с Ираном, что нашло свое отражение в результатах восьмого заседания совместной казахстано-иранской межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству в июне 2006 г. Несмотря на дипломатически выверенное и столь же обтекаемое заявление главы иранской части комиссии – министра иностранных дел ИРИ М. Моттаки о том, что «переговоры придали особый стимул развитию двусторонних отношений в области экономики, торговли, промышленности, инвестирования, строительства дорог, транспортировки нефти и пшеницы из Казахстана через Иран, банковской и научно-технической сфере»¹⁷, подписанные документы создают впечатление, что Астана пытается оттянуть или вообще оставить без ответа многочисленные инициативы по сотрудничеству, выдвигаемые Ираном. Заметно, что Казахстан в таких вопросах концентрируется лишь на выгодном для себя транзитном потенциале иранской территории и наращивании своего экспорта в Иран. Здесь, несмотря на повышение объемов товарооборота, заметен резкий дисбаланс. В 2005 г. товарооборот составлял 900 миллионов долларов, из которых 886 миллионов долларов приходилось на казахстанский экспорт. Астана проявляет определенный скепсис по отношению к крупным проектам долгосрочного характера, действуя строго в соответствии с директивами президента Н. Назарбаева «развивать отношения в рамках коридора Север-Юг для транспортировки продукции нефтяной отрасли, пшеницы через порты в Персидском заливе»¹⁸. Иран, однако, готов мириться с таким положением, будучи заинтересован в поддержании своего диалога с Казахстаном, ставшим на деле лидером среди стран региона Центральной Азии. Казахстан же в реализации отношений с Ираном будет действовать с осторожной оглядкой на США, стараясь не нарушить сложившийся статус-кво.

Еще одним из факторов, негативно влияющих на продвижение казахстано-иранского диалога, является то, что Казахстан оказался единственным государством Центральной Азии, направившим воинский контингент в составе международных сил антитеррористической коалиции в Ирак. И хотя казахстанские военные не занимались непосредственными боевыми действиями, а были привлечены к разминированию минных полей и восстановлению водоснабжения, в Иране считают, что к «военным преступлениям в Ираке причастны все страны, вступившие в союзнические отношения с США и находившиеся в Ираке в период ведения там войны»¹⁹. Разумеется, такая точка зрения отнюдь не способствует доверительности в казахстано-иранских отношениях.

Учитывая большую, нежели у предыдущих лидеров Ирана, антизападную составляющую во внешней политике нынешнего президента М. Ахмадинежада, можно ожидать более жестких шагов Ирана по противодействию другим внешним игрокам на геополитическом поле Центральной Азии. Эта жесткость может наиболее отчетливо проявиться в решении проблемы правового статуса Каспия, где у Ирана с Казахстаном до сих имеется много разногласий. Иран активно противится тому, чтобы к процессу использования углеводородов каспийского региона были подключены внерегиональные игроки. Сам М. Ахмадинежад неоднократно заявлял о том, что США преследует в регионе лишь свои политические цели, ничуть не заботясь об интересах стран каспийского региона. Иран же, как постоянно декларируют его лидеры, уделяет и намеревается уделять в будущем первостепенное значение региональной экономической интеграции, базирующейся на исторической, культурно-цивилизационной, географической общности. Сотрудничество с Казахстаном будет осуществляться в таких важных для Ирана сферах, как торговля, транспорт, углеводороды, энергетика, продвижение новых технологий. При этом, на иранский взгляд, пока интеграция идет не такими темпами, которые бы его устраивали, причиной чего является вмешательство Запада, в первую очередь – США. Учитывая отчетливо выраженный антиамериканский компонент внешней политики правительства М. Ахмадинежада, можно ожидать более однозначного неприятия с его стороны прозападных тенденций во внешней политике Казахстана. В частности, это касается и его участия в программах НАТО. До тех пор, пока это не носит характер непо-

средственной интеграции Казахстана в военные структуры НАТО, Иран не будет на это особенно остро реагировать, концентрируясь на продолжении экономического сотрудничества. В том случае, если этот процесс перейдет определенные Ираном красные линии, возможна его реакция, характер которой Иран пока не раскрывает. Однако в целом нет никаких оснований полагать, что основополагающих принципов иранской стратегии в этом регионе могут коснуться какие-либо существенные коррективы. Изменение тактики может диктоваться развитием ситуации, но преемственность региональной стратегии Ирана на центральноазиатском направлении, как нам представляется, сохранится.

¹ Nursultan Nazarbaev. Who needs Borat // The Spectator, 23.10.2006.

² АПН Казахстан, 04.12.2006.

³ Iran.ru, 19.12.2007.

⁴ Ашимбаев М.С., Ерекешева Л.Г. Иран как будущая региональная держава. Алматы, 2001, с. 29.

⁵ Салам, 23.06.1996.

⁶ Абрам, 01.06.1997.

⁷ Салам, 31.12.1995.

⁸ Kazakhstan Today, 06.02.2006.

⁹ ИРНА, 14.12.2006.

¹⁰ ИСНА, 01.12.2007.

¹¹ <http://lexim.ru/news/1159..11>

¹² Iran.ru, 19.01.2007.

¹³ Эйтэмад, 25.11.2003.

¹⁴ Салам, 18.03.1997.

¹⁵ Интерфакс, 04.12.2007.

¹⁶ Братерский М. Политика США в Центральной Азии и интересы России // Центральная Азия и Кавказ, 2007, № 4, с. 64.

¹⁷ Воронов С.С. Визит министра иностранных дел ИРИ М. Моттаки в Астану 13–14 декабря 2006 г. Характеристика ирано-казахстанских отношений. <http://www.iimes.ru/rus/stat/2006/23-12-06b.htm>

¹⁸ Там же.

¹⁹ Кейхан, 17.04.2005.

М.В. Минц

О ПОЛОЖЕНИИ КОПТОВ В СОВРЕМЕННОМ ЕГИПТЕ

Копты – восточные христиане, считающие себя потомками древних египтян и принявшие христианство примерно с I в. н.э. Египет с 31 года н.э. был присоединен к владениям Римской империи, а впоследствии находился под покровительством Византии вплоть до арабского завоевания. На протяжении долгого времени в Египте царил древнейший культ египетских божеств, который также поддерживался римлянами и греками, но уже в I веке на фоне общей нестабильности и неустроенности возникает новая религия – христианство. Коптская церковь – одна из древнейших христианских церквей, ведущая свое происхождение от св. Марка Евангелиста и относящая себя к православной ветви христианства. Придерживается монофизитского (монофиситского) догмата, трактующего соединение в Иисусе Христе двух природ как поглощение человеческого начала божественным¹. Само слово «копт» появилось после мусульманского завоевания и является арабской транскрипцией греческого слова *aiguptos*, «египтянин». Но кроме названия арабы привнесли еще множество других изменений в обыденную жизнь египетских христиан, в том числе они поглотили коптский язык, по утверждению самих коптов, являющийся истинным древнеегипетским языком².

Копты – это своеобразный этнос, обладающий целостностью, внутренней национально-религиозной сплочённостью и солидарностью. Центральными идеями их культурной самоидентификации являются принадлежность к христианству и преемственная связь с древнейшей историей Египта. Коптам пришлось интегрироваться в мусульманское сообщество Египта, но они никогда не отказывались от своей особой идентичности, на протяжении многих веков сохраняя обычаи, взгляды, мировоззрение и искусственно поддерживая исчезающий коптский язык. Их место в современном Египте не соответствует их представлению о своих правах. Не сочетается

оно и с современными демократическими эталонами в области прав меньшинств.

Копты, представляя отдельный этнос, имея собственную многовековую культуру и историю, никогда не были лишены национальной идентичности и всегда играли важную роль в стране. С момента завоевания Египта арабами-мусульманами копты переживали как минуты славы и привилегированного положения, так и страдали от жестокостей со стороны правителей и мусульманского населения. Социальное положение коптов всегда было обусловлено личностью правителя: когда он поддерживал их и обращался с ними лояльно, уважая их религиозные верования, они становились социально активными и даже участвовали в общественной жизни, когда правитель действовал по противоположной схеме, копты объединялись в отдельное сообщество и становились политически пассивными, тратя энергию преимущественно на сохранение своей идентичности.

Первоначально в Арабском Халифате не существовало никаких ограничений для христианского населения, а сближению арабов и коптов-египтян способствовала арабская либеральная религия и экономическая политика³. Статус покровительствуемых иноверцев «ахл ал-димма» и множество талантов коптского населения позволяли им занимать чиновничьи посты, собирать налоги и быть отличными делопроизводителями. Несмотря на примеры жесточайшего обращения с коптами (фатимидский халиф ал-Хаким; мамлюкские правители; внук Мухаммеда Али, Аббас I), они всегда представляли особую элитарную прослойку населения, что и вызывало зависть и неприязнь у мусульман⁴. В периоды французской кампании начала XIX века и британской оккупации конца XIX – первой половины XX вв. положение коптов отнюдь не улучшилось, хотя европейцы и не оставили без внимания их бюрократическо-административные способности. Французы и британцы следовали исключительному принципу политической выгоды и поддерживали коптское население только тогда, когда им было удобно. В этот период эффективные стратегии коптов включали в себя интеграцию с широкими слоями населения Египта в борьбе против чужого правления, что постепенно перерастало в начало националистической кампании. В первой половине XX века копты вышли на политическую арену под лозунгами Египетского национального движения. Ключевым моментом

стало создание в 1918 г. партии «Вафд»⁵. Именно эта партия ратовала за активное вовлечение коптского населения в национально-освободительную борьбу. В процессе полной интеграции коптского населения в мусульманское общество участвовали как коптские, так и мусульманские деятели⁶. Однако истинное положение вещей в Египте было неизменным: страна была мусульманской с христианским меньшинством, а давнее желание законного участия в политической жизни страны заставляло коптов, так или иначе, признавать верховенство ислама. С принятием конституции в 1923 г. копты оказались лишеными того, за что они так долго боролись: в главном законодательном акте страны их статус не получил институционального закрепления. К 1937 г. роль мусульман в общественной жизни страны возросла повсеместно, оставив коптам лишь 9% всех государственных постов (тогда как доля их населения составляла до 20%)⁷.

В период между двумя войнами положение коптского населения Египта пошатнулось еще сильнее. Создание в 1928 г. организации «Братья-мусульмане» под руководством Хасана аль-Банни⁸ повлекло за собой рост исламизации и консолидации мусульманского населения страны. Эта партия представляла непосредственную угрозу христианскому Египту.

Поворотным моментом стала революция⁹ 1952 г. в Египте, которая повлекла за собой существенные перемены политического характера не только в стране, но и на всем Ближнем Востоке. Насеризм, арабский национализм, социализм, национализация, аграрная реформа, этатизм, военная диктатура и радикализация общественных масс – все это представляло угрозу для коптского общества. Стоит отметить, что весь период нахождения у власти Г.А. Насера и А. Садата был неблагоприятным для коптов, поскольку рост национализма и усиление позиций ислама имели и другую сторону – подавление влияния всех несогласных или тех, кто, по мнению властей, мог представлять угрозу для режима. Насер прибегал к тактике ограничений и косвенных мер по ограничению коптского влияния. Коптам не разрешали строительство церквей, не давались разрешения и средства на их реставрацию, были закрыты христианские религиозные суды. Земли, принадлежавшие коптам, были конфискованы службой национализации и переданы мусульманам. Собственность и церковная утварь коптов были изъяты министерством по делам ислама в пользу государства.

Копты очень редко получали гранты на получение образования за рубежом. После Суэцкого кризиса в 1956 г. христианское население начало активно покидать Египет. Именно к этому периоду относится создание коптских общин в странах Европы и США¹⁰.

После революции государственный аппарат Египта стал полностью мусульманским, и в подобной ситуации копты оказались замкнутой общиной. Несмотря на ряд послаблений, сделанных Насером, копты не имели доступа к политической жизни страны и не могли выражать своего активного политического мнения. Для политического выживания коптам требовалось выработать новую формулу, приемлемую для находившихся у власти насеристов. Данный процесс был весьма сложным и требовал представительства коптов во властной структуре.

Особое значение в истории коптов XX века имеет фигура Бутруса Гали. Он приходится внуком убитому в 1910 г. премьер-министру Египта. Он прошел славный путь ученого-академика и сделал успешную политическую карьеру. В 1977 г. Садат назначил его на должность государственного министра по внешним делам, однако этот пост не приравнивался по значимости к министру иностранных дел. Гали мог добиться общественного признания и уважения, только выдержав лично все притеснения со стороны мусульман. Бутрусу Гали удалось сделать это, в результате чего он смог удержаться в государственном аппарате и стал впоследствии первым представителем Африки и арабского мира на посту Генерального секретаря ООН.

В 70-х годах на волне подъема исламизма центральной фигурой в Египте стал Анвар Садат. Многие видели в нем традиционного мусульманина, и это справедливо, поскольку ранее он числился в рядах исламистов. Другие видели в нем человека, который намерен открыть двери для привнесения в Египет западных ценностей, западных критериев демократии и свободы. Однако некоторая часть населения Египта считала Садата человеком, который способен облегчить интеграцию коптов в египетское общество, особенно с политической точки зрения. С приходом Садата к власти арабский национализм несколько сдал свои позиции. Ключевым моментом стал процесс создания новой конституции. Как заявил сам Садат, Египет должен выполнить «свою миссию веры». Тем самым исламу был отдан

приоритет. Это значительно укрепило позиции Садата в глазах исламистов и прежде всего «Братьев-мусульман», которые уже было уличили его в стремлении к вестернизации.

Таким образом, 5 сентября 1971 г. Национальное Собрание одобрило конституцию, в которой говорилось не только, что ислам является государственной религией Египта, но и заявлялось, что главным источником законодательства является шариат. Следующим за этим шагом по всей логике должен был стать переход Египта от мусульманского к исламскому государству. Позднее, когда Садат решил ослабить влияние ислама на общество, подвергнув тем самым опасности себя, свою семью и свой политический вес, силу начал набирать исламский фундаментализм. Садат был застрелен одним из боевиков «Братьев-мусульман». Вместе с ним был убит и коптский патриарх, сидевший рядом¹¹.

В последние 5 лет своего президентствования Садат пошел на некоторые уступки коптам. Это было сделано опять же, исходя из его излюбленной тактики поиска противовеса, на сей раз исламистам. Однако сильно положение христианского населения это не улучшило.

В период с 70-х годов, начиная с президентства Садата, коптское население столкнулось с новой чередой трудностей. Численность коптского населения на тот момент составляла приблизительно 8 млн. человек, тогда как население всего Египта не превышало 50 миллионов¹². Исходя из этого, по формальному признаку копты едва ли могли считаться меньшинством. Однако положение коптского населения практически не изменилось по сравнению с периодом правления Насера. Копты подвергались дискриминации властей, довольно часто случались коптские погромы, население было настроено против христиан. Таким образом, копты, которые сражались в 1919 г. за независимость Египта бок о бок с мусульманами, теперь вынуждены были примириться с тем, что это была независимость для мусульманского государства. В таких условиях коптам было чрезвычайно трудно существовать, поскольку они превратились в неуютное меньшинство.

Меры дискриминации коптского населения были различны. Так, начиная с 1980 г. не было издано ни одного указа властей о строительстве новых церквей или реконструкции старых. В 1981 г. был изъят из печати коптский религиозный журнал «Аль-Кираза» (Проповедь) с тиражом более 400 тыс. экземп-

ляров. Вплоть до 1988 года коптское лобби в США и Канаде выступало за возвращение издания¹³. Чувствительной дискриминации копты подвергались в сфере образования. Даже несмотря на тот факт, что из 45% грамотного населения Египта копты составляли до 20%, им запрещали открывать школы. Мусульмане имели возможность получать религиозное образование в университете аль-Азхар, тогда как коптам запрещали создавать свой собственный университет даже на частные средства¹⁴.

В 1977 г. для принятия исламского законодательства было создано Народное Собрание. Среди членов собрания не было ни одного копта. Согласно введенному закону, создавались исламские суды и вводились суровые наказания за такие преступления, как распитие спиртных напитков. За вероотступничество полагалась смертная казнь, что вызвало негодование со стороны христианского населения Египта.

Один из видных исламских шейхов университета аль-Азхар сказал, что «ислам является национальностью», что автоматически лишало коптов их принадлежности к Египту. В 1986 г. был принят очередной закон, расширяющий возможности исламского населения Египта. Теперь было официально утверждено, что на высшие государственные посты имеет право претендовать исключительно мусульманин. Например, в 1984 г. в Административный суд были избраны 11 заместителей и 16 депутатов, но среди них не было ни одного христианина¹⁵.

Подобная государственная политика стала отличительной чертой президента Хосни Мубарака, который видел в коптах ту силу, которая может подорвать его авторитет лидера мусульманской страны. Именно поэтому президент и предоставил исламистам значительные возможности для маневра. Пока Египет будет оставаться государством, где абсолютный приоритет отдается исламу, исламистские организации – такие, как «Джамаат исламийа»¹⁶ или «Братья-мусульмане», будут существовать в стране как некая автономия, независимая от центральной власти. Они создают свои школы, где по-своему организуют систему образования, получают власть на местах и в итоге добиваются 88 мест в парламенте, а это уже тревожный звонок для власти. Однако в подобной ситуации, когда власть не может противостоять натиску исламистов, не стоит забывать и о том, что у исламистов есть собственная позиция в отношении коптов. И эта позиция не отличается мягкостью.

Стоит отметить, что выступления против христианского населения всегда были обычным делом в Египте и зачастую поощрялись властями. Начиная с 1972 г. мусульмане начали нападать на граждан-христиан, рушить коптские церкви, осквернять их кладбища. В августе 1978 г. на севере Каира были зверски убиты два копта, год спустя в Верхнем Египте был убит коптский священник. В 1981 г. по указке центральных властей и по договоренности со службами безопасности боевики «Джамаат исламийа» учинили резню в районе Аз-Зауийа ал-Хамра, в результате которой погибли более 100 человек и несколько сотен были ранены. Большой урон был нанесен христианскому имуществу. Последние события произошли после 14 мая 1980 г. Тогда президент Садат выступил в Народном Собрании с речью, в которой обвинил коптов в «сектантском бунте», приводя в качестве главной причины «распространение светской власти, которую жаждет заполучить церковь в Египте вдобавок к религиозной власти»¹⁷. После этого обвинения коптов в попытке очернить мусульман и ислам, выдвинутого и президентом Садатом, и египетскими СМИ, фанатичные мусульманские группировки и учинили резню. Во время этих массовых нападений и убийств египетское правительство не попыталось встать на защиту коптов и их имущества, а полиция не позволила другим христианам оказать помощь пострадавшим. Народное Собрание, которому было поручено разобраться в коптском вопросе, по сути, не приложило никаких усилий, а лишь выпустило заявление, призывающее к порядку и благоразумию¹⁸.

Преследования коптов продолжались вплоть до начала 90-х годов. На протяжении всего этого времени христианское население жило в страхе, который обострялся тем, что власть попустительствовала актам насилия против коптов. Эти события остались бы незамеченными, если бы не коптская диаспора в США¹⁹. Они написали в 1982 г. открытое письмо президенту Рейгану, в котором говорилось не только о резне коптов, но и о том, что коптский патриарх Шенуда III находился с середины 1982 г. под домашним арестом. Ситуация в Египте получила широкий резонанс, однако она кардинально не менялась. Патриарх Шенуда, в свою очередь, выступал с речами о том, что христианское население Египта должно сплотиться и отстаивать свои законные права. Демонстративным был его запрет на празднование хри-

стианами пасхи в 1980 г. из-за погромов, учиненных мусульманами. Шенуда активизировал связи с другими церквями, он заручился поддержкой лидеров некоторых государств (Эфиопия, Филиппины). Все это не могло не беспокоить власть. Именно поэтому патриарх и был направлен под домашний арест, продлившийся около 2 лет. В 1985 г. Мубарак под давлением мировой общественности был вынужден уступить: Шенуда смог вернуться в Каир, однако ему запрещалось выступать с проповедями²⁰. Таким образом, лидер коптской церкви утратил всякое политическое влияние.

Ситуацию накалило заявление мэра города Асьюта в 1984 г. Этот город всегда считался столицей египетского христианства, где более 30% населения составляют копты. Однако мэр города, член группировки «Братья-мусульмане», выражая свое отношение к коптам, заявил: «У Египта есть лишь три врага: коммунисты, евреи и христиане»²¹. Налицо была асимметричность: мусульмане могли говорить все, что им вздумается, для них в этом отношении действовала свобода слова, тогда как любые действия коптов сопровождались преследованиями, погромами и тюремными сроками.

Налицо было притеснение коптов и с политической точки зрения. Их влияние по сравнению с периодом после Второй мировой войны значительно снизилось: в 1942 г. из 264 членов нижней палаты парламента копты занимали 23 места, а в 1993 г. после коррумпированных выборов (что становится характерной чертой не только для Египта), из 454 мест копты получили лишь 5²²!

Хотя копты не раз использовали свое лобби в США и Канаде для привлечения общественного мнения к своему положению в Египте, они не могли рассчитывать на активную поддержку извне. Еще в 1979 г. в рамках Национального Совета Церквей копты просили международную помощь, однако их просьбы не были услышаны. Единственным источником финансирования продолжали оставаться диаспоры. Лишь в США проблеме коптов было уделено особое внимание. В результате в 1982 г. последовала резолюция Конгресса, которая призывала власти Египта следить за соблюдением прав человека в своей стране. Никаких конкретных требований озвучено не было.

Огромные усилия по привлечению внимания общественности приложила коптская диаспора в Канаде. Особая роль при-

надлежит некоторым неангажированным представителям египетской интеллигенции, например, Тауфику аль-Хакиму²³.

Копты всегда считали себя египтянами и идентифицировали себя как потомки коренных египтян, а не как пришлый народ. Но проблема в том, что Египет является мусульманской страной, а египтяне являются мусульманами. Возникает вопрос: а каков же статус христианских египтян, которые много веков жили вместе с мусульманами, а теперь об их положении не сказано ни слова в законодательных актах страны?

Ситуация изменилась в лучшую для коптов сторону с момента сближения США и Египта. Администрация Рейгана, выработав новую доктрину противостояния коммунизму, начала активно поддерживать различные режимы на местах, особенно там, где еще веяло советским духом. В этом плане сближение с Египтом решало сразу несколько задач: плюсы от геополитического положения страны, налаживание контактов Египта с Израилем при посредничестве США, стратегические интересы США на Ближнем Востоке, экономические интересы. Все это заставило США пойти на сближение с Египтом. Мубарак не мог отказаться: Египет явно выигрывал от такого сотрудничества. Была проведена реструктуризация долгов Египта, началась экономическая реформа под контролем МВФ, последовал приток инвестиций, египетская армия перевооружалась американским оружием. Сам Мубарак в интервью корреспонденту «The Washington Post», отвечая на вопрос о необходимости сотрудничества с США, говорил: «Никто не дает нам так много, прося в ответ так мало»²⁴. Среди этого незначительного перечня требований и фигурировал среди прочего коптский вопрос. Ситуация более или менее стабилизировалась, однако до сих пор на улицах Каира царит напряжение и недовольство коптским соседством. Масла в огонь подливают лозунги исламистов, чьи позиции крепнут день ото дня. В этой ситуации следует еще раз поставить вопрос об активном участии коптов в жизни страны. Однако, присмотревшись поближе, становится ясно, что христиане по-прежнему остаются нежеланным меньшинством.

На протяжении последних тридцати лет коптские ассоциации США, Канады, Австралии и Европы постоянно забрасывают президентские и местные администрации своих стран официальными письмами с просьбами о содействии и участии в жизни коптов Египта. Просьбы переходят в требования, а копты настаивают на предоставлении им равных прав с му-

сульманами, чего они не добились на протяжении многих веков, несмотря на свое законное историческое право жить на земле предков свободно и без ограничений.

Но коптские ассоциации не просто требуют уравнивания в правах коптов с мусульманами Египта, они приводят страшные факты дискриминации своего народа, а отчасти и его геноцида. Американская коптская Ассоциация в срочном обращении к ООН приводила такие данные: 3 января 2000 г. в районах Верхнего Египта, Ал-Кошехе, Дар АлСалам и западном Аулад Тог, мусульмане-крестьяне пришли в неистовство и разгромили три христианские фермы. Тогда, по официальным данным, было застрелено и похоронено более 20 коптов, а еще 10 человек пропали без вести, и как утверждают авторы данного послания, их убили, а тела сожгли, дабы снизить официальное количество жертв. Было сожжено и разрушено более 70 домов, магазинов и складов, также была разрушена церковь, а множество коптов ранено. В этом же послании упоминаются массовые атаки на коптов в предыдущие годы, среди которых резни в Ал-Ханке, Ал-Завийе, Ал-Хамрасе, Имбабе, Айн-Шаме, Ал-Файуме, Бенисуефе Дайроуте, Кене и Асуане²⁵. Отмечается и то, что в большинстве случаев виновники всех атак остаются безнаказанными. А копты живут в страхе оттого, что их могут убить в собственных домах, а эти дома разрушить, что их дочерей могут украсть, а их могут безнаказанно оскорбить в общественном месте. Коптские ассоциации настойчиво призывают международные организации по правам человека, нести моральную и легальную ответственность за коптское меньшинство в Египте и даже сравнивают коптскую проблему с другими случаями геноцида в мире.

Объективность подхода со стороны европейцев к коптскому вопросу вряд ли возможна: во-первых, на их стороне всегда преимущество единой веры, во-вторых, положение меньшинств вызывает массу сочувствия в обществе и одновременно политику двойных стандартов со стороны политических организаций. Но необходимо отметить тот факт, что все арабские источники почти всегда замалчивают какие-либо случаи конфликтов или столкновений мусульманского населения с коптским.

Если на сайтах коптских ассоциаций других стран постоянно располагаются статьи о фактах угнетения коптов на родине, то на коптских сайтах Египта большая часть инфор-

мации посвящена мирным встречам патриарха с представителями власти, постановлениям о праздновании каких-либо знаменательных дат, светским проблемам, но почти никогда религиозно-политическим. Даже коптская газета «Ватани», издающаяся в Египте, редко поднимает подобные темы. В «Ватани» можно найти статьи, обвиняющие коптов в некотором бездействии, выражающемся в их нежелании вести диалог непосредственно с египетскими властями. Очень часто копты подключают свое лобби в США и Канаде, где диаспора политически активна. И это зачастую является единственным действенным способом решения коптских проблем. Однако почему копты, живущие в Египте, просят о помощи людей, которые находятся в гораздо лучшем положении и которые, по сути, заинтересованы лишь в привлечении внимания, но не в решении вопроса²⁶.

Во многих номерах «Ватани» говорится о жизни коптского населения, о мерах по распространению христианства. Значительное внимание уделяется жизни папы Шенуды III. Случающиеся инциденты освещаются редко, спецслужбы Египта тщательно контролируют газету. В «Ватани» от 29 января 2006 г. говорилось о разрушении христианской церкви в районе Луксора. В статье отмечалось, что власти приняли решение о сносе церкви ввиду ее аварийного состояния. Однако церковь в поселке Удейсат близ Луксора, о которой идет речь, была построена в 1998 г. (хотя копты обращались к правительству с просьбой о ее строительстве еще с 1978 года). Тем не менее церковь была признана аварийной, и ее было решено снести. В этом контексте примечателен тот факт, что в районе Луксора наблюдается активный рост численности коптского населения. Здесь действуют христианские школы, а в поселке Удейсат большинство населения является христианами. В статье отмечался также и тот факт, что в пригородах Луксора стали активнее работать спецслужбы. В ходе выборов в парламент население Удейсата вообще не было допущено до избирательных урн²⁷. В этом же номере «Ватани» упоминался ряд инцидентов по всей стране, приведших к гибели коптов. Приводились события декабря 2005 г. на одном из рынков Александрии, когда в результате столкновений между христианами и мусульманами погибли 3 копта. Говорилось также о повсеместных случаях похищения коптских девушек. Коптские женщины, проживающие в районах с подавляющим мусульманским населением,

вынуждены носить мусульманское одеяние, чтобы не вызывать раздражения местного населения²⁸.

Ситуация накалилась еще больше после триумфа исламистов на выборах в законодательное собрание. В районах, где «Братья-мусульмане» пользуются наибольшей поддержкой, коптам жить просто небезопасно. Они превратились в неких изгоев. Исламисты полагают, что копты являются пособниками израильских спецслужб. Подобные подозрения не имеют под собой никакого основания, тем более, что ни один представитель коптов не имеет доступа к важным государственным постам. В данном случае исламисты делают все, чтобы обрушить гнев населения на христиан. Внимание мировой общественности несколько ослабло после того, как египетский президент в конце 80-х годов пообещал прекратить открытую резню христианского населения. Действительно, после 1989 г. Мубараку удалось предотвратить направленное истребление коптов. Однако единичные случаи продолжали происходить повсеместно. Ни в ходе поездки Путина по странам Ближнего Востока в 2005 г., ни даже в ходе недавнего визита Кондолизы Райс в Египет проблема коптов не поднималась. Отсюда вытекают два вывода: либо коптское население действительно стало чувствовать себя спокойно, либо просто властям удается успешно скрывать от глаз общественности факты дискриминации христиан. Судя по докладу Human Rights Watch по Египту, подготовленному в мае 2007 г., проблема дискриминации коптов продолжает оставаться одним из барьеров, препятствующих движению Египта к демократии. В докладе отмечено около 60 фактов дискриминации коптов по всей стране²⁹. Соответственно, говорить об избытке свободы коптского населения преждевременно. Однако в современной истории Египта внимание властей было отвлечено от коптской проблемы всякий раз, когда перед ними вставала какая-нибудь другая острая проблема. Так было во время войны Йом-Кипур, когда Египет переключил все свое внимание на борьбу с Израилем. То же самое было в 1995 г., после покушения исламистов на Мубарак в Аддис-Абебе. В эти редкие моменты копты чувствовали себя более свободно. Однако все возвращалось на круги своя, когда власти вновь концентрировали свое внимание на внутриполитической ситуации.

Много споров вызывает вопрос о численности коптского населения в самом Египте. Имеются довольно противоречивые

данные, представленные как египетскими статистическими органами, так и международными статистическими организациями. Согласно коптским источникам, численность коптов Египта варьируется от 10 до 15 млн. человек, что составляет от 14 до 20% от всего населения Египта. Однако согласно официальным государственным источникам Египта, численность коптского населения в конце XIX века не превышала 4 млн. человек (то есть 6% от населения страны). Статистические данные могут варьироваться по той причине, что возросла численность коптов, родившихся за пределами Египта и не имеющих его гражданства. Коптское население Египта уменьшается. Это вызвано следующими причинами: дискриминация христианского населения Египта со стороны правительства Египта и исламистских организаций, трудности при трудоустройстве, проблемы при приобретении собственности, притеснение на религиозной почве. Египетские копты зачастую являются главной мишенью актов дискриминации со стороны мусульманских экстремистских группировок, в частности «Братьев-мусульман». Хотя данная организация является, по сути, запрещенной, она продолжает существовать в качестве активного политического игрока в Египте³⁰. Центральные власти не проявляли никакого интереса к фактам дискриминации, а зачастую открыто демонстрировали свое безразличие. Согласно последним данным, численность коптского населения Египта составляет 7,6 млн. человек, то есть 10% от всего населения страны³¹. Уже из этих цифр видно то огромное несоответствие между численностью коптского населения и его ролью в политической и экономической жизни страны и несправедливость имеющегося ныне политического представительства.

Многие представители коптской общины в США возлагают большие надежды на президентские выборы в 2010 г. в Египте. В статье, опубликованной в майском номере журнала «Foreign Affairs» за 2007 г., отмечается, что США будут чрезвычайно заинтересованы в исходе выборов в Египте. А учитывая общую тенденцию в регионе (ПНА, Турция), особый упор будет делаться на создание противовеса исламистам. В данной ситуации для коптского населения Египта чрезвычайно важно утвердиться в качестве действенной политической силы в стране. Однако это невозможно без поддержки извне. Подобные шаги полностью зависят от инициатив администрации президента США. Таким образом, копты, хотя и не могут рассчиты-

вать на кардинальное изменение своего положения, имеют уникальную возможность закрепиться в институтах власти в случае, если они получат карт-бланш от нового избранника, в которые больше остальных прочат сына Хосни Мубарака³².

В конце 2006 г. американский коптский союз выдвинул 19 пунктов, соблюдение которых должно привести к равенству коптов и мусульман. Приведем некоторые из этих пунктов:

– Копты просят об отмене устаревшего декрета Хамайуни, выпущенного в XIX веке. Этот декрет требует одобрения президентом Египта разрешений на строительство церквей и даже на ремонт туалетов в церквях. При этом строительство мечетей происходит без ограничений.

– Копты требуют вернуть закрепленные за церквями земли. Доход, получаемый от этих земель, уходил на нужды коптов. Министерство по делам ислама использует эти земли, несмотря на то, что постановлением судов было решено вернуть эти земли их законным хозяевам, коптам.

– Копты требуют прекратить насильственное обращение в ислам христианских девушек, которых похищают и подвергают насилию исламские экстремисты.

– Копты настаивают на отмене строки о религиозной принадлежности в Идентификационной Карте, бланках о приеме на работу и т.п. для того, чтобы христиан не выделяли из других слоев населения и не притесняли.

– Копты требуют прекращения дискриминации при приеме на работу и продвижении по карьерной лестнице. Очень мало христиан назначено на такие ключевые позиции, как министр или государственный чиновник. На сегодняшний день в Египте нет христиан-губернаторов, мэров, глав полиции, глав городских Советов или деканов ВУЗов. Также поднимается вопрос о соответствующем представительстве коптов в египетском Парламенте.

– Копты желают того, чтобы в школах, которые посещают их дети, изучали коптскую историю, национальный язык и культуру. А также требуют прекращения религиозной дискриминации, которая проявляется на всех уровнях египетской образовательной системы.

– Копты хотели бы видеть в лице Мубарака президента, отстаивающего интересы как мусульман, так и коптов, чтобы он заботился о них и выслушивал их просьбы. Они хотят, чтобы президент встретился с коптскими религиозными предста-

вителями и, возможно, посетил бы церковь, что делают некоторые президенты других стран, но никогда не делал президент Египта³³.

Все требования, сформулированные представителями американского коптского союза основаны на фактах, подтверждающих не первое десятилетие, а случаи дискриминации продолжаются не первое столетие. Отсюда возникает вопрос, насколько могут оправдаться надежды коптов сейчас, в XXI веке. Как было отмечено ранее, очень многое зависит от правителя Египта, и от дальнейшей политической и экономической ситуации в этой стране и странах, от которых Египет зависит. Коптский вопрос – не только вопрос сугубо религиозный, но и в первую очередь политический.

¹ Кудрявцев А.В. Мусульманско-коптские конфликты в Египте (70-е годы XX – начало XXI в.) // Ближний Восток и современность. Выпуск 14. М.: ИИИиБВ, 2002, с. 158–174.

² Коптский язык прекращал существование постепенно, что привело к тому, что в повседневной жизни его полностью заменил арабский, а древний коптский стал использоваться только как язык богослужений в церкви.

³ Зелнев Е.И. Мусульманский Египет. СПб., 2007, с. 37.

⁴ См. подробнее: Кудрявцев А.В. Указ. соч., с. 158–161

⁵ «Вафд» – националистическая политическая партия, сыгравшая ключевую роль в борьбе Египта за независимость. Создана Саадом Захлюлем в 1918 году (Wafd // www.britannica.com/eb/article-9075835/Wafd).

⁶ Nisan, Mordechai. Minorities in the Middle East. A History of Struggle and Self-Expression. Second Edition. Jefferson, North Carolina, and London, McFarland & Company, Inc., 2002, с. 142.

⁷ Wakin, Edward. A Lonely Minority. The Modern Story of Egypt's Copts. N.Y., William Morrow & Company, 1963, с. 170.

⁸ Хасан аль-Банна (1906–1949), египетский политический и духовный лидер. Основатель новой религиозной группы «Братья-мусульмане». Был школьным учителем, который использовал скаутское движение как организационную форму, позволившую превратить простую религиозную ассоциацию в хорошо структурированную политическую организацию (Hassan al-Banna // www.britannica.com/eb/article-9039441/Hasan-al-Banna; Зелнев Е.И. Указ. соч., с. 295).

⁹ 23 июля 1952 года – Июльская революция – военный переворот, произошедший в Египте 23 июля 1952, в результате которого была устранена монархия и провозглашена республика. К власти пришли члены группы «Свободные офицеры» во главе с генералом Нагибом.

¹⁰ Karas, F. Shawky. The Copts since the Arab Invasion: Strangers in their Land. Jersey City, NJ, 1985, с. 95–98, 120.

¹¹ Nisan. Op. cit., с. 147.

¹² Ibid.

¹³ Ibid.

¹⁴ Karas. Op. cit., с. 82–87.

¹⁵ Ibid., с. 94–95.

¹⁶ «Джамаат исламийа», организация, название которой в переводе с арабского обозначает «исламская группа», являющаяся крупнейшей исламистской боевой организацией Египта. Она создана на основе существующей в Пакистане действующей мусульманской политической партии «Джамаат-е-ислами».

¹⁷ Karas. Op. cit., с. 160.

¹⁸ Ibid., с. 186.

¹⁹ С началом сильных притеснений (вторая половина XX века) коптское население постепенно стало иммигрировать в более развитые страны. Таким образом, в США, Канаде, Австралии и Европе коптские диаспоры создали ассоциации, которые в основном и поддерживают коптов в Египте. См. об этом подробнее:

<http://www.copts.com/english>, <http://www.freecopts.net>,

<http://www.coptsunited.com>, сайты Американской коптской ассоциации и Американского коптского союза; <http://www.amcoptic.com>,

сайт Канадской коптской ассоциации; <http://www.copteseurope.info>,

сайт Коптской ассоциации Европы; <http://www.unitedcopts.org>, сайт

Союза коптов в Великобритании. Общее количество коптов, проживающих не в Египте, составляет около 15% от всего коптского населения (т.е. 1,6 млн. чел.).

²⁰ Karas. Op. cit., с. 205–213.

²¹ Nisan. Op. cit., с. 151.

²² Babāwī, Doktūr Nabīl Lūkā. Mashākil al-‘aḳbāt fi miṣr wa ḥulūlughā. Miṣr, 2001, с. 211.

²³ Тауфик аль-Хаким (1898–1987 гг.). Выдающийся египетский писатель, сыгравший важнейшую роль в культурной жизни Египта. Является автором многих известных произведений («Нежные ручки», «Возвращение духа»), а также театральных постановок. Лауреат Но-

белевской премии в области литературы (1980 год) (Encyclopaedia of Islam. 1999. Koninklijke Brill NV, Leiden, The Netherlands. III:76b).

²⁴ The Washington Post, 18.11.2005.

²⁵ An urgent appeal to the United Nations to protect the Copts in Egypt // http://www.amcoptic.com/press/press_aca/a_press_release_aca_washingt_on_post.htm.

²⁶ Watani. Sunday. 15 Jan. 2006 – 1st Issue: Yr. 48. – No. 2299. – 2nd Issue: Yr. 5 – No. 265.

²⁷ Watani. Sunday. 29 Jan. 2006 – 1st Issue: Yr. 48. – No. 2301. – 2nd Issue: Yr. 5 – No. 267.

²⁸ Ibid.

²⁹ Human Rights Watch. World Report. Events of 2006. N.Y., 2007, с. 461.

³⁰ L'Express, 21.09.2006.

³¹ <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/eg.html#People>

³² Foreign Affairs, 11.05.2007.

³³ Copts demand equality //

http://www.coptsunited.com/coptsdem/coptsdem.php?subaction=showfull&id=1162158842&archive=&start_from=&ucat=3&.

Д.А.Нечитайло

ИСЛАМ ВО ФРАНЦИИ

Вопрос о том, как остаться мусульманином в иноконфессиональной среде интересует мусульманских ученых давно. В IX веке одни богословы ислама считали, что пребывание его последователей в немусульманских обществах чревато не только выхолащиванием у них религиозных убеждений, но и усилением неискламских стран в их войнах против мусульманских армий. Другие ставили вопрос о тех мусульманах, у которых не было другого выбора, кроме как остаться в странах иноземцев. По их утверждению, такая ситуация лишь способствует распространению ислама.¹

Европейские общества столкнулись с массовой миграцией мусульман на свои территории к XX веку. Примерно на протяжении последних тридцати лет мусульманские юристы исследуют проблему сохранения идентичности последователей ислама в европейском обществе. Для распространения своих трудов они активно используют телевидение, интернет. Вопрос о том, что значит быть мусульманином на Западе, стал темой обсуждений на различных интернет-форумах. По мнению многих современных мусульманских богословов, запретить или оставить без внимания эту тему означало бы изолировать выходцев из мусульманских стран от принимающего общества. Исламские теологи считают, что религиозная мусульманская идентичность должна носить наднациональный характер и способствовать продвижению интересов мирового исламского социума. Большинство из них полагают, что мусульмане в немусульманских обществах принадлежат к великой исламской умме, и на Западе им следует дистанцироваться от всего того, что противоречит исламским ценностям, и способствовать расширению влияния исламской религии через строительство мечетей, учебных заведений, культурных центров и магазинов. Современные мусульманские теологи выдвигают тезис о том, что мусульмане на Западе обязаны опережать своих братьев

по вере, живущих на своих исторических местах по политической и религиозной активности.

В своей книге «Ислам за его границами» современный египетский юрист Мухаммад аль-Газали пишет, что «лояльность должна быть прежде всего исламу, а не расе. Братство среди мусульман – это первая связь. Даже если их разделяет время и расстояние».² С ним соглашается известный исламский теолог Ю.Кардави. В частности, он настаивает, что «мусульмане, находясь в немусульманских странах, должны объединяться вместе, словно они – один человек. Им следует быть как бы кирпичиками одного здания. В немусульманском обществе они должны отвергнуть любое деление и все то, что способно помешать им молиться за других».³ Кардави продолжает, «я говорю своим братьям и сестрам, живущим на Западе, что если им трудно воспитать своих детей мусульманами, им следует вернуться в страны их происхождения (на родину)».⁴ Богословы считают, что дабы оградиться от влияния западного общества, мусульманам следует активно участвовать в деятельности исламских ассоциаций. По мнению Аль-Газали, необходимо создавать как можно больше мусульманских школ, которые бы обеспечивали мусульманам связь с их культурным наследием, традициями и образом жизни. Он также призывает строить мечети и клубы, где мужчины-мусульмане могли бы выбрать себе свою половину из среды единоверцев, а не коренных европейцев.⁵ По мнению египетского социолога Мухаммада аль-Асвара, «мусульмане-мигранты образуют новую границу территории ислама, отстаивая его ценности и интересы». Он сравнивает мусульман с луной, которая «когда не светит в одном месте, светит в другом, вы, мигранты, будете призывать людей к исламу, открывать для исламской религии новые перспективы».⁶ Аль-Газали рассматривает мигрантов в качестве авангарда распространителей исламской религии в тех обществах, где с ней незнакомы.⁷ Кардави также пишет, что мусульмане на Западе должны выполнять проповеднические функции и это обязанность любого мусульманина.⁸

Среди мусульманских ученых, исследующих проблему миграции мусульман в западные страны, есть как умеренные, так и радикалы. Одни призывают мусульман быть законопослушными гражданами европейских стран. Они считают, что секулярный характер и либеральные законодательства европейских государств позволяют мусульманам беспрепятственно

исповедовать свою религию. На их взгляд, западная цивилизация морально и духовно опустошена, и европейцы постепенно придут к исламу. По мнению марокканского социолога Мухаммада Умрани, рано или поздно они станут мусульманами.⁹ По убеждению адептов, мусульманам надлежит участвовать в политической жизни европейских государств для продвижения интересов ислама. Египетский журналист Саид Лавидни считает, что мусульманам следует ограничить ислам рамками частной жизни и в отношении с принимающим обществом им целесообразней руководствоваться установленными и общепризнанными европейскими правилами.¹⁰ Амр Халид, египетский телевизионный проповедник, проживающий в Бирмингеме, призывает мусульман не столько «исламизировать» европейский континент, сколько улучшать имидж исламской религии.¹¹

По мнению Ибн Таймийи и аль-Маудуди, мусульмане на «немусульманских» территориях обязаны беспрекословно выполнять законы шариата. Аш-Шафи, мусульманин, живущий в «странах неверия», обязан уехать на «землю ислама». Он имеет право оставаться там, только соблюдая законы шариата или если он не может вернуться из-за болезни, слабости или находясь в заключении. Халид говорит, что для ислама характерно то, что он религия и образ жизни, и есть аспекты, которые мусульмане ни при каких условиях не могут нарушить, даже находясь на территории европейских государств. Таким образом, культура большинства может оказаться враждебной по отношению к пришельцам, рассматривая их как неспособных встроиться в уклад жизни принимающего общества.

В 80-х годах многие мусульмане-мигранты осознали, что их пребывание в Европе не будет временным. Они стали переосмысливать свою идентичность, многих тревожило, что их дети, выросшие в европейских обществах, забудут культуру и обычаи своих предков, будут подвержены культурной эрозии Запада. Постепенно росла не только численность мусульманского населения. Такие события, как дело Салмана Рушди, исламская революция в Иране, демонстрации протеста против войны в Ираке, терроризм, – провоцировали рост антиисламских настроений на Западе. Эти факторы ускорили осознание мусульманами своей культурной инаковости.

Великобритания, которая в колониальную эпоху придерживалась принципов косвенного управления в колониях, сохраняла в них традиционные институты, признавала за иммигрантами

возможность организации своей жизни по собственному усмотрению в рамках английского законодательства. Франция в своих колониях практиковала систему прямого управления и вытеснения местных культур французской, придерживалась линии на ассимиляцию и интеграцию мигрантов. Германия же выступала против их массовой натурализации.

Несмотря на многолетнюю историю взаимоотношений Франции с миром ислама, массовая миграция мусульман во Францию – явление сравнительно недавнее, характерное для последних трех десятилетий. Этот феномен стал следствием не только роста численности иммигрантов, но и тех перемен, которые произошли в социальном и культурном облике мусульманских диаспор за годы мусульманской иммиграции во Францию. Из всех западноевропейских государств во Франции проживает самая большая мусульманская диаспора. Динамика роста мусульманской общины Франции напрямую связана с внутренней и внешней политикой страны.

Как известно, Франция в XIX столетии превратилась в огромную колониальную империю с обширными территориями, населенными мусульманами. В 1830–1847 гг. Франция захватила Алжир, превратила его в свою колонию, подавив восстание во главе с эмиром Абд аль-Кадиром. В 1883 г. она установила протекторат над Тунисом, а в 1912 г. – над Марокко. Франция проявляла колониальную активность и к югу от Сахары, в бассейне реки Сенегал. В 1895–1905 гг. обширные районы африканского континента, населенные народами, значительная часть которых исповедовала ислам, вошли в состав Французской Западной Африки.

Первые иммигранты-мусульмане появились на территории метрополии в начале XX века. Этому способствовала Первая мировая война. Большинство иммигранты были выходцами из стран Магриба. В годы войны они восполняли нехватку рабочей силы в сельском хозяйстве и на оборонных заводах, а также потери, которые французские войска несли на германском фронте. С 1920 г. численность мусульман во Франции начала расти (1924 г. – 120 тыс., подавляющее большинство которых были алжирцами).¹² Вторая мировая война на несколько лет приостановила приток во Францию рабочей силы из мусульманских колоний. Во второй половине 40-х годов Франция, еще только вступавшая в долгую полосу послевоенного экономического подъема, вновь широко распахнула двери для ино-

странных рабочих. После Второй мировой войны Франция остро нуждалась в дешевой рабочей силе. Создание 2 ноября 1945 г. Национальной иммиграционной службы (НИС) послужило началом открытой иммиграционной политики, направленной как на восстановление экономики, обеспечение промышленного роста, так и на компенсацию демографической слабости страны. Деятельность НИС ограничивалась работой с иммигрантами из европейских стран. У жителей колоний был упрощенный режим въезда в метрополию. Алжирцы, имея французское гражданство до получения их страной независимости в 1962 г., могли со своим паспортом приехать во Францию. За короткое время во Франции появилось довольно большое количество мусульман, в первую очередь из ее колониальных владений в мусульманской Африке. На протяжении последующих трех десятилетий выходцы из Северной Африки составляли уже не просто значительный (как в довоенные годы), а основной контингент экономических мигрантов. Мусульманское население метрополии по-прежнему пополнялось преимущественно за счет алжирских иммигрантов, в 1950 г. их проживало во Франции уже 200 тыс., а в годы колониальной войны в Алжире (1954–1962), по различным данным, от 400 до 600 тысяч.¹³

В начале 60-х годов правительство предприняло попытку установить контроль НИС над иммиграцией из колониальных стран. В 1963 г. были заключены двусторонние соглашения с Тунисом, Марокко, Мали и Мавританией, в 1964 г. с Алжиром и Сенегалом. Однако из-за постоянно растущего числа нелегальных переселенцев соглашения не принесли желаемых результатов¹⁴.

С завоеванием Алжиром независимости в 1962 г. мусульманское население бывшей метрополии стали пополнять алжирцы, сотрудничавшие с прежними колонизаторами и вынужденные бежать от репрессий со стороны алжирских властей. За этой категорией мигрантов закрепилось название "харки" (от названия сотрудников вспомогательных подразделений французских армейских корпусов – "харка"). Первая большая группа иммигрантов-"харки" (около 42500 чел.) прибыла во Францию весной – летом 1962 г. Как пишет А.Кудрявцев, перебраться во Францию "харки" помогали их бывшие начальники – французские офицеры. Поначалу иммиграция была нелегальной, но в августе 1962 г. был принят декрет о приеме и устройстве "харки", в соответствии с которым их направляли в военные лагеря. Эти лагеря впоследствии получили статус "вре-

менных поселений", однако для подавляющего большинства их обитателей они остались постоянным местом жительства. Во Франции "харки" образовали относительно дисперсные общины, поселившиеся главным образом на юго-востоке и юго-западе страны, на южных окраинах Центрального массива, а также в районе Лионской агломерации и на севере Франции.

Завоевание Алжиром независимости не отразилось на трудовой миграции алжирцев в бывшую метрополию, поскольку Эвианские соглашения 1962 г. гарантировали свободное передвижение граждан между Францией и Алжиром. Ее масштабы больше беспокоили не Париж, а алжирские власти, создавшие специальный орган – ONAMO (Office National de Main d'Oeuvre), контролировавший выезд своих граждан во Францию. В свою очередь, французское правительство установило в 1968 г. максимальную приемную квоту в 35 тыс. чел. в год, которая в 1971 г. из-за разногласий между двумя странами по поводу некоторых шагов алжирского правительства в отношении цен на нефть и вино была снижена до 25 тысяч человек в год.¹⁵

Помимо алжирцев во Францию прибывали марокканцы. В 1946 г. 17 тыс. марокканцев были привлечены угольной компанией «Charbonnages de France» для работы на французских шахтах. В 1954 г. из них в стране оставалось только 11 тысяч. Однако в 60-е годы численность марокканской общины начинает снова быстро расти. В 1962 г. во Франции находилось 33 тыс. марокканцев, в 1968 году – уже 84 тыс. Примерно в такой же пропорции в эти годы росла численность тунисской общины: в 1954 г. – 4,8 тыс. чел., в 1962 г. – 27 тыс., в 1968 г. – 61 тыс. чел.¹⁶ По сообщениям сайта www.islamonline.com, в настоящее время количество выходцев именно из арабских стран во Франции составляет 4,1 млн. человек.

Значительную группу мусульманского населения составили выходцы из стран Черной Африки. Их приток во Францию начал ощутимо расти с 1960 г., когда страны бывшей Французской Западной Африки получили независимость. В 1962 г. во Франции находилось 18 тыс. африканских рабочих. Опасаясь обострения в стране расовой проблемы, французское правительство заключило с бывшими колониями соглашения об ограничении выезда во Францию. Однако это не дало ощутимых результатов: в 1963 г. в стране проживало уже 33 тыс. мигрантов из Черной Африки, а в последующие годы их количество не переставало расти. Соответственно, во Франции увеличива-

лось число африканских мусульман (преимущественно выходцев из Сенегала), в массе своей принадлежащих к различным суфийским братствам, в частности к тарикату Муридийя.

Как уже упоминалось, во Франции существует жесткое разделение между государством и религией. Отношения между государством и религиозными организациями регулируются законом 1905 г. о разделении государства и церкви, согласно которому каждая религия имеет представляющую ее организацию: Епископская конференция Франции (католики), Федерация протестантов, Епархия православной церкви, Совет еврейских общин, Буддийский союз и недавно созданный Совет исламской религии. Все религии независимо от числа их последователей имеют равные права. Богослужения проходят согласно правилам культа соответствующей религии. Организации не получают никакой государственной поддержки, однако принимают пожертвования и подарки, облагаемые налогом¹⁷.

В Европе существует несколько моделей интеграции иностранцев – немецкая, англосаксонская и французская. Тем не менее, по мнению российского исламоведа В.Г. Соболева, в европейских странах до сих пор не выработан единый подход к решению проблем иммиграции, а также интеграции мусульманских общин. Ни одна из существующих стратегий иммиграционной политики и политики по отношению к мусульманам в Европе не удовлетворяет в полной мере ни сами европейские государства, ни отвечает ожиданиям мусульман¹⁸. Например, в Германии практикуется так называемая этническая модель, формирующаяся на базе национальной принадлежности, а также на языковой, культурной и религиозной общности. По этой модели этнические общины на территории страны рассматриваются как "не подлежащие ассимиляции".

В англосаксонской модели применяется общинный принцип. Меньшинства признаются участниками политической жизни лишь в социальной, но не юридической сфере. Это наиболее жесткая модель, при которой расовая дискриминация практически неизбежна.

В основе французской (республиканской) модели лежит индивидуальный подход – присоединение к общественному договору, сутью которого является адаптация каждого иммигранта через социальные институты. В республиканской модели гражданский статус определяется преимущественно принадлежностью к политическому сообществу. Переселенцы ста-

новятся полноправными гражданами страны, если они принимают ее политические установления. К гражданству здесь относятся как к предпосылке, способствующей интеграции в общество, а не как к результату этого процесса (как это происходит в этнической модели). Республиканский принцип наиболее заметно отражен в ее *jussoli* или "законе почвы", который дарует гражданство любому младенцу, родившемуся на французской земле. Благодаря этому же закону иммигранты иностранного происхождения могут получить гражданство относительно легко. Франция подчеркивает светский характер своих законов и настаивает на соблюдении принципов Республики всеми своими гражданами. Подобная политика основана на убеждении в том, что французская национальная культура обладает безграничными способностями ассимилировать привносимые в нее элементы. Именно поэтому во Франции долгое время отсутствовала какая-либо политика по отношению к меньшинствам, как собственно и права меньшинств.

До середины 70-х годов во Франции действовало не больше десятка мечетей, главная из которых – Большая мечеть в Париже была открыта еще в 1926 г. в знак признательности государства мусульманам, сражавшимся в рядах французской армии в годы первой мировой войны. Во второй половине 70-х годов положение начало меняться. Массовое «оседание» во Франции рабочих-иммигрантов из стран Магриба послужило благодатной почвой для возникновения инициативных групп, которые начали добиваться от местных властей создания минимальных условий для свободного отправления мусульманами исламского религиозного культа. По требованию верующих вскоре были открыты импровизированные мечети и молельные дома на некоторых крупных промышленных предприятиях, в частности, на заводах Рено.

Утверждение закона об иностранцах 1981 г., разрешающего иностранным гражданам организовывать социально направленные ассоциации, создало условия для учреждения первых мусульманских религиозных организаций. Через несколько лет были сформированы две крупнейшие исламские организации: Союз исламских организаций Франции и Национальный союз мусульман Франции (НСМФ) – в 1985 г. Мусульманский институт Мечети Парижа остается старейшей исламской организацией Франции, учрежденной в 1926 г. В декабре 1987 г. был основан Союз мусульманской молодежи

в Лионе, в 1993 г. была создана организация «Мусульманская молодежь Франции»¹⁹.

Известный пакистанский ученый Мухаммад Хамидулла, работавший в Национальном центре научных исследований, основал в Париже «Ассоциацию исламских студентов во Франции» (АИСФ). Несмотря на то, что М.Хамидулла придерживался умеренных взглядов, вскоре в АИСФ стали собираться иностранные мусульманские студенты парижских вузов, которые следовали радикальным воззрениям. Среди них были Хасан ат-Тураби (с 1951 г. он стал тайным членом хартумского отделения египетских «Братьев-мусульман», в 1957 г. получил степень магистра права в Оксфорде, в 1964 г. – доктора юриспруденции в Париже)²⁰, Иссам аль-Аттар, один из руководителей сирийских «братьев-мусульман». АИСФ был не просто клубом по интересам для многих членов организации Братья-мусульмане из разных стран, скрывающихся от преследований властей у себя на родине. Пребывание в Европе для них было «хиджрой», которую они сравнивали с «хиджрой пророка в Медину». Однако по мере того, как в Европе становилось больше мигрантов из мусульманских стран, носители идей «Братьев-мусульман» стали осознавать, что Европа – это идеальное место для внедрения их идей в массы.²¹

В 1979 г. АИСФ стала расширять свое влияние на мусульманское население Франции и основала новую организацию «Исламская группа во Франции». А в 1983 г. – Союз исламских организаций Франции (СИОФ). Одним из основателей Союза был Р.Ганнуши – лидер тунисской партии «Ан-Нахда». За 20 лет СИОФ стал крупнейшей мусульманской организацией Франции. Под его контролем находятся Институт исламских исследований, Европейский институт гуманитарных исследований, научный совет которого возглавляет Ю.Кардави. Большинство членов СИОФ являются выпускниками престижных вузов Франции. Выпускники учебных заведений, подконтрольных СИОФ, затем возглавляют другие исламские организации, становятся имамами мечетей, т.е. таким образом СИОФ усиливает свое влияние. По мнению руководства Союза исламских организаций Франции, исламское движение во Франции должно пройти две стадии: «Первая – демократическая, вторая – выведение исламского общества на орбиту (внедрение шариата среди мусульманского населения Европы)».

Союз исламских организаций Франции в 1989 г. сыграл активную роль в защите права мусульманок на ношение «хиджаба». Таким образом, СИОФ привлек внимание и симпатии мусульманской общины страны. СИОФ выступал против диалога с правительством Франции, организовал акции протеста под лозунгом – «Мусульмане Франции не могут принять то, что порочит их достоинство». В настоящее время, когда СИОФ достиг лидерства в мусульманской общине Франции, он поменял тактику. В руководстве СИОФ осознают, что можно достичь большего, работая в тесном сотрудничестве с правительственными структурами.²² Например, в марте 2004 г, когда во Франции был принят закон о запрете ношения религиозной символики, СИОФ не участвовал в акциях протеста. Один из руководителей Ассоциации «Братья-мусульмане Великобритании» Аззам Тамими объяснил позицию СИОФ тем, что Союз выступает против любой деятельности, которая может привести к конфликту с властями.

Другой сторонник идеологии «Братьев-мусульман». Тарик Рамадан, имеет несколько иной подход. Формально и Т.Рамадан и Ю.Кардави слывут «умеренными». Однако если Ю.Кардави является сторонником изоляции мусульман, то Т.Рамадан выступает за интеграцию и даже за внесение некоторых изменений в исламское законодательство. Тарик Рамадан призывает мусульманских теологов разработать концепции того, как стать частью нового для них общества. Он полагает, что изменения в религиозной доктрине не следует рассматривать ни с позитивной, ни с негативной точки зрения. По его мнению, они являются неотъемлемым компонентом (обязательным компонентом) процесса интеграции, и задача теологов ускорить этот процесс.²³

Доктрина Рамадана разительно контрастирует с позицией таких мусульманских мыслителей, как Хасан аль-Банна, который утверждал, что догматы и учение ислама являются всеохватывающими и регламентируют всю жизнь человека как в этом мире, так и в будущем. «Хасан аль-Банна, выступал против колонизации, западных методов преподавания и парламентарной системы. Но он был человеком, а не святым, человеком сороковых годов, которого необходимо рассматривать в контексте истории»²⁴.

В 1990 г. Р.Ганнуши на одной из встреч Союза исламских организаций Франции назвал Европу «Дар аль-Ислам», т.е.

территорией, «где мусульмане проживают постоянно». Федерация исламских организаций в Европе в 1997 г. учредила Европейский Совет по исследованиям и фетвам – «исламский специализированный и независимый орган, созданный для издания фетв, отвечающих требованиям мусульман Европы, решения их проблем и регулирования их взаимоотношений с европейцами, в соответствии с нормами шариата. На практике это означает, что Совет является юридическим органом, призванным предоставить мусульманам, проживающим в Европе, рекомендации по религиозным вопросам, с которыми они сталкиваются в повседневной жизни в немусульманских странах. Совет собирается два раза в год в различных странах Европы и состоит из 32 мусульманских ученых из мусульманских и европейских стран (причем согласно уставу Совета, количество ученых из неевропейских государств не должно превышать 25%). Совет был создан организациями «Братьев-мусульман». Как заявил Р.Ганнуши, один из руководителей Совета, «некоторые члены Совета – из среды «братьев-мусульман», другие нет, но важна идеология, а не прямая принадлежность движению». Президентом «Совета по исследованиям и фетвам» стал Ю.Кардави, который является «основной движущей силой Совета». Он часто выступает в СМИ, участвует в еженедельном ток-шоу «Аш-Шариа ва-ль-Хайат» (Шариат и жизнь). Если проанализировать его выступления и работы, то можно отметить, что его идеологические воззрения акцентируются с учетом аудитории.

Многонациональность мусульманской общины Франции, как и в других европейских государствах, создает трудности для образования единого представительного органа последователей исламской религии. Однако попытки учреждения единой, как принято называть в западной литературе, «организации-зонтика» неоднократно предпринимались. Несмотря на это, созданная в 1985 г. Национальная федерация мусульман Франции успешно действует и объединяет более 500 различных этнических и культурных организаций.

Союз исламских организаций Франции – вторая значимости организация – был создан в 1983 г. По своей структуре Союз больше напоминает мусульманское братство. Он объединяет около 200 ассоциаций, при этом не контролирует крупные мечети, кроме одной в Лилле, активно сотрудничает с молодежным движением «Молодые мусульмане Франции».

Демографическая ситуация, быстрый рост численности иммигрантов-мусульман, экономический спад и растущая безработица постепенно привели к ухудшению социального положения мигрантов, которое, по мнению специалистов, вызвало рост преступности, недовольство коренного населения и вспышки расизма. В 1973 г. во время расистских волнений во Франции были убиты 32 алжирца. Все это в совокупности с кризисными явлениями в области занятости вынудило правительство Франции, как и большинства европейских стран, изменить иммиграционную политику. Наличие крупных контингентов пришедшей рабочей силы стало рассматриваться правящими кругами некоторых западных стран как нечто не только ненужное, но и крайне обременительное. Ликвидация таких рабочих мест приобретает широкомасштабный и долговременный характер. Низкая квалификация не позволяет эмигрантам рассчитывать на высокооплачиваемый труд. Многие районы в окрестностях крупных городов после того, как коренные жители полностью покинули их, превратились в "зоны отчуждения". Уровень безработицы в среде выходцев из стран Магриба составляет едва ли не 35%. А среди молодежи от 15 до 24 лет ситуация еще хуже: безработица достигает 40% и выше. То есть в несколько раз выше, чем в среднем по стране.²⁵ Большинство мусульман в сравнении с коренным населением имеет более низкий социально-экономический статус. Уровень безработицы среди мусульман почти в два раза выше, чем в среднем по стране. Особенно много безработных мусульман в пригородах. Кроме того, в результате дискриминации по этническому признаку, большинство мусульман выполняет низкооплачиваемую и неквалифицированную работу: 38% иммигрантов заняты на строительстве, 16% в металлургии, а 6% работают на шахтах. Мусульманам, имеющим гражданство, легче найти работу. Следует заметить, что за последнее время количество иммигрантов, занимающихся профессиональной деятельностью, возросло. Мусульмане Франции часто имеют свой небольшой бизнес, например, рестораны, магазины.

В ряде стран отмечается обычно негативный по отношению к исламу тон в средствах массовой информации, возникают конфликты в школах из-за ношения девочками-мусульманками головного платка, постоянно звучат утверждения, что приверженность исламским ценностям и символам является препятствием для плановой интеграции иммигрантов, и конеч-

но, налицо масса разновидностей бытового расизма. Все это вынуждает иммигрантов чувствовать себя не столько алжирцами, турками, афганцами, сколько прежде всего мусульманами. Вероисповедная общность сближает и сплачивает людей, особенно когда их преследуют невзгоды. В таких условиях социально значимыми становятся стереотипы общинного конформизма как средство самозащиты, у мусульман наблюдается обостренное чувство принадлежности к умме – мусульманскому миру. В окружении единоверцев человек чувствует себя среди своих. Тунисец, имеющий высшее образование, на вопрос: помогает или мешает ему жить во Франции его приверженность исламу, отвечает: «Когда тебя не считают человеком, а только наемным работником или служащим, что ощущается в самой атмосфере, тогда сознание принадлежности к мусульманской общине дает чувство большей внутренней защищенности, и это иногда делает нас лучше вооруженными против враждебности, исходящей извне». Иммигрант из Алжира пишет: «Когда мы вынуждены были оставить свою родину и нам приходится жить здесь на Западе, мы страдаем от одиночества и разлуки с родиной, мы живем в самых грязных районах городов, работая за гроши, отправляя эти крохи на родину...Бедность защищает нас от консюмеризма. Здесь на чужбине две вещи поддерживают нас: ощущение братской принадлежности с другими алжирцами, вторая – ислам. Без этого мы будем биться в агонии подобно тому, как рыба без воды. Чтобы сохранить это, мы пожертвуем всем».²⁶ Мусульмане в своем большинстве стали осознавать, что как бы они ни старались – все равно не станут полноценными французами. Так, уровень безработицы среди европейских мусульман, как правило, вдвое выше, чем среди коренного населения в целом, в том числе и мигрантов-немусульман. Французская печать приводила примеры того, что резюме, посылаемые для поступления на работу в различные фирмы молодыми людьми с высшим образованием, отвергаются гораздо чаще, если эти люди мусульмане. По данным опроса, проведенного в декабре 2004 г., 87% французов полагают, что при прочих равных условиях человеку с происхождением из Магриба устроиться на работу гораздо труднее. В социальном плане мусульмане ощущают, что их все равно не принимают за своих, даже если они ни в чем не уступают своим ровесникам, рожденным в "белых" семьях. Многие с горечью убедились в том, что они как бы ока-

зались между двумя мирами. Родине, где их корни, они не нужны, да они ее и не знают, даже ее языком чаще всего владеют хуже, чем европейским; но и в стране своего рождения они не стали «согражданами», интегрированной частью нации. На них смотрят, как на чужих.

Неудивительно, что молодые мусульмане, не желая ассимилироваться в негативно настроенное по отношению к ним общество, начали поиски своей идентичности, и идентифицируют они себя не с далекой "родиной предков", а с чем-то несравненно более значительным – с исламом. Исследования, проведенные во Франции и Германии, показали, что мусульмане второго и особенно третьего поколения менее интегрированы в общество, чем их отцы и деды. Ощущая себя жертвами дискриминации, они находят в исламе знак своей идентичности. Во Франции число людей, декларировавших себя верующими и практикующими мусульманами, только за семь лет (1994–2001) выросло на 25%. Известна история с хиджабами (женскими головными уборами), которые запретили носить девочкам-школьницам. Но многие юные мусульманки стали носить уже не хиджаб, а никаб, полностью покрывающий лицо, оставляя лишь прорезь для глаз.

В октябре 1999 г. глава МВД Франции Жан-Пьер Шевенман выступил с инициативой установить диалог с многочисленной мусульманской общиной страны, призвав лидеров мусульманских организаций подписать хартию об интеграции ислама с учетом светскости государства. В январе 2000 г. президент Франции Жак Ширак принял нескольких ключевых лидеров французского ислама – имама Великой Мечети Парижа Далиля Бубакера, имама лионской мечети Р.Халифа, главного муфтия Марселя Сохейба Беншейха, имама мечети Мант-ля-Жоли Мустафу Сгири. На встрече Ж.Ширак пообещал оказать содействие в деле налаживания диалога с исламом.

Как и в других европейских странах, у властей Франции возникла идея создания единого представительского органа, выражающего интересы многочисленной общины мусульман. В ноябре 2001 г. лидеры мусульманских общин создали ассоциацию для организации выборов во Французский Мусульманский Совет. Следует отметить, что проект создания ФМС и региональных мусульманских советов проходил при непосредственном участии главы МВД Франции. В каждом регионе при прямом участии префектур были организованы избирательные

комитеты, которые функционировали в тесной взаимосвязи с мусульманскими ассоциациями данного региона. Каждая региональная ассоциация выдвигала свои кандидатуры для участия в выборах. В начале 2003 г. была создана система мусульманских советов. Более 4000 кандидатов исламских ассоциаций приняли участие в выборах во Французский Мусульманский Совет и в региональные мусульманские советы. Президентом ФМС был избран Далиль Бубакер. Основной целью создания Совета явилось регулирование взаимоотношений мусульманских организаций с государством (защита прав и интересов мусульман во Франции, содействие внутриобщинному диалогу между различными правовыми школами ислама, повышение эффективности интеграции мигрантов-мусульман во французское общество, противодействие распространению радикального исламизма, создание условий для работы сотрудников мусульманского культа в исправительных учреждениях страны). В числе других задач было создание такой структуры, которая отражала бы интересы не только крупных ассоциаций мусульман страны, но и более мелких структур.

В состав ФМС вошли региональные мусульманские советы, мечети, представленные своими ассоциациями, отдельные исламские деятели. ФМС призван также выполнять информационную и образовательную функцию. Следует отметить, что создание ФМС было воспринято неоднозначно. Деятельность ФМС серьезно осложняется внутренними противоречиями. Лидер этого так называемого представительного органа мусульман страны Далиль Бубакер, по сути, является ставленником властей, и его критикуют за то, что он якобы не способен самостоятельно принимать решения, а следовательно, его авторитет вызывает сомнение. В связи с этим его влияние в ФМС большей частью ограничивается Парижской и Лионской мечетями. В свою очередь Мухаммад Бешари, представляющий интересы Национальной федерации мусульман Франции, а также Фуад Аляуи (СИОФ) стараются ограничить влияние старейшей организации Франции – Великой Мечети Парижа в ФМС, что безусловно не устраивает власти.²⁷ Опасаясь раскола ФМС, Д.Бубакер в конце 2004 г. вынужден был созвать внеочередное заседание Административного совета ФМС. Ф.Аляуи и М.Бешари отказались присутствовать на этом собрании, более того, они отказались признавать полномочия Д.Бубакера и даже призвали сместить его с поста руководителя ФМС. В ноябре

они созвали свое совещание. Потребовалось вмешательство главы МВД Доминика де Вильпена для разрешения конфликта. В декабре 2004 г. он заявил, что намерен содействовать продвижению «умеренного ислама» в стране. Он также отметил, что правительство Франции готовит предложения по обучению имамов в светских вузах страны. Де Вильпен заявил, что примерно 75% из 1200 имамов страны не имеют гражданства, а около 30% не владеют французским языком.²⁸ Он выразил мнение правительства, намеренного предоставлять мусульманским служителям культа возможность как теологического образования, так и изучения светских дисциплин с целью приобщения их к французским ценностям. Следует отметить, что ранее в 2002 г. руководитель МВД Н.Саркози объявил о запрете въезда на территорию Франции иностранных служителей мусульманского культа с целью недопущения распространения идей, несовместимых с духовными ценностями французской республики. Как и в других странах Западной Европы, правительство Франции активно вмешивается в дела религии, с одной стороны, стремясь интегрировать мусульман в светское общество, а с другой, поддерживает угодные властям мусульманские ассоциации и отстраняет от участия в общественной жизни выступающих против основ традиционной европейской системы ценностей.

Левые и правые партии Франции неоднократно пытались заручиться поддержкой мусульманского электората, однако в настоящее время вряд ли можно говорить, что исламские общины являются полноправными участниками политической жизни Франции. Со своей стороны Совет Мусульман Франции стремится выступать от лица многочисленной мусульманской общины. После похищения французского журналиста в Багдаде ФМС выступил посредником в акции его освобождения, для чего этой организацией в Ирак была направлена соответствующая делегация. Совет жестко отреагировал на публикацию газетой «Йуландс-Постен» карикатур на пророка Мухаммада. Будучи еще кандидатом в президенты Франции, в прошлом министр внутренних дел Н.Саркози в своей предвыборной кампании заявил, что республиканская модель интеграции должна быть реформирована, «главная идея в том, чтобы помочь детям из иммигрантских семей найти свое место в обществе. Я не призываю разделять их по религиозному признаку, речь всего лишь идет о процессе интеграции».

Французский президент Жак Ширак после лондонских терактов признал, что от таких атак никто в Европе не застрахован. В результате в стране были усилены меры безопасности, на границе проверяют документы у всех, кто ее пересекает, приступила к работе иммиграционная полиция. В нее входят 300 чел., которым надлежит тесно сотрудничать с пограничниками, а также властями в каждом отдельном городе страны. Основной задачей иммиграционных полицейских является выявление подпольных сетей, которые организуют нелегальное прибытие и размещение иммигрантов во Франции. Такие структуры, по данным местного МВД, действуют по всей стране. Во Франции функционирует специальный Комитет по миграции, который выявляет и выдворяет из страны нелегалов. А в ближайших планах властей – отмена автоматического присвоения французского гражданства лицу при вступлении его в брак с французом. А также создание списка «безопасных стран», гражданам которых разрешается предоставлять политическое убежище или статус беженца. То есть гражданам тех стран, которые в этот список внесены не будут, въезд во Францию на правах беженца или под иным политическим прикрытием будет заказан²⁹. Во Франции в 2003 году обсуждалась новая правительственная программа, в основу которой положен «контракт о приеме и интеграции». Иммигрантам, прибывающим во Францию на длительный срок или на постоянное проживание, предлагается подписать контракт, суть которого заключается в следующем. Иммигрант обязуется посещать курсы французского языка (от 200 до 500 часов) и курс «Ценности французского общества». Если иммигрант успешно пройдет обучение и получит соответствующий сертификат, то правительство обязуется выдать ему вид на жительство сроком на 10 лет. В противном случае иммигрант получает разрешение на проживание сроком на один год, после чего контракт может быть возобновлен только один раз.

Французский эксперт в области терроризма Ален Родье говорит, что Франция занимает особое место у радикальных исламистов. По его мнению, причинами этого является поражение арабов в битве при Пуатье в 732 году, колониальное прошлое, участие в войне в Персидском заливе в 1991–1992 гг., запрет во Франции на ношение хиджаба, участие в войне в Афганистане. На территории Франции исламисты стараются активно вовлечь в свою деятельность этнических европейцев

(новообращенных мусульман). Из 50 тыс. французов, принявших ислам, около 1100 являются приверженцами радикального ислама, а около 5 тыс. симпатизируют салафитской версии ислама. После вхождения СГПД в состав «Аль-Каиды» власти Франции серьезно опасаются терактов смертников в стране. Также известно, что СГПД отправляет своих членов для участия в военных действиях в Ираке. Таким образом, молодые люди, завербованные в странах Сахеля и переправляемые в Ирак, в дальнейшем могут быть использованы в терактах на территории Франции.

«Иракские ветераны» возвращаются в европейские страны, формируя здесь инфраструктуру не только для вербовки новобранцев, но и для превращения региона в очередной «фронт джихада». По данным французских спецслужб, около 50 человек из их страны совершили теракты смертников в Ираке. Особую настороженность вызывает растущее число коренных французов, принимавших участие в боевых действиях в Ираке и Афганистане. Они свободно перемещаются по странам Евросоюза, создавая так называемые «спящие ячейки». Чтобы сбить со следа правоохранительные органы, исламисты используют фальшивые паспорта, отправляются в «горячие точки» через третьи страны, возвращаются на родину, используя нелегальные каналы миграции. Известный французский исследователь Ж.Кепель пишет, что «даже если джихадисты составляют незначительное меньшинство этих групп энтузиастов (радикальных группировок), тем не менее новообращенные вызывают особую настороженность со стороны спецслужб, поскольку они, не выпячивая свои религиозные убеждения, могут без труда ввести в заблуждение власти. Поэтому спецслужбы начали акцентировать внимание на этой группе мусульман»³⁰.

О. Руа, считает, что новообращенные не становятся фундаменталистами только из-за войны в Ираке, а прежде всего потому, что они не востребованы западным обществом (многие из них во Франции и Великобритании являются выходцами с Карибских островов). Р.Г.Ланда в этой связи пишет, что число новообращенных продолжает расти, причем как за счет коренных жителей Великобритании, так и в среде иммигрантов из Африки (особенно из Ганы) и Карибского бассейна, которые у себя на родине были не очень тверды в христианстве, считая его чуждой религией, навязанной миссионерами. «Рожденные заново» в исламе они как бы воплощают в жизнь потребность

в причастности (то, что согласно теории мотивации А.Маслоу, означает чувство принадлежности к чему или кому-либо, восприятию личности другими, ощущение социального взаимодействия, привязанности и поддержки). Этот французский автор сравнивает возникающие в настоящее время исламистские группировки с ультралевыми 70-х годов («Красными бригадами»), совершавшими свои акции во имя победы «всемирного пролетариата» и «революции», не задумываясь о конечном результате³¹.

Отмечается сращивание криминала и исламизма во Франции. Директор Агентства национальной безопасности Франции Паскаль Мейхлос говорит, что около 100 активных исламистов берут в оборот тех мелких преступников, которые решили обрести себя в религии. По сообщениям спецслужб Франции, радикальные исламисты ведут в тюрьмах активную прозелитскую политику. Так, в 2005 г. было зафиксировано 175 случаев возникновения радикальных исламистских ячеек в 168 тюрьмах страны (всего во Франции 188 тюрем), причем 30% – это спонтанно появившиеся ячейки, 20% – ячейки, возникающие под давлением сокамерников для того, чтобы следовать определенному направлению в исламе. В тюрьмах наблюдается процесс стабильного увеличения числа людей, придерживающихся радикальной исламистской идеологии, они категорически отрицают западную систему ценностей и призывают к насилию как единственному способу достижения своих целей.

Власти Франции стали отслеживать эту опасную тенденцию с середины 90-х годов, когда увеличилось число радикальных исламистов, совершавших теракты, в прошлом являвшихся заключенными. Именно в тюрьмах создаются новые радикальные исламистские сети, которые в дальнейшем на воле опираются также на бывших заключенных. В сентябре 2005 г. французское антитеррористическое ведомство уничтожило террористическую ячейку в пригороде Парижа. Ее создал в тюрьме «Сафу» алжирец Бурада, осужденный на 10 лет за участие в подготовке теракта в парижском метро в 1995 г.

В октябре 2005 г. в г. Бурже (Центральная Франция) радикальные исламисты сумели завербовать тюремного охранника. А затем уже он сам стал вербовать исламистов как внутри, так и за пределами тюрем. Он призывал молодых людей отправляться в Ирак для участия в джихаде.

Власти Франции особенно обеспокоены тем, что наибольшую активность проявляют именно так называемые новообра-

ценные мусульмане, с чрезмерным усердием вербующие новых сторонников и старающиеся доказать свою преданность «новой религии». По приблизительным подсчетам, во французских тюрьмах было завербовано около 175 человек, и хотя власти надеются, что далеко не все в последующем станут террористами, число говорит само за себя. «Эти ребята (радикалы) могут оказывать серьезное давление на сокамерников. В их окружение входят иногда до 50 человек (однако не все являются исламистами). Некоторые приходят в тюрьму ни с чем, а вскоре их ячейки уже изобилуют подношениями от обычных заключенных. Зачастую их бывший боевой опыт обеспечивает им необходимый авторитет и лидерство в тюрьмах».

Французский социолог Фархад Хосрохавар говорит, что от 50 до 80% французских заключенных – мусульмане, в то время как численность мусульман в стране составляет 7–8%. Подавляющее большинство мусульманского населения – молодые люди 20–30 лет, безработные. Ф. Хосрохавар утверждает, что государство не подготовило каких-либо институциональных барьеров на пути распространения исламизма в местах заключения. Он пишет, что в тюрьмах всего 69 имамов, при том что христианских священнослужителей 500, а раввинов 84. Во французских тюрьмах отсутствует регулируемая государством деятельность имамов. Должность имама может быть введена в тюрьме по усмотрению начальства. В то же время в Великобритании на 20 шиитских заключенных приходится 2 имама.³²

Строгое соблюдение принципов секуляризма серьезно ограничивает практику исповедования ислама. Во многих тюрьмах запрещены коллективные молитвы, халяльная пища предлагается за определенную плату – многие заключенные находят эти правила унижительными по отношению к мусульманам. Фактически заключенные оказались под влиянием полуобразованных самопровозглашенных лидеров радикального исламизма. Таким образом, власти сами открывают дорогу опасным для страны интерпретациям ислама, где ненависть к Западу, джихад служат доминирующими элементами. Одной из проблем является то, что имамы не желают работать под эгидой Единого представительного органа мусульман под руководством Далиля Бубакера. Во Франции большинство мусульман живут в «гетто», где криминальная деятельность является обычным занятием. В 90-х годах французские власти провели серию арестов лиц, причастных к деятельности радикальных

исламских группировок Вооруженной исламской группы и Исламского фронта спасения, многие из боевиков которых осели во Франции.

Боевики Салафитской группы проповеди джихада, как отмечают французские журналисты, оказывают давление на имамов и лидеров исламских общин, чтобы те разрешили СГПД проводить сбор пожертвований в мечетях Франции. Группировка активно занимается контрабандой оружия в африканских странах, пользуясь тем, что границы многих из них слабо охраняются. Известно, что СГПД причастна к похищению людей с целью получения выкупа.

Так в 2003 г. правительство Германии заплатило 5 млн. евро за освобождение немецких граждан, которые были похищены боевиками лидера СГПД А. Саифи, также известного под псевдонимами Абу ар-Раззак и «Ле Пара» (в прошлом десантника алжирской армии). У СГПД отработаны методы пополнения своих рядов новыми кадрами из Мали, Нигера, Мавритании и Европы. Спецслужбы Великобритании отмечают, что вербовщики СГПД активно используют при наборе добровольцев родственные связи, чтобы снизить риск проникновения в их ряды агентов спецслужб.

Европа для СГПД стала тылом для перегруппировки сил и подготовки операций в Алжире и Марокко. В 90-х годах члены СГПД под ударами алжирских спецслужб вынуждены были переехать в другие страны, в первую очередь в Европу, где наладили контакты с международными радикальными исламистскими структурами. Например, Абу Доха, алжирец, известный под псевдонимом «Доктор», приехал в Великобританию в 1999 г. из Афганистана, где он работал в одном из военно-тренировочных лагерей «Аль-Каиды». Он был одним из инициаторов отделения СГПД от Вооруженной исламской группы. Вел большую работу среди алжирской молодежи, особенно во Франции, вербуя ее представителей в ряды радикальной группировки СГПД, и отправлял их затем в лагеря «Аль-Каиды» в Афганистан. Большинство этих молодых людей занимались кражей автомобилей, мошенничеством с кредитными картами, подделкой документов. Завербовав их, СГПД таким образом получала дополнительные доходы от криминальной деятельности.³³

Правая рука Бен Ладена Айман аз-Завахири в сентябре 2006 г. выступил с угрозами Франции. С учетом того, что позиции СГПД во Франции очень сильны, эти угрозы не могут рассматриваться

как призрачные. Слияние «Аль-Каиды» и СГПД открывает значительные возможности для Всемирного фронта джихада по применению каналов СГПД для вербовки молодых людей во Франции, использования ее кадров для проведения операций в странах Западной Европы. В своем сентябрьском обращении Айман аз-Завахири фактически открыл путь радикалам от ислама для проведения на территории Франции терактов. Остроты проблеме добавляет также тот факт, что вследствие своей внутренней и внешней политики Франция постепенно утратила сложившийся «нейтралитет» и стала потенциальной мишенью для террористов. Аз-Завахири в своем обращении говорит, что союз «Аль-Каиды» и СГПД будет «источником паники и огорчения для вероотступнического режима в Алжире и коварных (предательских) сынов Франции» и призвал группировки «стать костью в горле американских и французских крестоносцев». Спецслужбы Франции также рассматривают СГПД в качестве основной угрозы внутренней стабильности в стране. Начиная с 2005 г. эта организация называет Францию врагом номер 1, призывает мусульман, живущих во Франции, уничтожать тех чиновников, которые связаны с алжирским режимом.

Франция приняла активное участие во вторжении в Ирак в 2003 г. В Афганистане ее контингент участвовал в операции «Прочная свобода» под командованием США. Власти Франции опасаются распространения идей радикального ислама среди молодежи, которое приводит к тому, что французские мусульмане отправляются в такие районы боевых действий, как Афганистан, Ирак, Чечня, Балканы. После возвращения во Францию они могут представлять угрозу и здесь, используя свой боевой опыт. Ветераны горячих точек создают интернет-сайты, где делятся своим боевым опытом.³⁴

Французские эксперты по проблемам терроризма пишут о том, что СГПД в последнее время ослабла, с одной стороны, вследствие работы спецслужб, с другой – из-за внутренних противоречий. СГПД понесла большие потери в последние месяцы», – говорит Луис Каприоли, помощник директора департамента Франции по борьбе с терроризмом. Однако она пополнила свои ряды после амнистии в Алжире, когда были выпущены на свободу многие в прошлом активные члены СГПД и ВИГ.

* * *

События в предместьях Парижа, где проживают иммигранты-выходцы из стран Африки, выявили ряд проблем, таких как

расовая дискриминация и отсутствие реальных возможностей интеграции иммигрантов во французское общество. Они отражают и проблемы всей Европы, связанные с социальной интеграцией иммигрантов и их детей. Перед правительством Франции стоит непростая задача интеграции в общество крупной общины иммигрантов-мусульман. Всем известны события, когда в стране прошли массовые антиправительственные демонстрации мусульман, протестующих против принятия закона о светском характере общества, который запрещает школьникам в государственных школах носить предметы одежды, символизирующие их религиозную принадлежность. К демонстрациям мусульман присоединились французские сикхи, которые также считают, что их религиозным чувствам нанесено оскорбление. Аналогичные законодательные акты были также приняты в Германии и Бельгии. В других странах Евросоюза этот вопрос находится в стадии дискуссии. Такие действия не способствуют интеграции мусульман в общественную жизнь Европы и могут привести к их объединению для совместной борьбы за свои права, усилению маргинализации арабомусульманских общин Европы и эскалации экстремистских настроений. По словам Коста-Ласку, эксперта парижской антидискриминационной группы «SOS Racism», некоторые иммигранты, участвующие в беспорядках в предместьях Парижа, поддерживают связи с радикальными мусульманскими группировками в других странах³⁵.

Сильнейшим фактором сплочения является дискриминация по этническому, религиозному мотивам и этнорасовые предрасположения. Вольная или невольная самоизоляция от коренного населения, деятельность мусульманских организаций, жилищная сегрегация при незнании или недостаточном знании местного языка, иные ограничения создают для них психологическое гетто и сильно сдерживают усвоение новых жизненных правил и представлений.

В стремлении отомстить обществу, в котором для молодых людей не находится достойного места, они отвергают принятые в нем мораль и нормы поведения, отказываются считать себя гражданами принимающей страны, прибегают к противоправным действиям, пополняют ряды криминальных групп. Специалисты приходят к заключению, что к исламу как к последнему прибежищу обращается часть иммигрантской молодежи, не нашедшей места в жизни, а также «новые мусульмане» из представителей

среднего класса, стремящиеся подчеркнуть свою самобытность, часто лишь в знак протеста против их неприятия западным обществом, ради самоутверждения. Среди молодых людей отмечается возрождение интереса к религии, нередко в ее ортодоксальных, фундаменталистских и экстремистских формах.

¹ Sami A. Aldeeb Abu Salieh. The Islamic Conception of Migration // International Migration Review, Mar. 1996, с. 37–57.

² М.Аль-Газали. Мустакбаль аль-Ислам Харидж Ардихи: Кейф Нуфаккир Фихи? Амман, 1984, с. 155–157.

³ Yusuf al-Qaradawi. Duties of Muslims Living in the West. Islam Online.net, May 7, 2006.

⁴ М. Фадлалла. Тахаддият аль-Мухаджир, байна аль-Асала ва-ль-Муасира. Бейрут: Дар аль-Малак, 2000, с. 125.

⁵ М. Аль-Газали. Мустакбаль аль-Ислам Харидж Ардихи: Кейф Нуфаккир Фихи? Амман, 1984, с. 155–157.

⁶ Khalid Muhammed al-Aswar (Х. аль-Асвар). Аль-Джалийя аль-Исламийя фи Уруба: аль-манафиз, аль-Машакиль, аль-Хулуль, аль-Кахира: Дар аль-Итисам, 1998, с. 7–8.

⁷ М. Аль-Газали. Мустакбаль аль-Ислам Харидж Ардихи: Кейф Нуфаккир Фихи... с. 104.

⁸ Yusuf al-Qaradawi. Duties of Muslims Living in the West. Islam Online.net, May 7, 2006.

⁹ М.аль-Умрани. Фикх аль-Усра аль-Муслима фи-ль-Махджар. Бейрут: Дар аль-Кутуб аль-Ильмийя, 2001, с. 53–65.

¹⁰ Sa'id Lawindi (С.Лавидни). Фубия аль-Ислам фи-ль-Гарб. Аль-Кахира: Дар аль-Ахбар, 2006, с. 136–7.

¹¹ Amr Khalid. Between Integration and Introversion. Mar. 29, 2007.

¹² France, Race, and Immigration: Who Gains? Economist, 2 March 2002, с. 33.

¹³ Edouard Behr. The Algerian Problem. Harmondsworth, UK: Penguin, 1961.

¹⁴ См.: Ghadban R. Reaktionen auf muslimische Zuwanderung in Europa // http://www.bpb.de/publikationen/K4PW7Y,0,0,Reaktionen_auf_muslimische_Zuwanderung_in_Europa.html

¹⁵ For Algerians in France, what future memories? International Herald Tribune (ИТ), April 14, 2005, с. 2.

¹⁶ A Question of Colour, a Matter of Faith: France Must Face Up to Its Immigrant Problems // Economist, 16 November 2002, 9.

¹⁷ См.: Ghadban R. Reaktionen auf muslimische Zuwanderung in Europa // http://www.bpb.de/publikationen/K4PW7Y,0,0,Reaktionen_auf_muslimische_Zuwanderung_in_Europa.html

¹⁸ См.: Соболев В.Г. Мусульманские общины в государствах европейского союза: Проблемы и перспективы. – СПб., 2003. С. 5.

¹⁹ Common Rules for Expelling Illegal Immigrants Proposed // European Report, 03.09.2005.

²⁰ Khalid Duran. Jihadism in Europe // The Journal of Counterterrorism and Security International, Fall 2000. С. 12–5.

²¹ Ahmed S. Moussalli. Hasan at-Turabi's Islamist Discourse on Democracy and Shura // Middle Eastern Studies 30, issue 1 (January 1994).

²² Hugh Schofield. France's Islamic Heartland. BBC, 18 April 2003.

²³ Ramadan, Tariq. 2004, Western Muslims and The Future of Islam // Oxford University Press, New York, с. 9, 52.

²⁴ Там же.

²⁵ Фокина К. "Право почвы" обернулось кровью <http://old.strana.ru/>

²⁶ Geertz. Clifford Which Way to Mecca? Part II // The New York Review of Books, 03.07.2003, с. 37.

²⁷ Понкин И.В. Ислам во Франции. М., 2005, с. 61, 113.

²⁸ Там же.

²⁹ Е. Огнева. Охота на нелегалов. Во Франции создается первая в Европе иммиграционная полиция // Новые известия, 16.08.2005.

³⁰ Kepel G. The War for Muslim Minds, Islam and the West // Belknap Press of Harvard University, 2004, с. 18.

³¹ Roy O. The Ideology of Terror // International Herald Tribune, 23.07.2005, с. 42.

³² Khoroskhavar F. Terrorist Networks in Europe, in Muslims in Europe, Post 9/11: Understanding and Responding to the Islamic World. St Antony's College/Princeton University, April 25–6, 2003.

³³ Joergen S. Nielsen. Transnational Islam and the Integration of Islam in Europe. in Stefano Allievi and Joergen S. Nielsen // Muslim Networks and Transnational Communities in and across Europe. Leiden/Boston: Brill, 2003, с. 38–9.

³⁴ Robert S. Leiken. Bearers of Global Jihad? // Immigration and National Security after 9/11. The Nixon Center, 2004, с. 26, 106.

³⁵ Bryant L. French Government Announces Steps to Restore Order, <http://www.voanews.com/english/search>, 06.11.2005.

Д.С.Пархомчук

РОССИЙСКО-ИЗРАИЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СФЕРЕ ДОБЫЧИ И ОБРАБОТКИ АЛМАЗОВ

Никто не знает, когда был обнаружен первый алмаз. Но доподлинно известно, где это случилось. Выдержка из налоговой книги на Санскрите 4-го столетия до н.э. показывает, что тогда алмазы были активно продаваемым товаром в Индии. Действительно, Индия оставалась единственным производителем алмазов до 18-го столетия. В сущности, об алмазном рынке можно говорить только со времен колонизации Индии, когда алмаз стал предметом товарно-денежных отношений в Западной Европе. Честь зарождения алмазного рынка принадлежит португальским евреям, высланным в 1498 г. в Северную Европу в результате религиозных преследований.

Первенство Индии в алмазном производстве длилось до 20-х годов XVIII века. После 1725 г. португальцы обнаружили наносные залежи алмазов в Бразилии, которая оставалась самым крупным их производителем до середины XIX века.

В настоящий момент основными производителями и продавцами необработанных природных алмазов (по стоимости) являются крупные транснациональные и национальные компании: «Де Бирс» (43–44%), «АПРОСА» (18–24%), «Рио-Тинто» (8%), «Би-Эйч-Пи – Биллитон» (4–8%), МИБА (8%), «Абер» (3%) и «Катока» (3%)¹. Крупнейшие страны производители (по стоимости): Ботсвана (25%), Россия (22%), Канада (12%), ЮАР (11%) и Ангола (9%)²

По разным данным, мировая добыча сырых алмазов в 2005 г. составила по стоимости от 11,5³ млрд. долл. США до 12,9⁴ млрд. долларов. Статистика добычи по весу также различается: от 163 млн. до 176,7 млн. каратов соответственно.

Крупнейшими импортерами необработанных алмазов стали: ЕС, Индия, Израиль (на их долю приходится 91% всего импорта по весу и 79% по стоимости⁵).

Что касается производства бриллиантов, то в 2006 г. их было произведено на 18,72⁶ млрд. долл. США. Крупнейшими

производителями явились Индия, Израиль, Россия, ЮАР и Бельгия⁷. Объем розничной продажи украшений с бриллиантами достиг в 2006 г. 68,51⁸ млрд. долл.

Основными международными организациями, действующими в алмазно-бриллиантовой области, являются Международная ассоциация производителей алмазов (IDMA), Всемирная федерация алмазных бирж (WFDB) и Всемирный алмазный совет (WDC).

Для полного понимания возможных путей сотрудничества России и Израиля в этой области следует рассмотреть промышленности обоих государств.

История алмазной промышленности в Израиле восходит к 20-м годам XX века. После печально известного кишиневского погрома 1903 г. осталось множество еврейских сирот, родителей которых убили погромщики. На сионистском конгрессе в 1905 г. евреи Бельгии и Голландии предложили вывезти этих детей в Палестину и дать им хорошую надежную профессию – огранщика бриллиантов. В 1937 г. в Палестине появилось первое предприятие по огранке. Незадолго до этого палестинским ювелирам удалось добиться у властей Британского Мандата снижения пошлин на ввоз необработанных бриллиантов. Тогда же начали работу несколько мастерских, и был создан Алмазный клуб Палестины – первая отраслевая организация. Попытки организовать обработку алмазов в Палестине предпринимались и ранее при активном участии деятелей сионистского движения, однако неизменно наталкивались на противодействие властей Османской Империи и опасавшихся конкуренции коллег из Антверпена. В 1948 г., к моменту образования государства Израиль, таких предприятий было уже 30, на них работали 800 человек. В 1968 г. было построено нынешнее здание Алмазной биржи.

Современная организационная структура алмазной индустрии Израиля⁹ выглядит так: Израильская алмазная биржа, Израильская ассоциация производителей бриллиантов, Институт алмазов Израиля, Управление «алмазного» контролера при министерстве промышленности, торговли и труда. Это основные звенья, ответственные за различные области индустрии.

Институт алмазов Израиля (IDI) – некоммерческая, общественная компания, которая представляет все организации и учреждения, вовлеченные в израильскую алмазную промышленность. Главные функции Института алмазов Израиля:

- маркетинг, содействие бизнесу и связи с общественностью;
- технологические научные исследования;

- содействие торговле необработанными алмазами;
- профессиональное обучение;
- консультирование по безопасности.

Израильская алмазная биржа играет центральную роль в алмазной промышленности. Алмазная биржа состоит из двух компаний, каждая из которых является отдельным юридическим лицом, – Israel Diamond Exchange Ltd и Diamond Exchange Enterprises (1965) Ltd.

Алмазная биржа регулирует политику, относящуюся к торговым правилам, этикету и соответствующему поведению ее членов. Diamond Exchange Enterprises ответственна за управление зданиями, которые образуют самостоятельный город в микромире.

Израильская ассоциация производителей бриллиантов (ИАПБ) объединяет 200 производителей бриллиантов, на которых приходится приблизительно 95% объема выпуска алмазно-бриллиантовой промышленности Израиля.

ИАПБ представляет алмазную промышленность Израиля и ее изготовителей на всех израильских и международных специализированных форумах, на которых обсуждаются важные для отрасли вопросы.

Управление «алмазного» контролера при министерстве промышленности, торговли и труда – ключевая властная структура алмазного сектора Израиля. Это управление, работающее под наблюдением Алмазного контролера, является единственным учреждением в Израиле, которое уполномочено давать разрешение как на импортные, так и на экспортные поставки алмазов, и вести статистический учет торговли алмазами и бриллиантами¹⁰.

Работа гранильной промышленности и ее эффективность невозможны без наличия соответствующего алмазного сырья. Поскольку в Израиле алмазы не добываются, ему постоянно приходится их импортировать, то есть он постоянно зависел и зависит от отношений с ведущими производителями и экспортерами алмазов. С самого начала создания гранильной промышленности Израиля проблема обеспечения алмазным сырьем была ключевой для ее развития. Прошел сложный процесс борьбы за стабильное снабжение страны алмазным сырьем. О масштабности показателей импорта говорят следующие данные:

- чистый импорт алмазов по стоимости вырос с 4,2 млн. долл. в 1949 г. до 3 372 млн. долл. в 2001 г., то есть в 802 раза¹¹;
- при этом чистый импорт по массе увеличился со 160 тыс. кар в 1949 г. до 18 338 тыс. кар в 2001 г., то есть в 114,6¹² раз.

Столь существенное различие между ростом импорта по стоимости и по массе объясняется тем, что средняя цена 1 кар импортируемых алмазов выросла за этот период с 26, 3 долл. до 184 долл., то есть почти в 7 раз, что представляется весьма важным, поскольку говорит о качественном улучшении импортируемого сырья.

По структуре импорт четко разделяется на две части:

- 1) прямой импорт алмазов из ЦСО (Центральной сбытовой организации) «De Beers»,
- 2) закупки алмазов на открытом рынке.

Динамика ежегодного импорта из ЦСО в основном имела монотонно возрастающий характер по стоимости, причем ежегодная доля в общем импорте в период 1970–1991 гг. находилась на уровне 35%, а потом стала уменьшаться и после 1995 г. стабилизировалась в среднем на уровне 25–30%. Объем ежегодного импорта из ЦСО по стоимости после 1993 г. в среднем стабилизировался на уровне 900 тыс. долл., причем средняя цена 1 кар алмазов находилась на уровне 300 долл.

Динамика стоимости ежегодных закупок алмазов на открытом рынке в основном имела возрастающий характер, причем их ежегодная доля в общем импорте в период 1970–1991 гг. находилась на уровне 65%, а потом стала увеличиваться и после 1995 г. стабилизировалась на уровне 70–75%¹³.

Стоимостной объем ежегодных закупок алмазов на открытом рынке после 1993 г. находился в среднем на уровне 2,2 млрд. долл., причем средняя цена 1 кар алмазов стабилизировалась на уровне 300 долл.

Следует отметить, что выше мы вели речь о чистом импорте алмазов, часть из которых предназначалась для обеспечения местной гранильной промышленности. Другая часть импортированных алмазов шла на экспорт или зарубежным израильским фирмам.

Чистый импорт бриллиантов в 2005 г. увеличился по стоимости на 9,3%, до 3,9 млрд. долл., а по весу – уменьшился на 9,1%, до 3,7 млн. кар¹⁴. Чистый импорт сырых алмазов в Израиль за 2005 г. в денежном выражении увеличился на 3,2%, до 5,3 млрд. долл., а по весу – сократился на 30,7%, до 19,3 млн. кар¹⁵.

Алмазный сектор Израиля с самого начала своей деятельности был жестко ориентирован на экспорт. Поэтому ключевым параметром, характеризующим результаты деятельности гранильной промышленности Израиля, является ежегодный объем

экспорта бриллиантов по стоимости. Сопоставление данных об экспорте за период 1949–2001 г. должно произвести впечатление на любого читателя. Действительно, за этот период:

– чистый экспорт бриллиантов увеличился с 5,1 млн. долл. в 1949 г. до 4,52 млрд. долл. в 2001 г., то есть вырос в 887 раз (!) по стоимости¹⁶;

– при этом экспорт бриллиантов по массе увеличился за этот же период с 75,1 тыс. кар в 1949 г. до 3929 тыс. кар в 2001 г., то есть почти в 52 раза¹⁷.

Столь разительное отличие в росте по стоимости от роста по массе объясняется тем, что средняя цена 1 кар экспортируемых бриллиантов выросла за этот период с 67 долл. до 1152 долл., то есть в 17 раз (!), что с учетом достаточно высоких цен на бриллианты говорит само за себя.

В последние 20 лет экспорт бриллиантов из Израиля ежегодно возрастал в среднем на 5–6%, несмотря на то, что на этот период пришлось два кризиса, оказавших существенное влияние на мировой АБ-рынок – война в Персидском заливе и экономический кризис в странах Юго-Восточной Азии. Это свидетельствует об устойчивом положении израильского экспорта бриллиантов и об активной маркетинговой деятельности израильских фирм.

В связи с этим определенный интерес представляет информация об основных израильских фирмах-экспортерах бриллиантов и об их доле в суммарном экспорте бриллиантов из Израиля.

Из приведенных данных¹⁸ следует, что доля пятерки крупнейших экспортеров Израиля почти фактически совпадает с долей десятки других крупнейших экспортеров Израиля. Каждый из остальных экспортеров несопоставим с лидерами экспорта, но их много и поэтому их суммарный экспорт составляет немалую величину, в 2002 г. – это 65% экспорта.

В последние 15 лет происходит неуклонный рост объема экспорта ведущих израильских фирм-экспортеров бриллиантов относительно суммарного экспорта, причем доля объема экспорта первой пятерки (соответственно первой десятки) экспортеров в суммарном экспорте неуклонно увеличивается, перейдя в 2001 г. рубеж 27% (соответственно 35%). Это свидетельствует о процессе концентрации экспорта среди ведущих экспортеров бриллиантов и об увеличении роли этой группы фирм.

Важная новая тенденция наблюдается и усиливается в последнее время – уменьшение в общем экспорте бриллиантов из Израиля доли бриллиантов, произведенных местной промышленностью и, соответственно, увеличение доли бриллиантов, произведенных Израилем за пределами страны, в основном и странах Юго-Восточной Азии.

География экспорта бриллиантов из Израиля сформировалась еще в 70-е годы и остается весьма устойчивой. Основными импортерами являются 5 стран: США, Япония, Гонконг, Бельгия, Швейцария¹⁹. Суммарно на них практически ежегодно приходится более 90% всего экспорта бриллиантов по стоимости. Главным импортером бриллиантов из Израиля являются США, на долю которых в 80-х годах приходилось около 40% всего израильского экспорта, а затем доля США стала неуклонно повышаться и в 1998 г. перешагнула рубеж в 60%, продолжая увеличиваться. Израиль стал основным поставщиком бриллиантов в США.

Для Израиля бриллианты, несомненно, являются доминирующим товаром в торговле с США. С одной стороны, это свидетельствует об установлении стабильных взаимосвязей и формировании традиций, а с другой стороны, столь жесткая ориентация экспорта бриллиантов на рынок США представляет собой и потенциальную угрозу для Израиля, так как израильская гранильная промышленность зависит от этого рынка более чем в любой другой стране, что делает ее весьма уязвимой. Недаром считается, что когда США простужаются, Израиль начинает чихать. А когда ювелирному рынку США всего лишь нездоровится, израильская алмазо-бриллиантовая торговля «корчится» в лихорадке.

Не только в торговле с США алмазы сыграли ключевую роль. К примеру, в отношениях с Бельгией и Люксембургом они составляют 81% импорта и 70% экспорта, со Швейцарией – 42% и 41%, с Великобританией – 21% и 22%, с Гонконгом – 11% и 87%, с Таиландом – 53% и 50%, с Россией – 48% и 9%²⁰.

Чистый экспорт бриллиантов из Израиля в 2005 г. увеличился на 5,8%, до 6,7 млрд. долл., против 6,3 млрд. долл. в 2004 г. По весу экспорт бриллиантов уменьшился на 3,2%, до 4,5 млн. кар. За декабрь 2004 г. чистый экспорт бриллиантов в денежном выражении вырос на 20,9%, до 371,2 млн. долл., а по весу – на 35,4%, до 348548 кар²¹.

Чистый импорт бриллиантов в 2005 г. увеличился на 9,3%, до 3,9 млрд. долл., а по весу – уменьшился на 9,1%, до

3,7 млн. кар. Чистый импорт сырых алмазов в Израиль за 2005 г. в денежном выражении увеличился на 3,2%, до 5,3 млрд. долл., а по весу – сократился на 30,7%, до 19,3 млн. кар.²²

Экспорт сырых алмазов в 2005 г. увеличился на 20,5%, до 3,5 млрд. долл., а по весу – уменьшился на 23,1%, до 23,3 млн. кар. Суммарный экспорт бриллиантов и сырых алмазов из Израиля в 2005 г. достиг 10,2 млрд. долл.²³

Главными покупателями израильских бриллиантов были США, Гонконг и Бельгия, на которые пришлось 82% израильского экспорта 2005 г. Сумма, выплаченная за бриллианты, поставленные в течение года из Израиля в США, составила около 4,1 млрд. долл., экспорт в Гонконг вырос до 910,7 млн. (на 17,8%), в Бельгию – до 501,7 млн. долл. (на 10,5%). Резко увеличился в денежном выражении экспорт в Швейцарию – на 46,4%, до 320,5 млн. долл., а в Великобританию упал на 7,4%.²⁴

В 2005 г. средняя цена экспортированных из Израиля бриллиантов выросла на 9,3%, составив 1493 долл./кар, в то время как средняя цена импортированных в Израиль сырых алмазов подскочила на 49,1%, до 275 долл./кар. Размер банковского долга, накопленного израильской алмазной индустрией за 2005 г., достиг 2 млрд. долл.²⁵

Алмазный контролер Израиля Шмуэль Мордехай (Shmuel Mordechai) заметил, что 2005 г. был рекордным по всем аспектам израильской торговли алмазами; особо он отметил рост прямых поставок сырых алмазов из России. Яир Коэн (Yair Cohen), управляющий директор Израильской алмазной биржи (Israeli Diamond Exchange – IDE), заявил, что сокращение доли США в израильском экспорте с 67% в 2004 г. до 61% в 2005 г. объясняется более правильным распределением экспортных потоков. Он отметил также увеличение на 25% числа иностранных покупателей, посетивших IDE в течение последних двух лет.

Моти Бессар (Moti Bessar), управляющий директор Israel Diamond Manufacturers Association, пояснил, что несмотря на то, что многие израильские фирмы продолжают работать за рубежом, они сохраняют свои штаб-квартиры в Израиле и доставляют туда товар для продажи.

В России мощная отечественная алмазодобывающая отрасль была создана в советское время в короткие сроки, несмотря на сложные природно-климатические условия Заполярья и географическую удаленность запасов алмазов.

Алмазно-бриллиантовый комплекс страны формировался и развивался как единая централизованная система. Государство выделяло требуемые инвестиции на развитие минерально-сырьевой базы, создание основных производственных фондов и мощностей по добыче алмазов, их огранке в бриллианты, строительство объектов производственной и социальной инфраструктуры. Все добываемые в стране алмазы являлись собственностью государства и поступали в Госфонд страны. Часть добываемых ювелирных алмазов поставлялась с учетом потребности развивающейся гранительной промышленности заводам "Кристалл". Кроме того, алмазы реализовывались на внешнем рынке ТНК "Де Бирс" по соглашениям, заключаемым с этой компанией.

Плановый принцип ведения хозяйства обеспечивал быстрое наращивание добычи алмазов, ускоренное строительство сети крупных отечественных ограночных предприятий "Кристалл", позволял сохранять стабильность на мировом рынке алмазов, концентрировать большие запасы ювелирных алмазов в Госфонде страны, которые к периоду начала реформ составляли примерно пятилетний объем их добычи.

Переход к рыночным реформам отбросил далеко назад алмазодобывающую промышленность, поставил отрасль на грань банкротства, породил криминал и контрабанду российских алмазов. Сеть государственных предприятий "Кристалл" прекратила свое существование (за исключением Смоленского ГУП "Кристалл") либо осталась в странах ближнего зарубежья, а вся огромная федеральная собственность алмазодобывающего комплекса необоснованно перешла в исключительную собственность Республики Саха (Якутия). Федеральное правительство фактически потеряло и функции контроля над отраслью.

В течение первых пяти лет реформ по результатам проверок Счетной палатой Российской Федерации Гохрана России установлено, что огромные государственные запасы ювелирных алмазов были полностью распроданы (за исключением части неликвидов).

Принимаемые в этих условиях АК "АПРОСА" меры по совершенствованию производственных процессов, внедрению достижений научно-технического прогресса, осуществлению инвестиционных проектов и развитию поисковых геологоразведочных работ позволили компании остановить спад добычи алмазов, в целом стабилизировать хозяйственную ситуацию, а

впоследствии обеспечить и постепенное наращивание добычи алмазов.

На сегодняшний день Россия является одним из крупнейших мировых производителей алмазов – около 22% мирового объема (по стоимости) и бриллиантов – 8% мирового производства бриллиантов²⁶. В стране созданы значительные государственные запасы алмазов. Главным субъектом российского рынка первичного алмазного сырья является государственная компания «АПРОСА», добывающая около 99% российских алмазов. Продажи «АПРОСА» картелю «Де Бирс» за период 2001–2003 гг. составляли почти половину ее добычи. Участие компании «АПРОСА» в картеле сокращается, начало этому процессу было положено с момента образования компании «Алмазы России – Саха» (переименованной впоследствии в АК «АПРОСА»). Сопоставительный анализ основных условий и параметров соглашений между АК «АПРОСА» и «Де Бирс» о продажах российских алмазов через картель за последние 10 лет показал, что российской стороне в результате переговорных процессов удалось добиться последовательного усиления своих позиций.

Что касается объемов добычи технических алмазов, то выделить их на стадии добычи практически невозможно, т.к. они добываются в общей массе с ювелирными, выделить их можно только в процессе сортировки, продажи и измерения остатков. По данным "ЕСО АПРОСА", реализующей наряду с ювелирными и технические алмазы, в 1999 г. было продано технической продукции (порошков и ювелирных алмазов мелких фракций, относящихся к техническим) почти 9,9 млн. каратов на общую сумму 9,1 млн. долл., в том числе на внешнем рынке – 9,2 млн. каратов за 7,8 млн. долл. В 2000 г. продано всего 11,5 млн. каратов на сумму 8,5 млн. долл. США, из них на внешнем рынке 10,9 млн. каратов за 7,1 млн. долл. США. В 2001 году реализовано 9,6 млн. каратов за 7,1 млн. долл. США, на внешнем рынке продано 90% и получено 5,9 млн. долл. США. При этом остатки технических алмазов сократились за два года с 8,2 млн. каратов до 3,0 млн. каратов.

Вторичный алмазный рынок в Российской Федерации характеризуется следующими особенностями:

1. Субъектами вторичного рынка алмазного сырья являются гранильные фирмы, их функции не ограничены производством бриллиантов – они осуществляют также покупку-продажу алмазного сырья, то есть являются сырьевыми дилерами.

2. Резкое уменьшение доли государственных предприятий в общем выпуске бриллиантов в 1993–1998 гг. и увеличение доли предприятий негосударственного сектора. В ряду причин резкого снижения доли государственных предприятий в структуре производства – отсутствие внутреннего вторичного (посреднического) рынка и собственных каналов сбыта бриллиантов за рубежом.

3. Экспортная ориентация отрасли (около 95% производимых бриллиантов экспортируется).

4. Сырьевая избирательность российской гранильной отрасли.

Создание полноценного вторичного рынка необработанных алмазов позволяет обеспечить оптимальное перераспределение сырьевых ресурсов между субъектами АБК за счет действия чисто рыночных механизмов.

Важным условием дальнейшего развития гранильной промышленности России является создание контролируемого государством вторичного рынка алмазного сырья. Необходимость в нем обусловлена тем, что не все купленное сырье гранильное предприятие может ограничить с выгодой для себя. Это зависит от достигнутого уровня издержек и специализации каждого предприятия. Для повышения эффективности гранильные заводы должны иметь возможность обмениваться сырьем. В мировой практике вторичные продажи необработанных алмазов осуществляются на специальных алмазных биржах. Опыт показывает, что при правильной постановке дела алмазная биржа является не только инструментом по перераспределению ресурсов между потребителями, но и органом государственного контроля над оборотом ценностей. В Российской Федерации алмазная биржа была создана в 1996 г. в форме Алмазной палаты России. В настоящее время в стадии организации находятся филиалы Алмазной палаты России в гг. Калининграде, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге и Якутске.

Основными задачами Алмазной палаты России являются: содействие формированию алмазного бизнеса России как цивилизованного сектора национальной экономики, интеграция российского алмазного бизнеса в мировое алмазно-бриллиантовое хозяйство и создание условий для функционирования вторичного рынка необработанных алмазов и развития рынка бриллиантов в России.

С завершением создания сети филиалов и вступлением в члены Всемирной Федерации Алмазных Бирж (С 17 июля 2000 г.)

Алмазная Палата России образует единую для всей страны систему организации торговли алмазами и бриллиантами, интегрированную в мировое алмазно-бриллиантовое хозяйство.

Разработка проблемы российского вторичного (посреднического) рынка определяется следующими стратегическими целями:

1. Развитие отечественной гранильной промышленности, позволяющее гранить и поставлять на мировой рынок наравне с алмазным сырьем бриллианты и ювелирные изделия с бриллиантами, что существенно повысит эффективность работы алмазной отрасли и приведет к сокращению сырьевой направленности экспорта.

2. Развитие гранильной промышленности, позволяющее сохранить традиционные рынки сбыта, расширить их, а также при благоприятном развитии событий обеспечить выход российских производителей на новые мировые рынки.

3. Утверждение российских субъектов алмазного рынка на внешних рынках.

4. Обеспечение экономической самостоятельности национальной алмазодобывающей и гранильной промышленности.

5. Создание условий для дальнейшего развития рыночных отношений между хозяйствующими субъектами.

На внутреннем рынке России реализуется почти половина добываемых в стране алмазов. Если в 1995 г. отечественным потребителям было продано 40% алмазов, то в 2000 г. – около 50%.

В 2001 г. объем продаж алмазного сырья АК "АЛРОСА" на внутренний рынок составил 39,8% от общего объема реализации.

Согласно действующему законодательству, продажа природных ювелирных алмазов АК "АЛРОСА" на внутреннем рынке Российской Федерации осуществляется по следующим направлениям:

– уникальные алмазы, подлежащие зачислению в Алмазный фонд Российской Федерации (алмазы массой 50 каратов и более, а также алмазы уникальные по цвету, форме и качеству, стоимостью, эквивалентной 3 тыс. долларов США и более за 1 карат);

– ювелирные алмазы специальных размеров (размерно-весовая категория свыше 10,8 карата). Алмазы данной размерной группы не экспортируются и реализуются только на внутреннем рынке на тендерных торгах в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от

26 марта 2001 г. "Об утверждении Правил реализации на внутреннем рынке специальных алмазов массой 10,80 карата и более";

– алмазы размерно-весовой группы менее 10,8 карата ("10,8"). Реализация этих алмазов производится по преискуррантам, в которых в зависимости от массы, формы, качества и цвета алмазы классифицируются на более чем 8 тыс. позиций с соответствующими ценами;

– технические алмазы. Основным потребителем технических алмазов на внутреннем рынке в России является инструментальная промышленность.

Всех покупателей добываемых АК "АЛРОСА" алмазов можно разделить на четыре группы:

– клиенты компании, работающие "на общих основаниях";

– ГУП СПО "Кристалл", ПИК "Орел – Алмаз", "Туймаада Даймондс" и "Орел АЛРОСА", отпуск алмазного сырья которым осуществляется на условиях отсрочки платежей;

– ЗАО "Руиз Даймонтс Лтд" и ООО "Элдиам", продажа которым алмазного сырья проходила в соответствии с условиями Соглашения с АК "Алмазы России – Саха" от 22 февраля 1995 г.;

– Гохран России, реализация алмазного сырья которому осуществляется по условиям договоров № 15-052-44/411 от 14 мая 1999 г. и № 449/028/11-98 от 23 июля 1998 г.

Россия занимает первое место по разведанным запасам алмазов. Крупные коренные или россыпные месторождения есть в Республике Саха (Якутия), Архангельской и Пермской областях. Коренные запасы составляют большую часть из них – 95%. Прогнозные ресурсы почти в три раза превышают разведанные запасы. Отечественный лидер, компания «АЛРОСА», добывает почти 99% алмазов России и дает около 20% мирового объема. В 2006 г. компания добыла алмазов на сумму более \$1,3 млрд., а реализовала еще больше – на \$1,57 млрд. По предварительным оценкам, выручка от реализации алмазов в 2007 г. составит \$1,7 млрд. Судя по всему, динамичное развитие компании продолжится, и есть все основания полагать, что вскоре она потеснит на мировом рынке «De Beers».

До 2003 г. российский монополист участвовал только в одном проекте за рубежом – в Анголе, успешно осваивая месторождение Каток и войдя в проект Лоу (объединяющий еще два алмазоносных месторождения). Рассматривается

возможность выхода компании и на другие рынки, в частности ЮАР. Возможно, уже в ближайшие годы «АЛРОСА» сможет проникнуть в Намибию, с которой у России уже есть соглашение о сотрудничестве в алмазодобыче, а также в Конго (ДРК). «АЛРОСА» изыскивает возможность выйти на новые рынки, рассматривая в качестве потенциальных партнеров Китай, Тайвань, Таиланд и другие страны Юго-Восточной Азии. Так что De Beers – уже не единственный партнер отечественной компании. В планах ее – в течение 2–3 лет перейти к самостоятельному экспорту бриллиантов, а это 30–40% от всего объема. Российский монополист разрабатывает также программу вертикальной интеграции в гранильный и ювелирный бизнес, что должно стать действенной альтернативой контактам с De Beers. Основным элементом этой программы станет создание нового гранильного предприятия – совместного продукта деятельности компаний «АЛРОСА» и Lazare Kaplan International.

Объем добычи алмазов в целом по РФ в 2006 году составил 38 360,81 млн. карат против 38 млн. карат по итогам 2005 г. (рост на 0,95%). Об этом свидетельствуют статистические данные о добыче природных алмазов за полугодие и год в целом по РФ по массе в каратах и стоимости, опубликованные Минфином.

Стоимость добытых алмазов в 2006 г. составила 2,574 млрд. долл. (в 2005 г. – 2,531 млрд. долл.). Средняя стоимость в 2006 г. составила 67,11 долл. за карат против 66,61 долл. за карат в 2005 г.

Как известно, алмазы – традиционная сфера российско-израильского взаимодействия. Основные тенденции сегодняшнего алмазного рынка России включают перераспределение собственности и каналов сбыта продукции, увеличение производительности, учреждение совместных российско-израильских предприятий, увеличение доли израильского капитала в отрасли. Важно отметить, что если раньше сотрудничество в этой сфере по большей степени заключалось в экспорте необработанных алмазов из России, показатели которого не были столь внушительными, то теперь набирает силу процесс производственной кооперации, которая является эффективным и прибыльным средством взаимодействия, способом преодоления несовершенства торгово-таможенного законодательства. Увеличивается приток израильского капитала в Россию.

Сотрудничество в алмазной сфере можно подразделить на несколько составляющих. Во-первых, это продажа Россией сырья для обработки в Израиле. Во-вторых, это деятельность израильских диамантеров, прежде всего Льва Леваева в России и израильские инвестиции в алмазную промышленность России. В-третьих, это совместное российско-израильское производство на базе российских предприятий.

Сегодня 90% рынка российских производителей бриллиантов сосредоточено в руках трех серьезных игроков: смоленского государственного завода «Кристалл», «Алроса» и Leviev Group. Годовой оборот Leviev Group оценивается в 3 млрд. долл., около половины этой суммы приходится на торговлю бриллиантами. Гранильные предприятия группы расположены в России, Индии, Китае, ЮАР, Украине и Армении. В России Леваев контролирует гранильные заводы «Руиз Даймондс» (одно из крупнейших ограночных предприятий России), «Кама-Кристалл», «Алми-Диам», а также пермский алмазный прииск «Уралалмаз». Предприятия Леваева занимаются даже самостоятельной разведкой алмазов. В планы Леваева входит расширение производства бриллиантов в России.

ООО «Кама-Кристалл» стал недавно предприятием с чисто израильским владением. Это совместное российско-израильское предприятие было пущено в эксплуатацию в ноябре 1997 г. Его учредителями выступили LID Ltd. (49% акций), администрация Пермской области (21%), ОАО «Пермский научно-исследовательский технологический институт» (10%) и ООО «Прииск Уралалмаз» (15,8%). Впоследствии Леваеву удалось сформировать контрольный пакет акций, а в июне 2005 г. администрация Пермской области объявила о намерении продать принадлежащие ей 22,1% акций. Льву Леваеву через LL International Holding B.V. достался и выставленный на продажу госпакет «Кама-Кристалла». Это, кстати, единственное на Урале ограночное предприятие, мощность которого составляет 200 тыс. карат алмазов в год. Продажа госпакета акций проводилась в соответствии с планом приватизации областной собственности. Ситуацию осложняло то, что уральские алмазные месторождения находятся на грани истощения, а «АЛРОСА» отказывается включить предприятие в число постоянных клиентов. Сделка была завершена в августе 2005 г., после того как «АЛРОСА» пообещала Leviev Group включить ее российские предприятия в число своих по-

стоянных клиентов. Стоимость своей доли пермские власти оценили в 2,48 млн. руб., объяснив столь низкую цену плохим финансовым состоянием предприятия.

Другое предприятие Леваева, «Руиз Даймондс», учрежденное в 1990 г. на обломках советской ювелирной империи «Кристалл», изначально являлось совместным российско-израильским производством, созданным совместно с Главкомзолотом. Сейчас оно имеет 100%-ный израильский капитал, и его выручка составляет более 200 млн. долл. Московский ювелирный завод (МЮЗ) – одно из крупнейших в России ювелирных предприятий, почти на 90% контролируется LL International Holding B.V.

В последнее время деятельность Леваева в России стала вызывать подозрение как российских, так и израильских властей. Распространенную информацию о причастности Леваева к контрабанде алмазов многие аналитики связывают с желанием укрепить позиции государства и снизить активность Леваева на российском рынке.

Израильская алмазогранильная компания «Espeko» объявила в 2004 г. о планах инвестировать в совместное производство с российской ООО «ЧелПром-Даймонда» около 15 млн. долл. Огранка алмазов должна проводиться в Кусинском районе под технологическим контролем израильских специалистов. «Espeko» намерена приобретать у челябинского предприятия весь объем произведенной продукции.

ОАО «Золото Югры» (Ханты-Мансийск) запустило в эксплуатацию завод по огранке алмазов. Для наладки производства приглашаются специалисты-огранщики из Израиля, которые проведут обучение работников предприятия уже на месте. Заказывается гранильное оборудование производства Италии, Америки и Израиля.

Развивается сотрудничество АК «АЛРОСА» и Израильской алмазной биржи. Регулярно обсуждаются вопросы продаж алмазного сырья из России в Израиль, сотрудничества в рамках Кимберлийского процесса, взаимодействия в рамках смешанного межправительственного комитета по торгово-экономическому сотрудничеству между Россией и Израилем в части, касающейся алмазного сектора. Перспективы имеют синтетические алмазы и алмазы с улучшенными характеристиками.

Экспорт алмазов из России в Израиль постоянно увеличивается. Израильские компании являются активными

участниками торговых операций в Алмазной палате России (АПР) с момента ее создания в 1999 г. и составляют 37% общего числа участников проводимых в АПР тендеров. Это свидетельствует о поступательном развитии сотрудничества алмазного бизнеса двух стран. В 2003 г. в России в силу вступили меры, направленные на либерализацию законодательства, регулирующего деятельность алмазно-бриллиантового комплекса. С тех пор алмазные предприятия Израиля получили возможность приобретать алмазное сырье напрямую в России. Израильский импорт алмазов из России в 2004 г. оценивался в 440 млн. долл. и составлял более половины экспорта из России. Причем, по словам президента Израильской алмазной биржи Ави Паз, Израиль намерен продолжать увеличение импорта. Между АК «АЛРОСА» и структурами алмазного комплекса Израиля постоянно ведется поиск новых форм сотрудничества. Устанавливаются прямые контакты через представительство компании в Израиле, которому планируется придать коммерческие функции. Рассматриваются различные варианты поставок сырья как посредством тендеров в России и Израиле, так и через постоянных покупателей.

Развитию совместного производства и сотрудничества способствует деятельность совместной рабочей группы АК «АЛРОСА» и алмазной промышленности Израиля.

«АЛРОСА» занимается сегодня продажей в Израиль алмазов, добытых также в Анголе в сотрудничестве с компанией израильского предпринимателя Дана Гертлера. Альянс с Гертлером «АЛРОСА» был заключен в противовес многолетней монополии на экспорт ангольских алмазов Л. Леваева. Сделка, заключенная в мае 2005 г., предусматривает ежегодные поставки алмазов на 300 млн. долларов. На долю «АЛРОСА» приходится 32,8% акций созданного в 1992 г. ГРО «Катока», которое ведет разработку этого месторождения.

С 2003 г. израильские бизнесмены испытывают трудности с получением сырья из традиционных источников, так как алмазный монополист «De Beers» существенно сократил число сайхолдеров-израильтян. С этим связана столь резко возросшая активность сотрудничества с Россией.

Также 22 февраля 2006 г. стало известно о решении «De Beers» согласиться с постановлением Антимонополь-

ной комиссии ЕС сократить до конца 2008 г. количество алмазного сырья, приобретаемого у АК «АЛРОСА», и начиная с 2009 г. прекратить любые закупки алмазов у АК «Алроса» (как напрямую, так и через посредников)²⁷. Это было главным из условий, на которых комиссия с учетом результатов собственного расследования одобрила договор двух компаний, подписанный еще в декабре 2001 года. Согласно этому договору, «АЛРОСА» обязалась продавать «De Beers» половину своего ежегодного объема добытых алмазов в течение пяти лет. Ежегодно россияне должны были получать от южноафриканцев по 800 млн. евро или 1,03 млрд. долларов США. Против этой сделки и выступила Антимонопольная комиссия ЕС, которая утверждала, что сделка усиливает доминирующую позицию «De Beers», которая уже контролирует свыше половины мировых поставок необработанных алмазов и, таким образом, способствует вытеснению с рынка конкурентов. С 1 января 2009, по словам руководителя Антимонопольной комиссии ЕС, мировой алмазный рынок впервые в своей истории откроется для свободной конкуренции поставщиков²⁸.

Стоит отметить, что в России также выразили обеспокоенность этим партнерством. Федеральная антимонопольная служба посчитала, что отношения «АЛРОСА» с алмазным гигантом противоречат закону о конкуренции, и потребовала от российской компании продавать свои камни и другим покупателям. Опасения высказывали и отечественные гранильщики. «50% поставок алмазов на внутренний рынок – этого недостаточно», – утверждал первый вице-президент ассоциации производителей бриллиантов Арарат Эвоян²⁹. По его словам, такие поставки алмазов заведомо ниже возможностей российских гранильщиков.

В свете изложенных факторов российской компании придется в срочном порядке искать новых покупателей своей продукции. На АК «АЛРОСА» приходится около 23% мировой добычи алмазов, сейчас из них примерно половина идет на продажу «De Beers». Естественно, в столь короткие сроки довольно сложно диверсифицировать свои поставки. Отсюда и исходят потребность сотрудничества с Израилем и развитие совместных производств по огранке алмазов.

Таким образом, сегодня мы являемся свидетелями коренных изменений в алмазной промышленности России, зна-

чительных также и в мировом масштабе. Бывшие оппоненты начинают сотрудничать. Если раньше «De Beers» был основным скупщиком российских алмазов, то сейчас происходит изменение каналов сбыта. «De Beers» усматривала в сближении Израиля и России подрыв всей структуры алмазного рынка, и поэтому торговое соглашение между Россией и «De Beers» 1997 г. включало пункт, однозначно запрещающий вывоз алмазов под видом «давальческих операций», что препятствовало российско-израильским поставкам. Однако перераспределение все же началось и, очевидно, будет продолжаться в будущем.

Такие препятствия для дальнейшего развития российско-израильской производственной кооперации, как недостаток юридических гарантий, недоработанная правовая база, высокие риски, уже преодолены. Нестабильность процесса экономических реформ в России больше не является существенным сдерживающим фактором. Экономические последствия кризиса 1998 г., принесшего крупные убытки и израильским предпринимателям, уже позади.

С октября прошлого года «АЛРОСА» принадлежит 100% в израильской компании "Аркас Даймондс Израэл Лтд". Как пояснил источник в «АЛРОСА», израильская "дочка" будет выполнять торговые функции. "Создание этого предприятия является продолжением реализации концепции создания самостоятельной сбытовой сети за рубежом"³⁰, – пояснил представитель алмазной компании. Первоначально через "Аркас Даймондс Израэл Лтд" «АЛРОСА» собирается торговать алмазами, в дальнейшем и бриллиантами. Ожидания от израильского рынка в холдинге пока предпочитают не комментировать.

Интерес «АЛРОСА» к Израилю эксперты считают очевидным и недоумевают, почему компания до сих пор напрямую не присутствовала на этом рынке. Эксперты уверены, что именно на гранильные компании, заинтересованные в приобретении необработанной продукции, нацелено внимание АК "АЛРОСА". По мнению экспертов, компании вполне по силам получить на нем 25–30-процентную долю³¹.

В 2005 г. в Израиль из России было импортировано сырых алмазов на 236 млн. долл. США и бриллиантов на 560 млн.

Сотрудничество России и Израиля в сфере добычи и обработки алмазов бурно развивается в последнее время на всех уровнях. Заключаются соглашения на правительственном уровне, в основном об увеличении поставок сырых алмазов из России. Активно действует на территории РФ израильский диамантер Лев Леваев. В последнее время российская «АЛРОСА», по всей видимости, начала «покорение» израильского рынка.

Как видно, нынешние АБК Израиля и России сильно отличаются, и сравнение явно не в пользу России. Поэтому для России крайне полезен израильский опыт. Перспективы сотрудничества в строительстве и модернизации АБК России с помощью израильского правительства, организаций и частных фирм выглядят внушительными. Израиль может помочь России в следующих областях:

- планирование, организация и контроль важнейших научно-технических проектов для гранильной промышленности;
- разработка новых технологий, станков и приборного обеспечения для гранильной области;
- мониторинг, анализ и разработка ключевых проблем функционирования и развития АБР;
- издательская деятельность, публикации рекламных материалов, буклетов, регулярного журнала, статистических данных;
- связь с общественностью, организация выставок, семинаров, пресс-конференций, круглых столов, дискуссий по алмазной проблематике и смежным вопросам;
- геммологическое обслуживание клиентов;
- разработка учебных программ по алмазообработке и другим вопросам;
- создание современной алмазной библиотеки и современной системы обслуживания клиентов.

Все перечисленные направления модернизации АБК России нуждаются в освоении передового международного опыта. Израиль является мировым лидером в данных областях. Россия же является крупнейшей державой по разведанным и прогнозируемым запасам алмазов³², Израиль, как известно, своими алмазами не обладает. При продуманной стратегии сотрудничества и взаимных усилиях по сближению в рамках АБК двух стран сотрудничество будет чрезвычайно выгодно как России, так и Израилю.

¹ Объем добычи участников алмазного рынка приведен за 2005 г. Данные взяты автором на основе годовых отчетов компаний «Де Бирс», «АЛРОСА», «Рио Тинто», «Би-Эйч-Пи – Биллитон».

² NWT Canada Diamonds Facts, 2006.

³ Kimberley Process Certification Scheme.

⁴ NWT Canada Diamonds Facts, 2006. (По данным Tacy Ltd. Haim Even-zohar 12,5 млрд. \$).

⁵ См. график 1 в Приложении.

⁶ По данным Tacy Ltd. Haim Even-zohar.

⁷ См график 2 в Приложении.

⁸ По данным Tacy Ltd. Haim Even-zohar.

⁹ См схему 3 в Приложении.

¹⁰ См. схему функции алмазного контролера и его аппарата в приложении.

¹¹ Фридман А.А., Вечерина О.П. Израиль и Индия – два полюса мирового алмазно-бриллиантового рынка. М.: ЦЭМИ РАН, 2003.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ <http://www.israeliamond.co.il> – THE ISRAEL DIAMOND INDUSTRY (IDI).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Фридман А.А., Вечерина О.П. Израиль и Индия – два полюса мирового алмазнобриллиантового рынка. М.: ЦЭМИ РАН, 2003.

¹⁷ Там же.

¹⁸ См. таблицы 5, 6 в Приложении.

¹⁹ По данным министерства промышленности, торговли и труда Израиля.

²⁰ Там же.

²¹ IDI.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Israel News Agency.

²⁵ Rapaport. Diamonds.Net

²⁶ NWT Canada Diamonds Facts 2006.

²⁷ COMMISSION DECISION of 22.11.2006 – <http://ec.europa.eu/>

²⁸ Эксперт, № 9 (503), 06.03.2006.

²⁹ Правда, 14.12.2004.

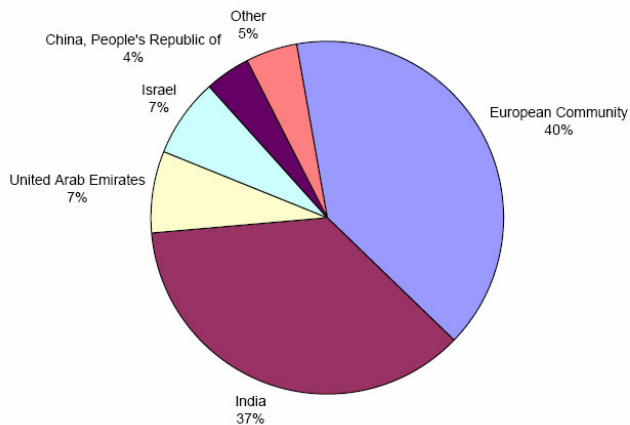
³⁰ Из интервью представителей «АЛРОСА» РБК-daily.

³¹ Из интервью экспертов ИК "Финам" и ИБ "Траст".

³² См. таблицу 7 в Приложении

ПРИЛОЖЕНИЕ

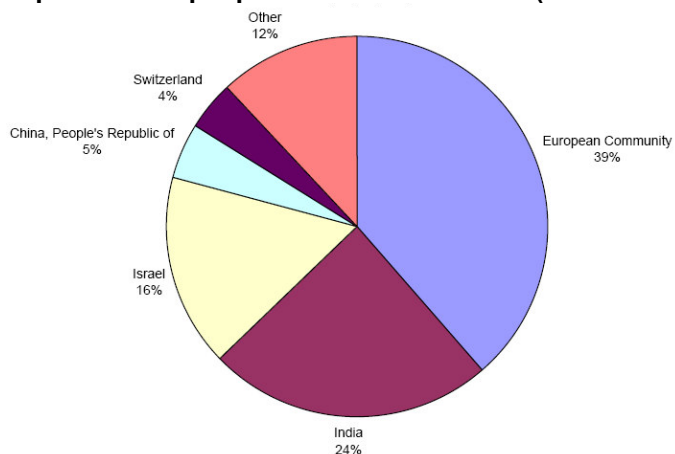
График 1
Страны-импортеры алмазов в 2005 году (по весу)

См.: Kimberley Process Certification Scheme.

График 2

Страны импортеры алмазов в 2005 г. (по стоимости)

См.: Kimberley Process Certification Scheme.

Схема 1

Организации алмазной промышленности Израиля

Схема 2

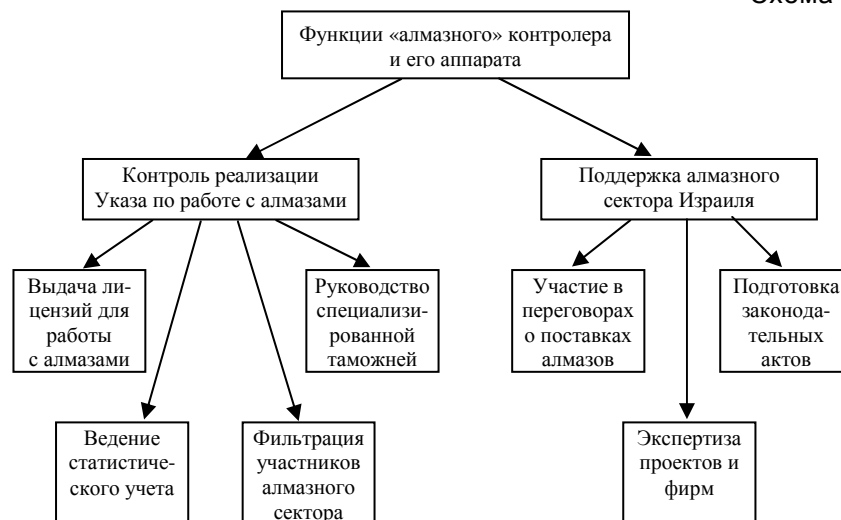

Таблица 1
Ведущие компании-экспортеры Израиля в 2001–2002 гг.*

Рейтинг		Название компании	Объем экспорта, млн. долл.	
2002	2001		2002	2001
1	1	«ЛЛД даймондз»	514	441
2	2	«Шахтер энд Намдар даймондз»	441	392
3	3	«Фабрикант энд Салант аймондз»	200	187
4	4	«Эспека даймондз»	141	135
5	5	«И. Эф.Ди даймондз»	108	90
6	6	«Йерушлами бразерз»	103	89
7	9	«А.Шварц энд санз»	90	64
8	8	«Рози Блю Сейлз»	84	71
9	7	«И.Эм.Эй даймондз»	81	75
10	10	«Дабл-ю.Ди.Си. групп»	61	53

Таблица 2
Объемы экспорта ведущих израильских фирм-экспортеров бриллиантов и их доля в суммарном чистом экспорте бриллиантов из Израиля (млн. долл.)**

	Годы				
	1992	1995	1998	2001	2002
Фирма-лидер	56	340	238	441	514
Пять крупнейших экспортеров	372	801	711	1245	1404
Их доля в суммарном экспорте, %	14,1	20,8	19,6	27,5	26,9
Десять крупнейших экспортеров	481	1057	931	1597	1823
Их доля в суммарном экспорте, %	14,1	20,8	19,6	27,5	35
Объем чистого экспорта бриллиантов	2641	3846	3634	4526	5209

* Фридман А.А., Вечерина О.П. Израиль и Индия – два полюса мирового алмазно-бриллиантового рынка. М.: ЦЭМИ РАН, 2003.

** Там же.

Таблица 3
Сравнительные показатели алмазодобывающих промышленностей разных стран*

Страна	Средний рост добычи алмазов, % в год (за 2003–2005 годы)	Запасы, млн. карат	Производительность, карат/100 тонн руды	Себестоимость добычи, \$/кар	Преобладающие методы добычи	Место по качеству
Австралия	-1,5%	176,3	40	27,1	открытые	7
Ботсвана	6,5%	220,4	60	23,7	россыпь	2
Конго	9,0%	110,2	51	21,9	открытые	7
Россия	4,2%	991,6	56	24,1	открытые	4
ЮАР	13,0%	110,2	67	22,3	подземные	4
Канада	10,0%	154,2	50	21,4	открытые	3
Ангола	6,0%	132,2	56	24,0	открытые	1
Намибия	1,5%	66,1	24	20,3	россыпь	5
Китай	1,0%	33,1	28	22,0	открытые	6
Гана	4,9%	22	21	29,0	открытые	7
Бразилия	0,0%	33,1	37	25,9	открытые	5
Сьерра-Леона	25,0%	26,4	20	28,6	открытые	6
Гвинея	12,0%	17,6	23	29,9	открытые	9
ЦАР	-7,0%	22	30	22,9	россыпь	7
Берег слоновой кости	1,5%	24,2	44	28,9	россыпь	6
Другие страны	-10,0%	44,1	24	30,3	открытые	8

* <http://www.idexonline.com>

А.Б.Подцероб

ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ СТРАН МАГРИБА

Являясь неотъемлемой частью воззрений правящего класса магрибских государств, ислам всегда оказывал и продолжает оказывать воздействие на формирование их внешнеполитических концепций и, как следствие, на практические шаги на международной арене. Степень такого воздействия на политику каждой из стран региона является различной, но всегда достаточно заметной.

Наиболее четко влияние религиозного фактора прослеживалось в деятельности ливийской дипломатии. Внешнеполитическая доктрина ливийского руководства, пришедшего к власти в 1969 г., основывалась на арабском национализме, носившем заметный исламский отпечаток. В Триполи прошлое величие арабов объясняли их приверженностью исламу, верность которому – в чем там были убеждены – позволит возродить это величие в будущем, а юнионистские устремления Совета революционного командования ЛАР во многом вдохновлялись воспоминаниями о былой славе Арабского халифата. На панарабизм наслаивались представления о мусульманской солидарности, приверженность которой рассматривалась как священный долг. В то же время подобные представления довольно причудливо сочетались с идеями солидарности со всеми обездоленными, независимо от их религиозной принадлежности. «Я, – подчеркивал председатель СРК М. Каддафи, – на стороне человека улицы, угнетенного человека, будь то христианин или мусульманин»¹. При этом роль ислама в межарабских, межафриканских и межазиатских отношениях ливийцами переоценивалась.

Отказ в последующем ливийского руководства от «революционного романтизма», его переход к прагматической политике сказались и на представлениях о религиозной солидарности. Ливия перестала безоглядно оказывать поддержку му-

сульманским меньшинствам в неисламских странах, более того, руководитель ливийской революции М. Каддафи призвал «исламских сепаратистов» от Филиппин до Чечни прекратить борьбу и заключить мирные соглашения с центральными правительствами².

По-иному рассматривал роль религии марокканский король Хасан II. Марокко представлялось ему деревом – его ветви простираются на Восток, «с которым мы связаны многовековыми культовыми и культурными узами», но его корни находятся в Африке, а крона овеивается ветрами Европы. В силу этого, полагал он, Марокко призвано играть роль связующего звена между Востоком и Западом³.

Тунисцы считали, что сотрудничество с исламскими странами органически обусловлено их арабо-мусульманской самобытностью, но при этом делали основной акцент на средиземноморской принадлежности своей страны.

Для алжирцев, также рассматривающих свою страну как часть арабо-исламского мира, главным в период нахождения у власти президента А. бен Беллы и председателя Ревсовета Х. Бумедьена являлась все же принадлежность Алжира не к этому региону, а к лагерю «прогрессивных государств». Позже, когда в АНДР вспыхнула гражданская война, одним из приоритетных направлений политики ее руководства стало обеспечение благоприятных внешних условий для борьбы с исламистами.

Религиозные соображения оказывают влияние на подходы стран Магриба к ближневосточной проблеме, что обусловлено в первую очередь оккупацией израильтянами третьего священного города мусульман – Иерусалима.

Наиболее радикальных позиций придерживались первоначально в Триполи, выступая за освобождение всей Палестины и ликвидацию Государства Израиль. М. Каддафи рассматривал палестинскую проблему как «весьма серьезный и жизненно важный вопрос, от которого может зависеть судьба всей арабской нации. Мы, – подчеркивал он, – ведем священную войну»⁴. В Ливии проходили военную подготовку не только бойцы палестинских организаций, но и добровольцы из других арабских стран, готовые сражаться за освобождение Палестины. В 1972 г. ливийцы попытались даже получить от Дамаска и Бейрута разрешение на проведение этими добровольческими формированиями операций против Израиля с территории Сирии и Ливана, но получили отказ. Со временем позиция Ливии

претерпела значительную эволюцию, и в настоящее время ливийский лидер выступает уже не за уничтожение Израиля, а за создание единого арабо-еврейского государства, название которого – «Израитина» – должно быть образовано из двух слов «Израиль» и «Палестина». По его замыслу, в границах такого государства мирно сосуществовали бы иудеи, мусульмане, христиане и друзы, в результате чего на Ближнем Востоке возникла бы еще одна многоконфессиональная страна наподобие Ливана⁵. Правда, эта инициатива, носящая в значительной мере пропагандистский характер, поддержки ни в арабских странах, ни в Израиле не встречает.

Алжирцы также занимали сначала по ближневосточной проблеме радикальную позицию, полагая, что Израиль должен быть уничтожен в результате народно-освободительной борьбы⁶. Однако уже в начале 70-х годов, осознав нереалистичность подобного подхода, они перестали отвергать возможность мирного урегулирования. В настоящее время алжирское руководство исходит из того, что проблема должна быть решена политическими методами на основе вывода израильских войск с оккупированных арабских территорий и создания Палестинского государства со столицей в Иерусалиме.

В Марокко, король которого носит титул «повелителя правоверных», естественно, делали заметный – хотя и не чрезмерный – акцент на религиозном аспекте палестинской проблемы. В 1979 г. Хасан II был избран председателем Комитета ОИК по Иерусалиму, что существенно повысило его престиж как внутри страны, так и в мусульманском мире. Но одновременно марокканцы, полагаящие, что продолжение конфронтации с Израилем играет на руку арабским радикалам как националистического, так и религиозного толка, всячески пытаются содействовать выходу на политическое урегулирование. Состоявшаяся в 1976 г. секретная встреча Хасана II с премьер-министром Израиля И. Рабином открыла путь к визиту президента АРЕ А. Садата в Иерусалим и подписанию египетско-израильского мирного договора. В июле 2007 г. марокканцы, воспользовавшись возобновлением палестино-израильского диалога, первыми среди магрибских стран пошли после семилетнего перерыва на контакты с израильтянами. «У Израиля и умеренных арабских государств, – подчеркнула 5 июля 2007 г. израильский министр иностранных дел Ц. Ливни, комментируя результаты своей встречи в Париже с мининдел Марокко

М. Бенаисой, – общие интересы, мы сталкиваемся с одинаковыми проблемами и одинаковыми угрозами». Под «одинаковыми угрозами» при этом, судя по всему, подразумевалась в первую очередь опасность со стороны исламского экстремизма.

Что касается Туниса, то президентом Х. Бургибой была еще до «Шестидневной войны» 1967 г. выдвинута инициатива урегулирования проблемы на основе резолюции 181(II) Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1947 г. о разделе Палестины. Реализация этого предложения, отвергнутого другими арабскими странами, была бы делом весьма сложным, но в условиях того времени не столь уж невозможным, так как гарантировала бы Израилю право на существование. При этом удалось бы избежать трех кровопролитных войн 1967, 1973 и 1982 г., в то время как Восточный Иерусалим получил бы статус *corpus separatum* под управлением Организации Объединенных Наций. Тунисская инициатива была тогда отклонена из-за противодействия прежде всего Объединенной Арабской Республики, но также и Иордании, поскольку ее реализация привела бы к потере Хашемитами контроля над Восточным Иерусалимом.

В настоящее время Тунис придерживается по палестинской проблеме общеарабских позиций, выступая за вывод израильских войск с оккупированных территорий и создание Палестинского государства со столицей в Восточном Иерусалиме.

Подходы стран Магриба к вспыхнувшей в 1980 г. иракско-иранской войне не были идентичными. Ливия выступала на стороне Ирана и даже поставляла ему вооружение. В какой-то мере это объяснялось недовольством Триполи поддержки Багдадом оппозиционной организации Ливийское национальное движение. Главное же – руководство Джамахирии рассматривало иранскую революцию как событие, приведшее к свержению прозападного «вероотступнического» шахского режима и приходу к власти в Тегеране адептов «подлинного», «прогрессивного» ислама. На это наложились и начавшее вызревать тогда разочарование в арабском национализме, что было обусловлено как провалом многочисленных юнионистских попыток Триполи, так и «предательством общеарабского дела» А. Садата, заключившим сепаратный мир с Израилем. В результате в отношении Ливии к первой «Войне в Заливе», «исланизм» возобладал над «арабизмом».

В Алжире же тому, что война ведется между фундаменталистским Ираном и светским баасистским Ираком, особого

значения не придавали. Главным для алжирцев было то, что вооруженный конфликт между двумя антиимпериалистическими режимами препятствует образованию единого антизападного и антиизраильского фронта. Алжир неоднократно предпринимал попытки посредничества между Багдадом и Тегераном и сыграл заметную роль в достижении в 1988 г. договоренности о прекращении огня между конфликтующими сторонами.

Значительное беспокойство вызывает в Магрибе ситуация, сложившаяся в настоящее время в Ираке. В столицах государств региона констатируют, что эта страна превратилась в рассадник терроризма, что сохраняется угроза ее расчленения по этнорелигиозному принципу, что Ирак перестал играть роль барьера на пути шиитской экспансии на Ближнем Востоке. Но при этом магрибские государства стремятся дистанцироваться от происходящего там, сознавая, что оказать реального влияния на развитие ситуации они не могут и что при этом вовлечение в иракские дела будет далеко неоднозначно воспринято в их собственных государствах, в которых симпатии «улицы» находятся на стороне иракского сопротивления. Магрибинцы неоднократно оставляли без ответа зондаж американцев о направлении в Ирак войск мусульманских государств, четко давая понять, что свои контингенты посылать туда не намерены.

На африканском направлении наиболее заметное воздействие исламского фактора прослеживалось в политике Ливии. Практически сразу же после революции 1969 г. ливийцы начали вмешиваться в чадские дела. Их целью было установить контроль над спорной полосой Аузу, богатой полезными ископаемыми, включая уран. Обеспечить достижение этой цели мог бы приход к власти в Нджамене проливийского правительства, а таким правительством, полагали в Триполи, будет правительство мусульман севера, которые при поддержке ливийцев вырвут власть из рук захвативших ее христиан и политеистов юга. Исходя из этого Ливия оказывала в Чаде поддержку Фронту национального освобождения в борьбе против президента Ф. Томболбая, а затем председателю Переходного правительства национального единства Г. Уэддею против президента Х. Хабре. Ввод в 1980 г. в Чад ливийских войск повлек за собой направление туда французского и заирского контингентов, что придало конфликту международный характер. «Борьба за Чад» завершилась лишь в начале 90-х годов, когда ливийцы согласились на передачу вопроса об Аузу в Международный суд,

приняли его решение о принадлежности этой полосы Чаду и вывели оттуда свои войска. Такое изменение подхода Ливии во многом объяснялось необходимостью улучшить свой «имидж» в условиях, когда в связи с «делом Локерби» и «делом ЮТА» Советом Безопасности были введены антиливийские санкции и в Триполи лихорадочно искали пути выхода из создавшейся ситуации. Вместе с тем свою роль сыграло и осознание ливийцами иллюзорности расчетов на то, что чадские мусульмане в благодарность за поддержку и исходя из религиозной солидарности уступят ливийцам Аузу (тот же Г. Уэддей, придя с помощью ливийцев к власти в Нджамене и подавив при их поддержке в декабре 1980 г. мятеж, поднятый министром обороны Х. Хабре, уже к ноябрю 1981 г. добился вывода из Чада ливийских войск, отвергнув одновременно территориальные притязания Джамахирии).

В 1972 г. ливийцы оказали помощь Уганде в конфликте с Танзанией, направив туда свои войска (хотя непосредственно интересы Ливии данный конфликт не затрагивал). Объяснялось это тем, что президент Уганды И. Амин, пытавшийся заручиться поддержкой ЛАР, стал оказывать знаки внимания исламистам, создав у себя в стране Верховный мусульманский совет. Аналогичным образом обстояло дело и с солидарностью, демонстрировавшейся Триполи по отношению к принявшему ислам пожизненному президенту ЦАР Жану-Беделю Бокассе.

На азиатском направлении способность исламского фактора оказывать влияние на позиции магрибских государств наглядно проявилась во время индийско-пакистанского конфликта из-за Восточного Пакистана. При всей важности для государств Северной Африки и Ближнего Востока отношений с Индией как с одним из лидеров Движения неприсоединения они, несмотря на усилия Дели, так и не солидаризировались с его позицией, предпочтя придерживаться «почти безразличного нейтралитета»⁷. Вместе с тем занятая ими позиция продемонстрировала и границы воздействия мусульманского фактора на формирование их внешнеполитической линии: поддерживать Пакистан арабские страны все же не стали.

С другой стороны, во время гражданской войны в Боснии и Герцеговине руководители магрибских государств достаточно решительно выступили на стороне мусульман. Занимая такую позицию, они исходили и из религиозной солидарности, и из расчетов на то, что это вызовет позитивную реакцию внутри их

собственных государств, и из понимания, что они ничем не рискуют, поскольку Запад также был враждебно настроен по отношению к боснийским сербам, а Россия вела себя пассивно. В частности, Рабат настаивал тогда на отмене эмбарго на поставки вооружения боснийским мусульманам (при сохранении запрета на поставки оружия сербам) и выступил в поддержку военных акций Организации Североатлантического договора против Республики Сербской, а Хасан II использовал свое председательствование в Организации Исламская конференция, чтобы форсировать принятие ею резолюций с выражением солидарности с мусульманами БиГ.

Вместе с тем во время агрессии западных держав против Югославии страны Магриба, хотя и сочувствовали косоварам, заняли более сдержанную позицию, опасаясь, что нападение на СРЮ может создать прецедент для использования схожего сценария против других государств, в том числе и арабомусульманских (что и произошло в 2003 г., когда Соединенные Штаты и Великобритания вторглись в Ирак). Характерна в этом контексте позиция Туниса, который, несмотря на все оказывавшееся на него Западом давление, ограничился направлением полевого госпиталя, да и то не в Косово, а в Албанию под тем предлогом, что он может оказать там помощь беженцам из Югославии.

Западные державы в своих отношениях со странами Магриба, да и с арабским миром в целом, пытались обыгрывать в своих интересах то, что западноевропейцы и американцы являются «людьми писания», в то время как их противники коммунисты – атеистами и, следовательно, «неверными». «Арабские правители того времени, – констатировал М. Каддафи, – находились под ложным впечатлением, будто Запад является другом и союзником; они навязали нам ложное представление, используя как аргумент то, что народы Запада исповедуют монотеистическую религию, а коммунисты являются атеистами»⁸.

Подобные иллюзии, впрочем, достаточно быстро развеялись. Более того, к настоящему времени поддержка США Израиля, объявление ими «изгоями» целого ряда исламских стран, вторжение в Ирак, угрозы в адрес Ирана создали не только у магрибской «улицы», но – в какой-то мере – и у элиты стойкое представление, что Соединенные Штаты остаются врагами мусульман. Характерным в этой связи выглядит высказывание такого авторитетного политического деятеля и из-

вестного тунисского ученого, как генеральный директор Арабской организации по вопросам образования, культуры и науки (АЛЕКСО) М. бу Снина, заявившего: «Мы не должны исключать, что пропагандистский аппарат, киностудии и художественное творчество на Западе, которые еще недавно были весьма умело мобилизованы на подрыв устоев восточноевропейского блока, могут быть мобилизованы – если это уже не сделано – с использованием еще более совершенных средств против арабов и мусульман»⁹. Вместе с тем подобный антиамериканский настрой, хотя и порождает у магрибского правящего класса настороженное отношение к внешней политике Вашингтона, на практике почти никак не проявляется. В североафриканских столицах отдают себе отчет в мощи США, в их реальном весе в международных делах, готовности прибегнуть к экономическому давлению и к использованию военной силы против тех стран, которые Вашингтон сочтет своими противниками, и в силу всего этого предпочитают «не дразнить» американцев.

Именно боязнь Соединенных Штатов, опасения, что следующей их мишенью станет после Ирака Ливия, вынудили Триполи отказаться от антиамериканизма во внешней политике, прекратив поддержку, в том числе, и экстремистских исламских организаций типа Фронта национального освобождения мору, снять лозунг освобождения Палестины и уничтожения Израиля, дистанцироваться от Ирана.

Серьезной проблемой во взаимоотношениях стран Магриба с европейскими государствами является эмиграция. В 1962 г. во Франции проживало 510 тыс. алжирцев, в 1973 г. – уже 800 тыс., а в начале нынешнего десятилетия – 1 млн.¹⁰ Всего во Франции насчитывалось тогда 4 млн. иммигрантов-мусульман, а в Западной Европе в целом – 13 млн.¹¹ Из общего числа «гастарбайтеров» из Средиземноморья 22% составляют марокканцы, 13% – алжирцы и 6% – тунисцы¹².

Между все увеличивающейся магрибской общиной и коренным населением возникают трения, среди европейцев нарастают антиисламские настроения. Иммиграцию рассматривают как четвертую по значимости среди угрожающих Европе опасностей¹³. Дело здесь не только в том, что проживающие в ЕС магрибинцы служат резервом для террористических организаций (подобная угроза действительно существует, но ее масштаб не стоит преувеличивать), сколько в том, что они образуют «взрывоопасную массу», как это продемонстрировали

бунты мусульманской молодежи в 2005 г. Выходцы из стран Северо-западной Африки относятся, в основном, к низшим социальным слоям, маргинализованы, зачастую не имеют работы. На это наслаиваются сложности с адаптацией к менталитету и образу жизни европейцев, к их христианским традициям. Хотя магрибинцы принадлежат, как правило, одновременно к двум культурам – арабо-мусульманской и французской и являются билингвами, многие из них родились во Франции, а половина проживающих там имеет французское гражданство¹⁴, превращаться во французов они не хотят, да, пожалуй, и не могут. Зарождается тяга мусульманской общины к превращению в «параллельное общество», что еще больше усиливает обособленность мусульман. В итоге возникает ситуация, при которой, как констатирует профессор Фрибургского университета Т. Рамадан, «когда беден, не имеешь работы и к тому же являешься мусульманином, почти незамедлительно следуют отторжение и дискриминация»¹⁵.

Среди значительной части иммигрантов налицо тенденция к самоизоляции, причем самоизоляции не только культурной. Так, предместье Парижа Сен-Дени начинает, судя по сообщениям прессы, превращаться в мусульманский анклав, где господствуют собственные законы и откуда целенаправленно выдавливаются представители официальных властей¹⁶. Все это делается под лозунгами сохранения приверженности своей религии, своим корням и традициям. Но при этом большинство иммигрантов не придерживается радикальных взглядов на вопросы межобщинных взаимоотношений, заинтересовано в налаживании и упрочении межконфессионального сосуществования. Лишь 14% французских мусульман выступает за ношение девочками хиджаба в школах, в то время как для 58% главным является желание, чтобы французское правительство лучше ознакомилось с «достоинствами ислама»¹⁷. Состоявшимся в мае 2006 г. в Бурже съездом Союза исламских организаций Франции, в котором приняло участие несколько тысяч человек, в качестве основного было выдвинуто требование обеспечения свободы вероисповедания¹⁸. Реакция во Франции на подобные призывы неоднозначна – от заявлений о несовместимости ислама с республиканским строем до признания, что подлинная вера – будь то христианская или мусульманская – может процветать только в условиях религиозной свободы¹⁹. Так или иначе, поскольку без использования труда «гастарбайтеров»

экономика стран ЕС обойтись не может, у европейцев, сотни лет живших в государствах-нациях, по-видимому, нет иного выхода, кроме как привыкать к сосуществованию различных культур и религий в рамках многонациональных и биконфессиональных обществ.

Исламский фактор оказывал воздействие и на отношения стран Магриба с Советским Союзом. Наиболее заметно это проявилось в ливийско-советских отношениях. После своего прихода к власти в 1969 г. М. Каддафи полагал, что после того, как арабы нанесут поражение Западу, наступит этап «долгой борьбы между мусульманами и коммунистами»²⁰. Однако такой подход быстро изменился – в Триполи осознали, что Ливии, проводящей антиимпериалистическую политику, невозможно обойтись без поддержки СССР. Определенную роль в изменении отношения ливийского руководства к Советскому Союзу сыграл первый посол ЛАР в Москве А. Зинтани. Побывав в Средней Азии, он убедился, что, несмотря на правление коммунистов, там налицо «бережное сохранение народных обычаев, традиций, художественного и литературного наследия»²¹. Особенно большое впечатление произвело на него то, что по личному указанию председателя Совнаркома РСФСР В.И. Ленина был передан мусульманам и перевезен в Уфу, а затем в Ташкент Коран халифа Османа²². Надо полагать, что в таком духе А. Зинтани информировал о ситуации в Советском Союзе ливийское руководство. В этой связи сильным ходом с нашей стороны стало преподнесение председателем Совета министров СССР А.Н. Косыгиным во время его визита в Триполи в 1975 г. в подарок М. Каддафи копии Корана Османа. Автору этих строк удалось наблюдать, как председатель СРК бережно принял фолиант из рук советского премьера и, изменившись в лице, прикоснулся к обложке губами. Чувствовалось, что он глубоко потрясен.

Тем не менее, даже пойдя на широкомасштабное сотрудничество с СССР, ливийское руководство продолжало испытывать настороженность в отношении атеизма коммунистов. «Нет возражений, – указывал М. Каддафи, – против поддержания экономических отношений с коммунистами; однако мы категорически против какого бы то ни было компромисса с коммунистами по вопросам, касающимся мусульманской религии»²³.

Ливийское руководство рассматривало ислам наряду с «третьей мировой теорией» как барьер на пути распростране-

ния в Джамахирии коммунистической идеологии, чреватого, как считали в Триполи, превращением Ливии в советского сателлита. Впрочем, и в Кремле ливийскому руководству также полностью не доверяли, убедившись, что оно нередко проводит чересчур авантюристическую политику, пытаясь к тому же втянуть Советский Союз в региональные конфликты (например, в Чаде или Западной Сахаре), от которых в Москве совершенно обоснованно дистанцировались. В результате сложилась такая ситуация, когда было «трудно понять, использует ли Каддафи русских с тем, чтобы все больше и больше насаждать ислам, либо русские сами используют его»²⁴.

На алжиро-советские отношения мусульманский фактор заметного влияния не оказывал. Если у А. бен Беллы и существовали на сей счет какие-то сомнения, то они, похоже, полностью развеялись после его визита в СССР в 1964 г. Заметную роль в этом сыграла, судя по всему, его поездка в Узбекистан. Акцентируя в своих выступлениях внимание на «общей цивилизации и культурном наследии» Алжира и УзССР, А. бен Белла одновременно не скрывал, что эта советская республика может служить тем образцом, которому намерена следовать в своем развитии АНДР²⁵. Что касается ислама, то, как заявил алжирский президент после переговоров с первым секретарем ЦК КПСС, председателем Совмина СССР Н. С. Хрущевым, «мы, в частности, обсуждали вопрос о том, что мы являемся верующими. Но мы всегда говорили и будем неустанно повторять, что наши религиозные верования не мешают нам быть друзьями Советского Союза»²⁶. Сменивший в 1965 г. А. бен Беллу на посту главы государства Х. Бумедьен исходил из того, что Советский Союз, хотя и является атеистическим государством, нейтрален по отношению к исламу, и религиозный фактор заметного влияния на алжирско-советское сотрудничество по-прежнему не оказывал. Главным для Х. Бумедьена было то, что он мог, проводя антиимпериалистическую политику, опираться на поддержку СССР.

В 90-е годы, когда жертвами развернутого алжирскими исламистами террора стали, в том числе, сотрудники Посольства России и российские специалисты, в соответствии с постановлением правительства РФ была проведена частичная эвакуация работающих в Алжире российских граждан, число которых сократилось с 3 тыс. в 1993 г. до 700 в 1999 г.²⁷ В результате освободившиеся вследствие отъезда российских специалистов

секторы экономики заняли при поддержке своих правительств граждане западных государств, которые, несмотря на террористическую угрозу, отозваны из Алжира не были, и Россия оказалась вытеснена из таких стратегических областей, как нефтегазовая промышленность, система трубопроводов, металлургия, а когда в последние годы вновь наметилось оживление экономических отношений, российским организациям пришлось многое начинать «с нуля». В данном контексте представляется обоснованным, что подрыв 3 марта 2007 г. автобуса с российскими нефтяниками в районе Айн-Дельфы не вызвал панической реакции и наши специалисты из Алжира эвакуированы не были.

На отношениях СССР с Марокко и Тунисом мусульманский фактор также практически не сказывался, поскольку их руководители (как и руководители Алжира) исходили из «нейтральности» подхода Советского Союза к исламу. Это, правда, не мешало президенту Туниса Х. Бургибе рассматривать мусульманскую религию как барьер на пути распространения в регионе «материалистических идеологий»²⁸.

Серьезным раздражителем в отношениях СССР со странами Северо-западной Африки стала советская интервенция в Афганистане. Аргументация, приводимая Москвой в связи с вмешательством в гражданскую войну в ДРА, впечатления на магрибинцев не производила. Афганистан там не считали страной, входящей в сферу советских интересов. Саму же «афганскую смуту» в магрибских столицах рассматривали как схватку между «безбожным коммунистическим режимом», захватившим власть в Кабуле, и противостоящими ему «борцами за веру». Но при этом на оказание помощи афганским моджахедам страны Магриба – в отличие, скажем, от Саудовской Аравии или Пакистана – не пошли. Здесь сказалось и понимание, что такой шаг привел бы к резкому обострению отношений с Советским Союзом (что противоречило интересам государств региона), и осознание того, что в афганском сопротивлении ведущей силой становятся при поддержке Соединенных Штатов экстремистские фундаменталистские группировки. В глазах же «улицы», всегда относившейся к СССР как к дружественной мусульманским странам державе, защищавшей их от посягательств Запада, авторитету нашей страны был нанесен серьезный ущерб.

Современную Россию в Магрибе рассматривают как государство христианско-мусульманское, надеясь, что такой статус

РФ будет способствовать ее сближению с исламским миром, расширению взаимодействия и сотрудничества между ними. В Магрибе было позитивно воспринято получение Россией статуса наблюдателя при ОИК. Но при этом в отличие, например, от Саудовской Аравии попыток наладить «особые отношения» с российскими мусульманскими автономиями страны Магриба не предпринимают, руководствуясь в своих связях с субъектами Федерации не идеологическими, а чисто прагматическими соображениями.

В связи с событиями в Чечне магрибские страны занимали достаточно благоприятную для Москвы позицию. Действия федерального центра рассматривали там как направленные не против мусульман, а против выступавших под религиозными лозунгами экстремистов и сепаратистов, исходили из того, что для исламских государств, для третьего мира в целом весьма важно, чтобы Россия оставалась территориально целостным, мощным государством, играющим весомую роль в международных делах. В то же время руководителями магрибских стран высказывалась озабоченность в связи со значительным числом жертв среди гражданского населения Чечни. Разгром бандформирований был воспринят в Магрибе с облегчением, как приведший к ликвидации одного из очагов международного терроризма и к тому же снявший единственную, по существу, проблему, игравшую роль раздражителя в отношениях арабомусульманских стран с Россией. Вместе с тем чеченские кампании нанесли дополнительный ущерб представлению об РФ «арабской улицы». В известной мере это было обусловлено слабостью российской пропаганды, вследствие закрытия бюро РИА «Новости», сокращения финансирования российских культурных центров, прекращения вещания из Москвы на арабском языке.

Жизненно важным в современных условиях в Магрибе считают налаживание межцивилизационного диалога. «Агрессия 11 сентября против Соединенных Штатов, – отмечал председатель Палаты депутатов Туниса Ф. Мебазаа, – придала подобие правомерности теории конфликта цивилизаций, чем попытались воспользоваться приверженцы экстремизма как с той, так и с другой стороны, чтобы втянуть мир в спираль насилия, терроризма и разрушения»²⁹. Возникшую проблему предполагается решить налаживанием межцивилизационных и межрелигиозных контактов, что должно не только исправить сложив-

шееся на Западе предвзятое представление об арабах и мусульманах, но и позволить преодолеть антагонизм между Востоком и Западом. В ходе такого диалога, считают в магрибских странах, возникнет понимание, что терроризм не имеет ничего общего с мусульманской религией, будет преодолен стереотип «чужого», сформируется культура толерантности и на этой основе будет в конечном итоге достигнуто взаимопонимание между цивилизациями. «Будущее человечества, – подчеркивал президент Туниса З.А. бен Али, – строится на двустороннем диалоге и на уважении права на различие»³⁰. Страны Магриба проводят у себя многочисленные конференции по вопросам межцивилизационного и межрелигиозного диалога и сами охотно участвуют в такого рода форумах в других государствах. Вместе с тем такой диалог ведется пока в основном на академическом уровне, в него практически не втянуты средства массовой информации, к нему не проявляет особого интереса общественность, ему не уделяют должного внимания правительства.

Значительный вклад в налаживание межцивилизационных контактов вносит Арабская организация по вопросам образования, культуры и науки (АЛЕКСО), штаб-квартира которой находится в Тунисе и которую возглавляет тунисец М. бу Снина. Ею был проведен целый ряд крупных научных форумов по тематике диалога – между арабской и другими культурами (Тунис, 1997 г.), арабской и африканской культурами (Кейптаун, 1999 г.), арабской и китайской культурами (Пекин, 1999 г.), арабской и европейской культурами (Париж, 2002 г.) и т. д.³¹

АЛЕКСО поддерживает активные контакты с российскими научными центрами – Институтом востоковедения и его петербургским отделением, Московским государственным университетом, Казанским государственным университетом и др. М. бу Сниной и директором ИВ РАН Р.Б. Рыбаковым был подписан протокол о сотрудничестве, в соответствии с которым проведен ряд крупных научных мероприятий. Одним из наиболее значимых среди них стала состоявшаяся в 2003 г. в Хаммамете научная конференция «Российско-арабский диалог в XXI веке. Взаимодействие цивилизаций и история взаимоотношений». Выступая на ней, руководитель российской делегации заместитель директора ИВ РАН А.З. Егорин подчеркнул, что «высокая оценка арабской культуры и ее роли во всемирном цивилизационном наследии является одной из выдающихся традиций

российской общественной мысли и ее прямых контактов с Востоком и древней арабской цивилизацией»³².

Адаптацию магрибинцев к современности, их втягивание в диалог цивилизаций способен заметно облегчить их билингвизм. В Магрибе, отмечает тунисский исследователь А. Касем, «французский воспринимается как средиземноморский язык – носитель общих идеалов и идей»³³. Но при этом если в Тунисе и Марокко ориентируются на билингвизм, полагая, что арабский язык является средством сохранения арабо-исламской самобытности, а французский – инструментом общения с внешним миром, то в Алжире дело обстоит не столь однозначно. Сразу же после получения независимости там был взят курс на арабизацию с тем, чтобы возродить «уничтоженную колониализмом самобытность»³⁴. Позднее был даже принят соответствующий закон, который после ряда проволочек вступил в силу 5 июля 1988 г., однако применять его на практике оказалось невозможным. В Алжире, констатирует французский ориенталист Ж. Грангийом, в языковой сфере развернулась борьба между «сторонниками арабского монолингвизма, являющимися приверженцами консервативного ислама, и открытого современности плюролингвизма (базирующегося на французском языке)»³⁵. Новые проблемы создал подъем в Магрибе исламизма. Писателей-франкофонов обвиняли в том, что они находятся на содержании Франции и Ватикана, образуя «пятую колонну», которую христианство использует против ислама. Их предавали анафеме, интегрисы выносили им смертные приговоры. Был убит писатель Т. Джаута, насильственной смертью погиб Р. Мимун, был вынужден скрываться Р. бу Джерда. Тем не менее франкофония сохраняется, «представляя собою, по словам А. Касема, потенциальную силу, способную служить посредником [в диалоге цивилизаций] и даже способствовать такому диалогу»³⁶.

Приверженность исламу и традициям накладывает отпечаток на подходы магрибских, да и остальных арабских стран к проблеме модернизации. Там настороженно отнеслись к планам президента США Дж. Буша содействовать процессам политической либерализации стран Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки, опасаясь, что Вашингтон попытается навязать им демократию по американскому образцу без учета специфики, обусловленной особенностями исторического развития и национальной психологии арабов и в целом мусульман.

В связи с этим на состоявшемся в Тунисе в 2004 г. XVI заседании Совета ЛАГ на высшем уровне была одобрена собственная арабская концепция проведения реформ, в соответствии с которой политические, экономические и социальные преобразования в странах региона должны проводиться, исходя из существующей там «культурной и религиозной базы»³⁷.

Призывы к религиозной толерантности и к диалогу цивилизаций и религий не влекут за собою отказа от прозелитской деятельности. Наиболее широко ею занимаются ливийцы, трагившие, по утверждению французской печати, в 70-е годы по 500 млн. долл. ежегодно на формирование своих «пятых колонн» в Африке с тем, чтобы этот «нечестивый континент подпал под влияние ислама»³⁸. В настоящее время религиозным проповедничеством занимаются прежде всего две базирующиеся в Триполи и действующие под патронажем ливийцев международные неправительственные организации – Всемирная ассоциация Исламский призыв и Всемирное исламское народное руководство. Они финансируют строительство и реконструкцию мечетей, оплачивают хадж школьникам, организуют обучение имамов и муэдзинов и т.п., но занимаются также и благотворительной деятельностью среди мусульман – сооружением центров профессиональной подготовки, распределением медикаментов, организацией бесплатных ужинов для немущих в рамадан и т.д. Хотя проповедь ислама ориентирована магрибинцами преимущественно на Африку, они не оставляют без внимания религиозные нужды своих единоверцев в Европе. Так, король Марокко Мухаммед VI оказывает совместно с эмиром Шарджи Халедом II финансовую поддержку мечети в Гренаде³⁹.

В странах региона резко реагируют на нападки на мусульманскую религию. В наиболее агрессивной форме это происходит в Ливии, для населения которой характерна высокая степень религиозности и болезненное восприятие неуважения к исламу. Так, появление на публике в феврале 2006 г. итальянского министра без портфеля Р. Кальдероли в футболке, на которой была воспроизведена карикатура на пророка Мухаммеда, вызвало в СНЛАД взрыв возмущения. Толпа демонстрантов в количестве 1 тыс. человек окружила Консульство Италии в Бенгази, ворвалась на первый этаж и подожгла здание. При разгоне манифестации полицией было убито 10 человек⁴⁰.

В Алжире достаточно жестко – но при этом исключительно на официальном уровне – отреагировали на расцененные как антиисламские высказывания папы Бенедикта XVI относительно использования мусульманами насилия при распространении своей религии. Папский нунций был приглашен в Министерство иностранных дел АНДР, где от него потребовали объяснений. «Алжир, – подчеркивалось в обнародованном в этой связи заявлении официального представителя МИД, – считает, что в любом случае речь идет об опасном событии, противоречащем всем тем усилиям, которые продолжают, исходя из своей доброй воли, прилагать все верования и все культуры с тем, чтобы добиться взаимного уважения и взаимопонимания между адептами различных религий»⁴¹.

Более гибко поступили в этой связи тунисцы: не желая омрачать свои отношения с Ватиканом, они предприняли соответствующий демарш по линии не Министерства иностранных дел, а Высшего исламского совета, который выразил сожаление в связи с высказываниями Бенедикта XVI, отметил важность «быстрого выправления ситуации» и одновременно подтвердил стремление Туниса к толерантности, диалогу и уважению «священных символов народов»⁴². Возможно, реакция в столицах государств Магриба на заявления папы была чрезмерной. В то же время не следует упускать из виду, что сами эти заявления не носили изолированного характера, а были сделаны на фоне антиисламской кампании, уже в течение довольно длительного времени ведшейся западноевропейскими и особенно американскими СМИ.

Все страны Магриба противостоят атакам международных террористических группировок. Более того, они стали сейчас, похоже, второй по значимости после Ирака мишенью «Аль-Каиды». Руководство этой организации, судя по всему, считало, что сохраняющаяся нестабильность в Алжире и социальная напряженность в Марокко превращают эти государства в удобную цель для экстремистов. На территории этих государств достаточно активно действуют к тому же собственные интегристские группировки, в то время как война в Ираке заметно повысила авторитет фундаменталистов во всей Северо-западной Африке. Отсюда делается вывод, что борьба против находящихся в этих странах у власти «марионеточных тиранических режимов, выполняющих волю новых крестоносцев», может принести успех⁴³. Что касается Туниса, то дестабилизация

этой наиболее вестернизированной страны региона продемонстрировала бы контрпродуктивность подражания западным образцам и стала бы убедительным примером необходимости следовать по «правильному [т.е. предначертанному богом] пути».

Немалую роль в подъеме волны терроризма в Магрибе сыграла война в Афганистане. Она не только способствовала исламизации магрибских обществ, в глазах которых эта война носила явно выраженный религиозный характер. Сотни североафриканских добровольцев, пройдя военную подготовку в лагерях в Пакистане или Северном Йемене, воевали в 80-е годы на стороне моджахедов в ДРА, а затем вернулись в свои страны, примкнув к действовавшим там интегристским группировкам и заметно способствовав их дальнейшей радикализации⁴⁴.

В настоящее время «Аль-Каида», как констатировал 17 июля 2007 г. министр обороны США Р. Гейтс, расширяет свое присутствие в Северной Африке, объединяя действующие там террористические группы. При этом жесткая централизованная структура подчинения этих групп «Аль-Каиде» отсутствует, и каждая из местных организаций действует автономно. В то же время функционирует отлаженная система связи (с использованием, в том числе, интернета), создана система финансирования, разработана общая стратегия вербовки добровольцев.

Источниками финансовых средств для организаций как взаимодействующих с «Аль-Каидой», так и не связанных с нею, являются взносы, собираемые среди сторонников интегристов в Магрибе и Европе, наркоторговля, а также контрабандная торговля в Сахельской зоне. В европейских странах интегристы взаимодействуют с местными мафиозными структурами. Важным источником доходов является теневой сектор экономики, 30% которого (например, в Алжире) контролируется исламистами⁴⁵.

Выходцы из Магриба, в свою очередь, достаточно широко представлены в международных террористических организациях. По данным сотрудника ИМЭМО РАН И.И. Хохлова, анализировавшего деятельность одной из таких группировок («Глобальный салафитский джихад»), магрибинцы составляют 30% ее состава⁴⁶.

Хотя появление интегристского движения в странах Северо-западной Африки было обусловлено внутренними причинами, немалую роль сыграли и внешние факторы. Так, в Алжире

идеология религиозного возрожденчества была привнесена в студенческую среду преподавателями из Египта, Сирии, Иордании, Судана, многие из которых были близки к «Братьям-мусульманам». Опасаясь преследований в своих странах, они перебрались в АНДР, испытывавшую тогда острую нужду в учителях арабского языка.

В свою очередь, по данным сотрудника Вашингтонского института ближневосточной политики Э. Ханта, У. бен Ладен уже в начале 90-х годов стал финансировать алжирские исламистские организации, а позже способствовал формированию Салафитской группы проповеди и джихада, в 1997 г. выделившейся из состава Вооруженной исламской группы⁴⁷. Уже в 1998 г. СГПД вступила в возглавляемый У. бен Ладеном Всемирный фронт джихада⁴⁸. Основатель СГПД и ее первый эмир Х. Хаттаб установил с руководством «Аль-Каиды», в частности со «вторым номером» в руководстве этой организации А. аз-Завахири, тесные контакты, которые продолжает поддерживать и нынешний руководитель группировки А.М. Абд аль-Вадуд. 11 сентября 2003 г., во вторую годовщину терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне руководство СГПД принесло клятву верности У. бен Ладену.

Салафиты вели борьбу не только против алжирского режима, но устраивали теракты и против иностранцев. Наиболее известной их акцией стало похищение в алжирской Сахаре 32 европейских туристов, которые были освобождены лишь через полгода за выкуп в 7,3 млн. долл. (эти средства были израсходованы на покупку вооружения)⁴⁹.

11 сентября 2006 г. СГПД присоединилась к «Аль-Каиде», сменив название на Организация «Аль-Каида в странах исламского Магриба» (ОКИМ). В послании, направленном в этой связи А.М. Абд аль-Вадудом на имя У. бен Ладена, подчеркивалось, что действия «Аль-Каиды» полностью согласуются с Кораном и сунной, ее политика верна и «мы полностью доверяем вере, доктрине, методу и образу действий ее членов, руководителей и духовных наставников»⁵⁰. В свою очередь А. аз-Завахири, направивший тогда же – 11 сентября 2006 г. – послание руководству СГПД, выразил надежду, что союз «Аль-Каиды» и салафитов «станет источником страха для вероотступников», и призвал организацию «стать ножом, приставленным к горлу американских и французских крестоносцев и их союзников»⁵¹.

Впрочем, не все боевики одобрили решение о присоединении к «Аль-Каиде». Часть из них перешла в межмагрибскую экстремистскую организацию «Ансар аль-ислам» в Сахаре.

Наиболее известными операциями, проведенными ОКИМ, стали подрыв в окрестностях Алжира в декабре 2006 г. американского грузовика (1 человек убит, 9 ранено), обстрел тогда же автобусов с иностранными специалистами (несколько человек ранено), нападение на полицейский пост в феврале 2007 г., подрыв у Айн-Дельфы 3 марта автобуса «Стройтрансгаза» (1 человек погиб, 3 ранено), осуществление двух крупных террористических актов в Алжире 11 апреля 2007 г. (33 убито, почти 220 ранено), взрыв армейской казармы в районе Лахдарийи в июле месяце (погибло около 10 человек)⁵².

Численность ОКИМ невелика – всего примерно 500 человек, но ее боевики хорошо подготовлены⁵³. По оценке американцев, в настоящее время она является наиболее опасной террористической группировкой в Северной Африке. Американский посол по особым поручениям Х. Крамптон считает, что «Аль-Каида в странах Магриба» превращается в региональную организацию, способную проводить операции и осуществлять набор добровольцев не только в Алжире, но и в других государствах Северо-западной Африки и даже в Европе⁵⁴.

Возглавляющий ОКИМ эмир А.М. Абд аль-Вадуд (он же – А.М. Друкдель) ознакомился со взглядами религиозных возрожденцев, будучи еще студентом. Позже он занялся изготовлением бомб для террористов. Руководителем СГПД А.М. Абд аль-Вадуд стал в сентябре 2004 г. после того, как его предшественник эмир Н. Сахрави был убит в столкновении с силами правопорядка.

Оценка американцами опасности, которую представляет ОКИМ, выглядит несколько завышенной. В Алжире ей удается проводить лишь отдельные операции, прибегая к бомбовому терроризму (что не требует привлечения столь уж значительных сил и средств) и изредка организуя засады на дорогах. Seriously дестабилизировать обстановку в стране она, судя по всему, не в состоянии. Кроме того, в результате войсковой операции, проведенной Национальной народной армией в мае – июне 2007 г. в восточных провинциях страны, организация понесла достаточно серьезные – учитывая ее малочисленность – потери: несколько десятков человек убитыми.

Закончились неудачей попытки салафитов закрепиться в Сахеле. Во второй половине 2006 г. в столкновении с боеви-

ками малийского Демократического альянса за изменения был убит главарь Фаланги «Юг» М. би-ль-Мухтар «Одноглазый». В Чаде бойцами Движения за демократию и правосудие был взят в плен А. Сейфи (он же Абд ар-Раззак «Парашютист»), известный как «Бен Ладен пустыни», который организовал в 2003 г. захват в заложники европейских туристов в Сахаре.

Летом 2007 г. ОКИМ намеревалась организовать теракт в Марокко, но эта ее попытка была сорвана марокканскими службами безопасности. Со своей стороны марокканские исламисты, в первую очередь Марокканская сражающаяся исламская группа, поддерживают тесные контакты с ОКИМ. В частности, в ее рядах проходят «стажировку» марокканские боевики. В 90-е годы через Марокко проходил один из основных маршрутов переброски оружия в Алжир, обеспечиваемый марокканскими интегритами. На территории королевства действует и собственное ответвление «Аль-Каиды» – Организация «Аль-Каида» в странах арабского Магриба. Марокканцы, воевавшие в Ираке, составляют основной костяк «Ансар аль-ислам» (АИС) в Сахаре, целью которой является свержение «режимов неверных в Магрибе», образование там исламских государств и «ререконкиста» Испании⁵⁵.

Ведущий борьбу за независимость Западной Сахары Народный фронт освобождения Сегиет эль-Хамры и Рио-де-Оро (Ф. ПОЛИСАРИО) не является исламистской организацией. Более того, АИС предали его анафеме как организацию светскую. Тем не менее не исключено, что боевики Фронта ПОЛИСАРИО могут – как это утверждает министр юстиции Марокко М. бу Зуба – продавать оружие интегритам, действующим в Сахеле⁵⁶.

Еще одной – хотя, судя по всему, и не самой первоочередной – целью ОКИМ является Мавритания. В феврале 2007 г. А. аз-Завахири призвал мавританцев атаковать посольство Израиля в Нуакшоте, более того – свергнуть «предательское правительство» ИРМ, которое признало еврейское государство и установило с ним дипломатические отношения⁵⁷. В августе 2007 г. в г. Бу Тилимите было арестовано 5 боевиков ОКИМ, проникших в Мавританию, как предполагалось, с целью организовать похищения европейцев.⁵⁸ Тем не менее в целом «Аль-Каида» в Магрибе предпринимает по отношению к ИРМ лишь эпизодические акции, похоже, прежде всего для того, чтобы продемонстрировать свою способность действовать за пределами Алжира.

Взаимодействие с СГПД пытались наладить и тунисские исламисты. Их боевики пробирались в Алжир, где проходили курс боевой подготовки и затем должны были перебрасываться обратно в Тунис. В 2005–2006 гг. часть прибывших из Туниса интегритов была арестована алжирскими службами безопасности, был ликвидирован один из центров их подготовки в восточных районах АНДР. Тем не менее в конце декабря 2006 г. небольшой группе удалось вернуться в страну, где они, соединившись с местными «салафитами», стали готовить теракты в туристических центрах, но были достаточно быстро выявлены и обезврежены тунисскими спецслужбами. Попытки проникнуть в Тунис предпринимали и члены действующей за пределами страны Тунисской сражающейся группы, но все старания завершились безрезультатно. Что касается наиболее крупной тунисской интегритской организации «Ан-Нахда», то она объявила об отказе от насильственных методов борьбы и сосредоточила усилия на пропагандистской работе. В начале нынешнего десятилетия «Ан-Нахда» попыталась наладить взаимодействие с легальным Движением за демократические свободы, и их руководители Р. Ганнуши и М. Моада даже подписали в марте 2001 г. манифест, в котором провозглашалось намерение сформировать «демократический патриотический фронт на базе общественных свобод».⁵⁹ Однако последовавший за этим арест М. Моады помешал реализации планов совместных действий.

Первой ливийской зарубежной оппозиционной организацией был Национальный фронт спасения Ливии, основанный в 1981 г. в Хартуме М. Могарефом. Его первыми членами стали деятели, принадлежавшие к Исламской ассоциации Ливии. Позже ведущую роль в НФСЛ стали играть «Братья-мусульмане». Основная финансовая помощь Фронту поступала из Саудовской Аравии. Хотя число его боевиков достигало чуть ли не 2 тыс. человек, им была предпринята лишь одна закончившаяся неудачей попытка проникнуть в Триполи с целью убийства М. Каддафи.⁶⁰ Более активно действовала сформированная в 1990 г. воевавшими в Афганистане ливийцами Ливийская исламская сражающаяся группа (ЛИСГ). Во второй половине 90-х годов она пыталась развернуть партизанские действия в Киренаике, но ее отряды были разгромлены, и 182 боевика попали в плен. Уцелевшие вернулись в Исламский Эмират Афганистан, присоединившись к Движению Талибан, но после

вторжения туда американцев в ноябре 2001 г. покинули страну. В 90-е годы бойцы ЛИСГ воевали в Алжире совместно с Вооруженной исламской группой в расчете на то, что им удастся создать там плацдарм для развертывания операций против Ливии⁶¹. Однако жестокость боевиков ВИГ по отношению к гражданскому населению вызвала протесты ливийцев, дело дошло до вооруженных стычек, и бойцы ЛИСГ были отозваны из АНДР⁶². В настоящее время оставшиеся в живых члены Группы проживают в Европе и ведут пропаганду против режима М. Каддафи.

Алжирские экстремисты пытались наносить удары и по Франции, которой они вменяли в вину поддержку «нечестивого режима» в Алжире. В 1994 г. четыре фидая из Вооруженной исламской группы захватили самолет «Эр-Франс» со 170 пассажирами на борту, намереваясь нацелить его на Эйфелеву башню (авиалайнер удалось посадить в Марселе, где его штурмом взял французский спецназ)⁶³. Боевиками ВИГ был в 1995 г. убит имам парижской мечети, выступавший с проповедями в духе умеренного, реформаторского ислама, взорваны бомбы на одной из станций столичного метро и на одной из улиц Парижа, заложена (но затем обезврежена) бомба в поезд Лион – Париж. В свою очередь, СГПД также предприняла несколько – закончившихся, правда, неудачей – попыток взорвать посольства США в Риме и Париже, а также израильский самолет в Женеве. Что касается марокканских интегрисов, то ими был организован в 2004 г. крупный террористический акт в Мадриде.

В настоящее время в Европе насчитывается около 40 интегриских ячеек, поддерживающих контакты с «Аль-Каидой» и/или «Аль-Каидой» в исламском Магрибе⁶⁴. Большинство из них создано ОКИМ, в «наследство» которой досталась к тому же сеть, «сотканная» в свое время в Европе Вооруженной исламской группой. Всего численность в странах ЕС сторонников «Аль-Каиды» в исламском Магрибе оценивается в 2,5 тыс. человек⁶⁵. Это – скрывающиеся во Франции боевики ВИГ или СГПД, ветераны войн в Афганистане и Чечне, проживающие в Европе выходцы из стран Магриба.

Действует достаточно четко отлаженная система переброски боевиков из стран Евросоюза в «горячие точки». Выходцы из Магриба были среди исполнителей терактов в США 11 сентября 2001 г., и угроза совершения там новых террористиче-

ских акций, организованных на этот раз не собственно «Аль-Каидой», а ее североафриканскими «филиалами», продолжает, по оценке американских аналитиков, сохраняться⁶⁶.

На Балканах алжирцы – покинувшие свою страну боевики ВИГ и иммигранты, завербованные во Франции и Бельгии, – воевали на стороне мусульман в Боснии и Герцеговине.

Сотни алжирцев и марокканцев сражаются в Ираке⁶⁷. Часть из них рекрутируется непосредственно в странах Магриба, другая часть – в Европе. По оценке Э. Ханта, они в основном являются рядовыми бойцами или командирами среднего звена, хотя среди них встречаются и фидаи⁶⁸. Кое-кто из магрибинцев, набравшись в Ираке боевого опыта, возвращается затем в свои страны и в рядах местных экстремистских группировок продолжает борьбу с «неверными».

Наконец, выходцы из стран Северо-Западной Африки (алжирцы, марокканцы, тунисцы) воевали в свое время против российских войск в Чечне.

Международный характер террористической угрозы делает настоятельно необходимой координацию действий магрибских государств в борьбе против терроризма. Уже в заключенном в 1989 г. Договоре о создании Союза арабского Магриба (САМ) подписавшие его страны взяли обязательство не допускать «на своей территории никакой деятельности или организации, которая будет наносить ущерб безопасности, территориальной целостности или политическому режиму любого из государств»⁶⁹.

Летаргия, в которую погрузился САМ вследствие алжиро-марокканского конфликта, не позволила, однако, наладить многостороннее анитеррористическое сотрудничество в Северо-Западной Африке. Вместо этого установилось двустороннее взаимодействие, в частности между Триполи и Рабатом (в качестве примера можно привести экстрадицию из Ливии в Марокко в июле 2007 г. трех марокканцев, подозреваемых в причастности к террористической деятельности⁷⁰). Вместе с тем координации на важнейшем направлении – алжиро-марокканском – препятствует сохраняющаяся в отношениях между двумя государствами напряженность, и это – в условиях, когда алжирские и марокканские интегриские группировки поддерживают тесные контакты друг с другом.

Антитеррористическое сотрудничество на двустороннем уровне осуществляется странами Магриба и с государствами Ближнего Востока, особенно с Египтом, но не только с ним.

В частности, такого рода проблематика рассматривалась на проходившей в апреле 2007 г. VI сессии марокканско-кувейтской комиссии, в принятом ею коммюнике акцентировалась важность борьбы с терроризмом и экстремизмом⁷¹.

Вместе с тем в некоторых случаях те или иные государства пытаются использовать исламистские группировки в собственных интересах. Так, до свержения режима Х. Хабре в 1991 г. на территории Чада базировались боевики НФСЛ, а Египет предоставлял им убежище. Судан в период нахождения у власти в 90-е годы Национального исламского фронта оказывал помощь ВИГ и ЛИСГ как организациям, ведущим борьбу против «еретических» алжирского и ливийского режимов. В октябре 2006 г. обострились отношения между Тунисом и Катаром после того, как катарский канал «Аль-Джазира» передал интервью с тунисским оппозиционером М. Марзуки, призвавшим к «объединению умеренных демократов и умеренных исламистов» для «гражданского сопротивления» режиму З. А. бен Али⁷². Ситуацию удалось выправить лишь в результате визита в Тунис катарского эмира Хамада бен Халифы.

Страны Магриба принимают активное участие в деятельности Совета министров внутренних дел арабских государств, штаб-квартира которого находится в Тунисе. В 1998 г. СМВД и Советом министров юстиции арабских государств была принята Арабская конвенция по борьбе с терроризмом, в которой дается, в том числе, и четкое определение этому феномену как «любому акту насилия или угрозе его применения при осуществлении преступных проектов, индивидуальных или коллективных, в целях запугивания людей, или причинения им вреда, или создания угрозы их жизни, свободе или безопасности...» (ст. 1, п. 2)⁷³. В конвенции проводится четкое различие между терроризмом и освободительной борьбой. Ст. 2 особо оговаривает, что «не рассматриваются как терроризм акции, включая вооруженные, осуществляемые в борьбе против иностранной оккупации и агрессии, за освобождение и самоопределение...»⁷⁴ В мае 2000 г. на II заседании Объединенного комитета министров внутренних дел и юстиции в Тунисе был одобрен план мероприятий по реализации Конвенции по борьбе с терроризмом, положивший начало ее претворению в жизнь⁷⁵.

В странах Магриба считают весьма важным тесно взаимодействовать с европейскими государствами. Выступая в декабре 2003 г. на открытии саммита Западно-средиземномор-

ского диалога в формате «5+5», З.А. бен Али акцентировал, что «сохранение мира, безопасности и стабильности в средиземноморском пространстве является общей ответственностью всех нас»⁷⁶.

Страны-участницы Евросредиземноморского процесса достаточно оперативно отреагировали на события 11 сентября. Созванное 5 ноября 2001 г. в Брюсселе совещание министров иностранных дел ЕСП осудило террористические акты в США, охарактеризовав их как направленные «против всего мирового сообщества, всех его членов, всех религий и культур...» Была особо подчеркнута недопустимость привязки терроризма к арабо-исламскому миру⁷⁷.

Вместе с тем реакция в Европе на всплеск терроризма в Магрибе, в особенности в Алжире, поначалу не была однозначной. В Париже не одобрили отмену в 1992 г. результатов выборов в Национальное народное собрание (первый тур которых выиграл Исламский фронт спасения) и приход к власти Высшего государственного совета, расценив это как военный переворот. В Министерстве иностранных дел к тому же не исключали, что долго противостоять интегрстам ВГС не сможет, ИФС придет к власти, и именно из этих грядущих реалий и следует исходить⁷⁸. Ситуацию в двусторонних отношениях еще более осложнило введение французами, опасавшимися проникновения террористов на свою территорию, ограничительных мер в отношении въезда алжирских граждан, а также в отношении алжирских авиа- и судоходных компаний. По оценке председателя алжирской Партии Национальная лига за республику Р. Малека, реакция Запада на события в Алжире носила в то время двойственный характер: с одной стороны, было желание закрыть глаза на происходящее, посчитав это внутренним конфликтом, а с другой, – стремление поставить интегртскую оппозицию на службу своим интересам и даже – с учетом вероятности ее прихода к власти – сделать ее своим союзником...⁷⁹

Тем не менее в конечном счете в Париже пришли к выводу, что победа ИФС негативно скажется на ситуации не только в Алжире, но и в регионе в целом, и с учетом этого решили поддержать ВГС. Сыграли свою роль и опасения, что охлаждением во францужско-алжирских отношениях воспользуются США и европейские конкуренты Франции. В декабре 1995 г. Алжир в качестве специального представителя президента

Франции посетил председатель Национального собрания Ф. Сеген, Париж решил не прекращать предоставление АНДР ежегодных кредитов в размере 6 млрд. фр., совместно с Римом и Мадридом добился реструктуризации и отсрочки выплат алжирского долга Международному валютному фонду⁸⁰.

Исламистская угроза побудила страны Магриба пойти на установление контактов с НАТО, причем ранее к этой организации там относились довольно настороженно. В свою очередь необходимость противодействия террористической опасности стала и причиной, и поводом для разворота альянса на юг. НАТО была выдвинута Средиземноморская инициатива, провозгласившая взаимосвязь безопасности Западной Европы с безопасностью Средиземноморья. В ее рамках с 1994 г. был налажен диалог с Алжиром, Марокко, Тунисом и Мавританией по вопросам безопасности и сотрудничества в военной сфере. В марте 1995 г. США, Франция, Германия и Италия разработали план, предусматривающий в случае прихода к власти интегрисов в одной из магрибских стран высадку десантов с использованием военной инфраструктуры Марокко и Туниса для «быстрого реагирования на события в Северной Африке»⁸¹.

Органы правопорядка европейских государств ведут активную борьбу с магрибскими интегрисскими группировками, закрепившимися в Европе. Так, сразу же после того, как алжирскими экстремистами в сентябре 1994 г. были совершены теракты во Франции, власти разработали специальную программу борьбы с терроризмом, реализация которой позволила уже к июню 1995 г. ликвидировать две сети материально-технического обеспечения ВИГ и арестовать 100 человек, входивших в состав так называемых «передовых отрядов» алжирских экстремистских группировок во Франции⁸².

Весьма важное значение в борьбе против терроризма имеет взаимодействие магрибских и европейских спецслужб. Тесное сотрудничество органов безопасности ФРГ и Туниса позволило довольно быстро выяснить обстоятельства подготовки «Аль-Каидой» взрыва у синагоги Гриба на Джербе в 2002 г. Такое взаимодействие не ограничивается рамками Средиземноморья: уже в 1997 г. алжирские спецслужбы начали передавать европейцам и американцам информацию о магрибцах – членах «Аль-Каиды»⁸³. Но при этом алжирцы четко отводят попытки чужого вмешательства в их дела, подчеркивая совместность противодействия терроризму. Так, Алжир категорически

возражает против направления в страну инспекционных миссий ЕС для ознакомления с ситуацией на месте, настаивая, что взаимодействие должно ограничиваться исключительно сферой борьбы с терроризмом.

Тесное сотрудничество налажено между ливийскими и английскими службами безопасности. Сразу же после событий 11 сентября ливийцы передали англичанам список на скрывавшихся в Великобритании 25 граждан Джамахирии, являвшихся членами ЛИСГ, а затем установивших контакты с «Аль-Каидой»⁸⁴. В октябре 2005 г. английское правительство внесло Ливийскую исламскую сражающуюся группу в список террористических организаций, арестовало 5 ее боевиков и договорилось с Ливией об их экстрадиции⁸⁵. В феврале 2006 г. британские власти заморозили активы трех компаний, одной благотворительной организации и пяти физических лиц, подозреваемых в перечислении средств ЛИСГ⁸⁶. Начинает налаживаться и взаимодействие с Францией – в ходе визита в Триполи французского президента Н. Саркози в июле 2007 г. было подписано ливийско-французское соглашение о сотрудничестве в области безопасности.

Дальнейшему наращиванию взаимодействия могла бы содействовать реализация идеи, выдвинутой Н. Саркози в ходе его пребывания в Алжире и Тунисе в июне 2007 г., о создании Средиземноморского союза, в который вошли бы некоторые европейские страны, государства Магриба, Турция, Ливан, Израиль и, возможно, Египет. Планом формирования союза предусматривается создание ряда общих зон, включая «зону безопасности» и «зону культурного диалога».

Вместе с тем руководители магрибских государств настаивают, что противодействие терроризму должно не ограничиваться взаимодействием спецслужб, но и быть нацеленным на ликвидацию социально-экономических корней этого явления. Необходимо, подчеркивал З.А. бен Али, преодолеть разрыв в уровнях развития между северным и южным побережьем Средиземного моря с тем, чтобы избежать негативных последствий, порождаемых подобным дисбалансом⁸⁷.

Что касается США, то на сотрудничество со странами Магриба в антитеррористической сфере они пошли далеко не сразу. Более того, по оценке марокканской прессы, в начале 90-х годов американцы вместе с саудовцами пытались даже использовать алжирских исламистов с тем, чтобы отомстить Алжиру за пози-

цию, занятую им во время войны за освобождение Кувейта⁸⁸. Кроме того, в 1992 г. в Вашингтоне пришли к выводу, что приход ИФС к власти в АНДР практически неизбежен и что с учетом этого важно избежать повторения иранского сценария, заранее установив контакты с исламистами и попытавшись склонить их к сотрудничеству с Соединенными Штатами. Действительно, в 1992 г. в Европе и США состоялось несколько конфиденциальных встреч американских представителей с руководителями Фронта⁸⁹.

Тем не менее уверенности в том, что, захватив власть, интегрлисты займут лояльную по отношению к Соединенным Штатам позицию, у Вашингтона не было, и постепенно американцы стали склоняться к сотрудничеству с официальным Алжиром. Министерством юстиции США было принято решение депортировать одного из лидеров ИФС А. Хаддама. Несколько позже, в конце 90-х годов, в Средиземном море были проведены совместные американско-алжирские военно-морские маневры.

Широкомасштабный характер антитеррористическое взаимодействие между США и Алжиром приобрело после событий 11 сентября. В 2004 г. в южные районы АНДР был направлен американский спецназ для оказания помощи Национальной народной армии в операциях против СГПД. После терактов, устроенных ОКИМ в апреле 2007 г., в Алжир были переброшены группа военной разведки и подразделения морской пехоты для обучения алжирских военнослужащих выявлению и захвату террористов. АНДР участвует в пентагоновских Программе антитеррористического партнерства (расходы на которую составили в 2005 г. 186 тыс. долл.) и Программе военного обучения и подготовки (израсходовано 850 тыс. долл. в 2006 г.). Кроме того, в течение ближайших 5 лет запланировано истратить 125 млн. долл. на проведение контртеррористических операций на границе Алжира и Мали. Повышенное внимание, уделяемое США АНДР, не в последнюю очередь объясняется стремлением обезопасить американские инвестиции в алжирскую нефтедобывающую промышленность, достигшие 1,4 млрд. долл. в 2005 г.⁹⁰

Стремясь воспрепятствовать проникновению отрядов исламистов в Сахель, американцы установили связи с оппозиционными Бамако и Нджамене, но придерживающимися антиисламистской ориентации Демократическим альянсом за изменения в Мали и Движением за демократию и правосудие в Чаде⁹¹.

Идя на взаимодействие с Вашингтоном, Алжир вместе с тем твердо отводит попытки американцев обеспечить себе под прикрытием борьбы с терроризмом постоянное военное присутствие. Алжирцы воспротивились предложению о создании на их территории военных баз, поскольку это «не сообразуется с национальным суверенитетом и независимостью», а в июне 2007 г. отказались поддержать идею создания «для усиления антитеррористической борьбы в странах Магриба и Сахеля» Африканского командования США, дислоцированного в одной из стран континента. При этом алжирской стороной было подчеркнуто, что она ставит в данном отношении «на первое место коллективный потенциал Афросоюза и собственные возможности африканских стран».

После урегулирования «дела Локерби» начало налаживаться сотрудничество США с Ливией. В 2004 г. Вашингтон включил в список террористических организаций Ливийскую исламскую сражающуюся группу (ЛИСГ), а в феврале 2006 г. внес в перечень спонсоров терроризма три английские компании, одну гуманитарную организацию и ряд проживающих в Великобритании физических лиц, которые осуществляли финансирование ЛИСГ⁹². Наконец, в мае 2006 г. американцы исключили СНЛАД из списка стран, поддерживающих террористические группировки, и восстановили с нею дипломатические отношения. «Мы, – заявила в этой связи государственный секретарь США К. Райс, – пошли на такие шаги в знак признания обязательства Ливии отказаться от терроризма и ее активного сотрудничества с Соединенными Штатами и другими членами международного сообщества в ответ на общие глобальные угрозы, которым противостоит мир после 11 сентября 2001 года»⁹³.

В странах Магриба выступают за наращивание антитеррористических усилий также и на глобальном уровне. Так, Тунисом выдвинуто предложение о проведении под эгидой ООН международной конференции для согласования кодекса поведения государств в борьбе с терроризмом. Одновременно тунисцы настаивают на важности принятия международным сообществом мер по ликвидации порождающих терроризм причин, «в особенности, как акцентировал З.А. бен Али в выступлении на межарабском саммите в Тунисе, бедности, изгнания с Родины, маргинализации, нарастания напряженности в ряде регионов мира, преодолении двойных стандартов по отношению к

существующим международным проблемам»⁹⁴. В Магрибе одобрили применение силы против талибов и «Аль-Каиды» в 2001 г. Вместе с тем там считают, что операции такого рода могут проводиться исключительно с санкции Совета Безопасности.

Сложившаяся в странах Магриба обстановка привлекает внимание европейских правозащитников. Особенную активность они проявляют на тунисском направлении. Правда, в центре их озабоченности находится ситуация вокруг светских оппозиционных организаций, прежде всего Тунисской лиги прав человека. Вместе с тем объективно их деятельность играет на руку и интегрстам, также подвергающимся преследованиям со стороны властей. Так, правозащитные организации протестовали против ареста М. Моада, задержанного после того, как им была достигнута договоренность о совместных действиях с Р. Ганнуши. К антитунисской кампании подключились и некоторые политические партии (в апреле 2001 г. Национальное бюро ФСП объявило, что не будет поддерживать отношения с правящим Демократическим конституционным объединением) и даже официальные лица (в апреле 2001 г. министр иностранных дел Франции Ю. Ведрин заявил, что в Тунисе «нарастает ущемление демократии»⁹⁵). Со своей стороны американская Исламская группа защиты и поощрения гражданских прав потребовала в октябре 2006 г. от Тунисского правительства «уважать религиозные права женщин», отменив закон 1981 г., запрещающий ношение хиджаба в школах и государственных учреждениях⁹⁶.

Аналогичным образом обстоит дело с Ливией. Когда в марте 2006 г. там было освобождено 85 членов Ливийской исламской группы, Международная амнистия, приветствовав этот шаг, тут же выразила протест в связи с тем, что выпущенных из тюрем фундаменталистов заставили дать обязательство не участвовать в политической деятельности⁹⁷.

Стремление западных правозащитников, да и Запада в целом, форсировать процессы политической либерализации в Магрибе, где демократические традиции только начинают зарождаться, а гражданское общество еще не сформировалось, может быть чревато самыми негативными последствиями. Убедительное свидетельство тому – пример Алжира, где исламисты воспользовались в своих интересах непродуманно быстрым внедрением в политическую жизнь европейских либеральных норм, что привело в конечном счете к затяжной граж-

данской войне, унесшей жизни 200 тыс. человек. Нельзя также не учитывать, что приход к власти – пусть и демократическим путем – исламистских организаций почти неизбежно повлечет за собою установление теократической диктатуры, как это произошло в свое время в Исламском Эмирате Афганистан, в Иране или Судане. С учетом этого можно только согласиться с выводом тунисского исследователя С. Шаабана, что западным правозащитным организациям следовало бы осознать опасность фанатизма и перестать покровительствовать группировкам, выступающим с таких позиций⁹⁸.

* * *

Исламский фактор оказывает, таким образом, явственное воздействие на внешнюю политику магрибских государств, хотя его влияние и не является определяющим. Ислам придает идеологический налет действиям этих стран на международной арене. Проблема возникает тогда, когда теоретические установки вступают в противоречие с требованиями реальной политики. В подобных случаях предпочтение, отдаваемое идеологии, может обернуться внешнеполитическими просчетами. В других случаях постулаты религиозной солидарности совпадают с прагматическими соображениями. Важную роль мусульманский фактор играет в выработке линии стран Магриба в БВУ: совершенно очевидно, что они не пойдут на одобрение ни одного из вариантов урегулирования, при котором Восточный Иерусалим (или хотя бы часть его) не стал бы столицей Палестинского государства и не был бы гарантирован свободный доступ мусульман на Храмовую гору. Наконец, в ряде случаев религиозные соображения вообще отходят на задний план перед лицом политических реалий.

Ощутимую угрозу создает для магрибских государств международный терроризм. Сотрудничество местных террористических организаций с «Аль-Каидой» и ассоциированными с нею группировками, а также друг с другом повышает выживаемость экстремистских формирований, облегчает трансграничную переброску террористов, расширяет возможности мобилизации финансовых средств. С другой стороны, международные террористические организации довольно широко привлекают магрибинцев (в основном рекрутируемых в Европе) к участию в джихаде в Ираке, в какой-то мере – в Афганистане, а также – хотя и в меньшей степени – на Северном Кавказе.

Между странами Магриба, Европейского союза и США налажено довольно тесное взаимодействие в антитеррористической сфере. Оно позволило предотвратить ряд терактов, дает возможность вскрывать и ликвидировать экстремистские ячейки и сети, осуществлять (хотя и не всегда) экстрадицию причастных к террору лиц, проводить совместные операции против бандформирований. Весьма важно, что такое сотрудничество позволяет исключить возможность создания вооруженными антиправительственными группировками опорных пунктов в соседних странах, что – как свидетельствует опыт войн в Алжире, Южном Вьетнаме и Афганистане – способно серьезно осложнить антипартизанские действия. Вместе с тем на эффективности межмагрибского взаимодействия в антитеррористической области продолжает отрицательно сказываться конфликт между Алжиром и Марокко.

Исламский фактор оказывает и будет, таким образом, оказывать определенное влияние на линию государств Магриба в международных делах, что желательно учитывать при выработке нашей политики на данном направлении.

¹ Шарфан Р., Занс Дж. Аль-Гарб ва-з-захира аль-каззафийя! Дираса хауля-ль-машруа ас-саури аль-либи. Аль-Муаляджа аль-гарбийя. Та-раблус, 1990, с. 239.

² Нуруллаев А.А., Нуруллаев А.Ал. Религия и политика. М., 2006, с. 92.

³ Hassan II. Le défi. P., 1976, с. 189–190.

⁴ Speech of Colonel Mo'ammар El-Gadhafi Chairman of the Revolutionary Command Council on the Occasion of the Birthday of Prophet Mohammed in the City of Zwara 12th Rabie El-Awal 1393, 15th April 1973. Tripoli, 1973, с. 10.

⁵ Rencontre du Frère Guide avec les chefs d'église en Libye, des ambassadeurs des pays amis et les personnalités culturelles, religieuses et politiques libyennes, 30.12.2006. –

<http://www.algathafi.org/fr/alknaes-fr.htm>.

⁶ См.: Богучарский Е.М. Дипломатия и дипломатическая служба Алжира (1962–2006 гг.). М., 2007, с. 59.

⁷ The Hindi, 24.12.1971; Hindustan Times, 12.01.1972.

⁸ El-Gadhafi M. 1. – Les Grandes Lignes de la Troisième Théorie. 2. – Les Aspects de la Troisième Théorie. 3. – Le Concept du Jihad. 4. – Le Divin Concept de l'Islam. Tripoli, б/г, с. 9–10.

⁹ Dialogue des civilisations et solidarité internationale. Association des Parlementaires Tunisiens. Tunis, 25 et 26 septembre 2002. Tunis, 2002, с. 224.

¹⁰ Анжерон Ш.-Р. Тарих аль-Джазаир аль-муасара. Аль-Джазаир, 1982, с. 196; Ланда Р.Г. Алжир и проблемы безопасности Средиземноморья // Ближний Восток: Проблемы региональной безопасности. М., 2000, с. 154.

¹¹ Шаабан С. Нихая аль-джуграфия ва-ауда ат-тарих. Нахну ва-ль-ауляма. Тунис, 1999, с. 142.

¹² Аш-Ширакя урумутаваасситыйя. Нахва руая джадида. Тунис, 1997, с. 219.

¹³ Шаабан С. Нихая аль-джуграфия..., с. 174–175.

¹⁴ Gresh A., Ramadan T. L'islam en questions. P., 2000, с. 204.

¹⁵ Ibid., с. 213.

¹⁶ См.: Наше время, № 25 (49), 2007.

¹⁷ Gresh A., Ramadan T. L'islam en questions. P., 2000, с. 202.

¹⁸ Le Temps, 07.05.2006.

¹⁹ См.: Ibid., 02.05.2006.

²⁰ El-Gadhafi M. Les Grandes Lignes de la Troisième Théorie..., с. 25–26.

²¹ По Советскому Союзу, вып. 7: Диас А. От Амазонки до Лены; Зинтани А. Впечатления ливийца о Советском Союзе. М., 1984, с. 195.

²² См.: Там же, с. 217.

²³ El-Gadhafi M. Les Grandes Lignes de la Troisième Théorie..., с. 129.

²⁴ Valeurs Actuelles, 08.10.1979.

²⁵ Нерушимая дружба и братство. М., 1964, с. 32–33.

²⁶ Там же, с. 49.

²⁷ Миронова Е.И. Алжир: Смена приоритетов развития. М., 2004, с. 100.

²⁸ Bégué C. Une Politique de l'Homme. Le Message de Bourguiba. P., 1972, с. 245.

²⁹ Dialogue des civilisations et solidarité internationale..., с. 15.

³⁰ Discours du Président Zine El Abidine Ben Ali à l'ouverture du Ier Sommet du Dialogue 5+5. Tunis, 5 décembre 2003. Tunis, 2003, с. 8.

³¹ См.: Organisation arabe pour l'éducation, la culture et les sciences. Tunis, б/г, р. 10.

³² Аль-Хивар аль-араби ар-руси фи-ль-карн аль-хади ва-ль-ишрин. Тафауль хадаратеин ва-тарих мин аль-алякат аль-мутабадиля. Вакаиа надва аль-хивар аль-араби ар-руси. Аль-Хаммамат – Тунис – 23–25 июня 2003. Тунис, 2004, с. 36.

³³ Kacem A. Culture arabe / Culture française. La paranté reniée. P. – Budapest – Torino, 2002, с. 202.

- ³⁴ *Аджерон Ш.-Р.* Тарих аль-Джаир аль-муасыра, с. 197.
- ³⁵ <http://grandguillaume.free.fr/ar-fr/lyon> – 2006. html.
- ³⁶ *Касет А.* Culture arabe / Culture française..., с. 205.
- ³⁷ Масира ат-татвир ва-т-тахдис фи-ль-Ватан аль-Араби, с. 1 – Маджлис Джамиа ад-дуваль аль-арабийя. Ад-Даура аль-адия (16). Тунис – Аль-Джумхурийя ат-Тунисийя. 3 ва – 4 раба ас-сани 1425 х. аль-мувафик 22 ва – 23 маю / аяр 2004 м. Тунис, 2004.
- ³⁸ V.S.D., 07.02.1980.
- ³⁹ El Pais, 05.03.2001.
- ⁴⁰ <http://news.bbc.co.uk/2/hi/africa/4726204.stm>.
- ⁴¹ Propos du pape Benoit XVI: Déclaration du porte – parole du Ministère des Affaires étrangères, 18 septembre 2006. – <http://www.mae.dz>.
- ⁴² <http://www.algerie-dz.com/forums/archive/index.php/t-29580.html>.
- ⁴³ *Долгов Б.В.* Возрождение джихада. – <http://www.fondsk.ru/article.php?id=734>.
- ⁴⁴ *Hansen A.* Al-Qaeda in the Islamic Maghreb (aka Salafist Group for Preaching and Combat). – Council of Foreign Relations. – <http://www.cfr.org/publication/12717/>.
- ⁴⁵ *Куделев В.В.* Ситуация в Алжире: сентябрь – октябрь 2006 года // Институт Ближнего Востока. – www.iimes.ru.
- ⁴⁶ *Хохлов И.И.* Исламский терроризм – Глобальный джихад салафи. – <http://nuclearmo.ru/text.asp?10520>.
- ⁴⁷ *Hansen A.* Al-Qaeda in the Islamic Maghreb...
- ⁴⁸ *Долгов Б.В.* Исламистский вызов и алжирское общество. М., 2004, с. 139.
- ⁴⁹ <http://www.agentura.ru/dossier/algeria/ussof/>.
- ⁵⁰ Аль-Каида в Исламском Магрибе – <http://studies.agentura.ru/to/GSPC/>.
- ⁵¹ *Куделев В.В.* Ситуация в Алжире: сентябрь – октябрь 2006 года...
- ⁵² Новая газета, 16.04.2007; *Долгов Б.В.* Возрождение джихада...; *Hansen A.* Al-Qaeda in the Islamic Maghreb...
- ⁵³ Аль-Каида в Исламском Магрибе...
- ⁵⁴ *Hansen A.* Al-Qaeda in the Islamic Maghreb...
- ⁵⁵ *Куделев В.В.* Основные события в Марокко: июль 2007 года // ИБВ. – www.iimes.ru.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Институт религии и политики – <http://www.i-r-p.ru/page/stream-event/index-11304.html>.
- ⁵⁸ <http://www.afric.com/arnicle12322.html>.

- ⁵⁹ Tunisie, le livre noir. P., 2002, с. 170.
- ⁶⁰ *Егорин А.З.* Современная Ливия. М., 1996, с. 200.
- ⁶¹ *Pargeter A.* Libya: Islamic Opposition. 2 May 2006. – http://www.north-of-africa.com/article.php3?id_article=279.
- ⁶² *Ibidem.*
- ⁶³ *Богучарский Е.М.* Дипломатия и дипломатическая служба Алжира..., с. 156.
- ⁶⁴ *Куделев В.В.* Ситуация в Алжире: сентябрь – октябрь 2006 года...
- ⁶⁵ *Нечитайло Д.А.* Международный исламизм на Северном Кавказе. М., 2006, с. 170.
- ⁶⁶ *Kaplan E.* North Africa's Rising Radicals. 16.04.2007. – Council of Foreign Relations – <http://www.cfr.org/publication/13102/north-african-rising-radicals.html>.
- ⁶⁷ *Долгов Б.* Возрождение джихада...
- ⁶⁸ *Hansen A.* Al-Qaeda in the Islamic Maghreb...
- ⁶⁹ www.maghreb.arabe.org.
- ⁷⁰ *Куделев В.В.* Основные события в Марокко: июль 2007 года...
- ⁷¹ *Khalid M.* Le Maroc et le Koweit soulignent l'impératif de faire face au terrorisme. – <http://www.lemaroc.org/maroc/article-6578.html>.
- ⁷² Институт религии и политики – <http://www.i-r-p.ru/page/stream-event/index-9245.html>.
- ⁷³ League of Arab States. Arab Convention on Combating Terrorism. Issued by the Councils of Arab Ministers of Interior and Justice. Cairo, April 1998. Cairo, 1998, с. 2.
- ⁷⁴ League of Arab States. Arab Convention on Combating Terrorism..., с. 2.
- ⁷⁵ См.: Такрир мухтасар ан джухуд ва-инджазат Маджлис вузараа ад-дахилийя аль-араб фи маджаль мукафаха захира аль-ирхаб. Тунис, 2001, с. 5.
- ⁷⁶ Discours du Président Zine El Abidine Ben Ali à l'ouverture du 1er Sommet du Dialogue 5+5..., с. 4.
- ⁷⁷ http://europa.eu.int/comm/external_relations.
- ⁷⁸ См.: *Богучарский Е.М.* Дипломатия и дипломатическая служба Алжира..., с. 156.
- ⁷⁹ Dialogue des civilisations et solidarité internationale..., с. 148.
- ⁸⁰ *Ланда Р.Г.* Алжир и проблемы безопасности Средиземноморья // Ближний Восток: Проблемы региональной безопасности, с. 160.
- ⁸¹ *Сергеев М.С.* История Марокко – XX век. М., 2001, с. 255.
- ⁸² *Поляков К.И.* Арабские страны и ислам в России. М., 2001, с. 15.
- ⁸³ *Миронова Е.И.* Алжир: Смена приоритетов развития, с. 96.

⁸⁴ Pargeter A. Libya: islamic opposition...

⁸⁵ Ibidem.

⁸⁶ Ислам и политика – ИРП –

<http://www.i-r-p.ru/page/stream-event/index-3459.html>.

⁸⁷ Discours du Président Zine El Abidine Ben Ali à l'ouverture du 1er Sommet du Dialogue 5+5..., с. 4–5.

⁸⁸ См. Богучарский Е.М. Дипломатия и дипломатическая служба Алжира..., с. 152.

⁸⁹ См. Богучарский Е.М. Дипломатия и дипломатическая служба Алжира..., с. 220–221.

⁹⁰ <http://www.agentura.ru/dossier/algeria/ussof/>.

⁹¹ См.: Куделев В.В. Ситуация в Алжире: сентябрь – октябрь 2006 года...; <http://www.agentura.ru/dossier/algeria/ussof/>.

⁹² Ислам и политика – ИРП –

<http://www.i-r-p.ru/page/stream-event/index-3459.html>.

⁹³ La Stampa, 16.05.2006.

⁹⁴ Кялима сияда ар-арис Зин аль-Абидин бен Али Раис аль Джумхурий ат-Тунисийя, с. 3 – Маджлис Джамиа ад-дуваль аль-арабийя аля мустава аль-кымма. Ад-Даура аль-адия (16)...

⁹⁵ Le Parisen, 01.04.2001.

⁹⁶ Jihad Watch – <http://www.jihadwatch.org/archives/013661/php>.

⁹⁷ «Международная амнистия». Открытое заявление. –

http://www.amnesty.org.ru/pages/rusmde_190022006.

⁹⁸ Шаабан С. Нихая джуграфия ва-ауда ат-тарих..., с. 179.

В.В.Сергеев

ВЗГЛЯДЫ ЗАПАДНОЙ КОАЛИЦИИ НА СИТУАЦИЮ С ПРОИЗВОДСТВОМ АФГАНСКОГО ОПИУМА В 2007 г.

В начале марта 2007 г. американское Агентство по борьбе с наркотическими веществами обнародовало доклад, согласно которому гипотетический объем производства опиума за 2006 г. вырос на 25% по сравнению с предыдущим годом. Цифры, представленные ООН, были еще более впечатляющими – годовой объем производства афганского опиума в героиновом эквиваленте возрос с 410 до 610 т¹, т.е. почти на 48%.

Правда, Государственный департамент США привел другие цифры – двадцатипятипроцентное увеличение. Это объяснимо, учитывая, что именно Соединенные Штаты в значительной мере несли ответственность за то, что происходило в Афганистане, и такой невыгодный для своего имиджа показатель, как наркопроизводство, они преуменьшили. Тем не менее даже по признанию самих американцев, такой рост «внушал опасения» – именно так по этому поводу выразилась заместитель госсекретаря Эн Пэтерсон (Ann Patterson).² Пять с лишним лет спустя после начала «борьбы» возглавляемой американцами коалиции с производством наркотических веществ в ИРА их выработка выросла примерно в 10 раз и составляла около 90% от общемирового объема. Выделенные в 2006 г. правительству Хамида Карзая 10 млрд. долларов были либо разворованы коррумпированными чиновниками – как американскими, так и афганскими, либо были потрачены на закупки оружия, боеприпасов и выплаты зарплаты солдатам Афганской национальной армии, но никак не на поиск альтернативных источников дохода для этой страны.

Эти средства должны были прежде всего потратить на обучение и улучшение квалификации государственных и региональных органов власти, борьбу с коррупцией, производством наркотических веществ. Помимо этого, средства предназна-

лись для строительства Афганской национальной армии (АНА), полиции, закупки для них вооружения и военной техники.

Не были оставлены без внимания и некоторые инфраструктурные проекты, например, модернизация аэродромов в городах Мазари-Шариф на севере и Кундуз на северо-востоке страны. Часть потраченной помощи должна была вернуться государствам-донорам, например, таким, как Великобритания или Германия, в качестве заработной платы их военных специалистов, которые были направлены для обучения сотрудников силовых структур.

О спорности и сиюминутных соображениях составителей упомянутого доклада говорит то, что в числе главных виновников распространения наркотиков в мире были упомянуты Уго Чавес и Эво Моралес – президенты Венесуэлы и Боливии соответственно. Как известно, они являлись активными борцами с распространением американского влияния в Латинской Америке и по всему миру и, очевидно, не имели никакого отношения к наркопроизводству, в отличие от нынешнего кабульского режима.

Хорошо известно о приобщенности к наркобизнесу многих чиновников ИРА, включая родного брата президента Карзая. Не только «талибы», как писали СМИ, получали денежную подпитку от контрабанды опиума и героина, подобная практика распространялась почти на всех представителей государственной власти. Разумеется, подобные факты было принято умалчивать. При этом под натиском критики международного сообщества Кабул был вынужден предпринимать меры. А если точнее, предпринять меры своих союзников вынудили американцы.

2 марта 2007 г. полиция Кабула объявила об аресте 500 человек по подозрению в незаконной контрабанде и продаже наркотиков. Операция кабульской полиции по времени совпала с публикацией доклада госдепартамента США о борьбе с незаконным оборотом наркотиков. В докладе отмечается, что деятельность наркокартелей продолжает представлять серьезную угрозу становлению «сильного демократического правительства» и восстановлению экономики в Афганистане. Также в документе Турция называется «главной транзитной страной» в контрабанде наркотиков из Юго-Восточной Азии в Европу. «Турция используется международными контрабандистами для перевозки на рынки сбыта кокаина, морфия, героина и других наркотиков. Значительная их часть поступает в Турцию из Аф-

ганистана и Ирана, а затем перевозится в Западную Европу», – говорится в докладе Госдепартамента США.³

1 марта в Алма-Ате на пресс-конференции председателя Комитета по борьбе с наркобизнесом и контролю за оборотом наркотиков МВД Казахстана Анатолия Выборова было заявлено об активизации наркоконтрабандистов и о том, что контроль по этому вопросу осуществляется на самом высоком уровне.⁴

Очевидно, к весне 2007 г. назрело всеобщее недовольство сопредельных с Афганистаном стран, а также всего мирового сообщества в связи с неспособностью Международных сил содействия безопасности (МССБ) и правительства этого государства хоть как-то приостановить афганскую наркоагрессию. Реагируя на эти настроения, правительство США в лице Госдепартамента было также вынуждено признать эту неоспоримую констатацию и надавить на правительство Х.Карзая, чтобы оно усилило борьбу с наркотиками.

Между тем в 2007 г. было произведено уже 93% мирового объема опиума – около 8 тыс. тонн.⁵ А в 2006 г., согласно данным Управления ООН по наркотикам и преступности, производство опиума в Афганистане выросло примерно на 49% по сравнению с 2005 г., когда было получено 4,1 тыс. т опиума.⁶ Иными словами, Афганистан практически превратился в мирового монополиста по производству опиатов. В одной только провинции Гельменд, в которой наркопосевы в период 2006–2007 гг. выросли на 48%, опийного мака вырабатывали больше, чем в других известных своей наркопромышленностью странах – таких, как Колумбия или Марокко.⁷ Выросло не только само товарное производство, но и отведенные под наркокультуры посевы – на 17%. В 2007 г. маком в Афганистане было засеяно больше, чем в Колумбии, Перу или Боливии отводилось под коку (сырье для выработки кокаина).

Несмотря на все время возрастающее производство опиума и героина, заниматься маком для крестьян было по-прежнему намного выгоднее, чем выращивать обычные сельскохозяйственные культуры. Так, усредненная прибыль с 1 га, отведенного под опийный мак в Афганистане, составляла примерно 4500 долларов, а с 1 га пшеничного поля – всего лишь 500 долларов.⁸

Существует несколько точек зрения, почему наркоэкспансия из Афганистана не только не сдерживалась, но и продолжала расширяться. Согласно одной из них, американцы кос-

венно даже поддерживали производство наркотических веществ, ведь шли они не в США, а в Россию (порядка 20%) и Европу. Согласно другой, – вооруженные силы Соединенных Штатов были просто не в состоянии что-либо противопоставить афганским наркобаронам.

Скорее всего, ближе к истине вторая точка зрения. В 2007 г. Пентагон располагал в Афганистане примерно 28 тыс. человек, а всего силы НАТО – около 40 тыс. чел. Этого явно недостаточно для поддержания даже умеренного уровня безопасности в такой обширной и труднопроходимой стране, как Афганистан, в котором в наркобизнес была вовлечена не только значительная часть трудоспособного населения,⁹ но и силы полиции, безопасности, а также чиновничество, в том числе высокопоставленное.

Зачастую военное командование МССБ попросту опасалось предпринимать что-либо в отношении наркобаронов, зная, что их поддерживают не только талибы, но и представители государственной власти. Известны случаи, когда после обработки авиацией НАТО маковых полей ядохимикатами сам президент государства Хамид Карзай заявил о том, что такая методика обработки «опасна для населения», и требовал ее прекратить. Разумеется, эти слова были вызваны вовсе не заботой о народе.

Новая попытка добиться от афганских властей разрешения на обработку маковых полей гербицидами последовала после усиления со стороны мировой общественности критики американцев за бездействие в регулировании развития афганской наркоиндустрии. В августе 2007 г. ООН опубликовала данные о состоянии производства и контрабанды наркотических веществ из Афганистана (см. выше). Очевидно, доклад произвел тяжелое впечатление на заинтересованную мировую прессу, как и на американские власти. Поэтому в конце сентября – начале октября того же года Вашингтон отправил в Афганистан целую научную делегацию под руководством одного из ведущих экспертов в этой области Чарльза Хеллинга.¹⁰

По утверждению американских специалистов, использование гербицидов, в частности глифостата, безвредно для окружающей среды и местного населения. Обратное утверждают лишь сторонники талибов, и это дезинформация. Однако Кабул остался при своем мнении. Не помогли даже заверения в том, что глифостат активно используется в Европе и других частях света.¹¹

При всем при этом у внимательного исследователя не могут не зародиться сомнения относительно искренности усилий американских властей. Отмечалось немало случаев, когда, если в этом была необходимость, Белый дом использовал силу или другие средства, не запрашивая на это разрешения афганцев. И последние редко выражали свои претензии. Когда же речь заходила о наркотических веществах, американцы действовали только согласно мандату Кабула.

Невольно возникало впечатление о некоторой наигранности происходящего – Соединенные Штаты делали вид, что прилагают усилия к противодействию наркотикам, Х.Карзай делал вид, что ограничивал их действия во благо афганского народа. И, очевидно, обе стороны хорошо понимали правила введомой игры. Никаким иным способом невозможно объяснить неожиданную неуступчивость афганских властей по отношению к американцам. Во всех иных случаях Кабул проявлял к Вашингтону больше сговорчивости.

Помимо мнения афганского президента (см. выше) в стране существовали и другие настроения относительно того, как следует бороться с наркоугрозой. Первый вице-президент Ахмад Зия Масуд, в частности, призывал к уничтожению маковых плантаций при помощи авиации. Он указывал на провинцию Гельменд, где выращивалось наибольшее количество опийного мака.

Вероятно, призыв одного из важнейших афганских руководителей имел целью не столько реальную борьбу с наркотическими веществами, сколько противодействие президенту. Х. Карзай являлся пуштунским националистом, а Зия Масуд – таджиком, поэтому практически с самого начала их совместной работы между ними существовали явные противоречия. Поэтому не случайно Зия Масуд указывал на населенную пуштунами провинцию Гельменд, а не, например, на таджикский Бадахшан, где также производилось большое количество опийного мака. Также не следует забывать, что у Хамида Карзая имелись и личные интересы в афганской наркосреде – его брат, по общему мнению, был вовлечен в этот преступный бизнес. Вице-президент хотел попросту создать дополнительные препятствия для Карзая, ослабить его личное влияние. Ведь, если действительно произвести обработку маковых полей с воздуха или даже просто завести об этом речь, пуштуны приграничных провинций могут выступить против президента, несмотря на то,

что он их соплеменник. Все эти нехитрые расчеты, понятные многим афганцам, и использовал Ахмад Зия Масуд, когда поддержал американцев в их намерении использовать в борьбе с опийным маком гербициды.

Иными словами, что касается афганского правительства, то здесь вряд ли можно говорить о его реальном намерении противодействовать наркоиндустрии. Если даже властные чиновники предлагали на этот счет какие-либо подходящие на первый взгляд идеи, то чаще всего речь в сущности шла о борьбе кланов, группировок, либо отдельно взятых личностей.

Впрочем, к середине 2007 г. американские власти как бы уже не заблуждались относительно масштабов производства опийного мака в Афганистане, и, более того, понемногу начали в открытую выражать сомнения в эффективности политики коалиционных войск в данном вопросе.

Так, в начале августа 2007 г. государственный департамент выпустил соответствующий доклад, в котором открыто признавалась невозможность сколько-нибудь существенного сокращения выработки опийного мака, несмотря на то, что ранее такая задача была заявлена американским правительством. В докладе госдепа эта цель уже названа «нереалистичной». Более того, в документе подчеркивалось, что в этом (2007) году урожай опия-сырца будет выше прошлогоднего.

В докладе отмечается, что в предыдущем, 2006 г., для противодействия наркотрафику американские правительственные ведомства потратили в общей сложности 420 млн. долл., в то время как максимальный возможный доход от продажи произведенного из афганского мака героина может составить 38 млрд. долл. В докладе прямо и откровенно заявлялось о невозможности достижения намеченных целей.

Ранее такой откровенности американские органы власти себе не позволяли. Впрочем, этому есть весьма простое объяснение. Сведения о производстве наркотических веществ в Афганистане неоднократно приводились в документах ООН, и к 2007 г. такая информация ни для кого не была секретом. Если бы в американских правительственных источниках и далее продолжали публиковаться оптимистические отчеты, либо эта проблема замалчивалась, международное общественное мнение могло справедливо заподозрить Вашингтон в утаивании фактов. Честность отчасти помогла американцам сохранить лицо.

Одновременно, согласно информации американской газеты «Вашингтон пост», в администрации Белого Дома обострились противоречия относительно того, как именно следует бороться с производством наркотиков в Афганистане.¹² Суть разногласий не разъяснялась, однако, по всей видимости, она состояла в том, что одна часть администрации считала излишним вмешательство в дела афганских наркобаронов, в то время как другая, наоборот, полагала необходимым положить конец бесконтрольному росту посевов мака. Первые объясняли свою позицию тем, что это могло быть слишком опасно для и без того измотанного войной американского контингента, вторые ссылались на данные разведки, согласно которым доходы от наркоторговли поступали, в том числе, и на финансирование террористов. Кроме того, наркопроблема наносила немалый ущерб образу США в глазах мировой общественности.

К середине 2007 г. становилось очевидно, что Афганистан окончательно превратился в наркогосударство: около 50% его ВВП составляли доходы от оборота наркотиков, примерно каждый пятый его взрослый житель участвовал в этом незаконном бизнесе. Согласно данным ООН, в Афганистане площади, занятые под посевами опийного мака, опережали аналогичный показатель любой другой страны на земле, кроме Китая в XIX веке.¹³

В связи с этим возникал резонный вопрос, насколько эффективны применяемые международной коалицией меры для того, чтобы сократить наркопоток. Ответ очевиден – принимаемые меры были крайне неэффективны. В то же время у сторонних наблюдателей бытовало мнение о том, что НАТО прикладывает усилия для борьбы с наркотрафиком и посевами опийного мака, но в связи с ограниченностью ресурсов временно не достигает успеха. В действительности дела обстояли иначе.

В сентябре того же 2007 г. штаб-квартира этой организации в Брюсселе распространила сообщение, согласно которому мандат НАТО на миротворческую миссию в Афганистане не предусматривает прямого участия этой организации в операциях по уничтожению наркотиков.¹⁴ Иными словами, Организация североатлантического договора «умывала руки» и полностью отказалась от попыток напрямую воздействовать на сложившуюся ситуацию. Единственная помощь, на которую она была готова пойти – это подготовка афганских наркополицейских и участие в различных программах по убеждению крестьян

ян от отказа от посевов наркотиков. Но Альянс не должен делать ничего такого, что могло бы поставить под угрозу жизни натовских военнослужащих.

Следует добавить, что сложившаяся к обозначенному периоду ситуация с наркотиками возникла именно вследствие вторжения иностранных войск в 2001 г. Операция «Несокрушимая свобода» и другая, независимая от нее, осуществляемая Международными силами содействия безопасности (фактически НАТО), способствовали свержению талибов, однако наркопроизводство с момента их вторжения выросло в несколько раз – с примерно 200 т в героиновом эквиваленте в 2000 г. до 800 т в 2007 г. Напомним, что одна доза героина составляет 0,1–0,2 гр.

Позиция НАТО в отношении наркотических веществ в Афганистане сводилась к тому, что сами афганцы виноваты в сложившейся ситуации – они не создали действенных институтов власти, у них нет соответствующих возможностей. Задача Альянса – помогать силовым структурам оккупируемого государства, а не бороться собственными силами. У НАТО, по словам командующего МССБ в Афганистане Дана МакНеила, нет достаточного количества солдат, необходимого снаряжения, кроме того, военнослужащие просто не имеют специальной подготовки по борьбе с наркотиками.¹⁵

Примечательно, что командование МССБ, а значит, и стоящие за ним власти США высоко оценивали сотрудничество по этой проблеме с Ираном.¹⁶ Очевидно, они хорошо представляли себе, что в этой стране насчитывается до трех миллионов наркоманов, и она была очень заинтересована в эффективном противодействии наркотрафику. В адрес Тегерана часто звучали громкие и подчас абсурдные обвинения, например, в поставке вооружений талибам. Однако в отношении наркотиков Запад не решился обвинить его в саботаже, помощи наркоторговцам или чем-либо подобном.

Таким образом, находящиеся в Афганистане иностранные войска не были склонны считать себя ответственными за развитие наркоиндустрии. Вместо этого они старались убедить мировое общественное мнение в том, что всему виной происходящие внутри страны процессы, а силы коалиции не имеют ни прав, ни соответствующего оснащения для непосредственного противодействия наркотрафику, уничтожения посевов мака и т.д.

Довольно примечательным выглядит объяснение того, почему в 2007 г. значительно выросли посевы опийного мака. Помимо «отсутствия необходимых институтов» в афганском правительстве, виновными также были признаны благоприятные погодные условия, а именно большее по сравнению с предыдущими годами увлажнение почвы. Как уже отмечалось, себя Международные силы содействия безопасности виноватыми ни в чем не считали.

¹ Это означает, что производство опиума составляло соответственно 4100 и 6100 т. – Прим. авт.

² www.state.gov

³ www.state.gov

⁴ http://www.inform.kz

⁵ Afghanistan Opium Survey. Executive Summary. United Nations Office on Drugs and Crime. August 2007.

⁶ См.: там же.

⁷ См: http://www.telegraph.co.uk. – 28.08.2007.

⁸ Там же.

⁹ По некоторым оценкам, до 20% трудоспособного афганского населения в тот период было вовлечено в наркобизнес. – Прим. авт.

¹⁰ См.: O'Shea Chiade. Kabul rejects US pleas to spray opium poppies // The Guardian, 09.10.2007.

¹¹ См.: там же.

¹² См.: Matthew Lee. Afghanistan Poppy Cultivation Skyrockets // The Washington Post, 04.08.2007.

¹³ См.: Afghanistan Opium Survey. Executive Summary. United Nations Office on Drugs and Crime. August 2007.

¹⁴ Joint press conference with General Dan McNeill, Commander of the NATO-led International Security Assistance Force (ISAF) in Afghanistan, and Ambassador Daan Everts, NATO Senior Civilian Representative. 12.09.2007.

¹⁵ См.: там же.

¹⁶ См.: там же.

И.Н.Серенко

ПАКИСТАНСКАЯ МОЛОДЕЖЬ
КАК РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
МЕЖДУНАРОДНОГО ИСЛАМИЗМА

Обострение обстановки в современном мире во многом обусловлено появлением и активизацией международного исламизма, представленного различными радикальными исламистскими движениями, организациями и группировками. Исламская Республика Пакистан в силу своего геополитического положения, особенностей социальной структуры и образовательных институтов входит в зону его стратегических интересов, направленных, в том числе, и на расширение исламистской инфраструктуры за счет притока радикально настроенной молодежи, прошедшей соответствующую подготовку в религиозных учебных заведениях и военно-тренировочных лагерях.

Всплеск исламизма в самом центре Пакистана, связанный с недавними драматическими событиями в столичном учебно-религиозном комплексе Красной мечети, свидетельствует о том, что уже не только «медресе на афгано-пакистанской границе становятся прибежищем для исламистов из «Аль-Каиды» и движения Талибан». ¹ По последним данным ООН, в 2006 г. в Афганистане боевики-смертники совершили 126 терактов, а в период с января по август 2007 г. их количество достигло 103. При этом более 80% афганских смертников получили необходимую подготовку в пакистанских религиозных школах и тренировочных центрах. ²

Такое положение дел во многом обусловлено растущей радикализацией пакистанского общества. Ее основы были заложены еще военным режимом М. Зия-ул-Хака (1977–1988), инициировавшим исламизацию всех сфер жизнедеятельности пакистанского общества, включая его образовательные институты. Активизация пакистанскими верхами исламского фактора в период вовлечения страны в многолетний афганский конфликт (1977–1988), где ставка делалась на поощрение «исламского джихада» против неверных, поставила Пакистан

в эпицентр глобального противостояния на мировой арене, привела к росту влияния внутри государства исламистских движений и партий. Через систему подконтрольных им религиозных учебных заведений они получили широкую возможность пропагандировать свои радикальные идеи. Это способствовало политизации традиционной мусульманской системы образования.

Большинство религиозных семинарий, приобретая экстремистскую направленность, превратились в центры по идеологической индоктринации молодежи, распространению в ее среде идей религиозной нетерпимости, насилия, превознесения культа «джихада» как основного средства достижения торжества ислама в мире. Наблюдался беспрецедентный рост количества этих заведений, благодаря щедрому финансированию из многочисленных зарубежных фондов, заинтересованных в дальнейшем разжигании «джихада» в данном регионе. К концу правления генерала М. Зия-ул-Хака в Пакистане действовало до восьми тысяч зарегистрированных и более 25 тысяч незарегистрированных медресе, в которых обучалось до 500 тыс. учащихся. ³ При этом следует отметить, что изменение массового сознания пакистанцев в сторону его милитаризации осуществлялось не только в традиционных мусульманских институтах (мечетях, мактабах и медресе), но и отчасти через современные учебные заведения начальной, средней и высшей ступеней образования общегражданского типа, также подвергшихся исламизации за счет жесткой ортодоксальной интерпретации мусульманских догм в программах обучения и воспитания подрастающего поколения.

Начавшаяся в мире крупномасштабная антитеррористическая кампания после трагических событий 11 сентября 2001 г. привела к резкой смене ориентиров во внутренней и внешней политике пакистанского государства, что в определенной степени способствовало сдерживанию процесса эскалации религиозного экстремизма в Пакистане, примкнувшем к антитеррористической коалиции мировых держав. В свете глобальной борьбы с терроризмом модернизация национальной системы образования Пакистана, включая ее традиционные теологические учебные заведения, по сути, приобрела международную значимость. Провозглашенная в Пакистане реформа теологического образования (2001) была нацелена главным образом на ликвидацию идеологической базы и материальной инфраструктуры религиозного экстремизма и радикализма. Она фактически явилась составной частью международных антитерро-

ристических мер, предпринятых в соответствии с Резолюцией 1373 Совета Безопасности ООН от 28 сентября 2001 г. и направленных на пресечение деятельности террористических группировок и организаций.

Курс пакистанского руководства на модернизацию образовательной системы нашел широкую поддержку у мирового сообщества (в первую очередь у США и их западных союзников) в форме значительной финансовой и материально-технической помощи. Так, в 2002–2005 гг. помощь США Пакистану в размере 100 млн. долл. была направлена исключительно на реформирование национальной системы образования, в том числе теологических институтов. Система, в частности, включала, по данным проведенной впервые в Пакистане переписи в области образования (2005), 227 791 учебное заведение всех ступеней просвещения (с общим количеством учащихся 33 379 578 чел. и числом преподавателей 1 356 802 чел.). К ней можно отнести и 14 123 мактабов – школ при мечетях, 92% которых располагались в сельской местности и лишь 8% – в городской. При этом общий контингент учащихся мактабов составлял 802 904 чел. (из них 75,1% – мальчики, а остальные 24,9% – девочки). Количество медресе достигало 12 153. Из них 54,8% семинарий функционировали в сельских районах, а 45,2% – в городских. Под руководством наставников (58 391 чел.) в медресе обучалось в целом 1 549 242 чел. (62,1% учащихся составляли юноши и 37,9% – девушки).⁴ Последнее заявление Вашингтона о выделении Исламабаду в ближайшие пять лет дополнительно 1,5 млрд. долл. на социально-экономические нужды страны, включая модернизацию данных учебных заведений, было сделано в конце июля 2007 г. (сразу после завершения кровавых событий в упомянутом выше комплексе Красной мечети, г. Исламабад).⁵

Однако пробуксовка провозглашенной программы реформирования религиозного образования, предусматривающей государственный контроль за учебно-финансовой деятельностью теологических учебных заведений, их постепенную интеграцию в общий поток школ (Указ о Федеральном ведомстве религиозного образования от 18 августа 2001 г.; Закон о добровольной регистрации и регулировании деятельности религиозных учебных заведений (2002 г.); Поправка об обязательном государственном аудите и регистрации медресе (№ 22 от 21 августа 2005 г.) в Закон о регистрации общественных организаций от 1960 г.), была вы-

звана не столько недостаточным финансированием программы, сколько отсутствием жесткой и последовательной политики правящих кругов в ее реализации, а также упорным сопротивлением этим нововведениям государства со стороны религиозных консерваторов. Они выступали за полную автономию медресе и, по признанию президента П. Мушаррафа, «были против присоединения к общей системе образования».⁶ К июню 2007 г. государству удалось зарегистрировать 14072 медресе с общим количеством учащихся более 1,5 млн. человек.⁷

Пакистанское военное руководство, традиционно искавшее поддержку у происламских сил, предпочитало во взаимодействии с ними опираться на политику уступок и компромиссов, переходящую порой в преднамеренное попустительство и бездействие во избежание нежелательной конфронтации. Между тем исламисты (использующие в своей деятельности не только силовые, но и парламентские формы борьбы), как показали дальнейшие события вокруг учебно-религиозного комплекса Красной мечети, сами не теряли времени понапрасну и не упускали возможностей для укрепления своих позиций и распространения радикальных идей среди пакистанской молодежи, являющейся основным ресурсом их рекрутского и электорального потенциала.

Так, современный и наиболее благополучный Исламабад как административно-территориальная единица перегнал по плотности расположения религиозных учебных заведений далекую пакистанскую глубинку, заняв по этому показателю первое место в стране. По официальным данным, в 2005/2006 учебном году на его территории функционировало 88 семинарий, в которых обучались более 16 тыс. студентов. Из них 46 семинарий (3 тыс. учащихся) принадлежали Духовному управлению религиозных школ «Барелви», 2 семинарии (200 учащихся) – «Ахл-и Хадис», 18 семинарий (1500 учащихся) – «Джамаат-и ислами». Имелось также восемь шиитских семинарий, где обучались 700 студентов. Оставшиеся 14 медресе относились к Духовному управлению религиозных школ «Деобанди».⁸ Среди них и два самых крупных медресе при Красной мечети: женское – «Джамия Хафса» и мужское – «Джамия Фаридия». Они давно снискали известность своей экстремистской направленностью и были замечены в связях с «Аль-Каидой» и движением Талибан. В связи с этим упомянутые медресе не прошли государственной регистрации, но по каким-то причинам так и не

были закрыты властями. Как, впрочем, и 18 других столичных семинарий радикального толка, действовавших в тесном контакте с «Джамия Хафса» и «Джамия Фаридия» и поддержавших выдвинутое ими требование о введении шариатского правления в стране. Однако в самый последний момент государственным службам безопасности (с помощью ряда силовых акций, путем переговоров, а порой и подкупа руководителей этих медресе) удалось нейтрализовать их, не допустив совместных широкомасштабных антиправительственных выступлений исламистов в пакистанской столице. Это помогло предотвратить развитие событий по еще более драматичному сценарию.⁹

Следует отметить, что контингент учащихся в «Джамия Хафса» и «Джамия Фаридия» за один лишь прошлый учебный год увеличился в два раза, достигнув 10 700 человек. Это приблизительно соответствует общему числу студентов всех вместе взятых медресе, расположенных на территориях Белуджистана (6374 учащихся) и подконтрольного Пакистану Азад Кашмира (2835 учащихся). По данным министерства внутренних дел Пакистана, основную массу студентов из женского и мужского медресе учебно-религиозного комплекса составляли юноши и девушки, прибывшие в столицу из различных областей Северо-Западной пограничной провинции (Хазара и Потохар, включая Верхний Дир, Баттаграм, Маншера, Сват, Кохи-стан), а также из приграничной с Афганистаном полосы племен (политагентства Северного и Южного Вазиристана, Баджаур).¹⁰ Эти районы являются основными очагами распространения «ползучей талибанизации» по всей стране. И именно здесь «Аль-Каида», по мнению отечественных аналитиков, «располагает прочным тылом и главными базами».¹¹

Исламский порядок насаждается «доморощенными» талибами и их сторонниками с помощью непрекращающихся актов насилия и террора, захлестнувших страну. Захват заложников, похищения людей, включая иностранных граждан, использование смертников и самодельных взрывных устройств, проведение показательных казней сторонников центральной власти, нападения на военные и гражданские объекты (видеосалоны, музыкальные магазины, парикмахерские, банки, женские и миссионерские школы и т.д.) становятся для джихадистов нормой. По некоторым данным, за первую половину 2007 г. в Пакистане было совершено 558 терактов и диверсий (238 – в Белуджистане, 155 – в СЗПП, 13 – в Пенджабе, 16 – в Синде),

в результате которых погибли 1019 человек и ранены 1558 пакистанцев. При этом в ходе проведенных операций силами безопасности были арестованы 853 террориста, включая 32 члена «Аль-Каиды» и 172 боевиков из движения Талибан.¹²

Мирный, казалось бы, Пакистан по приведенной кровавой статистике начинает догонять далеко неблагоприятные в этом отношении Афганистан и Ирак. Его шансы стать новым театром военных действий для джихадистов после Афганистана и Кашмира кажутся вполне реальными, если не остановить накаляющуюся волну радикализации пакистанского общества. Свидетельством тому может служить, например, и недавний опрос общественного мнения, проведенный в Пакистане одной из неправительственных организаций «Будущее без террора» (август 2007 г.). Согласно полученным данным, лидер «Аль-Каиды» Усама бен Ладен пользуется среди пакистанцев большей популярностью (46% респондентов), чем президент Пакистана Первез Мушарраф (38% опрошенных) и президент США Джордж Буш (9% респондентов). При этом три четверти опрошенных пакистанцев выступают против проведения американских военных действий на территории Пакистана, направленных на уничтожение террористических группировок, включенных в структуру «Аль-Каиды» и движение Талибан.¹³

В этих чрезвычайных условиях ускорение реформирования религиозного образования как составной части целостного процесса модернизации всей национальной системы просвещения выступает в качестве основного императива по преодолению религиозного экстремизма и радикализма в пакистанском обществе. Осознавая это, пакистанские власти в экстренном порядке приняли решение об объединении усилий трех министерств (министерства образования, министерства по делам религий, министерства внутренних дел) для более эффективной реализации провозглашенной программы реформирования религиозного образования, на которую в целом было выделено 6 млрд. рупий.¹⁴

Дальнейшее промедление по претворению ее в жизнь может привести, как показали события вокруг учебно-религиозного комплекса Красной мечети, к дестабилизации и без того сложной социально-политической ситуации в стране, усилению позиций местных исламорадикалов со всеми вытекающими из этого негативными последствиями, а также к использованию силами международного исламизма пакистанской молодежи в целях

осуществления всемирного джихада. В качестве возможного варианта ими рассматривается идея создания на территориях вдоль афгано-пакистанской границы «Объединенных Талибских Эмиратов» как первоначального плацдарма для последующего триумфального шествия по всему миру.¹⁵

В противодействие этим устремлениям уже недостаточным представляется использование лишь ответных мер военного характера. Введение в Пакистане чрезвычайного положения (3 ноября 2007 г.) под благовидным предлогом борьбы с терроризмом и экстремизмом, поставившими под угрозу суверенитет государства, также не способно решить проблемы растущей радикализации пакистанского общества в целом и его молодежи, в частности. Упор следует делать на активное использование превентивных мер, к числу которых можно отнести в первую очередь ускоренную модернизацию национальной системы образования, включая ее теологические учебные заведения, учащиеся и выпускники которых представляют значительный интерес для сил международного исламизма в качестве ресурсного потенциала пополнения своих рядов молодыми кадрами.

¹ Нечитайло Д.А. Афганистан и Пакистан – зона стратегических интересов международного исламизма // <http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/27-06-07a.htm>.

² Dawn. – Karachi, 26.09.2007.

³ Серенко И.Н. Система образования в Исламской Республике Пакистан. – М.: Научная книга, 2006, с. 57–77, 116–127.

⁴ <http://www.statpak.gov.pk/depts/fbs/publications/nec2005.html>

⁵ По материалам пресс-релиза посольства РФ в ИРП. Исламабад, 22.06–23.07.2007.

⁶ Первез Мушарраф. На линии огня. – М., 2007, с. 358.

⁷ The News. – Islamabad, 17.07.2007, с. 6.

⁸ The News. – Islamabad, 06.07.2007, с. 3.

⁹ The News – Islamabad, 16.06.2007, с. 8.

¹⁰ The News. – Islamabad, 17.07.2007, с. 1.

¹¹ Белокреницкий В.Я. Пакистан между военными и мечетью (<http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/08-07-07b.htm>).

¹² The News. – Islamabad, 16.07.2007, с. 7.

¹³ Dawn. – Karachi, 18.09.2007.

¹⁴ Dawn. – Karachi, 13.08.2007.

¹⁵ Dawn. – Karachi, 17.10.2007, с. 5.

П.А.Синовец

ЯДЕРНЫЙ АРСЕНАЛ ПАКИСТАНА И СТАБИЛЬНОСТЬ СИСТЕМЫ ЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ В ЮЖНОЙ АЗИИ

Система ядерного сдерживания, которая на сегодняшний день сложилась в Южной Азии, представляет собой один из наиболее опасных узлов противоречий в структуре глобальной безопасности.

После майских испытаний 1998 г. дотеле виртуальные ядерные арсеналы Индии и Пакистана стали реальным фактором мировой политики. При этом необходимо отметить, что опыт Пакистана и Индии в области формирования первой региональной системы ядерного сдерживания может стать критическим не только для будущего всего региона Южной Азии и Ближнего Востока, но и потенциально оказать воздействие на глобальные процессы распространения ядерного оружия.

Основным объектом анализа данной статьи является ядерный арсенал Пакистана как менее предсказуемой и прозрачной составляющей региональной системы сдерживания, а также исследование взаимодействия пакистанского ядерного сдерживания с индийским и возможность влияния данного примера на перспективы создания аналогичных систем в других регионах.

Несколько слов об истории проблемы. Прежде всего необходимо отметить, что Пакистанская ядерная программа формировалась как догоняющая по отношению к индийской.

В 1967 г. Исламабад обратился с протестом к Совету Безопасности ООН, ссылаясь на данные разведки о том, что Индия роет тоннель для будущего испытательного взрыва. Не получив, однако, должной реакции со стороны международного сообщества, Пакистан принял решение о реализации собственной ядерной программы. Показательным в данном случае можно считать высказывание Зульфикара Али Бхутто, занимавшего пост премьер-министра государства с 1971 по 1976 г.,

о том, что «пакистанцы скорее будут есть траву, нежели соглашаться на ядерную монополию Индии».¹ Итак, ядерная программа Пакистана началась в 1972 г. вскоре после поражения страны в 1971 г. в войне с Индией и приняла полномасштабный характер после проведенного Индией в 1974 г. «мирного ядерного взрыва». Одной из причин, побудивших Пакистан добиваться «паритета возможностей» с Индией в ядерной области, стало четкое понимание неспособности государства по политическим и экономическим соображениям достичь аналогичного паритета в области обычных вооружений.

На сегодняшний день оценка количественных показателей ядерного потенциала Пакистана достаточно затруднена вследствие проводимой Исламабадом политики ядерной непрозрачности. Так, по информации СИПРИ за 2002 г., пакистанский ядерный потенциал исчислялся примерно 15–20 боеголовками против 30–40 индийских². В то же время Национальный совет исследований и развития США, напротив, считает, что Пакистан изначально лидировал по количеству боеголовок, и соотношение выглядит как 48 против 30 или 35 у Индии. Еще большие цифры называются в недавних оценках Пакистанского ядерного потенциала: 55–90 бомб, изготовленных из высокообогащенного урана и 20–60 с плутониевой начинкой³.

Что касается ракетного потенциала, то Пакистан испытывает некоторые сложности с разработкой ракеты «Шахин-2» («Хатф-6») с радиусом действия 2500 км, а потому вынужден полагаться на ракеты «Шахин-1» (Хатф-3») и «Гаури» (Хатф-5), дальностью полета 450 и 1200 км. При этом структурной особенностью ядерных сил Пакистана является упор на баллистические ракеты, поскольку пакистанская стратегическая авиация представлена маркой самолетов F-16A/B, чьи возможности боевых полетов не превышают 1600 км⁴.

Специфической чертой южноазиатской системы сдерживания является то, что ни индийские, ни пакистанские ядерные силы не являются оперативно развернутыми, что сохраняет несколько «отложенный» эффект взаимной ядерной угрозы. Причем если в Индии за ядерным оружием осуществляется исключительно политический контроль, не допускающий его применения в качестве инструмента ведения войны, то в Пакистане ядерный арсенал подконтролен исключительно армии. Это означает, что ядерное оружие в Пакистане дополняет сдерживающую функцию обычных вооружений,

предполагая значительно более низкий, чем у Индии, порог его применения.

Итак, предлагаем анализ ядерной политики Пакистана в контексте основных коллизий системы ядерного сдерживания в Южной Азии.

Парадокс стабильности/нестабильности как основная характеристика системы

Ядерные испытания, которые Индия, а вслед за ней и Пакистан провели в мае 1998 г., открыли перед государствами ряд новых угроз, которые, казалось, обе столицы создавали довольно четко. Основным результатом такого понимания стало подписание в январе 1999 г. лидерами Индии и Пакистана Лахорской декларации, открывшей механизм взаимных консультаций и предварительного предупреждения о ракетных испытаниях друг у друга. Подписавшие соглашение лидеры государств (А.Б. Ваджапай с индийской стороны, Н. Шариф с пакистанской) в очередной раз подчеркнули немыслимость ядерной войны между Индией и Пакистаном, обменялись рукопожатиями и, удовлетворенные, разъехались вершить государственные дела.

А уже через четыре месяца грянул Каргильский конфликт. Поддерживаемые повстанцами пакистанские силы, замаскированные под гражданское население, оккупировали территорию индийской Линии контроля в Кашмире. Целью Пакистана было вызвать всеобщий страх эскалации конфликта от его слабой интенсивности до обычного и далее до ядерного, надеясь таким образом спровоцировать международное вмешательство и вынудить Индию пойти на переговоры. Конфликт начался в мае, и на протяжении двух месяцев продолжались обстрел и бомбардировка индийцами пакистанских военных баз в горах, а также столкновения между индийской и пакистанской армиями вдоль границы Линии Контроля. И хотя индийские вооруженные силы строго придерживались этой границы, премьер-министр Ваджапай информировал правительство США о полной боеготовности Нью-Дели к началу контратаки на пакистанскую территорию. Серьезность угрозы полностью подтвердили наблюдения разведывательных спутников США – оценка складывающей-

ся ситуации вынудила Билла Клинтона вмешаться и оказать давление на Пакистан с целью прекращения конфликта.⁵

Еще в годы «холодной войны» Гленном Снайдером было сформулировано понятие парадокса стабильности/нестабильности, согласно которому ситуация невозможности глобального ядерного конфликта нередко толкает государства на локальные конфликты с применением обычных вооружений. В то же время любое столкновение подобного рода рискует вывести локальный конфликт на уровень глобального (что означает крах ядерного сдерживания), и это составляет основную опасность подобного рода отношений⁶

Каргильский кризис признан одним из наиболее опасных за всю историю достаточно напряженных индо-пакистанских отношений, ибо он, продемонстрировав классические особенности «парадокса стабильности/нестабильности», имел все шансы перерасти в ядерное столкновение.

При этом основной причиной такого столкновения стала чрезмерная вера пакистанского руководства в неприменимость ядерного оружия в данном конфликте. Ошибочность такого убеждения подтверждает готовность индийских вооруженных сил начать полномасштабное наступление на пакистанскую территорию. Данная ситуация вполне могла спровоцировать ядерный ответ Пакистана.

Особенности ядерной политики Пакистана

Основой ядерной политики Пакистана является «поддержание **минимального убедительного сдерживания** во имя предотвращения агрессии против нашего государства». Так эта идея была озвучена лидером государства генералом Мушаррафом, откровения которого в условиях политики ядерной непрозрачности дают нам единственную возможность оценки ядерной политики Исламабада.⁷ Еще одним важным тезисом Мушаррафа стал такой: «Победа над противником без ведения войны», что демонстрирует беззаветную веру Пакистана как в принудительную, так и в сдерживающую функцию ядерного оружия⁸.

При этом Пакистану куда больше, чем Индии, знакомо чувство страха, которое сопровождало перспективу оказаться беспомощным перед обычным вооруженным потенциалом Ин-

дии, подкрепленным ее ядерными силами. Поэтому в отличие от Индии Пакистан не давал обещаний не применять ядерного оружия первым, пряча основные элементы своей ядерной стратегии под сенью политики непрозрачности.

Действительно, недостаток стратегической глубины пакистанской территории и отсутствие аналогичных Индии наступательных возможностей делает достаточно реальной перспективу противостояния индийских обычных вооруженных сил и пакистанского ядерного арсенала. В этом контексте напрашивается аналогия военного соотношения Советский Союз – НАТО в период «холодной войны», когда советское преимущество в обычных вооруженных силах Североатлантический Альянс компенсировал низким порогом применения ядерных сил.

Еще один достаточно важный момент – состояние боеготовности пакистанских ядерных сил. Существует информация, что пакистанские ядерные силы находятся в более оттоном состоянии, нежели индийские. Об этом косвенно свидетельствует отрывок интервью президента Мушаррафа.

Со слов Мушаррафа, состояние пакистанских ядерных сил можно оценивать как «оперативно развернутое» или в «компонентной форме». Последний термин эксперты склонны оценивать как частичное развертывание. Данную оценку Кумар Мишра дает, ссылаясь на интервью Мушаррафа, в котором тот на вопрос корреспондента: «Можете ли Вы сказать, что ядерное оружие [Пакистана] готово к применению либо оно сперва должно быть собрано?» ответил: «Да, Вы правы, оно еще не собрано, географически прежде всего. Оно не применимо, да и не готово к этому».⁹

Впрочем, данная оценка состояния ядерных сил Пакистана добавляет еще больше неясности к его ядерной политике, ибо вопрос о степени развернутости ядерных сил остается открытым. Возможно лишь предположить, что в противовес индийскому «минимальному убедительному сдерживанию» «минимальное убедительное сдерживание» Пакистана должно обладать большей вероятностью ядерного ответа (по аналогии натовского «гибкого реагирования»), что в условиях небольшой территории государства и его неконкурентоспособности в области обычных вооружений предполагает более высокую готовность ядерных сил к атаке. И, вероятно, ответ на вопрос о ядерном пороге Пакистана следует искать в его доктрине «красных линий».

«Красные линии» Пакистана

Под «красными линиями» подразумеваются условные границы поведения противника, нарушение которых может привести к осуществлению продекларированной ранее угрозы.

Одним из основных источников определения «красных линий», проведенных Исламабадом для своих противников (здесь подразумевается прежде всего Индия), является статья в прошлом влиятельных пакистанских функционеров, занимавших какое-то время посты глав министерств иностранных дел и высшие военные посты Пакистана. Абдул Саттар, Ага Шахи и Зульфикар Али Хан в своей статье говорят о возможных «красных линиях» ядерного ответа Пакистана. Прежде всего это угроза существованию Пакистанского государства путем:

- нанесения крупного поражения пакистанской армии;
- оккупации или угрозы оккупации пакистанских жизненно важных экономических и урбанистических центров / коммуникаций;
- политической дестабилизации государства¹⁰.

Правда, Пакистан способен и к понижению ядерного порога. Генерал Халид Кидваи, глава отдела стратегического планирования, в своем интервью итальянским ученым из центра Ландау заявил, что Исламабад рассматривает возможность ядерного ответа в случае даже попытки Индии дестабилизировать экономику либо политическую обстановку в Пакистане¹¹. Такая оговорка достаточно актуальна именно для данного государства. Значительная часть ученых полагает, что Индии не нужно прибегать к ядерному возмездию: чтобы обескровить Пакистан будет достаточно затяжной войны с полномасштабной мобилизацией, 45 дней которой вынудят государство на расходы в объеме 400–600 млн. долл., в то время как его годовой бюджет не превышает 2,5 млрд.¹²

Кроме того, Кидваи отметил, что в дальнейшем Пакистан, вероятно, будет вынужден диверсифицировать свой ядерный арсенал для того, чтобы в будущем иметь возможность «гибкого ответа» на любой вид агрессии.¹³

Еще один вариант применения ядерных сил Пакистаном не исключен в том случае, если Индия предпримет ряд авиаударов по пакистанской территории. Базы нескольких террористических группировок находятся в штатах Пенджаб и Синдх. Удар по этим целям таит риск неадекватной интерпретации и моментальной эскалации кризиса на уровень ядерного, предполагает Гурав Кампани.¹⁴

Впрочем, аналогичный индийскому «отложенный» эффект ядерного возмездия может в данной ситуации выступить как стабилизирующий.

Оценивая степень убедительности ядерного сдерживания Пакистана, необходимо отметить, что аспект применимости ядерных сил Исламабада выглядит значительно более доказательным, нежели у Нью-Дели. В то же время низкий порог компенсируется невысокой выживаемостью пакистанских ядерных сил в случае обмена сторон ядерными ударами.

Уязвимость ядерных сил Пакистана

Недостаток стратегической глубины Пакистана и отсутствие ракет достаточного радиуса действия являются факторами, потенциально сужающими военные возможности Пакистана. Прежде всего это касается расположения ракетно-ядерных сил и вероятности их идентификации. Так, если дальность полета пакистанских ракет не превышает 1600 км (а именно ракетный потенциал является основой пакистанского ядерного арсенала), то для получения большей эффективности поражения стратегических целей на индийской территории весь ракетный потенциал государства, по идее, должен размещаться вдоль границ с Индией.

При этом Скотт Саган, приводя в пример ракетную базу в Саргоде, отмечает, что пакистанские ракеты достаточно легко обнаружить, поскольку они расположены в местах, равноудаленных и от населенных пунктов и от общественных коммуникаций. Учитывая небольшую территорию Пакистана и предполагаемую дислокацию ракет, их обнаружение и уничтожение не представляется сложной задачей, в особенности при наличии у Индии современных систем спутникового слежения¹⁵.

Кроме того, отсутствие систем предупреждения о ракетном нападении может сыграть роковую роль для Пакистана, обладающего ограниченным количеством компактно расположенных носителей, на которые возлагается важная роль сдерживания широкомасштабной атаки Индии любыми видами вооружений. Показательным для систем ракетного предупреждения Пакистана можно считать случай августа 1998 г., когда американская крылатая ракета, направленная на уничтожение одной из террористических баз бен Ладена в Афганистане, пролетела

над пакистанской территорией, так и не будучи идентифицированной. Ситуация прояснилась лишь спустя некоторое время, когда США уведомили Пакистан об этой акции, подтвердив, что ракета имеет неиндийское происхождение и направлена была не против Пакистана¹⁶. Отметим, что этот случай произошел уже после ядерных испытаний Индии и Пакистана, и хотя с тех пор прошло почти десять лет, экономические возможности Пакистана позволяют сомневаться в том, что с тех пор ситуация с его системами предупреждения о ракетном нападении претерпела значительные подвижки.

Стабилизировать взаимное сдерживание могло бы создание Исламабадом подводной компоненты ядерных сил. С 1994 г. в Пакистане собираются французские подводные лодки класса «Агоста – 9Б», две единицы которой были поставлены на вооружение в марте 2007 г.¹⁷ «Агоста-9Б» предусматривает возможность оснащения 16 крылатыми ракетами типа «Гарпун» с ядерными боеголовками.¹⁸ По имеющимся данным, на сегодняшний день Пакистан располагает двумя такими подводными лодками, что в условиях реального противостояния с Индией, конечно, не является даже относительно приемлемой защитой. По оценкам стратегических аналитиков, для обеспечения надежного потенциала второго удара, государство должно иметь в распоряжении не менее 9 подводных лодок с ракетами, оснащенными ядерными боеголовками¹⁹, что в условиях крайне ограниченных экономических возможностей Пакистана представляется малореальным.

Что же касается 2 подводных лодок, имеющих в пакистанском ядерном арсенале на сегодняшний день, то их основной функцией является укрепление скорее психологической составляющей ядерного сдерживания государства, которое можно сформулировать как «убедительность через повышение возможности».

Рациональность акторов системы сдерживания в Южной Азии

В целом существует несколько вариантов анализа перспектив рациональности Индии и Пакистана в случае возникновения угрозы обмена ядерными ударами.

Первый созвучен с мнением Мохана Малика, который оценивает роль эмоционального фактора в индо-пакистанском противостоянии как достаточно низкую. Тем более это касает-

ся ядерного конфликта, когда на кон поставлены категории экзистенциального характера, что практически сводит к нулю возможность неправильной интерпретации взаимных сигналов вследствие эмоционального напряжения сторон. Малик характеризует несколько последних войн между Индией и Пакистаном как «джентльменские», поскольку во всех трех войнах обе стороны избегали взаимного истощения, а также уничтожения гражданского населения и промышленных центров друг друга. Невзирая на их воинственную риторику, лидеры в обеих столицах не пойдут на самоубийство, считает Малик²⁰. И в общем его позицию подтверждает неуспех индийской политики принуждения в 2001 г., когда намек Пакистана на возможный ядерный ответ привел к деэскалации конфликта.

Представляется, однако, что корни стабильности индо-пакистанского сдерживания следует искать прежде всего в позиции Индии, которая традиционно обладает меньшей воинственностью, нежели Пакистан.

Например, Скотт Саган весьма скептически оценивает рациональность поведения пакистанской стороны в ходе Каргильского кризиса. Напомним, что конфликт начался именно по инициативе Пакистана, который самонадеянно положился на ядерный фактор как на абсолютную гарантию того, что приграничный конфликт не перерастет в полномасштабную войну. При этом в ходе самого конфликта оба государства, отмечают свидетели, были как никогда близки к ядерной черте, однако пакистанские генералы продолжали утверждать, что Индия в любом случае не превратит противостояние в ядерное. То есть именно пакистанская армия стала инициатором нарушения индийской линии контроля, и именно готовность премьер-министра Наваза Шарифа пойти на компромисс с Индией и прекратить вооруженные столкновения привела к его отставке. Шариф был обвинен в трусости и предательстве национальных интересов, а его место занял представитель армии генерал Мушарраф²¹. Напомним, что недавно Мушарраф был легитимно переизбран на президентский пост. Впрочем, анализ личности каждого конкретного лидера у власти является необходимым, учитывая наличие их субъективных человеческих характеристик.

Если же обращаться к пусть даже самой поверхностной оценке стратегических культур Индии и Пакистана, то в данном случае индийскую культуру нельзя оценивать однозначно. Так, если одним, и весьма важным элементом ее является идеоло-

гия пассивного сопротивления, вполне соответствующая политике избегания риска, то доминирующая сегодня идеология индийского национализма подает себя достаточно жестко. Например, бывший командующий индийской армией так озвучивает возможную индийскую реакцию на провокацию Пакистана: «Если ядерная война способна положить конец тысячелетним завоеваниям Индии армиями мусульман, да будет так. Давайте начнем ядерную войну и разрушим Пакистан раз и навсегда»²².

Раджеш Басрур, которому принадлежит фундаментальное исследование в области индийской стратегической культуры, отмечает, что при всей своей стабильности, индийское ядерное сдерживание имеет некоторую тенденцию к трансформации из сугубо политической в операционную плоскость²³. Это означает, что по мере устранения дилеммы убедительности сдерживания, перед которой сегодня стоит Индия, Нью-Дели одновременно получит новую проблему – стабильности сдерживания, ибо пакистанская ядерная стратегия имеет откровенно реактивный характер в сравнении с индийской. Согласно высказыванию одного из влиятельных официальных лиц Пакистана, «Пакистан будет удовлетворен неоперативным сдерживанием в том случае, если Индия поддержит этот вариант. Если же Индия перейдет к «эскалации ядерной лестницы», Пакистан будет вынужден предпринять соответствующие шаги для поддержания убедительности своего ядерного сдерживания»²⁴.

При этом нельзя забывать о том, что основой пакистанской стратегической культуры является ислам, который при жизни пророка Мухаммеда сформировался как религия воинов. Кроме того, для Пакистана индийский штат Джамму и Кашмир является насильно отобранной у мусульман землей, территорией, которая согласно исламскому вероучению, должна быть непременно возвращена в лоно истинной веры. В 1994 г. один из пакистанских генералов заявил: «Дайте нам вести священную войну за Кашмир. Ядерный Пакистан сдержит Индию от эскалации конфликта»²⁵. Что можно отметить в данном случае в качестве позитива, так это четкое понимание пакистанскими военными недопустимости ядерной войны, в качестве негатива – их веру в невозможность такой войны вне зависимости от ситуации. То есть Пакистан полностью уверен в рациональности индийской стороны, а потому смело отдает ей на откуп решение об эскалации конфликта. Данный вывод отчасти подтверждает интервью CNN, которое генерал Мушарраф дал

в июне 2002 г. Он, стремясь успокоить прессу по поводу конфликтности в Южной Азии отметил: «Я даже рискну заявить, что этого не стоит даже обсуждать (ядерную войну), поскольку ни один вменяемый лидер не помыслит о начале ядерной войны, каким бы ни было оказываемое на него давление»²⁶.

В данной ситуации, однако, Исламабадом не предусмотрен путь достаточно легкого перерастания обычного вооруженного конфликта в ядерный. Здесь подразумевается возможность бомбардировки индусами пакистанских вооруженных формирований непосредственно на территории Пакистана, – ситуация, которая может стать прелюдией к эскалации обычного вооруженного конфликта на уровень ядерного. Причем вина за начало ядерного конфликта будет возложена на плечи Пакистана как государства, обладающего значительно более низким порогом применения ядерного оружия.

Кроме того, значительно осложняет ситуацию проблема негосударственных акторов в Южной Азии. Именно они, по мнению Малика, являются тем иррациональным началом, которое заинтересовано в обмене ядерными ударами между Индией и Пакистаном. Речь прежде всего идет об исламистских террористических организациях, которые обладают собственными базами на территории Пакистана²⁷. Среди подобных организаций можно выделить такие, как «Аль-Каида» или «Джамияте Улема Ислам». В частности, «Аль-Каида» проповедует глобальный джихад салафи, основной идеей которого является борьба с немусульманским миром и уничтожение в его лице основной угрозы исламу. При этом любая военная акция Индии в отношении Пакистана может быть объявлена «Аль-Каидой» как глобальное наступление неверных на ислам, требующее немедленного отпора. В данной ситуации возможными представляются такие уже описанные возможные сценарии ядерного терроризма, как нападение на ядерный объект Индии или кража ядерной боеголовки у Пакистана с целью осуществления удара по Индии. Основной целью подобной акции станет провоцирование ядерной войны между Индией и Пакистаном. Причем для террористических организаций значительное разрушение Пакистана может быть даже выгодным, поскольку их существование на данной территории получит практически бесконтрольный характер. Пакистанское государство в данной ситуации будет объявлено шахидом (мучеником за веру), получив таким образом шанс на причисление к лику святых.

Таким образом, необходимо отметить, что в Южной Азии стабильность ядерного сдерживания может быть подорвана не вследствие классической иррациональности акторов системы, а по причине:

- а) слепой веры пакистанских лидеров в могущество ядерного сдерживания;
- б) действий негосударственных акторов на территории Пакистана, и это прежде всего террористические организации.

Угроза внезапной ядерной войны

Прежде всего необходимо отметить, что основным фактором, существенно понижающим угрозу внезапной ядерной войны, является «сниженный» или «отложенный» характер индо-пакистанской системы ядерного сдерживания, то есть взаимное неразвертывание ядерных арсеналов. Это лишает любой кризис риска моментальной эмоциональной реакции либо ошибки в интерпретации взаимных сигналов, которые являются основными факторами, способными спровоцировать внезапную ядерную войну.

Кроме того, дополнительной страховкой в данном случае является подписание Лахорской декларации в 1999 г., открывшей механизм взаимных консультаций и заведомого предупреждения о ракетных испытаниях друг друга. Лахорский механизм консультаций фактически дополнило соглашение, подписанное сторонами в 2005 г. об учреждении в августе 2005 г. «горячей линии» между министрами иностранных дел Индии и Пакистана²⁸.

При этом важно напомнить, что данные меры носят преимущественно тактический характер, и в случае обострения конфликта могут не сработать в силу доминирования других факторов.

Среди этих факторов необходимо прежде всего отметить то, что Исламабад придерживается политики «первого удара», которая служит для него неким уравниателем слабости Пакистана в области обычных вооружений. Напомним, что Пакистан отказался подписать с Индией соглашение о неприменении ядерного оружия первыми. Это в значительной степени обусловлено тем, что использование возможностей второго удара является для Пакистана проблематичным, учитывая как стра-

тегическую глубину государства, так и его весьма ограниченные экономические возможности для создания строительства значительного ядерного арсенала.²⁹

Учитывая тот факт, что ядерное соглашение Индии и США предположительно дает Индии широкие возможности для повышения как количественного, так и качественного состава своих ядерных сил, единственной гарантией убедительности пакистанского ядерного сдерживания остается игра на понижение ядерного порога. Как отмечает пакистанский аналитик Мазари Ширин, «можно прогнозировать, что доктрина ядерного щита будет становиться для Пакистана все более привлекательной как символ растущей военной асимметрии между двумя государствами».³⁰

Кроме того, рост индийской ядерной мощи в условиях ограниченных возможностей Пакистана будет диктовать ему необходимость поиска усиления убедительности собственного ядерного сдерживания за счет рассмотрения таких известных операционных мер, как ответно-встречный удар, который является своего рода страховкой ядерных сил от уничтожения при первом ударе противника. Пока что между обоими государствами не существует средств предупреждения о ракетном нападении, однако представляется, что их создание является вопросом будущего, особенно в условиях операционализации ядерных доктрин Индии и Пакистана. То есть, если Индия установит системы ПРО на своей территории, Пакистану придется прибегнуть к менее дорогостоящим, но адекватным мерам противодействия. В то же время строительство систем предупреждения о ракетном нападении и принятие на вооружение доктрины ответно-встречного удара, адекватных для классического сдерживания в системе Москва-Вашингтон, окажет прямо противоположный эффект на стабильность сдерживания в Южной Азии. Прежде всего потому, что учитывая географическую близость государств, максимальное подлетное время баллистической ракеты составит от 5 до 7 минут, что фактически лишает государства времени на прояснение ситуации и принятие адекватного решения. В данном контексте любая ошибка или сбой системы будет вести к катастрофе³¹.

Учитывая опасность первого варианта, другим вариантом обеспечения убедительности сдерживания Пакистана может стать сценарий упреждающего удара, который должен уничтожить индийские ядерные силы в момент их подготовки к атаке.

Ответной мерой Индии может стать «упреждение упреждения», что выводит вероятность внезапной ядерной войны на очень высокий уровень.³²

Тот факт, что индийский и пакистанский ядерный арсеналы значительно меньше, чем арсеналы СССР и США в годы «холодной войны», в данной ситуации это станет фактором, понижающим порог сдерживания, поскольку уровень страха от возможности гарантированного уничтожения друг друга является значительно более сильным, нежели в ситуации, когда численность населения стран превышает ядерные возможности, что может породить иллюзию каких-либо перспектив после окончания ядерной войны.

Выводы

Итак, оценивая стабильность системы ядерного сдерживания в регионе Южной Азии, можно изложить следующие соображения:

1. В индо-пакистанской системе ядерного сдерживания основным элементом нестабильности является Пакистан как государство, чья основанная на доктрине «первого ядерного удара» оборонная стратегия не сковывает, а напротив, стимулирует склонность его политического руководства к балансированию на грани войны. Ситуация осложняется опасностью преднамеренного развязывания «случайной» ядерной войны между Индией и Пакистаном вследствие захвата пакистанского ядерного оружия экстремистскими группировками, которые имеют ряд баз на территории страны.

2. Неоднозначность системы ядерного сдерживания между Индией и Пакистаном, вызванная, с одной стороны, «отложенным» характером ядерного возмездия, а с другой, поведением в рамках «парадокса стабильности/нестабильности», играет скорее на понижение стабильности системы. Опасность ситуации заключается в чрезмерном уповании пакистанской стороны на ядерный фактор, что может завести Исламабад в провоцировании Нью-Дели достаточно далеко. Результатом таких действий станет война с применением обычных вооружений, которая уже сама по себе предполагает ряд возможностей для перерастания в ядерный конфликт.

3. Перспективы растущей асимметрии системы взаимного сдерживания вследствие ядерного соглашения Индии и США

также способны спровоцировать двойственные последствия. С одной стороны, рост ядерной мощи Индии неизбежно приведет к понижению ядерного порога Пакистана и к возможному принятию на вооружение таких доктрин, как «упреждение» или «ответно-встречный удар», что превратит ядерное столкновение между Индией и Пакистаном лишь в вопрос времени. С другой, откровенное ядерное превосходство Индии при сохранении к ядерному оружию политического подхода в рамках «минимального сдерживания», может привести к стабилизации поведения Пакистана и его отхода от политики риска, обусловленной «парадоксом стабильности/нестабильности».

4. Что касается возможностей повторения примера южно-азиатской модели сдерживания в рамках других региональных систем, в частности на Ближнем Востоке, то данные системы рискуют воспроизвести советско-американский опыт ядерного взаимодействия в значительно менее стабильном варианте. Этому способствует:

– во-первых, географическая близость между государствами, что делает опасными столь принятые в контексте советско-американской практики меры, как ответно-встречный удар, делая системы предупреждения о ракетном нападении элементом, дестабилизирующим систему;

– во-вторых, отсутствие возможности гарантированного уничтожения друг друга может провоцировать рождение неоправданных надежд на вероятность изменения статус-кво вследствие ядерной войны;

5. В том случае, если системе индо-пакистанского ядерного сдерживания и в дальнейшем удастся избежать коллапса, она может подвигнуть другие государства в качестве залога собственной безопасности на создание региональной системы ядерного сдерживания. Более того, организация подобных систем будет скорее всего сопровождаться «конвенционализацией» ядерного фактора и, соответственно, понижением его стабилизирующей роли во взаимоотношениях оппонентов. В результате мир вряд ли избежит пожара ядерных кризисов, способных поставить под угрозу выживание целых государств.

¹ *Тимербаев Р.* Режим нераспространения ядерного оружия на современном этапе и его перспективы // Научные записки ПИР-Центра. – 2004, № 1, с. 59.

- ² *Shanker T.* 12 Million Could Die at Once in an India-Pakistan Nuclear War // *The New York Times*. May 27, 2002.
- ³ *Kumar Mishra R.* India-Pakistan: Nuclear Stability and Diplomacy // *Strategic Analysis* Jan-Mar. 2005. Vol. 29, № 1, с. 101–131.
- ⁴ Pakistan's Nuclear Forces 2007. Nuclear Notebook // *The Bulletin of The Atomic Scientists*. 2007. Vol. 63, № 3, с. 71–73.
- ⁵ *Басрур Р.* К вопросу о ядерной доктрине Индии // *Ядерный контроль*. 2005. Т. 11, № 1, с. 41–51.
- ⁶ *Snyder G., Diesing P.* Conflict Among Nations. Bargaining, Decision Making and System Structure in International Crisis. – Princeton: Princeton University Press, 1977, с. 259.
- ⁷ *Salik N.* Minimum Deterrence and India Pakistan Nuclear Dialogue: Case Study on Pakistan // *LNCV South Asia Security Project*. 2006, № 1. http://www.centrovolta.it/landau/South%20Asia%20Security%20Program_file%5CDocumenti%5CCase%20Studies%5CSalik%20-%20S.A.%20Case%20Study%202006.pdf
- ⁸ *Jayprakash N.D.* India's Nuclear War Plans // <http://www.counterpunch.org/jayprakash01232003.html>
- ⁹ *Kumar Mishra R.* India-Pakistan: Nuclear Stability and Diplomacy // *Strategic Analysis*. Jan-Mar.2005. Vol. 29, № 1, с. 101–131.
- ¹⁰ *Salik N.* Op.Cit.
- ¹¹ *Jones R.W.* Is Stable Nuclear deterrence Feasible? // <http://www.policyarchitects.org/pdf/stablenucleardeterrence.pdf>
- ¹² *Basrur R.M.* Minimum Deterrence and India Pakistan Nuclear Dialogue: Case Study on India//*LNCV South Asia Security Project*. 2006, № 2 http://www.centrovolta.it/landau/South%20Asia%20Security%20Program_file%5CDocumenti%5CCase%20Studies%5CBasrur%20-%20S.A.%20Case%20Study%202006.pdf
- ¹³ *Pattanaik S.S.* Strategic Analysis: A Monthly Journal of the IDSA // *January-March 2003*. Vol. XXVII, № 1 – http://www.ciaonet.org/olj/sa/sa_jan03pas01.html
- ¹⁴ *Kampani Gurav.* Placing the Indo-Pakistani Standoff in Perspective // <http://cns.miis.edu/pubs/reports/pdfs/indopak.pdf>
- ¹⁵ *Sagan S.* The Perils of Proliferation in South Asia // *Asian Survey*. 2001. Vol. 46, № 6, с. 1064–1086.
- ¹⁶ *Zahra F.* Pakistan's Road To a Minimum Nuclear Deterrent // *Arms Control Today*. July/August 1999, с. 9–13, http://www.armscontrol.org/act/1999_07-08/fzja99.asp

- ¹⁷ *SSK Agosta 90B Class Attack Submarine, France* // <http://www.naval-technology.com/projects/agosta/>
- ¹⁸ *Joshi S.* Nuclear Proliferation and South Asia: Recent Trends // http://www.nti.org/e_research/e3_91.html
- ¹⁹ *IMRA* interview with Edward Luttwak, 26 July 1999, <http://www.imra.org.il/story.php?id=2870>
- ²⁰ *Malik M.* The stability of Nuclear Deterrence in South Asia: The Clash Between State and Antistate Actors // *Asian Affairs, an American Review*. 2003. Vol. 30, № 3, с. 179.
- ²¹ *Sagan S.* Op. cit, с. 1075.
- ²² *Kampani G.* India's Compellance Strategy: Calling Pakistan's Nuclear Bluff Over Kashmir – <http://cns.miis.edu/pubs/week/020610.htm>
- ²³ *Basrur R.M.* Nuclear Weapons and Indian Strategic Culture // *Journal of Peace Research*. 2001. Vol. 38, № 2, с. 181–198.
- ²⁴ *Ahmed S.* Security Dilemmas of a Nuclear-Armed Pakistan // *Third World Quarterly*. 2000. Vol. 21, № 5, с. 781–793.
- ²⁵ *Pattanaik.* Op. cit.
- ²⁶ *Ahmed S.* Op. cit., с. 788.
- ²⁷ *Malik M.* Op. cit, с. 182.
- ²⁸ *Zahra F.* Op. cit.
- ²⁹ *Lavoy P.R., Smith S.A.* The Risk of Inadvertent Nuclear Use Between India and Pakistan // *Strategic Insights*. 2003. Vol. 2, № 2.
- ³⁰ *Shireen M. Mazari.* Understanding Pakistan's Nuclear Doctrine // http://www.issi.org.pk/journal/2004_files/no_3/article/1a.htm
- ³¹ *Carranza M.E.* An Impossible Game: Stable Nuclear Deterrence After the Indian and Pakistani Tests // *Nonproliferation Review*. Spring/Summer 1999, с. 11–24.
- ³² *Ahmed S.* Op. cit, с. 790.

К.А.Ткаченко

РАЗВИТИЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ФРГ С АРАБСКИМИ СТРАНАМИ

С начала текущего столетия развитие торгово-экономических связей Федеративной Республики Германии со странами Ближнего Востока и Северной Африки отличается повышенной динамикой. Это связано с рядом причин, среди которых выделяются экономические: следствием стабильного роста мировых цен на энергоносители, наблюдаемого с конца 1999 г., стало резкое увеличение доходов, получаемых арабскими странами от экспорта нефти и газа. В середине текущего десятилетия их объем приблизился к 0,5 трлн. долл.¹ Соответственно, значительно увеличились масштабы инвестиционных программ; возрос потребительский спрос на различные товары и услуги, прежде всего импортируемые из промышленно развитых стран, включая ФРГ. Но в основе указанной тенденции лежат и причины политические, прежде всего умеренная позиция, занятая Германией в отношении ситуации вокруг Ирака, которая позитивно воспринимается в значительной части арабского мира.

Страны Ближнего Востока и Северной Африки издавна являются деловыми партнерами Германии, но в целом и по отдельности они занимают в торгово-экономических связях крупнейшей экономической державы Европы довольно скромное место. Показательно то, что ввозя из ФРГ товаров на сумму в 3,4 млрд. евро (2002 г.), нефтяной гигант Ближнего Востока – Саудовская Аравия находилась лишь на 34 месте среди важнейших импортеров немецких товаров. Причем 3/4 экспорта Саудовской Аравии в ФРГ приходилось на топливно-сырьевой компонент – нефть и природный газ².

Собственно, последнее обстоятельство – узость номенклатуры товаров, которые они могут предложить мировой промышленной державе, во многом и предопределяет относительно скромное место Саудовской Аравии и других

стран региона среди деловых партнеров ФРГ. Данное обстоятельство также предопределяет относительную нестабильность объема двустороннего торгового оборота: после взлета в 2002 г., в последующем – в 2003 и 2004 гг. германский экспорт в Саудовскую Аравию сократился, а затем, в 2005 г. он вновь увеличился, причем на значительную величину – на 1/3 – с 3054 млн. до 4043 млн. евро. Импорт из Саудовской Аравии в 2005 г. также существенно возрос, составив 1369 миллионов евро. Германия, видимо, начинает укреплять свое положение в качестве второго после США торгового партнера Саудовской Аравии.

Но что особенно важно для укоренения тенденции к расширению и диверсификации торгово-экономических связей – это быстрый рост числа деловых германских партнеров-саудийцев на ключевом низовом уровне – к 2007 г. свою деятельность в Королевстве ведут примерно 220 немецких предприятий и фирм.

Основой германского экспорта в Саудовскую Аравию традиционно являются транспортные средства, станки, химическая и электротехническая продукция. Возможности промышленного подъема в Саудовской Аравии расширяют горизонты двустороннего сотрудничества, в особенности в областях использования экологически чистых технологий и производства комплектного промышленного оборудования.

Власти Саудовской Аравии рассматривают как приоритетные области промышленного развития в Королевстве строительство железных дорог, сооружение крупных установок по опреснению морской воды, получение электроэнергии, добычу газа. В этих сферах государство при расширяющемся участии местного частного капитала осуществляет различные проекты, в которых германские компании имеют свои ниши.

Этому способствует созданное в 1978 г. в рамках Союза промышленно-торговых палат Германии (DIHK) Бюро по вопросам экономических связей Германии и Саудовской Аравии (GESALO). Бюро является частью всемирной сети торгово-промышленных палат Германии, а также Внешнеторговой палаты Германии. Через Бюро, расположенное в Эр-Рияде, GESALO поддерживает и содействует двусторонним экономическим отношениям между Германией и Королевством Саудовская Аравия.

В 2003 г. состоялся официальный визит в Саудовскую Аравию канцлера Германии Г.Шредера, которого сопровождала представительная делегация германской бизнес-элиты, включая главу концерна "Siemens", председателя правления концерна "TUI", председателя правления компании "Rheinmetall", руководителей концернов "EADS" и германского филиала концерна "ABB", других «акул» германского бизнеса.

Показательно, что в ходе визита обоими партнерами были сделаны крупные шаги, направленные на динамичное наращивание деловых связей. В частности, «Дойче Банк» (Deutsche Bank), нередко играющий роль успешно действующего «локомотива» в развитии внешнеэкономических связей ФРГ, получил лицензию на открытие своего филиала в Саудии. Торговые отношения между Германией и Саудовской Аравией имеют хорошие перспективы дальнейшего расширения.

Объединённые Арабские Эмираты являются одним из важнейших экономических партнёров Германии среди арабских стран. 2006 г. стал для немецкого экспорта очередным успешным годом – экспорт увеличился на 25%, составив 5,4 млрд. евро. Очевидно, что внешняя торговля Германии с ОАЭ была лишь в незначительной степени затруднена укрепившимся евро и развивается динамичнее всего немецкого экспорта в целом. Для немецкой внешнеэкономической деятельности значение ОАЭ сравнимо со значением таких новых индустриальных центров, как Гонконг или Сингапур. По объёму торгового оборота ФРГ в текущем столетии входит в 5 крупнейших партнёров Эмиратов, уступая лишь Индии, Китаю, Японии и США³. В ОАЭ активно действуют около пятисот немецких фирм и компаний, из них около 150 в Абу-Даби и порядка 350 в Дубае и северных эмиратах. Немецкая коммерческая деятельность сосредоточена в Германском деловом совете в Дубае и Абу-Даби. В ОАЭ проживают около 7,5 тысяч граждан Германии.

Между Германией и ОАЭ действуют Соглашения о воздушных перевозках, о двойном налогообложении, о гарантиях и стимулировании иностранных капиталовложений. Содействие развитию внешнеэкономических связей Германии с ОАЭ осуществляют Бюро экономического представителя Германии в Дубае (филиал находится в Абу-Даби), представитель Федерального агентства по внешнеэкономическим

связям в Дубае, представитель посольства Германии в Абу-Даби, а также Генеральное консульство Германии в Дубае. В Дубае расположено Бюро Немецкого туристического центра.

Важным деловым партнером Германии на Арабском Востоке традиционно была и остается Ливия. Она занимает третью позицию по объёму поставок нефти в ФРГ из-за рубежа. Германия также играет в ливийском внешнеэкономическом комплексе исключительно важную роль, являясь вторым после Италии потребителем ливийской сырой нефти. Среди стран, из которых Ливия импортирует товары, Германия занимает «почетное» второе место.

Германский экспорт состоит в основном из машин и оборудования – станков, электротехники, автомобилей, а также продуктов питания. Такая структура носит традиционный для деловых связей между обеими странами характер.

Как и в целом по региону БВСА, германские инвестиции в Ливию направляются преимущественно в нефтяной сектор. В сфере туризма в Германии успешно существует множество туристических компаний, предлагающих поездки в Ливию к местам археологических раскопок и в пустыни.

Снятие международных санкций с Ливии открыло новые перспективы развития двусторонних экономических отношений. В частности, вновь стало возможным получение Ливией средств из фонда «Гермес», направляемых в различные проекты развития. В 2000 г. состоялся визит экономических делегаций из Германии, возобновилось участие германской стороны в Международной ярмарке в Триполи. Все это подчёркивает важность ливийского рынка для ФРГ. Объём торгового оборота между двумя странами в 2006 г. резко вырос и достиг внушительной суммы в 5,6 млрд. евро. Из них 5 млрд. приходится на импорт Ливией германских товаров, что на 28% больше показателя предыдущего года. Импорт Германии из Ливии составил ок. 0,6 млрд. евро, что на 10% ниже уровня предыдущего года. Дальнейший рост делового партнерства в обеих странах связывают с двусторонним Договором о стимулировании и гарантиях капиталовложений. Он был заключен во время визита канцлера Германии Г.Шредера в Ливию.

Тунис – одна из наиболее продвинутых в экономическом отношении арабских стран, достаточно динамично следующая по пути развития интеграционных связей со странами

ЕС, имеет разветвленные партнерские связи с экономическим лидером Европы.

Это соотносится с развитием производственной кооперации – основы стабильных партнерских связей, не подверженных влиянию политической конъюнктуры: почти 40% импорта из Германии и 80% экспорта в ФРГ осуществляется тунисскими предприятиями с участием германского капитала, а также предприятиями, осуществляющими переработку давальческого сырья из Германии.

Германия находится на четвертом месте среди зарубежных стран и по масштабам инвестиций в Тунис. Размер капиталовложений порядка 260 предприятий с долей германского капитала, занятых экспортом широкого спектра продукции, составляет почти 240 млн. евро. Эти предприятия обеспечивали в начале XXI в. свыше 34 тыс. рабочих мест, что очень важно для этой арабской страны, где довольно высока, как и по всему региону БВСА, безработица. Поэтому правительство страны, стремясь поощрять иностранных инвесторов, освобождает, как правило, эти предприятия от налогообложения (так называемые "оффшорные" предприятия).

Германия является для Туниса третьим по значимости торговым партнером, Тунис – важнейший экспортный партнер Германии среди стран Магриба.

Объем взаимного товарооборота между двумя странами в 2005 г. превысил 1,8 млрд. евро, увеличившись более чем на 3,5% по сравнению с предыдущим годом.

В отличие от большинства арабских государств торговля Туниса с Германией носит более сбалансированный характер: импорт из ФРГ слегка превысил 1 млрд. евро, экспорт в Германию составил 825 млн. Важнейшими экспортными товарами из Германии в Тунис являются текстиль (полуфабрикаты), электронная техника, станки, автомобили, продукция химической промышленности, продовольственные товары, а также железо и изделия из железа. Важнейшими импортными товарами из Туниса являются текстиль (конечная продукция), электротехнические изделия, изделия из кожи, сырая нефть, продовольственные товары, топливо, смазочные масла и ковры. Таким образом, номенклатура тунисского экспорта достаточно развита – в ней преобладают не топливно-сырьевые товары, а продукция обрабатывающей промышленности.

Не менее важной сферой делового тунисско-германского партнерства является развитие туристического бизнеса. Последний рассматривается в Тунисе как едва ли не ведущая отрасль национальной экономики, которая дает львиную долю валютных поступлений в страну. В 2001 г. Тунис посетили 935 тыс. немецких туристов. Как следствие стагнации мировой экономики и эха террористических атак 11 сентября 2001 г. в США, а также теракта на острове Джерба 11 апреля 2002 г., число немецких и других европейских туристов в Тунисе в 2002 г. существенно сократилось. В настоящее время туризм снова растет. В 2006 г. в Тунисе побывало примерно 560 тыс. немцев.

Важным экономическим фактором для Туниса являются денежные переводы, осуществляемые гастарбайтерами. В Германии работают и проживают 42 тыс. тунисцев. Ежегодно, по оценкам тунисских специалистов, они переводят на родину свыше 50 млн. евро.

Правительство Германии заключило с Тунисом ряд важных соглашений экономического характера – это Соглашение о гарантиях иностранных капиталовложений (1966), о морских перевозках (1966/1997), о воздушном сообщении (1968), о правовой защите (1968), об устранении двойного налогообложения (1975), о дорожных и грузовых перевозках (1984) и социальном страховании (1984). В Тунисе рассматривают успешное развитие делового партнерства с ключевой страной Евросоюза как необходимое условие достижения важнейшей внешнеполитической цели – вхождения Туниса со временем в интеграционную группировку ЕС.

Европейский союз является для Марокко важнейшим поставщиком и покупателем (49% и 70% соответственно). Главным торговым партнером неизменно является Франция, доля которой в марокканском импорте составляет 18,2%, затем следует Испания (11%). Германия занимает седьмое место после обеих перечисленных стран, а также Саудовской Аравии, России, Италии и Китая. Доля ФРГ во внешнеторговом обороте королевства составляет 4,7%. Экспорт Германии в Марокко в 2006 году по сравнению с предыдущим снизился на 8,7%. ФРГ – третий по величине зарубежный инвестор в Марокко.

Экономическое отделение посольства Германии в Рабате и основанная в 1997 г. Торговая палата Германии совме-

стно добиваются интенсификации экономических взаимоотношений двух стран и оказывают немецким коммерсантам в Марокко разнообразную помощь.

Между Марокко и Германией действуют следующие экономические соглашения: об устранении двойного налогообложения, о стимулировании инвестирования, о морском сообщении; соглашение о ветеринарии, о социальной защите, о правовой помощи по гражданским, уголовным делам, торговым спорам; соглашение о наземных пассажирских и грузовых перевозках. Германско-марокканское Соглашение о воздушных перевозках было заменено Европейско-марокканским соглашением типа "open sky" («открытое небо»). Ратификация марокканской стороной нового варианта Договора о стимулировании инвестирования пока что не состоялась, поэтому данный договор продолжает оставаться в силе в редакции 1961 г. В деловых отношениях двух стран имеются нерешенные проблемы. В частности, ФРГ добивается прекращения дискриминации на марокканском рынке немецких предпринимателей, занимающихся грузовыми перевозками. Заметим, что подобных ограничений не испытывают деловые партнеры из других европейских стран.

Среди стран-членов ССАГПЗ Кувейт с давних пор является третьим после Объединённых Арабских Эмиратов (ОАЭ) и Саудовской Аравии по значимости рынком сбыта немецких товаров. Страна занимает четвёртое место среди всех арабских государств-импортёров товаров из Германии. Экспорт Германии в Кувейт вырос в 2005 г. на 7,3% (т.е. на 83 млн. евро) по сравнению с предшествующим годом, достигнув 1218,8 млн. евро. Немецкая промышленность поставляет в Кувейт преимущественно высококачественные автомашины, станки, оборудование (в особенности электростанции), электротехническую и химическую продукцию, металлоконструкции и продукты питания. Среди стран-экспортёров в Кувейт Германия занимает второе место после США. Сравнительно небольшой по объёму импорт из Кувейта, в основном состоящий из сырой нефти, снизился в 2005 г. на 63,3% по сравнению с 2004 г., составив 23,1 млн. евро. В первой половине 2006 г. импорт вырос на 32%, достигнув 16,2 млн. евро. Кувейт размещает в Германии значительные капитальные вложения и является инвестором известных немецких предприятий. С 4 декабря 1987 г. между Германи-

ей и Кувейтом существует Соглашение об избежании двойного налогообложения. Договор между обеими странами о гарантиях и стимулировании иностранных капиталовложений вступил в силу 15 ноября 1997 г.

Что касается Сирии, Иордании, Бахрейна, Катара, Омана и некоторых других государств региона, то торгово-экономические связи между ними и ФРГ по своему объёму существенно уступают другим государствам региона БВСА и занимают во внешнеэкономическом комплексе Германии довольно скромное место. Роль ФРГ в торгово-экономических связях каждой из стран этой группы более существенна, однако все же относительно не велика: к примеру, ФРГ занимает десятое место среди крупнейших торговых партнеров Омана⁴. Объёмы двусторонней торговли между ними не превышают 1–1,5 млрд. евро, т.к. в них либо отсутствуют поставки углеводородов, либо промышленный экспорт из малых и средних по размеру арабских стран невелик. Относительно невысокий уровень промышленного производства, других отраслей, узость сырьевой базы предопределяют и масштабы немецких инвестиций в их экономику.

Однако в совокупности, да и по отдельным странам эти отношения значимы. К примеру, хотя Ливан является небольшим государством, однако он является привлекательным для Германии экспортным рынком. Более того, по меньшей мере, 300 национальных предприятий представляют в Ливане интересы Германии. Германия, в свою очередь, принадлежит к числу важнейших торговых партнёров Ливана. В 2005 г. Германия экспортировала в Ливан товары на сумму 657 млн. долл. США, что составляет 7% совокупного ливанского импорта. Экспорт Ливана в ФРГ достигает всего лишь порядка \$18 млн. (1% совокупного ливанского экспорта). Ключевыми аспектами германского содействия развитию экономики группы стран, не экспортирующих углеводороды, является участие в реализации программ оказания помощи Ливану, включая создание рабочих мест, обеспечение работы служб водоснабжения и канализации, стимулирование экономики и охрану окружающей среды и т.п. Спонсорами по Программе кооперации в интересах развития являются Общество по оказанию технического содействия, Кредитное учреждение по оказанию помощи в восстановлении, Организация по оказанию технической помощи и другие.

**Объем товарооборота некоторых арабских стран
с Федеративной Республикой Германией в 2004–2006 гг.,
млн. евро**

Страна	Экспорт из ФРГ		Импорт в ФРГ	
	2004 г.	2005 г.	2004 г.	2005 г.
Египет	...	1872	435	825
Саудовская Аравия	3054	4043	950	1364
Кувейт	1136	1210	36	23
Тунис	960	1008	803	825
Йемен	133	142	6	5
ОАЭ	4350	5400	20	25
Катар	509	584	30	22
Оман	293	466	12	14
Сирия	...	526	...	908
Ливан	...	657	...	18
Ливия	650	592	3906	5000
Судан	33,4	33,6	141,6	229,4

* Данные соответственно за 2005 и 2006 гг.

** 2003 г., оценка.

*** 2004 г., оценка.

**** Данные за период с января по ноябрь.

***** Долл. США.

Источник: Данные национальной статистики арабских стран; The Middle East and North Africa. L., 2004–2007.

¹ Middle East Economic Digest. L., 2006, 15–21 December, с. 79.

² БИКИ. М., 2003, № 132, с. 4.

³ The Middle East and North Africa. 2007. L., 2007, с. 1204.

⁴ Oman. 2006–2007. Ministry of Information. Muscat. 2006, с. 215–220.

О.Е.Трофимова

**ЭКОНОМИКА ЙЕМЕНА:
РЕЗУЛЬТАТЫ ВЫПОЛНЕНИЯ ПЛАНОВ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ**

Йемен относится к беднейшим странам арабского мира. К тому же после объединения Южного и Северного Йемена в 1990 г. государству пришлось предпринять значительные усилия для интеграции двух различных экономических систем, что замедлило процесс развития. После распада СССР и прекращения советской помощи Южному Йемену его экономика находилась в кризисном состоянии из-за дефицита финансовых ресурсов. Основные запасы нефти и газа были сосредоточены в Южном Йемене в провинциях Шабва и Хадрамаут, в 1984 г. было открыто нефтяное месторождение в Марибе на границе двух йеменских государств. Поступления от углеводородов могут существенно оживить пейзаж на экономическом пространстве йеменского государства. Основная хозяйственная деятельность на юге была сосредоточена в Адене, где находился крупнейший порт и нефтеперерабатывающий завод, построенный еще в 50-е годы прошлого века. До 1995 г. ВВП Йемена неуклонно снижался, за 1990–1994 гг. он уменьшился практически вдвое, как и доход на душу населения, но уже с середины 90-х годов, совпавших со становлением нефтегазовой промышленности, экономика Йемена характеризовалась более высокими темпами роста ВВП, хотя падение цен на нефть отражалось на устойчивости экономического развития. Структура ВВП оставалась без изменений, основное значение имели сельское хозяйство, рыболовство, доля которых составляла 25%. На добывающие отрасли приходилось 14% ВВП, на обработку, включая нефтепереработку, – 9,6%, сферу услуг – 16,1%¹. Модернизация и диверсификация экономики страны, развитие торговли и туризма, эффективное использование ограниченных водных ресурсов осложнялось не только высокими темпами прироста населения, но и отсутствием стратегии раз-

вития экономики. Возвращение в 90-е годы около 850 тыс. йеменских рабочих из стран Персидского залива, сокращение помощи, нестабильная политическая ситуация в стране, закончившаяся гражданской войной в 1994 г., также оказали воздействие на экономическое развитие страны, привели к снижению темпов роста.

Первая программа реформирования экономики была принята в 1995 г. Целью экономических, финансовых и административных реформ стало достижение стабильных темпов роста во всех секторах экономики, за счет снижения уровня инфляции и безработицы, стабилизации платежного баланса и государственного бюджета, создания благоприятного инвестиционного климата, усиления роли частного сектора. Государство приступило к осуществлению стабилизационной программы с сокращения дефицитов госбюджета и платежного баланса. С этой целью были предприняты меры по либерализации цен и торговли, приватизации государственных предприятий и развитию экспорториентированных отраслей. Были сокращены текущие расходы госбюджета, увеличены основные налоги и введены новые, снижены субсидии, поэтапно либерализованы цены на зерно и муку, пересмотрена зарплата и проведена переоценка инвестиционных проектов. Государство отменило количественные ограничения во внешней торговле и на обмен иностранной валюты, разрешило вывоз капитала и прибыли, отменило лицензирование экспортно-импортных операций, упростило таможенное законодательство.

Реформа денежной политики и банковского сектора предусматривала разрешение коммерческим банкам открывать счета в иностранной валюте в других странах, были выпущены казначейские векселя для сокращения государственного долга, структурированы и классифицированы долги банков и пересмотрен долг Парижскому клубу, введены современные схемы управления банковским сектором и проведена подготовка к созданию фондового рынка. Для успешного проведения экономических и финансовых реформ планировалось модернизировать административную систему управления и пересмотреть роль и задачи государства. Основные социальные реформы заключались в новой политике занятости и в создании специального фонда гражданской службы для перераспределения зарплаты, компенсаций и пенсий, реформирован Пенсионный фонд и созданы новые фонды

социального благосостояния и общественных работ и социальный фонд развития.

В результате осуществления программы экономических реформ рост ВВП составил 5,6% в 1995–1999 гг. вместо планируемых 7%. Причем темпы роста различались в зависимости от отраслей: нефтяная промышленность росла ежегодно на 7,7%, обрабатывающая на 2,6%, нефтеперерабатывающая только на 1,4%². Дефицит госбюджета и платежного баланса снизился благодаря либерализации внешней торговли и упрощению таможенного законодательства. Уменьшилась также денежная масса в обращении и выросли золотовалютные резервы до 4,7 млрд. долл. в 2003 г., в среднем их рост составлял 56,6% в год. Обменный курс стал стабильным и достиг 160 реалов за долл. в 1999 г. Однако из-за высокого прироста населения (3,5% в год) доход на душу населения в этот период оставался низким – примерно 330 долл. Из-за падения цен на нефть и уменьшения нефтяного экспорта торговый дефицит вырос, но дефицит платежного баланса снизился до 2% ВВП в 1998 г.³ Дефицит госбюджета также сократился, он составлял 5,2% ВВП в 1995 г., а в 1998–99 гг. сводился с профицитом⁴. Доля сельского хозяйства и рыболовства в ВВП снизилась с 25,1% в 1990 г. до 16% в 1999 г., вклад добывающей промышленности вырос в ВВП с 14,1% до 31,3% в этот же период, а доля обрабатывающих отраслей практически не изменилась, оставшись на уровне 10%⁵. Но в целом, экономические показатели свидетельствовали о наметившейся тенденции к экономической стабильности. Инфляция составляла в 1995–99 гг. 14,5% в год. Выросла роль внутренней торговли, число банков увеличилось до 14. Инвестиции в промышленность возросли, в том числе и в частный сектор, увеличился экспорт. Внешний долг снизился с 250% ВВП в 1995 г. до 65% в 1997 г. и составил 4,48 млрд. долл.⁶

Основными инвесторами в экономику Йемена оставались национальные инвесторы, иностранные инвестиции не превышали 10% от общих капиталовложений, несмотря на закон № 22, принятый в 1999 г. с целью создания институциональной и законодательной базы для стимулирования притока капиталов. Закон предусматривал освобождение от налогов и таможенных сборов капиталов, вложенных в проекты, а также от налогов на доход на срок от 7 до 16 лет как для местных, так и иностранных инвесторов. Таким образом не только защищались капита-

ловложения от национализации, замораживания проектов, но и стимулировалось привлечение иностранных инвестиций на региональном и международном уровне.

Для решения сложных экономических проблем и пересмотра существующих стратегий на макроэкономическом уровне и в дополнение к программе реформирования экономики страны был разработан 1-й пятилетний план экономического и социального развития Йемена на 1996–2000 гг. Он базировался на рыночных механизмах, усилении роли частного сектора и пересмотре экономической роли государства, в руках которого была сконцентрирована вся инфраструктура и социальная сфера. Он совпал с завершающей стадией структурной перестройки экономики (1998–2000 гг.) и с новой фазой программы экономической, финансовой и административной реформы, направленной на увеличение темпов экономического роста и борьбу с бедностью. План основывался на реализации 3-х основных целей: 1) корректировка существующего экономического дисбаланса и контроль над инфляцией и безработицей, 2) увеличение темпов экономического роста с помощью иностранных и внутренних капиталовложений, а также за счет осуществления государственных проектов развития в целях повышения доходов и уровня жизни, 3) уменьшение различий между регионами, использование сравнительных преимуществ имеющихся ресурсов. Социально-экономическая стратегия первого пятилетнего плана заключалась в следующем – приоритетное развитие человеческих ресурсов, максимальное использование выгод от экспорта нефти и газа как основного источника государственных доходов, стимулирование роста обрабатывающей промышленности с помощью внедрения новых технологий и создания новых рабочих мест, а также подъем сельского хозяйства и рыболовства, за счет которых живет основная часть населения.

Второй пятилетний план (2000–2005 гг.) стал продолжением первого и важной составной частью йеменской социально-экономической стратегии до 2025 г. Оба плана были нацелены на рациональное использование ограниченных национальных ресурсов, рост доли производительных отраслей в ВВП, диверсификацию национальной экономики с упором на потенциально перспективные отрасли, снижение уровня безработицы. Важными направлениями второго плана стали также улучшение финансового положения государства и платежного балан-

са, увеличение конкурентоспособности йеменской экономики, усиление роли частного сектора и стимулирование иностранных и национальных инвесторов. По мнению представителей министерства планирования и развития к основным внутренним особенностям, сдерживающим быстрое и эффективное социально-экономическое развитие страны, относятся высокий уровень бедности (ниже черты бедности проживало до 2000 г. 34,9% населения), недостаточно развитая инфраструктура, высокие темпы прироста населения, безработица (достигает 37% от общего населения страны), низкий уровень грамотности (более 50% взрослого населения безграмотно) и неразвитость системы общего и технического образования. Кроме того, йеменская экономика слабо интегрирована в мировое хозяйство и не затронута процессами глобализации. Йемен также практически не участвует в региональных экономических блоках, хотя стремится к вступлению в ВТО.

Второй пятилетний план предусматривал среднегодовые темпы роста ВВП в 5,6 и снижение прироста населения до 3% к 2005 г. Структуру ВВП планировалось изменить за счет увеличения сферы услуг и обрабатывающей промышленности при условии, что они будут расти на 8% в год. Доля госсектора в этих отраслях должна снизиться, а частного сектора возрасти. Нефтегазовая отрасль останется важным источником доходов госбюджета (более 70%) и экспортных доходов (более 90%). Доля капиталовложений в ВВП также должна увеличиться за этот период с 19,2% до 28,6% за счет частного, государственного и нефтегазового секторов. Расчеты плана основывались на том, что средний рост экспортных доходов от нефти будет падать из-за снижения ее добычи и составит 3,2% в год, в то время как рост экспорта товаров и услуг планировался в размере от 10 до 17% в год за счет развития туризма и Аденской свободной зоны⁷.

Стабилизация госбюджета и госфинансов в рамках второго пятилетнего плана базировалась на росте доходов от обрабатывающей промышленности и сферы услуг на 6,7% в год, что должно привести к снижению дефицита госбюджета до 3,4% ВВП, а государственного долга с 57,9% до 44% ВВП при условии роста притока иностранных инвестиций и реструктуризации задолженности. Приоритетным направлением во втором плане осталась проблема занятости, планировалось снизить уровень безработицы с 11,9% до 9%⁸. Для повышения квалификации

рабочей силы и производительности труда должны были использоваться специально созданные с этой целью центры повышения квалификации и технической подготовки и переподготовки кадров, проводиться модернизация управления и реорганизации производства.

До 2001 г. экспорт сельскохозяйственной продукции постоянно рос, несмотря на более низкие, по сравнению с предусмотренными первым планом, темпы прироста сельского хозяйства – 5,4% вместо 7% в год. Это было связано с невысокой производительностью труда в этой отрасли, нехваткой воды, дефицитом ирригационных систем, плодородных земель и инвестиций. В сельском хозяйстве заняты 53% экономически активного населения, или $\frac{3}{4}$ совокупного населения сельской местности. Кроме того, в Йемене традиционно основная часть сельскохозяйственного производства была представлена катом – наркотическим растением, на которое приходилось 30% производства и 24% занятых в этой сфере⁹. Под кат отведены лучшие, плодородные земли, по некоторым данным, на него уходит больше половины семейных бюджетов. Во втором пятилетнем плане предусматривался рост сельского хозяйства в 6% в год, что означало корректировку завышенных показателей первого плана. В отличие от сельского хозяйства, рыболовная отрасль росла быстрее запланированного в первом плане уровня в 7%, темпы роста здесь достигли 12,3% в 2005 г. Но, несмотря на потенциально высокие возможности этой отрасли, его вклад в ВВП остается скромным – 2,4% в 1995–2000 гг.¹⁰

Темпы роста обрабатывающей промышленности были невысокими и составляли в 1995–2005 гг. всего 2,6%, хотя ей была отведена приоритетная роль в обоих планах. Она остается малодиверсифицированной и представлена в основном пищевой, текстильной отраслями, производством сигарет, мебели, цемента, лекарств, изделий из пластмассы. Для ее роста необходимы иностранные и внутренние капиталовложения, новые технологии, повышение конкурентоспособности местной продукции и квалификации рабочей силы. В стратегии Йемена до 2025 г. упор сделан на развитие торговли как внутренней, так и внешней за счет диверсификации ненефтяного экспорта, что поможет стране интегрироваться в мировую экономику и осуществить планы вступления в ВТО.

По уровню бедности Йемен занимает 76-е место среди 85 самых бедных стран. Основная часть бедного населения

сконцентрирована в сельскохозяйственных районах, где за чертой бедности проживает более 1/3 населения. Почти половина населения младше 15 лет из-за высокой рождаемости. Это мешает успешному социально-экономическому развитию, в связи с чем в 2002 г. была принята Стратегия борьбы с бедностью. В ее разработке участвовали Всемирный банк и МВФ. По некоторым данным, 41,8% населения Йемена страдает от нехватки продуктов питания, не получает образования, не пользуется услугами здравоохранения и транспорта, т.е. примерно 6,9 млн. чел.¹¹ Более 80% всех живущих за чертой бедности находится в сельскохозяйственных районах, где семья состоит минимум из 8 человек. Половина из них сосредоточена в четырех провинциях – Таиз, Ибб, Сана и Ходейда. В Адене более 30% населения также живет за чертой бедности. Основным источником дохода 8% населения являются иностранные пожертвования¹². В основе такого высокого уровня бедности лежат естественные факторы – высокий прирост населения, безработица, низкая зарплата, а также внутренняя политика и внешние факторы.

Четыре основные цели стратегии борьбы с бедностью включают рост темпов экономического роста, развитие человеческих ресурсов, совершенствование базовой инфраструктуры и обеспечение социальной защиты населения. На перспективу до 2025 г. предусматривается снижение уровня бедности как и сокращение прироста населения до 3% в год. Планировалось снизить число живущих за чертой бедности на 13% еще в 2003–2005 гг. Государство намерено увеличить капиталовложения в социальную сферу и на развитие инфраструктуры за счет бюджетных средств и роста доходов от обрабатывающей промышленности, а также разработать новую систему налогообложения, сократить госрасходы, увеличить зарплату и пенсии на фоне сокращения субсидий. Для реализации стратегии борьбы с бедностью был подготовлен список первоочередных инвестиционных проектов и программ с участием иностранных и местных инвесторов. Йемен также рассчитывал на приток помощи на международной, региональной и двусторонней основе. Кроме того, государство планировало обеспечить к 2005 г. 65% населения услугами здравоохранения и 69,3% населения начальным образованием, особенно в сельской местности. Улучшение базовой инфраструктуры означало совершенствование системы водоснабжения и электрификацию основных

районов для 40,3% населения в 2005 г. и строительство новых дорог с асфальтовым покрытием (3,3 тыс. км)¹³. Для роста социального благосостояния предусматривалось создание новых пенсионных схем, центров обучения инвалидов и детских домов.

В основе этих планов лежал ускоренный экономический рост, достичь которого было невозможно без реструктуризации йеменской экономики и приватизации ряда предприятий, а также роста капиталовложений в экономику. Рост национальной экономики на 4,7%, предусмотренный в стратегии борьбы с бедностью, возможен при уровне прироста населения не более 1,7–2% в год. Только при этом условии возможно создание новых рабочих мест, улучшение стандартов жизни, особенно для бедных, и снижение уровня бедности до 35,9%, намеревавшихся к 2005 г. Для поддержания экономической стабильности планировалось модернизировать налоговую и финансово-денежную политику, перестроить экономику за счет приватизации, роста обрабатывающих отраслей и частного сектора, развития сферы услуг и туризма.

Несмотря на недостатки в осуществлении Первого и Второго планов развития в целом их основные цели были реализованы, хотя и не в полном объеме. Рост ВВП был ниже запланированного и составил в 2000–2005 гг. 4,1% на фоне снижения темпов прироста населения с 3,5% до 3%. В 2005 г. по этому показателю Йемен занимал 112 место среди 181 страны. Уровень бедности снизился в целом с 39 до 36% за пятилетний период в основном за счет улучшения стандартов жизни в городах, где доля бедного населения уменьшилась с 25 до 19%¹⁴. Доля нефтегазовой промышленности снижалась, хотя доходы от экспорта нефти росли из-за постоянного повышения цен на нефть. Темпы роста сельского хозяйства, сферы услуг и обрабатывающей промышленности были почти вдвое ниже запланированных во второй пятилетке показателей. Исключением стало рыболовство, которое росло примерно на 22% в год. Несмотря на увеличение государственных расходов на здравоохранение, образование и социальную сферу, доля здравоохранения в госбюджете составляла лишь 1,4%, образования – 6%. Собираемость налогов была низкой, другие госдоходы также росли медленней запланированных, поэтому профицит госбюджета в 6% ВВП в 2000 г. сменился его дефицитом в 2,3% в 2005 г. Рост импорта был выше на 50%, чем ожидалось

за счет увеличения ввоза готовой продукции, машин и транспортного оборудования, а доля импортируемого продовольствия снизилась. Общий долг государства увеличился с 4,9 до 5,2 млрд. долл. в 2000–2005 гг. за счет привлечения займов для развития инфраструктуры и человеческих ресурсов¹⁵. Объем торговли вырос с 8,54 млрд. долл. в 2000 г. до 11,98 млрд. в 2006 г. Основными торговыми партнерами Йемена были США, Саудовская Аравия, ОАЭ, Китай и Россия. Официальная помощь развитию росла медленно, ее приток увеличился с 6,4 млн. долл. в 2000 г. до 335,9 млн. долл. в 2006 г.¹⁶

Итоги экономического развития Йемена в 1991–2004 гг. были также подведены в Докладе Экономической и Социальной комиссии ООН для Западной Азии. За этот период ежегодный рост ВВП составлял 5,1% при росте населения в 3,6% в год, что привело к росту ВВП на душу населения в среднем на 1,5% в год¹⁷. Это был самый высокий показатель в группе наименее развитых стран. На нефтегазовый сектор приходилось 30% ВВП в 2001–2004 гг., в 1991 г. – только 13%. Доля сельского хозяйства снизилась с 26% ВВП в 1991 г. до 13% в 2004 г. из-за нехватки воды и уменьшения земельного клина под культурными растениями за счет роста производства ката (на него приходилось 25% всего сельскохозяйственного производства в 2004 г.) Тем не менее, доля населения, живущего за чертой бедности незначительно снизилась с 41,8% в 1998 г. до 40,1% в 2003 г.¹⁸

По мнению экспертов Комиссии, к основным сложностям, с которыми столкнулось йеменское государство при осуществлении первых двух планов экономического развития страны, относятся нехватка финансовых средств, ограниченность человеческих и природных ресурсов, недостаточные размеры иностранных инвестиций и помощи по линии международных организаций и других внешних источников финансирования, несмотря на принятую ООН Декларацию тысячелетия, в которой приоритетная роль отводилась наименее развитым странам. В 1990–2004 гг. Йемен получил помощь всего на сумму 1,246 млрд. долл. по линии ЕС, специализированных учреждений ООН, от Нидерландов, США, Англии и др. стран и льготные займы на сумму 2,658 млрд. долл. от международных и региональных фондов. Более 60% полученных средств были вложены в инфраструктуру, образование, здравоохранение, сельское хозяйство. Оставшиеся 40% были предоставлены в форме

технического содействия. Примерно 1/3 всех средств в 1990–2004 гг. поступила от арабских региональных фондов, а страны ОЭСР перечислили Йемену всего 153 млн. долл.¹⁹

Третий план социально-экономического развития Йемена (2006–2010 гг.) мало отличался по своим задачам от двух предыдущих планов. Он также был нацелен на экономический рост, снижение бедности, реструктуризацию экономики и усиление роли частного сектора. Были также запланированы меры по децентрализации власти, снижению региональных диспропорций, улучшению инвестиционного климата. Главной макроэкономической целью Третьего плана стали амбициозно высокий уровень экономического роста в 7% в год и 10% для обрабатывающей отрасли и сферы услуг, что должно снизить число живущих за чертой бедности до 20% к 2010 г. Осуществление этих целей базировалось на увеличении капиталовложений в наиболее перспективные отрасли, снижении прироста населения, модернизации денежной и налоговой политики, дальнейшей диверсификации экономики и привлечении иностранной помощи и займов в размере 10 млрд. долл. и подготовке к вступлению в Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива. Планируется также довести уровень частных инвестиций до 62% от общей суммы. В своем докладе на заседании парламента в феврале 2008 г. премьер – министр Йемена отметил, что темпы экономического роста снизились с 5,6% в 2005 г. до 3,2% в 2006–2007 гг. из-за падения доходов от нефти и газа на 8,3%, снижения внутренних капиталовложений с 14,4% в 2005 г. до 3,6% в 2006–2007 гг., а иностранных – с 49,4% до 45%²⁰.

Весной 2008 г. был опубликован доклад Всемирного банка о результатах экономического развития страны в 2006–2007 гг. и его перспективах на 2008 г. Падение добычи нефти в этот период более чем на 12% негативно сказалось на темпах экономического роста и платежном балансе. В 2006 г. добыча нефти составляла 360 тыс. баррелей в день, в 2008 г. предсказывается снижение до 300 тыс. баррелей. Доходы от добычи нефти в январе-октябре 2007 г. упали с 3,5 млрд. долл. до 2,401 млрд. долл. Темпы роста составили всего 3,6% в 2007 г. и 3,2% в 2006 г. Рост в сфере услуг и обрабатывающей промышленности, состоящей на 90% из мелких предприятий и производящей неконкурентоспособную, по сравнению с импортной, продукцию, практически остался на прежнем уровне и

составил всего 5% в 2006–2007 гг. вместо запланированных в третьей пятилетке 10%, несмотря на увеличение государственных и частных инвестиций в эти сектора. Наиболее позитивным достижением за эти два года стало снижение инфляции с 18,5% в 2006 г. до 12,5% в 2007 г. Однако принятое в марте 2008 г. решение об увеличении зарплаты и социальных выплат, скорее всего, приведет к росту инфляции в текущем году до 16% и росту дефицита платежного баланса. Рекордно высокие цены на нефть и усилия для обеспечения роста нефтедобычи должно привести к росту ВВП на 4,2% в 2008 г.²¹ Однако растущий приток иммигрантов из Африки, в основном из Сомали, может свести на нет и без того ограниченные экономические перспективы страны и привести к росту безработицы.

Дефицит госбюджета, по оценкам Всемирного банка, вырастет с 5,6% ВВП в 2007 г. до 6,8% в 2008 г. Из-за роста зарплаты и других госрасходов, дефицит платежного баланса также, возможно, увеличится до 1% ВВП (в 2006 г. он сводился с профицитом в 1% ВВП). Внешний долг Йемена составил 5,8 млрд. долл. на конец 2007 г., то есть вырос на 6% по сравнению с предыдущим годом. Структурные реформы в рамках третьей пятилетки пока выполняются недостаточно активно, речь идет о децентрализации управления экономикой, политической и экономической либерализации, финансовой стабильности и улучшении инвестиционного климата.

Несмотря на рост общего объема торговли, торговые связи с арабскими странами развивались неактивно из-за низкой конкурентоспособности йеменской продукции и ее ограниченной номенклатуры. Иностранные инвестиции в обрабатывающую и добывающую отрасли растут медленно, хотя инвестиционный климат и законодательство заметно улучшились. Йеменское правительство рассчитывало на приток иностранного капитала, особенно из стран Персидского залива, однако многое будет зависеть от политической стабильности в стране. С помощью реформ в добывающей промышленности планируется ускорить разведку новых месторождений нефти и газа, модернизировать законодательство и налоговый режим. Планы развития туристической отрасли, а именно довести ее доли в рамках третьей пятилетки до 7% ВВП, едва ли будут достигнуты после гибели испанских и бельгийских туристов, что привело к снижению притока туристов, особенно из европейских стран. В 2006 г. на Йемен приходилось 0,9% (382 тыс. чел.)

притока туристов в страны Ближнего Востока, а доходы от него составляли лишь 309 млн. долл. в 2006 г.

Проекты развития базовой инфраструктуры зависят от притока капиталовложений, но внутренних средств явно не хватает, также как и иностранных инвестиций.

Таким образом, йеменская экономика, несмотря на некоторые достижения, остается слаборазвитой, особенно обрабатывающая промышленность, инфраструктура, информационные услуги. В стране отсутствуют предприятия тяжелой промышленности, во многих районах нет транспортной инфраструктуры, и 74% населения не подключено к энергоснабжению. Система профессиональной подготовки кадров не развита, по всей стране ощущается нехватка водных ресурсов, усугубляемая растущим расходом воды на культивирование ката. Население продолжает расти, уровень бедности снижается медленно, несмотря на принятые меры. Все это сказывается на темпах роста экономики. Она остается подверженной колебаниям цен на нефть. К тому же Йемену, как и многим арабским странам, пришлось в сжатые сроки модернизировать свою традиционно сложившуюся и недостаточно зрелую экономику на основе западной модели развития. Коренным преобразованиям мешают также такие дестабилизирующие факторы, как столкновение интересов отдельных племен, террористические акты, конфликт на севере страны в Сааде. Внешняя задолженность, как отмечалось, продолжает расти, хотя в целом Йемен получает ежегодно лишь 300 млн. долл. в виде помощи развитию и льготных займов. Объем поступающих иностранных прямых инвестиций незначителен – примерно 250–300 млн. долл. в год (по некоторым оценкам, в 2007 г. он достиг 1 млрд. долл.) Наиболее быстрыми темпами росли инвестиции из стран Персидского залива – они увеличились с 1992 г. по 2007 г. до 1,7 млрд. долл. и составили 82% всех иностранных капиталовложений в Йемен²². Всемирный банк в конце августа 2007 г. одобрил 138 проектов для Йемена на сумму 2,4 млрд. долл. В настоящее время начато освоение 19 проектов на сумму 712 млн. долл., из них 48% направляются в инфраструктуру, в основном водоснабжение, 18% – в сельское хозяйство, 12% – на образование, 17% – на здравоохранение и социальную сферу²³. Евросоюз также предоставил Йемену в 1990–2006 гг. 180 млн. евро на экономические проекты, а также регулярно предоставляет продовольственную помощь.

Более 80% этих средств было выделено в 1997–2002 гг. В 2007–2010 гг. Еврокомиссия планирует предоставить 75 млн. евро для поддержки реформ и управления экономикой, на развитие частного сектора и образование. На конференции по инвестициям, состоявшейся в апреле 2007 г., йеменская сторона предложила иностранным и местным инвесторам 100 проектов общей стоимостью свыше 7 млрд. долл. в области энергетики, нефтедобычи, туризма, строительства, транспортной инфраструктуры, промышленности.

Важным достижением йеменской экономики стало изменение структуры ВВП. С 1990 г. по 2005 г. этот показатель вырос с 13,8 млрд. долл. в 2003 г. до 20,38 долл. в 2006 г. Доля добывающей и обрабатывающей промышленности увеличилась и составила 43,7% в 2006 г. Доля сельского хозяйства в составе ВВП снизилась до 13,3% в 2005 г., сократилась и сфера услуг²⁴. Но в целом процесс модернизации йеменской экономики начался. Государство пытается с помощью иностранных и внутренних инвестиций разрабатывать новые месторождения нефти и газа и увеличить добычу нефти, развивать инфраструктуру, внедрять новые технологии.

Только в 2002 г. государственные и частные инвесторы вложили в развитие информационных технологий более 150 млн. долл.

Процесс приватизации продолжается. В 1995–2002 гг. было приватизировано 100 государственных компаний более чем в 16 отраслях. Началось строительство первого частного нефтеперерабатывающего завода в Мукалле, стоимость проекта оценивается в 100–150 млн. долл.

Положение Йемена в международном разделении труда остается сложным из-за сырьевой направленности его экономики и ее слабой модернизации за счет обрабатывающих отраслей и сферы услуг, а также малоквалифицированной рабочей силы и неконкурентоспособности ее продукции.

¹ Republic of Yemen 10 years of Achievements 1990–2000 Ministry of Planning & Development p.122.

² Summary of the Second Five Year Plan for Economic & Social Development 2001–2005 Ministry of Planning & Development p. 13.

³ см. сноску 1) p. 133.

⁴ см. сноску 2) p. 15.

⁵ см. сноску 2) p. 14.

- ⁶ см. сноску 2) p. 16.
⁷ Summary of the Second Five Year Plan for Economic & Social Development 2001–2005 Ministry of Planning & Development p. 28–29.
⁸ см. сноску 7).
⁹ см. сноску 7) p.35.
¹⁰ см сноску 7) p. 36.
¹¹ Poverty Reduction Strategy Paper (2003–2005) p. 18.
¹² Ibid., pp. 19–20.
¹³ Ibid. p.63.
¹⁴ Third Socio-Economic Five Year Plan (2006–2010) Ministry of Planning & Development p. 1.
¹⁵ Ibid. p. 2.
¹⁶ <http://www.mesteeel.com/statistics/macrj/yemen.html>,
<http://www.devdata/worldbank.org/external>.
¹⁷ Report of Economic & Social Commission for Western Asia U.N. N.Y. 2005 p. 3.
¹⁸ <http://yemen-prsp.org/site/publish/english/html>.
¹⁹ см сноску 16) p. 5–6.
²⁰ Yemen Post 25 february 2008 p.8.
²¹ Yemen Economic Update The World Bank Group Sana`s office Spring 2008 p. 2.
²² Yemen today october 2007, p.24.
²³ <http://web.worldbank.org>.
²⁴ http://en.wikipedia.org/wiki/Economy_of_Yemen.

Н.Ушакова

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ИТАЛИИ В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Страны Северной Африки всегда были тесно связаны торгово-экономическими отношениями с Европой, в первую очередь с бывшими метрополиями – Англией, Францией, Италией и Испанией. В последние два десятилетия Италия уделяет все больше внимания государствам юга Средиземноморья как в сфере политики, так и экономики.

Особенно привлекательными для итальянских инвесторов являются благодаря политической стабильности Тунис, Марокко и Египет. Алжир – страна с богатейшими природными ресурсами – также во все большей степени притягивает итальянских предпринимателей. Что касается Ливии – традиционного партнера Рима в регионе, то она сохраняет лидирующие позиции во внешнеэкономических связях Италии с Северной Африкой.

ЛИВИЯ – ТРАДИЦИОННЫЙ ПАРТНЕР. Италия выступала за снятие с Ливии санкций ООН^{*}, которые препятствовали, в частности, притоку итальянского капитала в эту страну. После отмены международных санкций ситуация изменилась в лучшую сторону, итальянские предприниматели смогли воспользоваться преимуществами принятого Триполи еще в 1997 г. закона об инвестициях, который разрешает создание совместных предприятий с участием ливийского и иностранного капитала. Согласно закону, инвестор освобождается от выплаты налогов, в том числе на реинвестируемую прибыль, в течение 5–8 лет, а также от таможенных пошлин на импорт машин и оборудования для реализации инвестиционного проекта.¹

* Санкции были наложены в 1992 г. в связи с отказом Триполи выдать двух ливийцев, обвиненных рядом западных стран в причастности к взрыву в 1988 г. самолета американской компании «Панамери-кэн» над шотландским местечком Локерби. Санкции были приостановлены в 1999 г. и отменены в 2002 г.

Несмотря на некоторые несовершенства в инвестиционном законодательстве, Ливия представляет собой очень выгодный рынок как для крупных, так и для малых и средних итальянских предприятий (МСП). Самым крупным инвестором выступает компания Эни, ведущая свою деятельность в Ливии с 1959 г. через Аджип Петроли и Аджип Газ в отрасли по добыче углеводородов. В числе других инвесторов выступают компания Ивеко (сборка грузовиков), Снам Проджетти, Джеосервис (энергетическая отрасль), Калабрезе Инжиниринг (сборка автомобилей), Иль Нуово Касторо (услуги по монтажу оборудования, консультации), Алиталиа, Таррос (транспорт)².

В 1999 г. в Триполи было создано Смешанное италийско-ливийское общество. Его акционерами стали 138 итальянских и 20 ливийских государственных компаний. Одна из главных целей общества – оказание помощи итальянским предприятиям, которые участвуют в тендерах на подряды.

В ноябре 2000 г. Ливия заключила соглашение с итальянской фирмой Энельпауер о строительстве новой электростанции. Стоимость проекта – 200 млн. долл. Большие надежды итальянцы связывают с новым газопроводом, который соединил Ливию и Сицилию и позволил Италии получать 8 млрд. куб. м. газа в год. Большая часть трассы пройдет по дну Средиземного моря³.

В ходе визита в Ливию в октябре 2002 г. премьер-министра Италии Сильвио Берлускони был подписан ряд важных экономических соглашений, в том числе – о строительстве дороги, которая соединит север и юг Ливии. На данный проект Италия выделила 60 млн. евро⁴.

Помимо энергетической отрасли, где прочные позиции занимает компания Эни (около 25% потребностей Италии в нефти покрывается Ливией), а также сборки автомобилей, для Италии становятся перспективными и другие направления инвестирования. Это в первую очередь сельское хозяйство (75% потребностей Ливии в пищевых продуктах удовлетворяется за счет импорта)⁵, рыбная промышленность.

В Ливии планируется строительство новых портов, оснащенных для переработки и консервирования рыбы. В настоящее время в стране есть лишь один завод по переработке тунца в г. Занзура, еще два – в городах Зувара и Хомс по расфасовке в банки сардин.

Неплохие возможности заложены в сфере туризма, хотя его развитие тормозится бюрократическими проволочками (слишком долгие сроки получения виз, индивидуальный отдых только по

приглашению и т.д.). Итальянская фирма Вальтур со своими ливийскими партнерами в 2003 г. начала строительство первой туристической деревни в Ливии недалеко от Римской виллы в г. Силин на 1200 мест и пятизвездной гостиницы⁶.

Как заявил заместитель министра промышленности Италии Адольфо Урсо, находясь с визитом в Триполи в апреле 2003 г., «перспективы для итальянских малых и средних предприятий обнадеживающие, особенно в тех секторах экономики, которые постепенно выходят на свободный рынок, от туризма до агропромышленного комплекса, от строительства до текстильной промышленности. Также нельзя недооценивать и ливийские инвестиции в Италию, прежде всего в ее южные области»⁷.

Таким образом, наряду с традиционными сферами приложения итальянского капитала в Ливии (нефтегазовый комплекс) в последние годы наблюдается их диверсификация. В то же время иностранные, в том числе итальянские инвестиции, во многом сдерживаются из-за таких факторов, как отсутствие последовательного экономического планирования, сильная зависимость от цен на нефть, непрозрачность в налоговых вопросах, чрезмерная бюрократизация, неэффективность государственных предприятий, устаревшая инфраструктура и политическая непредсказуемость лидера страны.

ТУНИС – САМАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНАЯ СТРАНА ДЛЯ МАЛЫХ И СРЕДНИХ ПРЕДПРИЯТИЙ ИТАЛИИ. Либеральная инвестиционная политика, стабильный политический климат, а также программы по приватизации и модернизации экономики страны, принятые более 10 лет назад, сделали Тунис одной из самых притягательных стран Северной Африки для иностранных капиталовложений. Согласно Кодексу по содействию инвестициям (1994 г.) и дополнениям к нему (1999 и 2000 гг.), иностранные инвесторы в Тунисе могут владеть 100% капитала предприятия, производящего экспортную продукцию, они освобождаются от уплаты налогов и таможенных пошлин. Дополнительные льготы предоставляются инвестиционным проектам, нацеленным на содействие передаче передовых технологий, на создание МСП, а также проектам по охране окружающей среды и энергосбережению⁸.

В 2006 г. в Тунисе действовало значительное число предприятий с 100% итальянским капиталом, а также совместные италийско-тунисские фирмы, на которых трудилось 46 тыс. человек. Общее количество таких фирм и предприятий достигло 800, с объемом инвестиций на сумму около 516 млн. евро⁹.

Бесспорное лидерство (около 40%) в отраслевом распределении итальянских инвестиций в Тунисе принадлежит текстильной и швейной промышленности, где наряду с крупными группами, такими как Бенеттон, текстильная компания Мирлио ГВБ (создавшая три предприятия в Тунисе), компании Марцотто, Таччини и др., функционируют более 300 МСП.¹⁰

Крупные итальянские фирмы обычно передают в Тунис часть своих производственных циклов. Некоторые компании легкой промышленности, обосновавшиеся в Тунисе в начале 90-х годов для производства продукции более простого качества, впоследствии переориентировались на выпуск продукции среднего и высокого качества, сумев подготовить квалифицированный персонал на месте.

Италия выступает важным партнером Туниса на рынке кожаных изделий. Первые предприятия с участием итальянского и тунисского капитала в кожевенной и обувной промышленности Туниса возникли в двух центральных городах страны – Тунисе и Сфаксе. Создание мелких и средних совместных итальянско-тунисских фирм стало логическим продолжением широко развитых в Тунисе ремесел в этой области, где сегодня благодаря участию итальянцев получают распространение новые технологии обработки кож. Экспорт обуви и кожгалантереи, произведенных на совместных предприятиях, составляет половину всего экспорта этих товаров из Туниса¹¹.

Во время своего визита в Тунис в 2000 г. министр промышленности Италии Энрико Летта заявил, что Италия будет стремиться также инвестировать и в другие отрасли экономики, поскольку «интересные перспективные направления в сельском хозяйстве, агропромышленном комплексе, машиностроении и электронике, информатике пока не в полной мере освоены итальянскими предпринимателями»¹².

В 2001 г. сицилийской фирмой Калатраси было создано совместное предприятие по производству вина на площади виноградников в 650 га. Большие инвестиции осуществила итальянская строительная фирма Колачем, что стало возможным после проведенной в 2000 г. приватизации тунисской строительной промышленности (в частности, были приватизированы 4 цементных завода). Один из этих заводов приобрела Колачем, начав реконструкцию и модернизацию производственного оборудования и вложив в него более 80 млн. евро.

В целом отраслевая структура итальянских инвестиций в 2003 г. в Тунисе выглядит следующим образом: текстильная промышлен-

ность – 40%, химическая промышленность и производство резины – 20%, электроприборы и электроника – 10%, строительство, транспорт, туризм – 10%, машиностроение и металлургическая промышленность – 8%, пищевая промышленность и сельское хозяйство – 7%, кожевенная и обувная промышленность – 5%¹³.

В Тунисе активно работает Итальянское общество содействия деятельности предприятий за границей, которое финансирует некоторые инвестиционные проекты с участием МСП по созданию совместных итальянско-тунисских фирм.

Интерес к инвестициям в Тунис со стороны итальянских предприятий продолжает расти, о чем свидетельствуют и все более многочисленные делегации предпринимателей, прибывающие с деловыми визитами в эту страну, большое количество частных и государственных инициатив, реализуемых в Тунисе. В этом отношении показательна деятельность, развернутая на уровне областей Италии, в частности Ломбардии и Лацио, которые после подписания соответствующих соглашений с тунисскими губернаторами открыли оперативный пункт в Тунисе для содействия областным предприятиям. Область Венето начинает реализацию крупного проекта по созданию промышленной зоны первоначально на площади в 50, а затем 250 га, на которой разместятся 150 предприятий.¹⁴

Как и в Ливии, итальянцы расширяют сферу приложения своих капиталов, осваивая новые районы и сферы экономики Туниса.

В МАРОККО – ОСВОЕНИЕ НОВЫХ РЫНКОВ. В последнее десятилетие постоянное увеличение притока итальянского капитала наблюдалось и в Марокко, политика которого направлена на поощрение иностранных инвестиций.

В 1995 г. в Марокко была принята «Карта инвестиций».

Иностранным инвесторам гарантировались те же права и преимущества, которые предоставлялись местным предпринимателям. Согласно этому документу, разрешено осуществлять прямые иностранные инвестиции (ПИИ) в любые отрасли экономики, за исключением покупки сельскохозяйственных угодий, а также отдельных видов деятельности, закрепленных за государством, как, например, добыча фосфатов.

Иностранные инвесторы могут без ограничений переводить за границу свои дивиденды и прибыль. Не существует и ограничений по валютному курсу при импорте товаров.

Хотя Италия не входит в число традиционных инвесторов Марокко, присутствие итальянских фирм постоянно растет.

Франция, Испания, США всегда поддерживали с Марокко тесные политические контакты, поэтому им предоставлялись лучшие условия для ведения бизнеса. В то же время если в 2004 г. в Марокко насчитывается около 800 французских предприятий, 500 испанских и только около 70 – итальянских, то в 2006 г. таких уже было 174.¹⁵

В Марокко итальянских инвесторов привлекают такие несомненные преимущества, как географическая близость, политическая стабильность, низкие таможенные пошлины или их отсутствие (на машины и запчасти, произведенные за пределами Марокко), умеренное присутствие государства в экономике и проводимые реформы по приватизации, инфраструктура «приемлемого» уровня (большие государственные инвестиции на строительство электростанций, дорог, плотин и портов), а также низкая стоимость рабочей силы. Среди основных итальянских предприятий в Марокко, представляющих крупный капитал, следует упомянуть Фиат (собирающий в стране две марки автомобилей – Палио и Сиену), Аджип (нефтяная компания), Италчементи, СТМикроэлектроникс (в апреле 2001 г. она открыла новое предприятие в промышленной зоне недалеко от Касабланки), Кристалстрасс (производство стекла), и, наконец, ряд предприятий текстильной и обувной промышленности, крупнейшим из которых выступает Супер Райфл.

Помимо прямых инвестиций итальянские фирмы осуществляют портфельные инвестиции, приобретая часть акций марокканских компаний. В качестве примера можно привести фирму Индустри Хоспитальер по производству медицинских препаратов (25% акций принадлежит итальянской стороне), фирму Этруп Марок по изготовлению пробковой продукции (20% акций владеет итальянская фирма Этрурия Корк), фирму Сомака С.А. по сборке автомобилей марки Фиат Уно (20% – в руках Фиата) и другие.¹⁶

В последнее время Марокко проявляет растущий интерес к сотрудничеству в некоторых отраслях, где Италия имеет несомненное преимущество перед другими странами (агропромышленный сектор, кожевенная промышленность, одежда, мебель, морские продукты и т.д.). Многочисленные соглашения были заключены крупными дистрибьюторскими фирмами Марокко с такими итальянскими партнерами, как Рио Марэ (рыбные продукты), Верниано (кофе), Дзаини (сладости), Галло (рис), Па-гани (паста), Дзузг (фруктовые соки), Пата (чипсы). Небольшие инвестиции отмечаются в сфере услуг и ремесленном производстве (монтаж электрооборудования, выпуск рекламных проспектов и др.)¹⁷.

В ходе визита в Италию короля Марокко Мухаммеда VI в апреле 2000 г. была достигнута новая договоренность о конверсии одной трети задолженности Марокко (около 320 млн. долл.) в экономику страны и защиту окружающей среды. Стороны подчеркнули необходимость развивать деятельность совместных предприятий, а также интенсифицировать сотрудничество в таких областях, как туризм, рыбная промышленность, текстильная промышленность, агропромышленный комплекс. Эти намерения были подтверждены в совместном «Плане действий», подписанном в декабре 2001 г. в Риме представителем МИД Италии и послом Марокко¹⁸

В целом итальянские фирмы в Марокко, конкурируя с французским, испанским и американским капиталом, имеют неплохие перспективы сотрудничества в таких отраслях, как легкая и пищевая промышленность, электрооборудование, химическая промышленность.

В ЕГИПТЕ – ВНИМАНИЕ «ТЯЖЕЛЫМ» ОТРАСЛЯМ. В отличие от Марокко итальянские предприниматели довольно успешно действуют в Египте. Начатая в стране в 1990-е годы реализация программ приватизации и глубоких структурных реформ (частично финансируемых, в том числе, через конверсию египетской задолженности Италии в проекты по развитию), относительная стабильность национальной валюты, значительные льготы для привлечения иностранных инвестиций создали достаточно благоприятный общий инвестиционный климат.

Стратегия Египта по привлечению иностранных капиталов строится на налоговых льготах, низких таможенных пошлинах, отсутствии контроля государства над ценами и на гарантиях, что созданные предприятия не будут конфискованы или национализированы.

В целом в период с 1996 по 2003 г. среднегодовой объем прямых инвестиций Италии в Египет достигал 20 млн. евро. В 1997 г. был отмечен значительный отток капитала в основном из-за ухудшения макроэкономических показателей Египта, в частности, из-за падения темпов роста экономики с 5 до 1,5%. Прибыльность итальянских инвестиций снизилась, что и привело к сокращению их объема. Однако в 1999 г. ситуация кардинальным образом изменилась, что способствовало существенному увеличению их объема, который был зафиксирован на отметке 45 млн. евро. В 2000 г. наблюдалось новое сокращение инвестиционного потока из-за непоследовательности действий египетского правительства, проблем финансово-денежной политики. Тем не менее объем ПИИ Италии в Египет к 2003 г. превысил 25 млн. евро¹⁹, и

по этому показателю она занимает 9-е место среди стран-инвесторов²⁰. Основными инвесторами Египта продолжают оставаться Великобритания, Германия и Франция.

В отличие от Туниса и Марокко в Египте итальянские инвестиции осуществляются в основном крупными компаниями. Тем не менее Египет представляет несомненный интерес и для итальянских МСП благодаря его стратегическому положению, дешевой рабочей силе и льготному инвестиционному законодательству. Итальянские инвесторы уже много лет работают в Египте, в первую очередь в автомобильной, нефтяной промышленности, энергетике, строительстве и создании инфраструктуры. Наиболее известные из них – компании Эни, Пирелли, Фиат, Занусси.

Концерны Эни и Эдисон выступают как два основных производителя природного газа. Эни, в частности, планирует разработку различных месторождений газа, открытых недавно вблизи дельты Нила, и строительство газопровода, который соединит г. Порт-Саид с промышленной зоной в северо-восточной части Синайского полуострова. Изучается возможность экспорта газа в Италию через газопровод по дну моря, а также вопрос поставки его в Турцию.

Генеральная египетская дирекция по инвестициям и свободным зонам совместно с посольством Италии в Египте организовала в 2002 г. семинар по вложениям в автомобильную промышленность и связанными с нею отраслям. В этой области существует 139 проектов на сумму инвестиций более 500 млн. евро и с возможностями создания около 90 тыс. рабочих мест²¹. В настоящее время автомобильная промышленность Египта имеет очень высокий потенциал. Египетская сторона и Секция по продвижению итальянских инвестиций в Египте при Посольстве Италии готовят открытие специализированного центра по производству автомобильных деталей и запчастей.

Итальянские капиталовложения в Египте сосредоточены также в химической, металлургической, деревообрабатывающей, текстильной, фармацевтической, пищевой промышленности. Перспективными для инвестиций являются обрабатывающая промышленность и сфера услуг. В стране не хватает оборудования, призванного обеспечить длительное хранение пищевых продуктов, а в этой сфере Италия является одним из мировых лидеров.

Кроме традиционных сфер приложения капитала Италия готова вкладывать средства в охрану окружающей среды, что отвечает интересам Египта в связи с высоким демографическим рос-

том, недостаточным соблюдением экологических норм на промышленных предприятиях, быстрым увеличением парка автомобилей в таких городах, как Каир и Александрия.

Реформы, начатые египетскими властями в банковской сфере в целях модернизации египетской банковской системы, способствовали привлечению итальянского капитала в финансовую область. Так, в результате приватизации одного из крупнейших государственных банков Египта Bank of Alexandria, он был приобретен в октябре 2006 г. за 1,6 млрд.долл. крупным итальянским банком Intesa.²²

Таким образом, итальянские инвестиции в Египет имеют в последние годы постоянную тенденцию к увеличению. В отличие от Марокко и Туниса итальянские предприниматели вкладывают свои средства в Египте не только в легкую и пищевую промышленность, но и в развитие таких «тяжелых» отраслей, как производство природного газа, автомобилестроение, химическая промышленность. Большую заинтересованность итальянского капитала можно также наблюдать в аграрной сфере.

АЛЖИР – ОСНОВНЫЕ ИНВЕСТИЦИИ В НЕФТЕГАЗОВУЮ СФЕРУ. Если в Тунисе, Марокко и Египте политическая ситуация в 1990-е годы была достаточно стабильной, то гражданская война в Алжире привела к резкому сокращению притока в эту страну иностранного капитала, в том числе и итальянского. Начиная с середины 90-х годов правительство Алжира постепенно проводило кампанию по привлечению иностранных инвестиций, что выразилось в снижении налоговых ставок, таможенных пошлин и создании равных условий деятельности для иностранных и алжирских предприятий. Принятый Алжиром в 1993 г. «Кодекс инвестиций» позволил иностранному инвестору владеть до 100% капитала предприятий, ведущих деятельность по производству товаров или услуг, не входящих в компетенцию государства или общественных организаций. Государство сохранило монополию на добывающие отрасли, в том числе на добычу углеводородов, а также банковскую деятельность²³.

В 2001 г. алжирское правительство издало новое распоряжение, регулирующее национальные и иностранные инвестиции, в котором сохраняются основные положения Кодекса. Отныне устанавливались сниженная ставка импортной пошлины и освобождение от НДС в случае приобретения оборудования, товаров или услуг, необходимых для реализации инвестиционного проекта, и др.²⁴

Дополнительные льготы могут применяться по отношению к тем инвестициям, которые осуществляются в зонах, нуждающихся в особом внимании со стороны государства и представляющих повышенный интерес для развития национальной экономики, особенно если инвесторы используют собственные технологии для защиты окружающей среды и сохранения естественных ресурсов, а также экономят энергию.

В июне 2002 г. в ходе визита премьер-министра Италии Сильвио Берлускони в Алжир был заключен ряд важных экономических соглашений. Самое значительное из них касалось конверсии внешнего долга Алжира Италии, равного 84 млн. евро, в проекты по развитию страны. Итальянское правительство высказало заинтересованность в увеличении на 1/3 мощности газопровода Трансмед. Компания Энел увеличит на 1 млрд. куб. м в год импорт метана из Алжира благодаря новому соглашению о долгосрочных поставках газа с алжирской фирмой Sonatrach, занимающейся производством, транспортировкой и продажей углеводородов. Новые поставки планируется осуществлять с октября 2008 г., когда закончатся работы последней фазы увеличения мощности газопровода Алжир – Тунис – Италия.²⁵

16 ноября 2006 г. в ходе визита премьер-министра Италии Романо Проди в Алжир было подписано соглашение о строительстве газопровода Алжир – Сардиния с мощностью 8 млрд. куб. м в год.²⁶

Помимо прямых инвестиций итальянская сторона заключает контракты на строительство газопроводов и нефтепроводов, проведение геологической разведки месторождений нефти и газа. В 2003 г. на территории Алжира действовало всего 37 итальянских фирм, занятых в основном в энергетической отрасли, строительстве, сборке автомобилей и сельхозтехники, такие как АББ Италия (установки и оборудование для производства и реализации электроэнергии), Аджип (разведка месторождений и добыча углеводородов), Нуово Пиньоне (компрессоры, газовые турбины), Фиат (сборка автомобилей), Ансальдо Энергия (строительство и ремонт электростанций), Сафет (металлургические конструкции для строительства) и другие. И лишь одна фирма (В.Т.К.Дженоа) занимается торговыми и финансовыми операциями²⁷. По данным на сентябрь 2006 г., количество итальянских предприятий увеличилось до 106. Наряду с перечисленными сферами вложения капитала всё больше фирм появляется в таких отраслях, как общественное питание и гостиничный комплекс, консалтинг и информатика, банковские услуги и др.²⁸

План алжирского правительства по передаче в частный сектор предприятий 28 отраслей промышленности, 11 банков и страховых компаний открывает новые возможности для итальянских крупных компаний, а также для МСП, которых пока практически нет в Алжире. Алжир рассматривает итальянский опыт как перспективный путь развития всех отраслей экономики. Именно поэтому было заключено двустороннее соглашение между Италией и Алжиром по продвижению итальянских МСП на алжирский рынок²⁹.

В рамках двустороннего соглашения по культурному и научному сотрудничеству между Италией и Алжиром (от 3 июня 2002, ратифицированного 10 января 2004 г.) была принята Программа сотрудничества в сфере науки и передовых технологий на 2006–2008 гг., предусматривающая совместную деятельность в сфере охраны окружающей среды, энергетики, с/х и пищевой промышленности, информатики и телекоммуникаций, внедрение передовых технологий.

Еще в 2000 г. Италией была открыта кредитная линия на сумму около 27 млн. евро для поддержки деятельности МСП в Алжире. О необходимости увеличения итальянских инвестиций в Алжире высказался президент Италии Карло Чампи в ходе своего визита в Алжир в январе 2003 г. В частности, он подчеркнул, что итальянские предприятия «готовы участвовать в программе приватизации и создании инфраструктуры; они стремятся укрепить свои инвестиции в таких приоритетных отраслях, как энергетика, агропромышленный комплекс, защита окружающей среды и культура. В добыче и производстве углеводородов Италия и Алжир связаны давним и плодотворным сотрудничеством. Газопровод, который соединит Италию и Алжир через Сардинию, станет его новым этапом...»³⁰

Подводя краткий итог, можно выделить следующие особенности инвестиционной политики Италии в странах Северной Африки:

1. Итальянские капиталовложения в экономику североафриканских стран за последние 10 лет имели тенденцию к росту. В настоящее время среднегодовой объем прямых инвестиций составляет более 150 млн. евро (это примерно в 2 раза больше, чем в 1995 г.). При этом наряду с традиционными партнерами (Ливией и, в меньшей степени, Алжиром) Италия наращивает сотрудничество с Египтом, Тунисом и Марокко.

2. В целом для итальянских инвестиций в страны Северной Африки характерна высокая доля капиталовложений в отрасли,

где Италия занимает лидирующие позиции в мире. К ним в первую очередь относится легкая и пищевая промышленность. Именно на этих направлениях сильные позиции занимают малые и средние итальянские предприятия, составляющие основу экономики Италии. Наибольшую активность итальянские МСП проявляют в Марокко и Тунисе.

3. В странах с богатыми нефтегазовыми ресурсами (Алжир, Ливия) итальянский бизнес проявляет значительную предприимчивость в разведке, добыче и переработке нефти, в производстве газа и оборудования для газовой промышленности, строительстве газопроводов.

Операции в этих сферах осуществляются итальянской государственной энергетической компанией Эни и ее дочерней компанией Аджип через многочисленные фирмы на территории североафриканских стран. Прочные позиции в Северной Африке занимает также крупнейшая автомобильная компания Фиат и ее филиалы.

4. Итальянский капитал наряду с традиционными сферами своего приложения осваивает новые направления. В первую очередь это касается экономической и социальной инфраструктуры, средств коммуникации, транспорта, охраны окружающей среды и туризма.

5. Итальянские предприниматели жестко соперничают как с традиционными европейскими партнерами североафриканских государств (Англия, Франция, Испания), так и с США, Германией и Японией.

6. Рассматривая движение итальянских инвестиций в североафриканские страны, можно признать, что пока они не оказывают существенного влияния на экономику этого региона в силу как внутренних, так и внешних факторов. К ним относятся медленная реализация программ приватизации в большинстве стран, ограниченность емкости местных рынков, бюрократические проволочки и т. д.

Вместе с тем Италия считает Северную Африку своим перспективным экономическим партнером, и правительство страны оказывает поддержку на государственном уровне как коммерческим фирмам, так и общественным организациям и объединениям, интересы которых связаны с Алжиром, Египтом, Марокко, Ливией и Тунисом. Все это согласуется с общеевропейским подходом к развитию отношений ЕС со странами средиземноморского региона с целью создания к 2010 г. зоны свободной торговли в Средиземноморье.

- ¹ http://www.notiziariogiuridico.it/investimenti_libia.html
- ² <http://www.ice.gov.it/estero2/tripoli/>
- ³ http://www.assomineraria.org/news/view.php?id=6&news_pk=1616&from=index
- ⁴ <http://www.mclink.it/com/inform/>
- ⁵ <http://www.e-gazette.it/appfondimenti/ap331.htm>
- ⁶ <http://www.lanuovaecologia.it/natura/viaggi/130.htm>
- ⁷ http://www.mincomes.it/circ_dm/circ2000/com181200.htm
- ⁸ http://www.notiziariogiuridico.it/investimenti_tunisia.htm
- ⁹ <http://www.ice.gov.it/estero2/tunisi/presenza.htm>
- ¹⁰ <http://www.ice.gov.it/estero2/tunisi/>
- ¹¹ <http://www.ice.gov.it/paesi/default.htm>
- ¹² http://www.mincomes.it/circ_dm/circ2000/com_181200.htm
- ¹³ <http://www.ice.gov.it/estero2/tunisi/>
- ¹⁴ <http://www.ice.gov.it/paesi/default.htm>
- ¹⁵ <http://www.ice.gov.it/estero2/casablanca/presenza.pdf>
- ¹⁶ <http://www.ice.gov.it/estero2/casablanca/>
- ¹⁷ http://www.cerca360.com/casa/camere_di_commercio_italiane_al/camera_commercio_italiana_marocco.asp
- ¹⁸ <http://www.euganeo.it/cooperazione/i-cil04.htm>,
http://www.esteri.it/archivi/arch_stampa/noteinfo/dicembre01/nl4dic01i.htm
- ¹⁹ www.ice.it/statist_esterno/ide/serie/ar_im_out.htm
- ²⁰ www.ice.it/statist_esterno/ide/serie/ar_im_out.htm
- ²¹ <http://www.esteri.it/mae2000/polestera/cooperaz/uffviii/index.htm>
- ²² <http://xoomer.alice.it/nuovopapiro/index.html>
- ²³ http://www.notiziariogiuridico.it/investimenti_algeria.html
- ²⁴ <http://www.ice.gov.it/paesi/default.htm>
- ²⁵ http://www.enel.it/azienda/sala_stampa/comunicati/ss_comunicatiarticolo.asp?IdDoc=1496514
- ²⁶ <http://www.wuz.it/Home/AnsaNews/tabid/65/newsid/17307/Default.aspx>
- ²⁷ <http://www.ice.gov.it/estero2/algeri/default.htm>
- ²⁸ <http://www.ice.gov.it/estero2/algeri/presenza1.pdf>
- ²⁹ http://www.grtv.it/2002/giugno2002/2_Igiugno2002/algeria4.htm
- ³⁰ <http://www.mclink.it/com/inform>

А.О.Филоник

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ИМПЕРАТИВЫ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЕГИПТА

Экологическая напряженность превратилась за прошедшее десятилетие в актуальную проблему общеарабского значения. В Египте она проявляется особенно жестко. Поэтому страна вынуждена предпринимать серьезные природоохранные меры в интересах национальной безопасности и поддержания жизнеспособности.

Среди общего неблагополучия здесь легко выделить наиболее уязвимые места. Зонай особой опасности могут считаться средиземноморское побережье, а также долина и дельта Нила.

По прогнозам, к 2050 г. урез воды может подняться до полуметра и нанести серьезный ущерб всем видам деятельности в прибрежной зоне. За тридцать лет могут оказаться утраченными 200 тыс. рабочих мест в сельском хозяйстве, промышленности и в туризме. Кроме того, неясны судьба 1,5 млн. чел., промышленных и инфраструктурных объектов в районе Абу Кира, будущее озера Марьют, некоторых отрезков Суэцкого канала и ряда других местностей, важных в хозяйственном, ландшафтном и рекреационном отношении (2; 6.02.2008).

Относительно реальности этих угроз в Египте нет единого мнения, поскольку связанные с ними явления не могут считаться достаточно изученными. Но настороженные египетские аналитики весьма скептически оценивают текущую ситуацию. Они делают это с позиций нынешнего дня и считают, что сегодня закладываются основы будущих экологических потрясений. Колоссальный прирост населения и ползучая урбанизация, по их мнению, могут уже к 2080–2100 г. привести к исчезновению страны, которая имеет все шансы погрузиться в состояние анархии и распада. Тем более, что наступление городской цивилизации имеет столь высокие темпы, что за истекшие полвека площадь плодородных земель сократилась на 25%, или на 1,5 млн. федд. Ежегодно же в Египте из оборота выпадают до 60 тыс. федд., что чревато последовательным сокращением продовольственного фонда и снижением сельской занятости со

всеми социальными и политическими последствиями. Развитие этого процесса грозит сведением зеленого покрова в долине Нила и дельте до минимума и замещением его жильем для населения, которое может достигнуть 140 млн. чел. к концу века (3; 17.6.2007).

Радикальные экологи считают, что общество не добилось гармоничного развития за истекшие десятилетия. В частности, ими предлагается в кратчайшие сроки разгрузить дельту и долину и разместить производительные силы на иных территориях, подготовленных для проживания и производственной деятельности. Ясно, что речь идет в этом случае о колоссальных бюджетных затратах, о десятках миллионов людей и об исполнении задуманного в кратчайшие сроки. Только так можно добиться эффективности проекта. На деле же предлагается ускорить и интенсифицировать то, что государство в Египте уже делает на протяжении десятилетий в виде программы освоения земель под культурное земледелие с обустройством мест для проживания тех, кто трудится в хозяйствах. С начала 80-х годов к настоящему времени введены в оборот десятки тысяч федданов в разных районах страны – в Западной Нубии, в Северном Тахрире, Порт-Саиде. В 90-х годах начались работы по переброске части вод Нила по проекту «Суэцкий сифон» в Синайскую пустыню. Эти и другие проекты должны увеличить обрабатываемые угодья с 7,5 млн. до 11 млн. фед. и вместить до 6 млн. человек (3; 17.6.2007).

Но Египет определенно не сможет настолько ускорить расселение все новых людских континентов, чтобы полностью закрыть вопрос до того, как он обретет критическую массу.

Хотя конец века весьма удаленная от современности дата, и за это время могут появиться новые источники энергии, резервы и ресурсы, все-таки благополучное по всем параметрам завершение экологической эпопеи видится достаточно сомнительным. Тем более, что такой возможности могут мешать весьма серьезные природные явления пока невнятной этиологии, но грозные по предсказываемым последствиям.

Речь идет о потеплении климата, который в Египте в настоящее время рассматривается как чрезвычайно серьезная угроза развитию и национальной безопасности. Всплеск интереса к теме был спровоцирован докладом Stern Review on the Economics of Climate Change, опубликованным в конце 2006 г. и инициированным Англией как заинтересованной страной, обладающей обширными низменностями. Обзор группы Стерна, с одной стороны, вызвал существенное беспокойство мировой общественности относительно пер-

спектив влияния глобального потепления на масштабы подтопления ландшафтных депрессий и речных дельт и на перспективы экономического развития в свете собранных свидетельств. С другой стороны, доклад сразу же подвергся мощной критике как конъюнктурное исследование, которое опирается на не вполне корректные методы анализа и проповедует неоправданный пессимизм.

Экологи-теоретики настаивают на том, что Египет может более других пострадать от глобального потепления. Ведь по данным Всемирного банка, тепловое воздействие может существенно подорвать сельское хозяйство в районах интенсивного влажного земледелия Египта, которые составляют 25% всего их фонда в средиземноморском бассейне. Даже частичное выбытие их из оборота в силу опустынивания и засоления можно будет рассматривать как безусловное экологическое бедствие (2; 6.02.2008).

В случае дальнейшего нарастания это бедствие может угрожать развитию Египта через воздействие, в первую очередь, на дебит источников воды, объемы осадков, их частоту и место. Повышение уровня мирового океана может отрицательно сказаться на состоянии земельного фонда и производственной специализации крупных районов. В первую очередь это касается таких высокотоварных культур как пшеница и рис, имеющих особую ценность для страны. В результате нештатного температурного режима вообще может разрушиться вся продовольственная цепочка.

Один из крупных египетских авторитетов в области экологии полагает, что в стране не учитывают в полной мере важный для сельского хозяйства фактор. Он восходит к коптскому периоду и связан с жесткой системой синхронизации полива с тепловым максимумом, который веками достигает пика раз в году. Ныне же подобное происходит 5-6 раз в год и серьезно влияет на состояние культур, особенно в периоды цветения и завязи. Кроме того, регистрируется рост числа и продолжительности пылевых бурь, которые вкуче с другими явлениями делают окружающую среду менее пригодной для хозяйственной деятельности (2; 6.02.2008).

Тепловой эффект может реально повредить побережье и коралловые рифы. В результате может пострадать туризм, доходы от которого существенно пополняют бюджет (до 4 млрд.долл. ежегодно).

Египет, по мнению национальных специалистов, также может стать первым арабским государством, в котором повышение температуры окружающей среды способно в массовом порядке повлиять на качество людских ресурсов. Это явление может распространиться примерно на 8% населения.

Последствия могут затронуть и лесное богатство, которое должно быть в изменившейся окружающей среде исключительно важным ресурсом для поддержания природного биохимического обмена и средством пополнения запасов кислорода в условиях ухудшения окружающей среды. В свете этого площадь древесных насаждений в Египте должна быть увеличена, как минимум, на 25%, чтобы противостоять повышению содержания двуокиси углерода в атмосфере как субстанции, увеличивающей температуру Земли и ее воздушной оболочки (1; 26.07.2007).

Между тем, по местным данным, доля Египта в выбросах тепловых газов не превышает 0,57% совокупного мирового объема, и его вклад в ухудшение мировой атмосферы сообразуется с этой цифрой.

И все-таки, по мнению местных экологов, у Египта «нет условий для урегулирования проблемы, что чревато ущербом, который может измеряться 6% ВВП в год, или 12 млрд.его.ф. Этот показатель чрезвычайно высок, и по этой причине Египет рассматривается как первая страна в арабском регионе и третья после Бангладеш и Вьетнама в мире, которая не сможет самостоятельно компенсировать этот ущерб... и будет вынуждена обращаться к помощи развитых государств...» (2; 6.02.2008).

В преддверии возможных разрушительных изменений, экономических потерь и возникновения эффекта неуправляемости масс в условиях нарастающего ухудшения экологических параметров государство в Египте обращает пристальное внимание на роль экологического менеджмента в противостоянии природным катастрофам. Образован Центр управления кризисными ситуациями при Совмине. Большими полномочиями наделен Высший министерский комитет управления природными кризисами, еще одним звеном в этой системе стали Национальный комитет как орган, координирующий и планирующий действия на случай стихийных бедствий в масштабах всей страны и другие структуры.

Очевидно, однако, что техно-экономические и организационные механизмы контроля за природоохранной деятельностью не лишены недостатков, свойственных бюрократизированному государственному аппарату. Это вызывает волну критики со стороны граждански настроенной части интеллектуальной элиты, имеющей отношение к экологической тематике. В Египте ныне группируются силы, которые считают необходимым расширять исследования природоохранной сферы на научной основе. Они требуют адекватных мер для решения экологических задач. Особенно это касается сни-

жения уровня выбросов теплообразующих газов, экологической адаптации действующих предприятий во всем их спектре к потребностям экосферы, создания зеленых объектов в качестве важного условия улучшения среды обитания. Эти требования неслучайны. За истекшие пять лет в ходе реализации несельскохозяйственных проектов и строительства промышленных и жилых объектов, по некоторым подсчетам, уничтожены более 1 млн. плодоносящих финиковых пальм, т.е. почти половина их качественного фонда в Египте.

На примере Египта видно, что экологическая проблематика важна не только сама по себе. Она становится своего рода системным элементом современной общественно-политической жизни и способна выводить на более широкий круг вопросов, актуальных для египетского государства и общества. Охрана природы и защита биоресурсов от насилия со стороны людского сообщества по существу создают новый вектор в политическом развитии Египта. Об этом можно судить по активности нарождающегося зеленого спектра египетского политического класса во внутренней жизни страны. В связи с этим урегулирование отношений в системе человек-природа постепенно связывается с необходимостью расширения гражданских свобод, права на выражение мыслей и с собиранием демократических сил, группирующихся вокруг проблемы сохранения окружающего пространства. Как результат, в Египте стали обретать осязаемость гражданская активность и неправительственные организации, получившие импульс к развитию именно на почве движения за чистую экологию.

Однако роль этих структур в современном Египте, по оценкам местной экспертизы, крайне невелика. Они находятся на начальной стадии развития, не являются представительными и не имеют достаточного влияния, чтобы играть самостоятельную роль на эколого-политической сцене (2; 6.02.2008). Но их появление явно может свидетельствовать о возникновении нового для Египта и других арабских стран процесса, который связан с политизацией природоохранной деятельности. Даже пребывая, по сути, в стадии зарождения, они пытаются апеллировать к общественному мнению, входят в разные государственные органы, создают беспокоящий фон вокруг природоохранной темы. Это важно, особенно в условиях нарастания опасных экологических изменений. И это – хотя бы небольшая возможность придать проблеме общественное звучание при в общем индифферентном отношении к ней со стороны населения.

По существу, ныне видно, как экология становится стержнем, вокруг которого возникает некая политическая динамика, соби-

раются последователи зеленой идеи, из чего может сложиться прообраз гражданского общества, а из равнодушных представителей разных слоев населения произрастают группы экологического действия. Объектом своего внимания они видят дефекты природоохранной практики, недостатки экологической политики государства и общественную экспертизу принимаемых мер. Одновременно получение доступа самостоятельных экологов к СМИ свидетельствует и о лояльности правящего режима к неформальным группам, его готовности прислушиваться к мнению неофициальных специалистов, допускать либеральные силы к обсуждению вопросов, имеющих большое общественное и политическое звучание.

По своим природно-географическим характеристикам Египет является практически единственной в арабском мире страной, где экологические угрозы и вызовы приобрели наиболее драматическое звучание и претендуют на то, чтобы возглавить список национальных проблем. Очевидно также, что Египет, в силу гигантской численности населения и ограниченности жизненного пространства, ныне являет собою самое слабое звено по экологическим и ресурсным показателям на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Будучи известной, нынешняя экономическая, политическая и социальная ситуация в этой стране не дает больших оснований для оптимизма и не сулит легких решений. Фактически любые шаги власти на поле противостояния экологическим вызовам могут быть признаны недостаточными. Поиск же средств смягчения ситуации затруднен тем, что ни в мире, ни, тем более, в Египте нет свободных средств для нейтрализации колоссальных природоохранных проблем, которые стоят перед страной.

Единственная возможность ослабить напряженность в природоохранной сфере заключается, видимо, в том, чтобы сократить сроки перехода к индустриальной системе производительных сил и проявить политическую волю для выдавливания ресурсозатратных технологий, если естественный процесс окажется для этого недостаточно эффективным. Достижение же такого результата в Египте остается пока отдаленной перспективой, но возвращение этой страны к равновесию в отношениях между человеком и природой остается главным залогом сохранения ее жизнеспособности.

1. «Аль-Ахрам».
2. «Ад-Дустур».
3. «Аль-мысрий аль-яум».